

**ДЭЙВ
МАКАРА**

ХОЛОД

2017

Вначале было слово. Так было всегда, прежде всех кур, яиц и прочих динозавров. Он — всего-навсего не вовремя вошел в лифт. И мир перевернулся, даруя нечто новое. Это не перекрой истории или попаданчество. Это другая ветвь. Но и в ней не все так просто! На мой, теперешний взгляд — произведение получилось простеньким и незатейливым. Приятного прочтения!

Макара Дэйв

Холод

Холод

Моё мнение отличается от общепринятого,
что не может меня не радовать!

Гостиница "Казахстан".

Самое высокое здание в прекрасном городе Алма-Ата, пока она не стала обезличенным и ничего не значащим городом Алматы.

Золотая корона, видимая издалека и ясно различимая с самолета, идущего на посадку.

Вид сверху — закачаешься!

Даже сам "Лорд..." помянул ее в своих записках, снизошел, так сказать, пока не убежал в пыль и суету Москвы, за деньгами, славой и новыми сюжетами.

Аккуратные скверики, шумящие арыки, наполненные водой бегущей с гор, прохлада, тень и...

Ни единого живого человека!

Природа отвоевала свое.

Сколько могла, она давала человечеству второй, третий, десятый, шанс.

Надоело и ей.

— ... Впору вывешивать объявление: "Сдаётся внаём"! — Хохотнула фигура в обтягивающем трико и рыжей гривой волос, собранной в "конский хвост".

— Даже не смешно! — Возразил ему брюнэт. — Да и плагиат, это! Отсылка к сэру Конан Дойлю.

На месте центрального возвышения, на крыше гостиницы "Казахстан", с удобствами устроилась парочка очень даже впечатляющих личностей.

Не менее впечатляющими были и стол, и стулья: два брезентовых, "рыбачьих", кресла, с широкими подлокотниками и миниатюрными откидными столиками, на которых сейчас стояло, у каждого, по кружке темно-коричневого пива.

Налитого, между прочим, из бочки, что использовалась ими вместо стола.

— Еще по рыбке? — Рыжий протянул своему собеседнику высушенный "рыбешкин" трупик, покрытый кристалликами соли. — Ну, как знаешь...

Пиво в кружке стремительно убывало.

Природа бывшей столицы, словно подыгрывала сидящим на свежем воздухе людям — сверху пекло, а свежий ветерок приятно обдувал разгоряченные выпивкой и солнцем, лица.

— Слушай... Может быть, дадим, еще, шанс? Тор! Тор! Хватит жрать! Не фиг делать из закуски — хавчик!

— Зануда ты, Вой! — Тор печально вздохнул. — А смысл? Ну, вот ради чего или кого, делать такой подарок?

Оба бога замерли, внимательно наблюдая друг за другом, вглядываясь в глаза сидящего напротив человека.

Впрочем — человека ли?

Не первое и не последнее, тысячелетие, знали эти двое, друг друга.

И если родословная Тора, зашкаливала, то Вой...

Совсем не далеко, всего в 1000 км или чуть больше (по меркам божественных существ, что такое, эти самые жалкие — тысяча сто километров?), началась история Воя.

Где-то там, за окнами четвертого этажа, из-под пера симпатичной девушки, выскользнул на страницу этот молодой брюнет.

Выскочил.

И вырвался на волю, обрета свое Я!

С кончика пера, волею своей создательницы, ее фантазии и веры — пошел он, гулять по мирам.

Сперва — только по ее — бумажным.

А теперь, уж простившись со всем родом человеческим — по всем, до которых смог дотянуться, придумать и воссоздать.

От своей создательницы, достался Вою самый лучший опыт.

Очередной порыв ветра, разметал благостную иллюзию, оставляя разрушения, разросшиеся деревья и звериные рыки.

Дары своей создательницы, Вой использовал с толком — обзавелся связями. Прописался в паре летописей.

Дважды — менял имена, но остался тем же самым брюнетом, что и в первых строках, той Самой книги.

Уж нет и Алматы и Москвы.

Сгинул — Пекин.

Ушел — на дно океаническое — Лондон.

От людей — жалкие остатки, что забыли и речь, и разум.

А эти два Бога, все так же собираются выпить пива и почесать языки.

— Ради чего? — Вой вынул пробку и долил пива. — Просто так. Вопреки, всему.

— Идет! — Тор грохнул доньшком своей кружки, по бочке. — Пари! Берем, любого! И даем ему шанс...

— Трижды! — Вой поспешил вклиниться в речь своего собутыльника.

Мойры, они же Норны, старые кошелки, к пари Богов относились, мягко говоря, с предубеждением, старательно пакостя по мелочам.

И не по мелочам — тоже!

— Трижды. — Согласился рыжий, уже с трудом ворочая языком. — Даем ему шанс, трижды проявить себя — в разных ситуациях!

— Оставляя право вмешаться в его действия — корректируя их! — Влез Вой.

— Э-э-э-э, нет! Так дело не пойдет! — Тор, хоть и пьян, "как фортепьян", а этот вопль сразу отмел. — Нет уж! Наше право только сунуть его в мясорубку, а вот как он выберется — это уже нас не касается! Только — наблюдаем!

Мир вокруг богов сыграл сумасшедшую смену времен года, восходов и закатов, сменил белоснежные облака на сизое облако выхлопного газа и снова на белизну и синеву.

— Если он — своим действием или бездействием — сможет нас удивить...

— Оставим этот мир в покое! — Закончил за рыжего Бога, Вой. — Пусть, живут... Как смогут сами!

— Годится! — Тор достал из-под кресла свой молот и махнул им. — Все! Забились!

И опустил молот на бочку, разбивая ее и разбрызгивая драгоценную влагу.

— Скотина, ты... — Грустно констатировал Вой, вытирая лицо и отряхивая одежду. —

Пиво то, на фига?!

Щелкнул пускатель и лифт под ними замер. Пахнуло паленой проводкой.

— Да... Твою же...! — Обреченно раздался голос молодого парня. — Полюбовался, видами! Ну, Лукьяненко! Ну, "Лорд..."

— О! А вот и "любой"! — Подмигнул совершенно трезвый Тор. — Пошла, волна!

— Скорее — "попало нечто в вентилятор"! — Покачал головой Вой. — Ну, он то, Как, здесь очутился?!

Холод, жуткий холод во всем теле.

Что это? Просто холод? Или странная сила дает знать о своем присутствии?

В холодном отражении полузамерзшей лужи отражается — неизвестно что...

Холодные осенние сумерки, ползающие тени огромных зданий, старого, давно заброшенного города.

И визг. Мрачный визг. И скрежет.

Как же мне хочется скрыться от этого тупого и мрачного визга давно не смазанных петель...

Только — скрип этот — в голове и он непрерывно, словно заевшая пластинка, пилит по мозгам.

"Скрип. Скрип. Скрип. Вз-з-з-зи-у!"

День.

Хочется обычного, светлого дня.

Такого, каких у меня было полным-полно, там — в прошлом.

Многое у меня было в прошлом.

А сейчас — вот только эти серые сумерки, от которых нельзя сбежать и скрип, который нельзя заткнуть.

Все нормально — это и есть моя боль и моё счастье.

Такой уж это подарок...

По темным аллеям метались заполошенные собаки, одуревшие от свободы и раздолья. Их хозяева, кто — самодовольно, а кто и с неприкрытой гордостью, наблюдали за своими любимцами и любимицами, многозначительно помахивая поводками, мол, бегайте, пока можно!

От этой ночи никто не ждал чудес.

Никаких, чудес.

Она была такой же уже миллиарды раз, пока крутится наша планета, вокруг своей теплой Звездочки.

Все, как всегда:

Где-то на востоке — снова отчаянно резались за нефть.

На севере — доживала свой не длинный век, по меркам истории, разумеется — полуразвалившаяся империя толи зла, толи — человеческой глупости.

На западе — боролись за все и со всеми.

А на юге — шел дождь.

Тысячекилометровое зарево, осветившее горизонт этого города, не было ядерной бомбой, прилетевшей с запада или востока. Не было оно следом от лесного пожара и даже — не впившимся в землю метеоритом.

Ничем таким оно не было.

Просто, именно так начинался новый день.

День, который разделил человечество на две, далеко не равные, части.

В утреннем автобусе, среди спешащих на работу людей, четко выделялась эти двое — они были заняты только друг другом. Они любовались собой, бросая, время от времени, быстрые взгляды по сторонам, жадно целовались.

У молодого человека, на коленях, стояла красавица — гитара, на плечи девушки небрежно наброшена его куртка.

Эта парочка явно возвращалась с одной из тех вечеринок, что продолжаются несколько дней, пока у гуляк не кончатся взятые с собой деньги. Парочка, чуть презрительно, смотрела на окружающую их толпу, росшую, после каждой остановки.

— Нет, что не говори — посидели душевно! — Констатировал молодой человек. — Жаль, не все дошли...

— Ай, это уже его проблема! Звали? Звали! И вообще — с глаз долой — из сердца вон! Ты вспомни, как он отреагировал: "Нет времени... Командировки!" На Неё — у него время есть, а на друзей — нет! Ну и хай, с ним! — Девушка недовольно дернула плечиком, прильнула поближе к своему возлюбленному и что-то мурлыкнула ему на ухо, нежно куснув при этом.

"Ну, спасибо! "Друзья", называются..." — Парень, ехавший всю дорогу позади парочки, вылетел из автобуса, как ужаленный. — "Ладушки, господа бывшие друзья, это Вам не песика злить — сами знаете, что будет..."

Яркий летний денек сразу поблек, стал серым и злым. Словно весь мир ополчился на незадачливого молодого человека, всего то и делов, что проехавшего пару остановок позади старых знакомых.

Плюхнувшись на скамейку, в маленьком скверике, на прострел ведущем к пешеходному мосту, через мелеющую с каждым годом речушку, он как-то весь сник, словно не ожидал услышать о себе подобной... И вроде — ничего и не сказали, но интонации, манера...

— Всё. Приехали... — Окурок полетел в урну, а молодой человек — на работу.

— Опят в опоздалове?

— Ну, нечто вроде...

— Что сегодня?

— Друзья.

Недокуренная сигарета исчезла с приближением начальства.

— Все курите? Ну и ладно... Значит так: сегодня Вы по клиентам, так что проверяйте "аварийки" и "сидюки" и, кстати, кто в прошлый раз "стукачам" чиха кинул?! — Вопрос повис в воздухе.

— Запомните — это не есть хорошо!

— Запомним — это будем есть плохо... — Давешний пассажир автобуса подкурил сигарету. В его серо-зеленых глазах светилось детское желание позлить и еще... Что-то... Его беспокоило смутное чувство опасности, пока отдаленной, но неотвратимой.

Странный осадок, оставшийся от услышанного, словно нажал на кнопку интуиции.

Нажал.

Но — слабо.

— Блин! Не кури здесь!

— Хорошо. — Свет в глазах исчез, оставив после себя подобие деловой улыбки и ядовитый туман усталости. Высокая фигура шефа исчезла в проеме двери.

— Напарник, у тебя — что?

— "Стукачи", как всегда.

— Хочешь, "формат", без уведомления? Сам сделал!

— Пошли, посмотришь, — улыбнулся зеленоглазый, увлекая своего напарника к рабочему месту.

Из ящика стола, запертого на ключ, он извлек потертую, сбитую на углах коробку из-под CD — дисков, окрашенную в черный цвет, с белой черепушкой с двумя косточками, под ней и надписью: "Тронешь — убью! Сайд."

— Погоди, что написано? — Напарник остановил его, перехватывая компакт.

— "Я предупреждал..."

— И, что на диске?

— Сейчас увидишь... — Широко улыбнулся парень.

Привод разогнал диск и на экране тревожно замигал огонек антивирусной программы.

— Отвали, "свинорез"! — Чертыхнулся зеленоглазый. — Сам в курсах!

Отключив защиту, он вывалился в синюю таблицу "некромансер DN-а".

— Вот теперь смотри — модуль так делал?

— Скотина! Да ведь у тебя тут Такое валяется — за год не отмоешься! — Ловкие пальцы программиста бегали по директориям, глаза блестели двумя драгоценными камнями.

Комнатушка пять на десять метров, "намертво" прокуренная, уставленная стеллажами и украшенная прибитыми к стенам, в качестве украшения, материнками DX — 484, от "техасских друзей" — сколько секретов могла бы она поведать!

— Диск я записал за три дня, до "Конвенции Запрещения".

— "СIN-Sen", "Осенние листья", "FL", "TUZ", "Приветики"... Бли-и-и-ин! Вау "Чернобыль"!

— Стой! — Пискнул зеленоглазый, но было поздно.

Экран офисного компа мигнул, уходя в перезагрузку и выбросил надпись, бессмертную, по своей подлой сути: "Disk boot failure, insert the disk and replace...".

— Всё. "Гавкнул, Бобик"! Вот тебе и "новейшая операционная система, с дружественным интерфейсом и встроенным антивирусом!"

— Который я — отключил, между прочим. — Зеленоглазый широко улыбнулся. — Дурная голова ожесточенно бьет по жопе, но клюва заменить не может!

— Ну и... Фразочки у тебя, Сайд! Хоть сейчас — в издательство неси!

— Ага. А дистри — бардовым тазом навернулись... — Вернул на грешную землю своего восхищенного сероглазого напарника, Сайд.

— А-а-а-а нас — орда! Зато — открытие! — старые вирусы, чудесно жрут новейшие ОС!

— Голодные, однако! — Напарники переглянулись и полезли за сигаретами, опустив свои пятые точки в офисные стулья.

Пепельницы, от элитного производителя — "Нескафе классик", с коричневой крышкой — оказались откупорены с завидной синхронностью, и в них полетел первый столбик табачного пепла.

— Что делать будем? Восстанавливать? — Сероглазый с наслаждением запуская сизые колечки под потолок.

— Нафиг. — Отмахнулся Сайд. — Ден, вчера себе копировал. У него и возьмем. А нет — копия наверняка есть у Стаса. Ну, а если нет и у него — пойду, "паду в ножки" Доку. Не беда, Вад — запасы всегда есть!

— Тогда — пошли, работу — работать? Кстати, тебе что досталось?

— "Стукачи" и "Биоинститут человека", на "поганке". — Сайд с интересом изучал адрес и краткое ТЗ. — Сеть, чистка железа и обновление ПО. В общем — часа три. Спорим управлюсь быстрее тебя?

— У меня — заправка, три частника и снова — сеть, у "бастыкохранилища"... — Вад замер, прикидывая дела. — Идет! Проигравший ставит минералку!

— И — сигареты!

Закинув на плечи лямки своих "дежурных" сумок, напарники разошлись в разные стороны.

"Стукачами", они с Вадом прозвали машбюро при одном из издательств.

Работали здесь исключительно одни женщины, не молодые и перешедшие на компьютеры сразу с пишущих машинок. Так что клавиатуры, по которым привычно долбили стальные пальчики закаленных годами работы на "Ятранях" машинисток, летели с периодичностью раз в две недели, а учитывая попустительство всеобщего баловня — главного программиста Евгения, вирусным атакам не было видно конца, ну а дисководы, с засунутыми туда бумажками уже казались чем-то совершенно обычным и не вызывали ни малейшего удивления.

Намного хуже было с сетью и подачей электроэнергии — двенадцатиэтажка, построенная во времена "Ломки Обязательств", страдала от текущей по стенам — во время дождя — воды, со всеразъедающим раствором, отвратительной проводкой, коротящей и вонючей. Сетью, протянутой редким... Аутистом...

Женя встретил "компьютерщика" с грустной улыбкой и шоколадкой.

— Что, Женечка... Говорил я тебе — не вырубай Weber-a! Словил — Cih-Sen-a?!

— Ладно, тебе, Сайд... Ну, с кем не бывает...

— Со всеми. — Признался Сайд, входя в лифт. — Только с тобой — чаще всего!

— А кто у нас инфу потер? — Начал припоминать "гений от клавиатуры", точнее — просто "гений клавиатуры", входя в лифт и нажимая кнопку десятого этажа.

Створки лифта закрылись, отрезая их от мира.

— Я потер — я и вернул! — Сайд, пристально наблюдал за меняющимися цифрами на панели и вздрогнул, едва не подпрыгнув, от звучного щелчка отщелкнувшейся кнопки.

— Через две недели и громкие маты! — Женечка отлично знал, что разговаривать хоть о чем-нибудь, в лифте, с Сайдом — бесполезно.

— Бывает... — Грустно согласился Сайд. Эта история стоила ему пару седых волос в черной, как смоль, шевелюре. — Что на сегодня?

— БИОС, на трех машинах и система — на них же...

Проведя новомодной электронной карточкой, Женя запустил системотехника в "машинный зал", уставленный длинным рядом техники.

От стен тянуло сыростью и изрядно пованивало проводкой. Всё, как обычно.

Два с половиной часа, убитых на непослушные железки, поставили Сайда не просто в тупик — загнали в угол, не хуже крысы.

Не желала операционка, ни сноситься, ни — ставиться, Собака Серая!

Договорившись, что Женя привезет все три системника в контору — ближе к вечеру, когда бастык даст свою "Волгу", на нужды народа, Сайд, скрепя сердце загрузился в лифт и отбыл по второму вызову — "капризное" железо надо "облизывать" неторопливо и вдумчиво, а работа наспех — курам на смех!

Институт встретил Сайда с прохладцей.

Дальняя дорога не добавила зеленоглазому хорошего настроения. Скорее — просто сорвала стоп — кран, который оказался совершенно бесполезен: тормозные "башмаки", "колодки" и "упоры" сорвало наглухо и теперь Сайда мотыляло, как вагон, что вот-вот сойдет с рельсов.

Холодную встречу, устроенную в вестибюле Института, легко объяснял тот факт, что вот уже несколько компьютерных контор "Золотого стандарта", с треском вышли в аут, оставив после себя очень не лестные отзывы.

— Документы. — Хмуро потребовал охранник в солидном сером костюме — никакого камуфляжа — и блеснул браслетом, со встроенным коммуникатором. — Второй этаж. Можете пройти.

— Сумку досматривать не будете? — Удивился Сайд. — А вдруг...

Взгляд, брошенный охранником, заставил парня заткнуться — в самом что ни на есть прямом смысле этого слова.

Проглотив весь свой сарказм, парень шагнул через вертушку и пошел по коридору, в сторону, указанную охранником.

— Глядишь... И не гостем, будешь... — Охранник улыбнулся, провожая взглядом фигуру, завернувшую на лестничную площадку.

На втором этаже, у кабинета с табличкой "Техники", Сайду пришлось "помариноваться" — на стук никто не отвечал, а дверь оказалась заперта.

Уже собираясь уходить — терпение никогда не было его благодетелью — Сайд подошел к окну и замер, придерживая отваливающуюся челюсть.

За окном, пылало поле маков!

В конце июля!

Хлопнувшая дверь, отвлекла его от подобного чуда.

Снова постучав в коричневую дверь, обклеенную под дерево и дождавшись хриплого рыка: "Чего надо?", парень вошел.

— Ты кто? — Опешил мужчина в белом, лабораторном халате. — Лаборант?

— Системотехник. — Зеленоглазый, уловив непонимание во взгляде, со вздохом поправился. — Компьютерщик.

— Ага. А ко мне — чего?

— Куда послали — туда и пришел! — Вспылил Сайд. — Могу, уйти...

Мужчина, с пониманием, улыбнулся в ответ, развернулся на своем крутящемся стуле и снял трубку с внутреннего телефона.

Пока он перепирался и перенабирал номера, не предложив сесть, Сайд рассматривал

комнату и ее владельца.

Комната, метров пятнадцать, квадратных.

Бетонный пол, без единого намека на украшения. Стены, покрашенные в два цвета — до пояса — салатные, выше — белые. Пара деревянных шкафов, со стеклянными дверцами, за которыми притаились пара микроскопов и здоровенный, 19-ти дюймовый монитор, щеголяющий дырой в экране.

Лампы дневного освещения, погашенные по причине светлого времени суток, заросли пылью, словно их давно никто не менял.

Сделав шаг к двери, Сайд сделал вид, что оперся на стенку, "совершенно случайно" щелкнув по выключателю, ладонью.

Лампы остались безмолвны.

— Ага. Не туда, тебя послали! — Хохотнул мужчина. — Сейчас, перепошлю... Значит так, пройдешь по коридору — влево, до упора. Спустишься по лестнице, пройдешь через гараж и выйдешь в ворота. Там, тропинка, не промахнешься. По ней, до одноэтажного, красного домика. Кабинет номер 113.

Сайд, видя, что внимания на него больше не обращают, попрощался и вышел в коридор.

Спустившись по лестнице, прошел через глухие ворота, без калитки — пришлось толкать створку, что есть сил и оказался на бетонной дорожке, обсаженной довольно редкими для их климата цветами.

Дорожка вела его вглубь территории Института, мимо одно-, двух — этажных домиков, по-видимому, лабораторий, увитых лозами дикого винограда вперемешку с шипастыми, мелкими, розами.

"Не хотелось бы мне здесь работать". — Подумал он и попытался сойти с тропинки, чтобы сократить дорогу.

— Настоятельно не рекомендую Вам этого делать! — Остановила его высокая, полноватая, пожилая женщина, словно "чертик из табакерки", выскочившая из-за угла здания. — Не надо, поверьте мне, молодой человек!

Тон, которым было все сказано — ласковый-ласковый. Так люди не разговаривают.

Точнее, разговаривают — с капризными детьми и слабоумными.

— Что-то не так? Трава — дорогая? — Сайд расплылся в улыбке.

— Молодой человек... Вы, когда-нибудь, видели жалохвоста? — Женщина, словно соскучившись по собеседнику, замерла, ожидая ответа.

— Бог миловал.

— Очень редкий цветок. Растет — преимущественно — в Южной Америке, но, вот прижился и у нас, здесь. На зиму — умирает. По весне — охотится за мелочью. Летом — за тем, что покрупнее. Вроде вот таких разинь, как Вы!

— Очень мило...

— Просто, будьте осторожней. Вам еще жить да жить. Возможно... — Женщина, с чувством выполненного долга, прошла мимо него, обдав запахом "пятой шинели".

— "Веселый институтик!" — Оскалу на лице Сайда мог позавидовать и пресловутый череп.

Основной корпус Биоинститута Человека, оказался одноэтажным, кирпичным домиком, с застекленной мансардой. Увитым плющом. Или еще какой-нибудь дрянью, типа жалохвоста.

"Интересно, есть хоть один человек, узнавший, что такое — "жалохвост"?" — Толкнув

обитую черным кожаным дверью, Сайд вошел в кабинет "Нумер 113"...

...Быстро сгущающиеся сумерки, мерзкая, мелкая морось дождя — все говорило не о надвигающейся непогоде, а о надвигающейся хандре, за которой только пустые глаза, жуткая — почти физическая — боль души и одиночество, бежать от которого просто некуда.

Такое настроение надо гнать. Гнать — сразу. Давить, в зародыше — иначе будет поздно.

Вад и Сайд хмуро курили перед входом в контору, с удобством расположившись на вытащенных стульях. Сигареты описывали огненные дуги, трещали от влаги. Сизый табачный дым вылетал из-под козырька и исчезал прибитый каплями дождя.

— Как "Стукачи"?

— Очень даже интересно. Не СИН это. И не СИН-Sen — однозначно.

— "Мутация"?

— На пне — четыре?! — Удивлению Сайда не было границ. — Сам знаешь, нужен "Трилий" или "Фалкон". Прогнать! А у их Женечки... Web и то — наш!

— А по домам?

— Наши компы. Знаю их, как облупленных. Они даже "виртушку", средненькую, не потянут!

— Остается — сеть! — Констатировал Вад.

— Ага. Без модемов?! Либо дискета, либо — компакт!

— При вшитой программе обнаружения ИИ?! — Вад вздохнул. — Сам знаешь, с ЭТИМ у производителей строго.

— Остается предполагать, что Некто, припер IDE винт и с него — что-то открыли... — Сайд помассировал виски, встал со стула и с хрустом, потянулся. — Слушай... Накидай-ка, программку... Сдвинем все на один байт... Сделаешь?

Вад, на "лету" понял, что задумал Сайд — два года работы локоть к локтю, уже давно научил его понимать своего зеленоглазого напарника, не с полуслова, даже. С полувзгляда!

— Идет. А ты — идешь за сигаретами!

Едва напарнички внесли стулья в офис, как проснулся "городской" телефон.

— Привет! Как дела? — Голос Дена, уже уставшего от дневных звонков по делам и просто так, от беготни и хлопот, слегка хрипел в стареньком "сименсе".

— Никак. — Признался Сайд, со вздохом. — Нам грозит геморрой и половой акт — на пару суток.

— "БИОС" обнуляли? Батарейку, сдергивали? — Вот чего не отнимешь у шефа. Спец.

— И даже "лапки" коротили...

— Перешивать, пробовали?

— Команда блокируется. Девайс — отсыхает. Проще — по жесткому. Выдернуть и на программатор!

— Не годится. — "Отрубил" шеф.

— Знаю. Гоняем варианты. — Огрызнулся Сайд. — И, что самое интересное... Снимаешь, устройство. Ставишь — новое. Его не видит "мать"... Возвращаешь — вуаля! — вот и я!

— Привязка к железу? — Удивился шеф. — Какой хитрый малшик...

— Во-во. Жутко хитрый.

— По "Институту", как дела?

— Апгрейд пяти штук. В дальнейшем — еще два десятка, если сработаемся. — Сайд

уселся на стол, под негодующие взгляды Вада и потянулся к сигаретам.

— И, что на что? — Шеф мгновенно оживился, чувствуя прибыль.

— Самый низкопробный — "пентиум трентиум", на "Ратника". Или "Витязя".

От громкого свиста, раздавшегося в трубке, Сайд поморщился.

— А вообще... Желательно — помощнее. Например — "Волхва". — Добил шефа Сайд держа трубку на отлете.

— Один апдейт на семь — восемь, штук, "не наших"! — Быстро подсчитал Ден.

— Считай: десять-двенадцать. — Поправил его Сайд. — "Конфиги" у тебя на рабочем столе.

— А они — потянут?

— Охрана в кевларовых костюмах — тройках. В "альфа" — кевларовых. Оружие — Твои любимые АПС, "мускульный выброс". Бухгалтерия оперирует семи, восьмизначными числами, причем уже давно. Валютный счет. Большого узнать не смог, времени маловато оставалось.

Шеф, хорошо знавший привычку своего работника лазить по документам, помноженную на тренированную память и внимательность, даже не стал спрашивать, точны ли сведения.

— Блин, как ты все успеваешь?! — В который раз удивился Вад, прислушивавшийся к разговору.

— Просто привычка знать, как можно больше. В просторечии — "любопытство". — Сайд размашистым жестом, вышвырнул окурок за дверь, впервые попав в урну и поежился — предстояло идти за сигаретами, под дождем.

Хлюпая кроссовками по лужам и скользкой траве, он задумчиво перебирал цепочку сегодняшних событий: "друзья" в автобусе. "Стукачи" с гнилым железом и еще более "гнилыми", отмазками. Институт, проросший, словно гриб после дождя, на ровном месте.

Все по отдельности — как-то уж просто... А вместе — не соотносимо.

Накинув на голову капюшон, поеживаясь, от налетевшего прохладного ветерка и морщась, от попадающих капель дождя, на нос, Сайд шагал к магазину, мысленно сводя концы с концами.

"Мыслим логически, ибо "Бритву" не обманешь. "Друзья" — тут ничего не попишешь — случай случаев. Да и пора было уже завязывать этот мешок. Раз уж я — "голова" — тогда буду гнить! "Стукачи"... Еще проще! С увольнением старого начальника отдела ВЦ, все пошло враздрызг. Это — тоже — нормально. "Институт"... — Парень замер и потянулся за сигаретами.

Рука наткнулась на девственную чистоту и пустоту кармана, напоминая, куда именно он идет.

Сайд, чертыхнувшись, развернулся и пошагал к крыльцу продуктового магазина.

Перед его глазами, появились компьютеры, в тех помещениях Института, куда его пустили.

Они были новенькие, с иголки. А на торцах — фирменные стикеры трех крупнейших контор, по продаже "железа". Судя по надписям и отсутствию пыли — стоит это железо не более трех, четырех месяцев. Толку менять, не успевшую окупить себя, технику? Или — Окупившую? Или — изменились цели? "Хозяева" стали больше давать на жизнь?

— Настенька! Пачку сигарет... Или — лучше — блок и еды, куснуть... — Сайд, в своих раздумьях, даже не заметил, как подошла его очередь.

— Что, опять, допоздна?! — Черноволосая, кареглазая продавщица и, по совместительству — тезка названию магазина — хорошо знала своих клиентов и специфику их работы.

Запищавшая мобила, заставила подпрыгнуть сразу троих: охранника — хватаясь за кобуру; продавщицу — за сердце и самого Сайда — за черный чехол на поясе.

— Да! — Рыкнул в трубку Сайд.

— Ты где пропал? Давай сюда! — Голос Вада звучал более чем взволнованно. — Я, запустил прогу! Она не пошла и я...

— Погодь. Сейчас буду.

Подхватив пакет с едой, он стремительно выскочил из магазина, едва не сбив с ног симпатичную молодую девушку и представительного мужчину, с золотым перстнем и влюбленными глазами, что галантно придерживал для девушки дверь.

— Хам! — Вырвалось у девушки.

Сайд замер и сорвался.

— Девонька! По этикету, который надо знать! Между прочим — сперва пропускают Выходящих! Дабы не создавать толчеи и пробок, на выходе. Если Вы уверены в своей неотразимости и манерах, то вот я уверен в вашей невежественности.

Рука с перстнем, сжатая в кулак, попыталась дотянуться до челюсти Сайда, но... Когда не судьба — тогда не судьба.

Распахнувшаяся дверь, прилась ручкой точно в ребра мужчине.

Охнув, представительный мужчина скривился от боли и пропустил удар "полторашкой" снизу, в челюсть.

Убрав минералку обратно в пакет, зеленоглазый довольно хмыкнул и, подмигнув девушке, скрылся за углом магазина.

В "конуре" его ждал сюрприз — на синем фоне AWARD БИОС-а, светилась темно-зеленая табличка: "ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ:"

— Ты, как это сделал?

— Модуль не прошел. А в "Dos-e" он выплюнул вот это!

— Но это "БИОС"!

— Ага!

Электронные часы, на руке Владимира Андреевича Дяконова или попросту — Вада, пропищали шесть вечера — конец рабочего дня.

— Вад, ты домой идешь? Кстати, вот сигареты и кофе.

— Задержусь, — решил сероглазый, ловко распечатывая блок и выуживая пачку. — Чего уж там.

Через пару часов, сигаретный дым плотно забил все полста квадратных метров, вытеснив жалкие остатки кислорода и окрасив атмосферу в серебристо-сизую, с белыми облачками.

— Нет. Это — не нормально! — Разозлился Сайд. — Всё, хорош. Пошли по домам, Вад.

— Доступа — нет. Девайсы —дохнут. "Крякалка" —дохнет. — Вад забросил пустую пачку в коробку для мусора.

— "Крякалка"дохнет из-за того, что пароль на спецсимволах. Или — длинный. Завтра устрою "допрос" у "стукачей"... — Включив вытяжку, он вышел следом за напарником в офис и плюхнулся на диван — "мечту растлителя и соблазнителя"

Вад щелкнул кнопкой чайника и ожесточенно почесал затылок.

— Ненавижу: ждать, догонять и целовать закрытые двери! — Эмоциональную тираду оборвал звонок офисного телефона.

— Фирма "Полиномиал", добрый вечер. — Привычно подхватил трубку Вад. — Да. Он — здесь.

Передав синюю переносную трубку, для верности уже прихваченную синей — же изолентой — в двух местах, Вад замер, превратившись в слух.

— Да, говорите! — Сайд не отличался особыми изысками в общении по телефону и его коронная фраза приводила в замешательство очень многих. — Да, Виталий Борисович, я Вас узнал. Проблемы?

Глядя на улыбку, играющую на губах напарника, Вад укоризненно покачал головой.

— Сервер... Сервер — дело серьезное. К восьми утра буду... — В глазах Сайда мелькнула смешинка. — Ну, если пришлете машину — тогда буду ждать.

— Опять? На ночь глядя? К Клиенту? — Подковырнул его Вад.

Сайд достал пачку сигарет, снял защитную пленку и пристально глядя на табличку "Извините, у нас не курят!", закурил, пуская в потолок колечки дыма.

— Какой ты... Безропотный!

— Я не "безропотный". Я — не "женатый"! — Отшутился Сайд. — А еще я дико хочу свою "нору", в которую смогу забиться, хотя бы на пару месяцев и не отсвечивать! Да и вообще — это наша работа. Такая она и есть, наша с тобой работа. Дерьмовая и грязная — для нас. Не заметная, для начальства. И кому-то — очень нужная.

Гудок машины, прозвучавший за окном, возвестил, что машина уже приехала.

Было уже почти пять утра, когда Сайд, проверив все, в последний раз, с громким: "А теперь — Убогий! Я сказал — Убогий!", нажал на кнопку "Power".

"Четырехкаменная" мать, укрепленная в корпусе на пружинных растяжках, задрожала от работы вентиляторов, пискнула и, через секунду, протестировав периферию, отыграла "Полет Валькирии", чем вызвала у Сайда почти истерический смешок.

С улыбкой дауна, закрывая боковую крышку, он умудрился-таки, попасть пальцем в вентилятор и привычно помянул "родню".

— Принимайте, ваше "Чудюще убогое"... Будет работать, пару годиков. — Привычно выудив пачку, а из нее сигарету, зеленоглазый скривился — курить в лабораториях и тем более в серверной — нельзя.

— Что было-то? — Виталий Борисович, на удивление оставшийся на ночь вместе с компьютерщиком и лишь слегка подремавший пару часиков в соседней комнате, положив голову на стол, был весел, оживлен и вызывал только негативные эмоции.

— Ничто так не любит перезагружаться, как Виндовс! — Хмуро ответил Сайд, демонстративно зевая.

— Сейчас мы Вас накормим и отвезем домой! — Потирая руки, Виталий Борисович занес руку над телефоном.

— Лучше кофе и на работу.

— Трудоголизм — болезнь!

— Ключи от дома остались в офисе. А будить домашних... Мне не улыбается.

Через тридцать минут, с квадратными, от крепкого кофе, глазами, Сайд замер на пороге своей конторы. Десять минут бешеной гонки по полупроснувшемуся городу и черный "BMW", довольно порывивая мотором, замер у входной группы конторы.

— Вы уверены, что именно так будет лучше всего? — Виталий Борисович озабоченно

смотрел на темные окна. По-моему, не особо-то тебя здесь ждут...

"Что-то уж больно ты ласковый..." — Подозрительно прищурился Сайд, ну а вслух сказал совсем другое: — "Трупы" надо поднимать.

— К обеду — ждем счет. — Виталий Борисович, выгнавший из-за руля личного водителя, для этой поездки, внезапно замялся. — И, знаете... Загляните-ка к нам. Просто так!

— "Утром деньги — вечером стулья!" — Озвученная Сайдом бессмертная фраза Остапа Бендера растянула губы директора института в улыбке. — Оплачивайте счет. А там... Глядишь и заеду — "просто так"!

"BMW" отчалила, дождь кончился.

Где-то в "конуре" валялись начатый блок сигарет, чайник и банка кофе, которая, вскорости, гарантированно превратится в пепельницу.

Лучи солнца, пробившиеся через листву, заиграли веселыми зайчиками.

Новый день пришел в мир.

Черно-белые строчки, малопонятных в наше время, DOS-овских команд; загрузки и перезагрузки — всё постепенно слилось в непрерывную череду символов, строчек и логотипов.

Не будучи программистом, больше часа он "отлавливал", вытягивая на поверхность, ядро вируса. Трижды его упустив и возвращаясь к началам. Чем ближе к цели, чем чаще выскакивала уже ненавистная табличка: "Введите пароль: "!

Смяв опустевшую пачку и придерживая бьющуюся жилку у правого глаза, Сайд не выдержал и набрал на мобиле один — заветный — номерок, уже давно вертевшийся у него в голове.

После седьмого гудка, сонный голос ответил, заявив совершенно безапелляционно: — Прокляну! Нашлю понос, гастрит и...

— Акелла! Это Сайд. Приезжай. Есть по твоей теме, дело!

— Не могу...

— Тогда — приеду я.

— Дык. Сплю Я!

— Ну, я же не сплю? И тебе не рекомендую — проснешься, а голова в холодильнике. — Голос Сайда, сиплый от курева, недосыпа и злости, просто лучился человеколюбием и добротой.

— Через полчаса. Скотина... — Акелла положил трубку, оставляя Сайда в странной прострации, словно этот разговор вытянул из зеленоглазого все силы.

За то время, что Акелла добирался, он успел слить вирус на отдельный IDE жесткий диск и теперь мерил комнату на шаги и выкуренные сигареты.

Стук в дверь — уборщица.

Снова стук.

Акелла.

Привычное — Скотина! — вместо приветствия.

И — Волк, позорный! — в ответ.

— Показывай, чего нарыл! — Акелла, плотно сбитый качок, коротко стриженный, с трех дневной щетиной и яркими, синими глазами, что мгновенно меняют свой цвет от синевы моря, до синевы стали, прокрутил строчки кода и "всхрюкнул". — Ну, почему ты... Ну, включи, активируй то, что называешь своей фантазией или воображением! Ведь это все

так просто — 24 кадра в секунду и будет тебе...

— Ничего не будет. Пробовал. — Сайд опустил свой тощий зад на стул. — Ни подписи. Ни — оболочки. Голое ядро. Чистый функционал! Добротный написанный вирус. За такой, сейчас, "десятик" можно отхватить — в легкую. С поражением, еще лет на 15.

— А кто сказал, что это — вирус? На мой взгляд — защита, от несанкционированного доступа, к каким-то документам. "Охранник". Похожа на ту, что писал... Для одной конторки...

— Олух! — Схватился за голову Сайд. — Вот я олух!

— Ты — системотехник. "Железячник". — Акелла сделал глоток из кружки и скривился. — И кофе у вас — хамно. Рожденный паять — писать не может — правило одного дара. И пароль ты не подберешь. Убивай все и...

— Если я вырежу "стража" из БИОС-а, файл станет доступен?

— Нет. Всё, что находится в ведении охранной программы, будет определяться, как файл с абракадаброй вместо имени и расширения.

— "Родительские права" — не наследуются?

— Сайд. Это не Винда. Забудь. Перешивай БИОС, форматируй винты и "по коням"!

Акелла, одним глотком допил уже холодный кофе и направился к выходу, по пути столкнувшись с входящим главбухом — симпатичной, пусть и крашеной, но рыжей — Мариной.

— Волк... А конторка, та... Для которой ты защиту писал, это случайно не институт, у черта на куличиках?

— Я выше дешевого сдавания клиентуры! — Гордо задрал нос в небо, качок. — Но... "Горячо".

Сайд скривился, словно увидел таракана, что для кинестетика — смерти подобно!

Возвращаясь от остановки, он припомнил слова одной песни, в которой просилось, прямо-таки — умолялось, "не стрелять наугад — кто-то этому рад"!

И, вот скажите — какая связь, между "Институтом" и "Стукачами"?!

Внешне — никакой.

К приходу Вада, все три компа, как ни в чем не бывало, крутили свои кулера, проверялись Weber-ом и не отвечивали.

Глядя на мрачный взгляд отчаянно зевающего напарника Вад, молчком, набрал чайник и скрылся в "белом офисе", пережидая бурю.

Сам Сайд хмуро смолил сигареты, одну за одной, глядя на винт объемом 1,2 гига, примостившийся на полочке, на стене, под стеклом.

— Здорово! — Свежий и выспавшийся Ден, крепкий брюнет, чуть младше Сайда по возрасту, но более живой, общительный и талантливый. Особенно по женскому полу. — Что у нас, сегодня? Меня никто не искал?

— Искать не искал. Но — позвони "Щелкуну" — счет так и не оплачен. Марина просила напомнить.

— Злой ты, Сайд. — Улыбнулся брюнет. — Занят он — переключение.

— Тогда — все. Ты, сейчас, в какую сторону?

— На базар. Мама просила закупиться.

— Жаль. Ладно, сам дошкандыбаю. Да, Ден, счет институту мы с Мариной подправили и отправили. — Сайд потянулся, зевнул и стал собираться домой.

Директор, уже осведомленный, где "болтался" его работник ночью, лишь молчком

выложил на стол зеленую купюру и испарился.

Сайд, привычно закинул на плечо ремень сумки и взгляд его уперся в "винт", на полочке.

Ехать домой совершенно расхотелось.

Покрутив, "ходульку" в руках, он пришел к выводу, что приглашение в институт — "просто так" — надо использовать.

Рука потянулась к телефону и пальцы набрали номер.

— Девушка, мне бы Виталия Борисовича.

— Как представить?

— Компьютерщик...

— Секунду — соединяю!

Мир вошел в привычную колею: Пожары, взрывы, столкновения в воздухе, шпионаж.

Человеческая натура, во все времена, берет свое. Вот только... Армия... Террористы... Спецоперации...

Все пошло не Так!

События минувших дней.

Кого они волнуют теперь, спустя тринадцать, нет — семнадцать лет.

Сегодняшний сон напомнил мне, как все начиналось.

Только память, жалостливо и стыдливо, опустила все подробности того года.

И друзей, вмиг разменявших меня.

И работу — что стала ненавидимой и раздражающей.

И любовь. Что пошла совсем не так...

И три года новой работы в отделе "Н" — сбор данных, свидетельских показаний и наблюдение, наблюдение, наблюдение...

И тренировки — сперва больше похожие на избиения младенцев.

Гадкая память, услужливо подсовывает лишь нечто приятное — отвлекая от главного.

Хотя... В жизни все относительно.

Либо относишь ты, либо — тебя.

Одноместный номер гостиницы, почти под самой крышей — а-ля "не до пентхауз-3-3", с окнами, выходящими на шумный город, уютный и опрятный. Чистенькие улочки, веселые звонки трамвая, спешащего по улице с односторонним движением. Веселые и цветные автомобильчики, кажущиеся отсюда, с полста четвертого этажа яркими букашками.

И зелень!

Прекрасный Европейский город.

Где-то далеко от его центра, свивал и развивал свои кольца "Огненный Змей" — одна из старейших лабораторий — официально занимающаяся разработкой вакцины от рака — а на деле...

Старейшее исследовательское бюро, по разработке Бактериологического оружия, живущее на дотации заокеанского спонсора, поймать которого за руку — недостижимая мечта нашего начальства.

А значит, и наша — тоже!

Потянувшись, соскальзываю с кровати — четверть третьего утра — время моей работы.

Смена караула на базе.

Время, когда подтянутые крепыши — охранники покидают свои бункера, участки, зоны ответственности и с жадностью затягиваются табачным дымом, ожидая прибытие смены и радуясь спокойно прошедшему дежурству.

Легкий черный спортивный костюм, с капюшоном, черные кроссовки и черная спортивная сумка через плечо.

Я бы, предпочел рюкзак, но вот ирония судьбы — три последних теракта произошли от брошенного под лавочкой — сиденьем автобуса — рюкзака.

Полиция нервно дергает всех, на ком видит данный предмет, а мне этого — вот совсем не надо!

За то оборудование, что сейчас лежит в моей сумке, мне и так светит пожизненное. Да плюс два "п-2000" — подмышками.

И если на пистолеты есть разрешения, а мои документы — бронева сталь для КВ-1, но, все в сумме — это полный и бесповоротный конец.

Да акцент мой, ненавидимый всеми еврожопцами, то же стоит дорого.

Бросив на себя взгляд, в зеркало, улыбнулся во все 32-а зуба.

Всё. Готов.

Сдав портье ключ, спускаюсь в гараж, где меня ждет моя мечта, исполнившаяся и нежно холимая.

Жаль, жить этой исполнившейся мечте — до конца операции.

Серый "корвет — стингрей".

"Нафаршированный" системами защиты, слежения, наблюдения и прочей аппаратурой, из-за которой багажник превратился лишь в пустое желание, а пассажирское сиденье — в камуфляж.

— Ночной променад? — Служитель парковки, вежливый и чинный парень — чех, уже приученный мной к таким, еженощным поездкам, передвинул кобуру с "вальтером", поудобнее. — Как всегда — ждать с рассветом?!

Парня зовут Альберт, лет ему 27, женат, двое детей и он, совершенно не рад пистолету на поясе.

Увы, международная борьба с терроризмом достигла апогея и маразма — одновременно!

На календаре 2020 год.

А процент безграмотных — продолжает расти.

Ау, Утописты! Вы где?!

Слились, собаки!

Открыв боковое стекло, "привязал" Альберта взглядом и скользнул в его сознание — как ни крути, а расположение надо подкреплять силой, иначе, это предательское племя предаст самих себя.

И пойдет, растирая слезы и жуя сопли, жаловаться во все инстанции.

Талант мой не велик — вторая, максимум — третья степень внушения — но большего и

не надо. Будем сворачиваться, придут "динозавры" и "акулы" и вычистят тут все, включая мои хиленькие воздействия.

— Счастливо, Альберт! — Я закрыл окно и выехал с подземной парковки.

Проезжая по пустынным улицам, внимательно осматриваюсь, выискивая узкие проезды, резкие изгибы внутри дворовых поворотов и глухие тупики, на случай экстренного "смыва".

В машине было тихо — стандартную аудиосистему давным-давно сменила радиостанция и мощный заряд взрывчатки, на случай самоликвидации.

На данный момент — отключенный заряд — от греха подальше!

Ездить на "пороховой бочке" — удовольствие для мазохиста, а я...

За окном по серым, от начинающегося рассвета, улицам уже начали свой первый обход местные бомжи.

За поляризованным стеклом авто текла неспешная обывательская жизнь: возвращающиеся по домам проститутки, бомжи — с бумажными пакетами, из которых выглядывают горлышки бутылок, пара патрульных машин, в которых сладко кемалят уставшие полицейские, "добывающие" ночное дежурство.

А над всем этим бьётся черный пульс "Огненного Змея", перечеркивая возможное будущее не только этого городка, но и еще десятка окрестных деревушек.

А если зараза попадет в воду...

Только и сможем, что попрощаться с пятком государств, старательно отстреливая их граждан, на границе.

В ответ на подобные мысли, криво усмехаюсь — если будет ветер — ситуация будет похлеще, чем в "Обители..."

Выехав за черту города, нога привычно втопила педальку газа в пол.

Подлое произведение американского автопрома, уже раз меня подставило, заглохнув на перекрестке.

Теперь — отрабатывало свои косяки на износ.

"Корвет", словно чувствуя за собой вину, стремительно набрал скорость и словно полетел над гладью дороги — очередного океана, теперь уже — рукотворного, словно серый альбатрос — подросток.

Обогнав пару тонированных вкругорядь джипов — хоть и запрещено, да хочется, хочется "конторке" выделиться — людское тщеславие, ну, куда ж от него! — стал внимательно наблюдать за машинами в зеркало заднего вида.

Нет, не повезло.

За три недели уже сложилась патовая ситуация — добыть новые сведения о лабе можно только попав в нее. А попасть в нее можно только после трех месячного карантина.

"Интерпол" так уже троих своих "посеял" — ушли на карантин и — не вернулись.

Один из водителей джипа — вот только который? — на "Корвет", обогнавший их, отреагировал вполне предсказуемо — кинулся догонять, наивный.

Пока он гонялся за мной — второй джип успели "осыпать конфетти" — радиоактивными маркерами.

За две последующих недели, "наивный" попадался мне еще шесть раз.

Должен был и сегодня, да видно не судьба.

Тумблер круиз-контроля — вниз и погасил фары, еще два тумблера и спрятались в полости световозвращатели и номера.

"Некто, по фамилии Никто, место жительства — Нигде!" — Криво усмехнувшись,

съехал с дороги и заехал за кусты сирени, в этом месте буйно разросшиеся.

Снова придется импровизировать — через пару километров, джипы войдут в сферу ответственности полевиков — альф, а информация, пусть даже и пустопорожние беседы ничего не знающей охраны, всяко лучше, чем вообще ничего.

Открыв окно, замер — в воздухе пахло дождем.

Через пару минут джипы пролетели мимо, не заметив, как из кустов сирени вылетели два крошечных кусочка грязи, с приставшей к ним хвоей и прилепились на брызговики.

"Вот и пригодились тренировки, по семь часов, четыре раза в неделю, в любое время дня и ночи!" — Я радостно потер руки, мысленно погладив себя по голове.

Выстрел был и вправду, совсем даже не плох — теперь, два миниатюрных робота, будут внесены на территорию базы.

Жаль, не получилось "разбить" пару — по моим расчетам, таких "кусочков грязи", надо штук сто.

Однако — лиха беда начало.

Пока джипы еще далеко от базы, могу и я послушать, о чем болтают охранники — наушник в ухо и программка, на смарте — вот и всех делов...

"— Мы опаздываем?"

— Нет.

— Ну, а на... Ты тогда, так на педаль давишь?! Один уже догонялся — уволили. Туда же, хочешь?" — Это первый джип.

Заодно, стало понятно, куда пропал мой любимый, "наивный" водила.

Уволили.

Надо будет упомянуть это в отчете и потребовать найти человека — может, от обиды, что и расскажет...

Во втором джипаре гроыхала знаменитая группа, постоянно выходящая на сцены в диких масках. Название ее у меня вылетело напрочь — играли они — откровенно — так себе. Ни с "Раммштайном", "Металликой" или "Мертвой невестой" — не сравню.

Слишком громко эти "металлисты" звенели цепями и орали, орали, орали.

Выждав, пока машины отъедут подальше, выехал из-за кустов, вернулся на дорогу и не торопливо поехал за джипами — "полевики" должны видеть мою машину, иначе начнутся неприятности и совершенно не факт, что у меня.

Предраассветные сумерки словно сливали "Корвет" с асфальтом, маскируя меня от нескромных взоров.

Кстати, о взорах — надо вернуть на место номера, иначе...

Небо на востоке стремительно набирало цвета.

А джипы, словно два черных жука-навозника, один за другим, катили по дороге, с каждым поворотом колес, все приближаясь к базе — лаборатории.

"... Чудо техники, ага, как же! — Рассуждал хриплый голос в первом джипе. — Все это жида придумали! Им, лишь бы не работать, самим... Вот и придумывают, всякие... Помяни слово моё — Самый худший из людей — Еврей! Все беды от них и их баб! Они, все такие... "Шур-шур-шур", а потом бац и нож в спину!"

"Снова о своей первой жене рассуждаешь?!" — Насмешливый вопрос поставил точку в болтовне хриплоголосога.

Во втором джипе снова орала музыка, на этот раз — благословенный "Раммштайн".

Джипы, притормозили и, переваливаясь с боку на бок, как утки, съехали на боковую

дорогу — новенькую бетонку, с бетонными же столбиками по обочинам, высотой в полметра и системами определения массы — в самом начале.

— "Кораблик" — "Жуков" видим.

"Все, дальше — радиомолчание. "Полевые" агенты взяли частоты роботов под свое крыло, а мне пора сваливать — и так уже примелькался, на своей-то машинке..." — Растянув губы в улыбке, развернул, с визгом, машину и помчался в сторону города.

Ночь исчерпала себя.

Розовое небо на востоке — черное — на западе.

Рассвет, который принесет в мир новые радости или горести.

День, за которым будет еще один, а потом — еще и еще, и так до Конца Света.

Серый "Корвет Стингрей" "летел" к городу.

Предстояло еще позавтракать, выспаться и отчитаться перед "Гастрономом".

Открыв окно, я подставил лицо свежему ветру, еще не пропахшему бензином и нагретым асфальтом. Где-то, далеко впереди...

Впрочем, какая разница мне, человеку без прошлого, да и без будущего — чего греха таить! — до того, что там впереди. День прожить, неделю, месяц, год.

Глухая стена отчуждения разделила меня и мне подобных, отделяя от человечества.

Лица — нет, прошлого — нет, нет — друзей.

Всё нормально, просто холодно, пусто и нет ни малейшего намека на то, что станет лучше.

Короткий пробег "Корвета" по уже заполненным машинами улицам города и нырок в подземный гараж, в стойло.

Завтрак, обед и ужин — в ресторане, за счет налогоплательщиков и адская головная боль, как расплата за применение силы.

А в гараже — первая неприятность — мое место занято новеньким, ярко-красным "Фордом"!

— Блондинка... — Пожал плечами на мой вопросительный взгляд, Альберт.

Приткнув "Корвета" ближе к выезду, погрозил пальцем Альберту — мол, поцарапают — голову сверну!

Чех понятливо улыбнулся: раз я скандала устраивать не стал, значит — в хорошем настроении.

А в плохом, он меня уже видел. И, повторно, увидеть желанием не горит — Пара "секурити", попыталась качать права, требуя открыть багажник и сумку.

Открыл. И закрыл — когда их загребушие ручки потянулись.

Альберт видел, что я это сделал специально, но сдавать не стал, а по камерам, так я вообще не при чем, оказался.

А четыре переломанных руки, это не великая цена...

Зато стали бояться.

Особенно, когда нанятые мною адвокаты, быстренько раскопали кто эти "секурити" и выставили счет, администрации отеля, за "нарушение прав на частную собственность, тайну переписки и т. д." — Европейские законы давно ушли вперед и пользоваться ими, просто одно удовольствие!

Правда, потом приходили "друзья и родственники", покалеченных.

"Друзья" пришли в номер, когда я был в отъезде — разумеется, их больше никто не видел и ничего о них не слышал — лезть в мой номер, при моем отсутствии... Надо же было

догадаться, до такой глупости...

А вот "Родня" подкатила ко мне на ипподроме, куда я приперся отработать одну версию...

И версию не отработал, в результате, и едва все дело не "завалил", с трудом смывшись от полиции, по техническим тоннелям.

— Денис! — Остановил меня Альберт, собравшись духом. — Она Вас искала...

— Блондинка, искала Меня? Альберт, это воистину — хорошая новость! — Улыбнулся я, поправляя сумку на плече. — Как найдет, так, заодно, и за моё парковочное место "отработает"!

Альберта, от моего цинизма слегка повело, но он мужественно продолжил.

— Она... Какая-то — слишком красивая... И глаза у нее, как у рыбы. И движения... — Он рукой сделал дерганный, рваный жест и у меня внутри оборвалось — и описание, и жест точно указывали, на то, что с этой "красавицей" мне лучше не встречаться.

— Альберт... — Напрягся я, все еще надеясь, на лучшее. — Она, когда машину закрывала, как курица, головой не двигала?

— Ха! Точно! Очень похоже! — Развеселился чех. — А нас, в деревне...

— Погоди! — Поднял руку я, прерывая поток воспоминаний. — Глаза серые или голубые?

— Голубые. Даже ближе к синим...

— Вот жопа то... — Вырвалось у меня.

С какого перепуга, моей тщедушной фигуркой заинтересовалось это отродье?!

Описание Альберта, в точности соответствовало бойцу ордена христов, прошедшего полную гормональную "перетряску", выводящую организм на запредельные скорости реакции и силы.

В этот момент я почувствовал, что пары моих стареньких "двухтысячников", как — то маловато... А тактический боеприпас мне использовать не позволят.

"Отродья" — изначально живут другими скоростями, отсюда и их куриные, судорожные движения — им приходится себя контролировать, чтобы казаться "обычными".

Гормональные препараты, разработанные в подвалах Ватикана — хоть они это и отрицают, но факт нам хорошо известный — перестраивают организм пациента, делая симметрию — идеальной. Отсюда и их "красота".

А голубые или серые глаза — это показатель, окончилась ли перестройка организма или еще есть резерв...

Откуда я всё это знаю?

Задумчиво почесав затылок, все же иду к лифту — во-первых — дико хочется спать и жрать. А во-вторых... Сомневаюсь, что мои "альфы" уже не прикрывают меня.

На этом задании я — "первая скрипка" и могу спать сладко даже во время пожара, при наводнении в ядре АЭС!

Выспавшись и отлично пообедав — европейские налогоплательщики, это очень щедрые люди! — я откинулся на спинке кресла и с упоением выпустил первый клуб табачного дыма.

— Вас не напрягает присутствие детей и женщин? — Очередной "борец с курением", завис надо мной.

— Пошел в жопу! — Выдохнул я ему в лицо, радостно наблюдая, как его "раздувает". — И детей, с женщиной — прихвати.

— Да как Вы смеете! — О, а вот и "женщина", прорезалась...

— Идиоты... — Рассмеялся я и ткнул на табличку, укрепленную на входе. — Этот зал — для курящих! Так что — не вякайте или — валите!

"Борцы с курением", затравлено оглянулись — в полупустом зале, от каждого столика, занятого людьми, тянулась голубая струйка сигаретного дыма.

— Магнус! — Услышал я трубный голос мужчины, сидящего у окна. — Я, пожалуй, сегодня пересяду, чуть ближе...

Подхватив чашечку с кофе, огромный — иначе и не скажешь — мужчина, прошел мимо меня и занял столик рядом с семейкой "борцов".

Сделав плоток, он подмигнул мне и достал из нагрудного кармана толстенный футляр...

Не удержавшись, я хрюкнул.

Распаковав сигару, мужчина, по внешнему виду чем-то напоминающий Марка Твена, отрезал кончик золотой гильотинкой и, дождавшись официанта со спичкой, раскурил ее, изображая из себя паровоз.

"Борцов..." из зала вымело.

Рассмеявшийся мужчина, подмигнул мне и с сожалением отложил сигару в пепельницу.

Расплатившись с подошедшим официантом, я вышел из ресторана.

Многоэтажный супермаркет "свежей постройки", гордо возвышался на слиянии трех дорог, в самом центре города. Войдя в него сразу оказываешься в центре внимания: камеры следят за каждым твоим шагом, охрана пристально наблюдает за каждым твоим жестом, продавцы ловят каждый, брошенный тобой взгляд.

Вобщем, ничего хорошего для того, кто не имеет денег; имеет их не много или просто не вписывается в статус этого "магазина".

Поднявшись на второй этаж, я прошел вглубь рядов, прикоснулся к стенной панели, рядом с пожарным гидрантом и протиснулся в открывшийся лаз. Длинный коридор, обвешанный кабелями и трубами, как вентиляции, так и системы пожаротушения, уперся в пластиковую панель.

Снова "наложение рук" и панель отъехала в сторону, приглашая в кабинку лифта, который, судя по времени, спустился намного ниже уровня возможного подвала...

Когда-то, здесь, возможно, шли технические коммуникации или было бомбоубежище. Теперь — полупустая комната с экраном, сенсорной клавиатурой, сканером отпечатка пальца и радужки и — микрофоном.

"Отдел сбора данных, свидетельских показаний, технической экспертизы и анализа собранной информации".

Попросту — Отдел "Н".

Еще пару — тройку месяцев тому назад, я сам сидел за таким экраном и отвечал, как минимум, за достоверность данных.

Только — с другой стороны...

Быстро выдав на-гора свои наблюдения, предупредив "обсервера" о появлении по мою душу — "Отродья", быстро откланялся — за экраном сидят люди занятые и воровать их время... Сам там был...

Вновь лифт и наверх, в толчею людской толпы, в покупательский ажиотаж.

Короткий "забег" по вычурным бутикам окончился приобретением бутылки армянского коньяка — вернусь — нажрюсь в сопли!

Лифт дернулся и замер.

"Так. Очень мило. Приехали..." — На душе стало не спокойно. Вся моя слабенькая интуиция вопила, что это "ж-ж-ж-ж-ж-ж" — неспроста! Совсем неспроста!

Люди, стоящие рядом, переглянувшись, начали дружно орать, давить на все кнопки и хвататься за телефоны.

Парнишка рядом со мной, обреченно вздохнул и воткнул в уши наушники, сделав звук по-громче.

Лифт, целых десять минут не отвечал на все вопли, хорошо хоть свет не выключился!

— А-а-а-а! — Мужчина, стоящий у двери, вцепился в створки и попытался их разжать.

Лифт качнулся и поехал... Вверх!

Народ вздохнул с облегчением, а мне стало дурно, от предчувствий...

Четвертый этаж, пятый... Лифт упорно полз вверх, не реагируя на нажатия кнопок, все быстрее и быстрее...

Девятый — "конечная" — лифт распахнул свои двери.

За которыми их ждали вооруженные люди в масках.

"Приехали!" — Я прикрыл глаза и привычно расслабился. Разум, пусть и слабенький, способен выскользнуть из тесной клетки сознания и пут тела.

Он и выскользнул — спасибо тренировкам.

И тут же метнулся назад, в ужасе.

От пси удара меня повело и приложило затылком о стенку лифта.

"Н-да... Рановато я на оперативную работу попросился!" — Признался я, самому себе.

Ведь должен же я, хоть в кои-то веки, признаться в собственных силах?

— Всем спокойно! — Один из "масочных", в бандане с зелеными черепами и черными костями, передернул затвор. — Так! Заткнулись, все! Если хотите жить — молчать! Слышите, бараны?! Молчать, мусор!

Распаляясь все больше и больше, "черепок" уже брызгал слюной, сквозь прорезь в маске.

От него веяло угрозой, но...

Как-то отдаленно... Словно весь его раж — откровенная демонстрация. Истерика, впавшего в транс крикуна... Европа хорошо знает подобных...

"Кто же тебя прикрывает, "адольфик", недобитый?" — Размышлял я, украдкой оглядываясь по сторонам, с удобством устроившись возле стены и наблюдая за вооруженными людьми. — "Дар не меньше седьмого... А от истерика, кроме истерики — ничем не "тянет"!"

— Вы все заложники! Вы, бараны, послужите правому делу!

"Да чем же тебя, красивого такого, бараны занозили?! Наверное, бодали долго?!"

— Мы заложили взрывчатку по всему зданию! Если наши требования не будут приняты всерьез — бараны лишатся сперва своих шкур, а потом и жизнью!

Давление на мозги ослабло и сразу же:

— Сайд, а Сайд... Что там у тебя?! — Голос в мозгу.

— Два десятка придурков взяли заложников. Грозят убить. Что-то кричат о "правом деле". — Я вздохнул, понимая, что влип. — А вот прикрытие у них — не ниже семерки.

— Выше. — Повторил мой вздох, голос в мозгу. — Не ниже восьмерки! А ты то, как вяпался?

— Коньяк купил...

— Гурмэ, не додавленный! Коньяк купил... Сиди и не дыши. Потом — поставишься...

Купленным... — "Обсервер" группы исчез из "эфира".

Ему теперь отвечать за происходящее, отчитываться. Приятного мало, его можно понять. Не будь меня — пусть местные власти вошкуются со своими террористами...

Я прислонился спиной к гладкой пластиковой стене и расслабился. На занятиях и тренировках предусматривалась подобная ситуация. Также предполагалось, что наблюдатель — аналитик избежит подобного конфуза.

"Снова буду притчей во языцех..." — Улыбнулся я, про себя. — "Дорого мне этот коньячок станет..."

Пока сидел, изучал находящихся рядом людей.

"Не волки. И даже — не щенки. Точно — баранье!" — К сожалению, я не нашел в себе силы не согласиться с "истериком".

Прав он был.

Сосед справа молился, мелко дрожал, подвывал и шмыгал носом. Слева — бывшая Королева школьного бала. Ее потрепала жизнь и не только. Она презрительно кривила полные губы и зажимала нос, когда мимо нее проходил кто-то из захватчиков.

— Сайд! Сидишь?

— Сидю... Сиднем. Хочешь что-то посоветовать? Или — обрадовать?

— Здание не заминировано. Так что — действуй, "опер"!

— погоди! — Остановил я "обсервера". — Запашок от них — специфический... Вареной кукурузой, от них, пахнет...

— И?

— Бинарный заряд "Бильарат" — альфа имеет запах яблока, бэта — вареной кукурузы...

— Жди. Проверяю. — "Обсервер" снова оставил меня изучать сидящих рядом.

Становилось зябко и стыло, словно тепло уходило в бесконечную пустоту.

Что-то, едва заметно, на краю чувств, пролетело над головами заложников и развернулось огненной стрелой — жадной, но не опасной. Сидящая напротив меня девушка встрепенулась, начала жадно вглядываться в лица людей, ища глаза. Но... Все глаза либо упирались в пол, либо пялились в потолок.

Никто не смотрел друг на друга.

"Баранье. Нас ведь даже не связали!"

И тут появился Еще Один, отчего-то сразу получивший у меня имя — "Девятый".

От него разило пивом и угрозой.

Такие как он, в древности, вели войска на убой и получали за это награды.

— Наличие бинарных жидкостей подтверждено! — "Обсервер" хмыкнул и отрубился.

Впрочем, отрубился не только "Обсервер" — свет погас тоже.

Очередной пси удар обрушился на мою, ни в чем не повинную голову, словно кувалда. Как мозгами не раскинул... Я окаменел и только мои глаза продолжали жить, внимательно присматриваясь к происходящему.

"Девятый", замер.

Затем, кивнул, словно получил приказ свыше, выпрямился, сверкнул серыми глазами и, обвел глазами заложников, с таким видом, словно выбирал барашка поупитанней.

— Берите троих и на крышу.

Девушка истошно завизжала. От ее визга заложило уши и больно ударило по мозгам, "протирая" их.

— И ее — тоже!

Четверо заложников, понурясь, поплелись за террористами...

"Бараны..." — Усмехнулся я.

И в этот раз, очень не вовремя — тяжелый приклад обрушился на мою многострадальную голову.

Мир взорвался миллионами разноцветных искр.

— Смейся, смейся... Они выживут — возможно. А вот ты — точно — нет! — "Блин, ну вот куда деваться без финальной, "злодейской"", фразы, а?!"

Паркет плыл перед глазами.

Его отдельные участки вызывали приступы тошноты, другие были вполне даже ничего. Ничего хорошего.

"Несут... Хорошо несут — мордой вниз..." — Мысли текли неспешно и ровно, как Иртыш нес свои воды под Курчатовом... — "За руки за ноги, тащат..."

Мысль оформилась, проклюнулась, дала прочные ростки и взорвалась.

Тело сжалось, развернулось — все, как на тренировках.

Идущий впереди взвыл от боли в переломанных руках. Задний умер мгновенно — ребра впились в сердце и легкие.

Завершив разворот, ухожу кувырком в сторону, прихватив автомат и нож жалобно воющего боевика.

Стенная панель с хрустом лопнула и в коридоре появилось три фигуры — полевики — альфы, либо отозванные с задания, либо отдыхающая смена, что тоже не совсем есть хорошо — отдых дело святое, а без сна — полный швах.

Добив стонущего, они растворились в залитом светом коридоре. Тихий шорох шагов исчез, оставив гнетущее чувство собственной неполноценности: вот, не дано мне так двигаться, не дано!

— Сайд. — "Обсервер" "достучался" до моих мозгов. — Тебе бинарники, полевым — остальное. Работай, "Гурмэ"!

"Качнув" еще теплые мозги — задачка второго года обучения в нашем "ВУЗ-е" — скривился: обычные пешки, нанятые для разовой акции. Ничего не знают.

— Старшой! Еще трупы есть? — От всей души ору в пустоту в коридоре. — Или, хотя бы пару живых...

— Догоняй. Будут. — Обрадовал меня старшой из спецтуры. — Потом простишься...

С азартом кинулся догонять своих и нарвался на неприятность — по мозгам вновь "прилетело" пси ударом, желудок рванул к горлу. Запнувшись, растянулся на скользком полу и финишировал рядом со свеженьким трупиком, жаль безголовым.

Длинная очередь автоматической турели, с чавканьем покрошила прикрывшего меня бандита и умолкла.

От пластиковых панелей уже мало что осталось, да искрила проводка — здание не армейское, "бронирование" не предусмотрено.

— Бинарный заряд — 7 этаж. Комната Е-7. — "Голос" не знакомый, по стилю... Не "обсервер".

Еще одна очередь и пуля подобралась совсем близко, поцарапав щеку.

Что-то загрохотало и конец очереди ушел в потолок, обдав меня кусками выбитого раствора.

— Е-7! — Повторил голос.

— Ты кто? — Поинтересовался я и замер — в сознании появилась картинка визжащей

блондинки, сидевшей рядом.

— Не спать, гурман, не спать! — Поторопил меня один из наших. — Время, время, время!

Одетый в "хамелеоновый" комбез, весь плывущий и мерцающий, он проскользнул мимо меня в обратную сторону, на ходу вытирая лезвие ножа.

"Повезло тебе, Гурман!" — От злости этого голоса, можно было начать... Страдать недержанием. — "Везунчик!"

"Ты, что-ли, щит гадам держишь?!"

"Догада!"

— Да пошел ты... — Вслух, сквозь зубы пробормотал я, отгоняя противный голос в собственной голове. — Встретимся, еще...

Пройдя по коридору, чуть дальше — присвистнул — Огромный, собранный на скорую руку и синюю изоленту, лазер!

Машина на пол коридора. Жгуты проводов вывалились из его нутра и частью уходили в стены коридора, запитываясь к магистралям здания.

Двое, лежащие рядом, отношения к бандитам, на первый взгляд, не имели — чистенькие, благоухающие одеколоном и бесконечно мертвые — наш "полевик" вырезал их, не заморачиваясь.

Опоздай он на пару минут и пульт, что сиротливо валяется поодаль, оказался бы подключен и тогда — "приплыли".

С потолка стала опускаться стальная решетка, отрезая меня от дальнейшего пути.

Пришлось, вытянувшись в струнку, проскальзывать под ней.

— Сайд! Система безопасности...

— Уже понял — Огрызнулся я и ускорился.

По лестнице спустился на два этажа, перепрыгивая через перила и молясь, что бы еще и ногу не подвернуть — тогда точно засмеют.

Первое, во что уперся взгляд — огромный резервуар, наполненный угольно-черной жидкостью.

"На бинарную жидкость не тянет..." — Почесал я затылок. — "Либо присадка для чистки труб, либо — что-то противопожарное..."

Словно вал холодной воды окатил меня с головы до ног.

Боль, дикая боль, сковала конечности, норовя свалить с ног и сжаться в позе эмбриона.

На одно короткое мгновение я подумал, что все эти байки, о "болевиках" — вовсе не байки, но ехидный смехок в голове прояснил ситуацию.

"Я — Контроль! А ты — лабораторный мышонок! Ты бегаешь по моим правилам..."

"Да пошел ты!" — Целебная сила мата... — "Сейчас я разберусь с делом, и мы посмотрим, кому и какие правила, писаны!"

Выпрямившись во весь рост, и отчаянно матерясь, я упорно топал к цели.

— Комната Е-7! Ау-у-у-у! Я уже иду! — Маты закончились, а давление на мозги — нет. Е-3. Е-5.

"Что?! Е-11?!"

Комната Е-7 оказалась отсеком.

Отсеком мусоросборника!

Преддверием вонючего ада, размером семь на одиннадцать метров, сплошь уставленного бэушными мусорными контейнерами.

"Вот уж воистину — единственный закон, принятый в первом чтении, большинством голосов — Закон Подлости!" — Я закинул автомат на плечо и приготовился к худшему. — ""Обсервер!" Новости есть?!"

Тишина.

Первый шаг по жирночавкающему полу стоил мне больших усилий по запихиванию и удержанию. Удержанию — обеда и запихивания себя в это...

Второй шаг сопровождался выворачивающими желудок спазмами. На третьем, ощущения атрофировались, помахали рукой и ушли, обиженно виляя хвостом.

"Неужели, все "это" отсюда никто и никогда — не убирает?!" — Длинная вереница мусорных баков преградила мне дальнейший путь и я "раскидывал мозгами", прицениваясь, как бы и дело сделать и... Не помятому уйти.

— Сайд! Ты нашел Е-7?

— Ага. — Ответил я — голос "Обсервера" отвлек меня от размышлений.

— Ага — ага! "Рога"! На комплименты не нарываешься! Что там?

— Жопа тут. — Признался я. — Полсотни контейнеров, мусорных. Б\у и с содержимым...

— В который раз я тебе не завидую! — "Обсервер" хмыкнул.

Я не я буду — отмоюсь и найду его.

Нет, мне просто интересно, чем же я его так занозил-то! Вроде не пересекались...

— Слушай! Если весь этот хлам сюда как-то попал, значит должен быть еще, как минимум один... — Договорить мне не удалось. Мир вокруг меня превратился в берег грязной речонки, несущей свою отравленную влагу в невидимый океан.

Ноги по щиколотку ушли в плесень и ряску, в ботинках захлюпало и каждый шаг только выдавливал холодную жижу с мерзким "хрюк-хрюк". Фигура, появившаяся на противоположном берегу, метрах в сорока от меня, дальше и ниже по течению, выглядела безобразно сморщенной и словно выкрученной на центрифуге.

Легко скользя по поверхности реки, фигура приближалась, все увеличиваясь в размерах.

Вот уже и видно лохмотья, драные до такой степени, что сквозь них отчетливо можно разобрать красно-синюю кожу.

"Сапсэм бэдный индеэц замерц!" — Радостно оскалился я. — "Мерзлый баклажан!"

Зря я радовался.

Фигура, замерла в десяти метрах от меня и выпрямилась во весь рост.

Совсем не маленький, между прочим, рост.

Сверкнули синие глаза и в мою сторону метнулись сапфировые струи.

Выдирая завязшие ноги, едва успел отпрыгнуть в сторону. Потом еще и еще раз, пока не оторвался от противника метров на десять — пятнадцать.

Там, за моей спиной, точно по следам моих прыжков, вырастали массивные друзья сапфиров, а влага, омывающая их, уже не была такой грязной.

"Млин, красивая могла быть гробница..." — Признался я самому себе. — "Только синий цвет мне не идет!"

Ожидая дальнейших событий, перекинул автомат и щелкнул предохранителем.

Потом еще и еще раз, пока проклятая железка просто не отломилась и не упала мне под ноги. Хваленый МП-5, приказал долго жить, не сделав ни единого выстрела.

Фигура "мерзлого индейца" сгорбилась и рывком выпрямилась, протянув в мою сторону руку из которой вырвался плотный рой шустрых насекомых, чуть больше наших ос, по

размеру.

Такое я знаю — проходили.

"Нет меня!" — Старая, как янтарь и следы мамонта, шутка.

Совсем не смешная для тех, кто прошел...

Вобщем, кто прошел, тот — помалкивает!

Осы, с удивлением рассыпали рой и принялись усиленно искать меня, едва не путаясь в волосах.

Река забурлила, вспенилась и начала стремительно выходить из берегов. По ее волнам понеслись вырванные с корнем деревья, покатались валуны — грозя сбить с ног, подмять под себя и вбить в грязь, утопив, залив вонючей жижей.

Прыгая по камням, я разочарованно качал головой — фантазия существа оказалась такой же сморщенной, как и внешний вид. И хоть камни казались скользкими, словно облитыми машинным маслом — проблем не создавали. Сложнее было просчитать ветки деревьев, так и норовящие если не зацепить своими сучьями, так хотя бы посильнее хлестнуть.

Выбрался на берег, совсем рядом со своим, тяжело дышащим, противником.

— Чай, кофе, потанцуем? — Вырвалось у меня и я в который раз дал себе зарок укоротить собственный язык.

Хоть на полмиллиметра, но — укоротить!

— Потанцуем! — Существо скинуло свои отрепья.

Серебристый доспех обтекал его тело как перчатка, струился и мерцал, как звезды в морозном воздухе. Было в этом доспехе что-то и от звезд, и от земного металла, и от черной ночи. И от холода вечного льда.

И куда, спрашивается, подевались красно-синие цвета?!

— Мышонок... Храбрый мышонок. Глупый — мышонок! Мышонок — Гурман... — Голос скрежетал, срывался в запредельные частоты и уходил в невозможные для человеческого уха, выси.

— Сайд! Живо выходи из ступора! Живее! — Тонкий комариный звон и комариный укус за нос.

— Мы еще встретимся, Мышонок! — Фигура исчезла, прихватив с собой реку, сапфировые могильники, но оставив мокрые туфли и знакомую вонь свалки.

— Сайд! Найди эти чертовы заряды! — Рывкнул "Обсервер". — Отсчет пошел!

Тонкая серебристая линия опоясывала один из стоящих рядом, мусорных баков. Другой обвивала синяя и пульсирующая, красная, связывала их, замыкаясь на третьем.

Слава всем богам, что никто не видел, как меня скривило только при одной — единственной мысли, что придется лезть внутрь.

Перевалившись через край мусорки, я услышал тихое "Дзынь" и обмер.

"Упс"!

Мир вздыбился горбом, раскидал миллиарды осколков всех цветов и размеров. Расцвел огромным цветком с яркими лепестками всех цветов радуги и вновь собрался в единое целое.

Остался только Холод!

Колокольный звон, встретивший моё вернувшееся сознание, пробирал жутким ознобом.

Комната, с каменными стенами и каменным же потолком, уставленная современной медицинской аппаратурой, контролирующей меня и мое состояние. Мягкое освещение лампы "экономички", теплого диапазона. На полу, если я не ошибаюсь — ковер.

Причем не из дешевых.

Как и оборудование.

Да и медикаменты, которыми меня пичкали, судя по названиям, лежащих в кювете ампул — тоже не контрафактная дешевка.

А вот что было совсем неприятно — это холод во всем теле.

Я замерз, хуже курицы в морозилке!

Понимаю, что это те самые, любимейшие, европейские +18 градусов!

Но я — существо Азиатское, особо теплолюбивое!

Висящие под потолком камеры — "всережимки" и датчики температуры и движения — все, как и положено.

Помахав рукой, привлек к себе внимание — камера подмигнула подсветкой, переходя на режим.

Был у камер этой модели подобный косячок — мигание при перенастройке — наши от них потому и отказались, либо вешали их — в броне.

Знак подан — остается ждать.

А если задержатся — буду спать.

Хотели бы грохнуть — уже бы сидел на облачке и на арфе, набренькивал, с золотым кружком над головой и двумя крылышками — за спиной.

Ну, я очень хочу верить, что это будет именно так.

Колокол наконец-то заткнулся.

С его последним ударом, открылась дверь, и на пороге появилось существо, увидеть которое я ожидал меньше всего.

— Добрый день! — Поздоровалась девушка блондинка и судорожно дернула головой, останавливая свою скорость.

— Добрый день! — Улыбнулся я. — Давно я тут?

— И... Что, никакого — "Привет, Отродье?!" — Девушка, описанная Альбертом, в удивлении замерла.

— Нет. — Твердо ответил я. — "Отродья" те, кто Вас переделал. А для меня... Делите нам нечего. Врагами мы не были. Так что и оскорблять — не правильно. Тем более, чувствую я, что не просто так, здесь оказался...

— Быстрое выздоровление, быстрая реакция, быстрый анализ. "Фемида"... — Девушка выкатила из-под кровати мягкий стульчик и уселась напротив меня. — Не боевик. Первый выход в поле?

— Первый. — Не стал отрицать я. — "Фемида", азиатский отдел. С кем имею дело? "Первая католическая" или "Иешуа Назаретец"?

— А если — "Воинство Христово"? — Девушка выпрямилась и положила ногу на ногу.

— Креста — нет. Кольца — нет. Морфинг — завершен полностью. Да и колокола — звон уж больно знакомый... Краков? Или Мюнхен?

Блондинка улыбнулась.

— Краков. До Мюнхена тащить тебя слишком долго — не выжил бы.

— Рванула, таки... — Вздыхнул я. — Жаль, а я так надеялся на удачу...

— Фортуна с Фемидой давно на ножах... — Блондинка мне подмигнула. — За то, что под юбку глазами не полез — спасибо. Хотя и обидно. "Интерпол" — устраивает?

— Пока не сделаете температуру в помещении + 24 — разговора больше не будет! — Я попытался сесть на кровати, но по расширившимся зрачкам моей собеседницы понял — не стоит. — Можно подумать, голого мужчину не видела!

Спустив ноги на ковер, сел на кровати, прикрываясь одеялом.

В голове зашумело, перед глазами поплыли так хорошо знакомые мне птички.

— Вставать тебе еще рано. Хотя — как знаешь. Одежда в шкафу. — Движения блондинки снова стали судорожными.

Она, рывками, встала со стула, повернулась ко мне спиной и прошла к шкафу, спрятанному за каменной панелью. Или — за замаскированным, под каменную.

— Оденешься — приходи в столовую, завтракать. По коридору — налево. Меня зовут Анна.

Девушка оставила дверцы шкафа открытыми и прошла к выходу.

Замерла.

Развернулась и... подмигнула, вот же язва!

В шкафу, кроме классических и тренировочных, костюмов и обуви к ним — шаром покати.

Впрочем, нижнее белье нашлось.

Только по размеру — на десятилетнего ребенка — не больше.

Понимая, что ходить в "трениках", без трусов, как-то не "айс", запаковался в серый костюм-тройку и даже, из вредности, повязал галстук!

"Знай наших!" — Подмигнул я своему отражению в зеркале, закрепленному на дверце шкафа изнутри, поправил галстук и со вздохом, обулся.

Туфли, оказались впору.

Костюм — то же.

А вот с бельём...

Явно — чья-то шутка.

И, думаю, я догадываюсь — чья именно.

Учитывая, что хитрая Анна "расколола" меня, подловив на переходах по скорости...

А "мой" меня так и не ищут...

Предстоит мне долгий разговор, за "казенной" чашкой чая.

Что совсем не в моих интересах — прав я на такие разговоры не имею.

А учитывая, что "Интерпол" "Фемидовцев" не жалуется...

"Чему быть — не миновать"!

Покачался с пятки на носок — туфли сидят идеально!

Побриться бы...

Подумав, снял галстук и закинул его на кровать — надо соответствовать женскому взгляду на мужчин.

Мы же вечно все разбрасываем — от носков и до ключей...

Вышел в коридор и прикрыл за собой дверь.

Сводчатый потолок, стена, сложенная из крупных камней — да ну на фиг! Я в подвале!

Очешутъ можно! В самом настоящем подвале! В Кракове! Да, за такие впечатления, девятиэтажный супермаркет можно еще пару раз подорвать!

Подозрительно потянул носом — ни влаги, ни крови, ни сквозняка.

Жаль...

Развернувшись, пошел направо.

— Налево! Вам же сказали — "Налево"! — Голос в голове остановил меня и заставил развернуться. — Поверить не могу! Какие, вы, предсказуемые!

— Уж кто бы говорил — то! — Не выдержал я и засмеялся. — Попались, господа хорошие!

"Обсервер" печально вздохнул.

Радуюсь тому, что так легко "выцепил" "своего", насвистывая, пошагал по коридору, освещенному лампами дневного освещения, просыпающимися при моем приближении и гаснущими за моей спиной.

Коридор уперся в решетку, с открытой дверцей, отгораживающей коридор от лестницы.

Винтовой, лестницы!

Каменной, винтовой, лестницы!

Если закрыть глаза, то можно с легкостью представить, как по ее ступеням, опускались и поднимались солдаты, царапая стенки ножами мечей.

Ну, я и закрыл — на минуточку.

"Н-да... По этой лестнице, кроме монахов, никто и никогда..." — Разочарование настигло меня и я оступился, хватаясь за все, до чего мог дотянуться. Учитывая, что кроме шершавой кладки, под руку ничего не попало...

Да, разочарование, оно такое...

Поднявшись по лестнице метров на пятнадцать, вышел в коридор, украшенный стрельчатыми окнами, за которыми пролетали снежинки.

Присмотревшись, облегченно вздохнул — снежинки оказались нарисованы на стеклах!

Коридор вывел меня в комнату, с окнами на две стороны — угловую.

В центре комнаты, за здоровенным деревянным обеденным столом, сидело несколько человек.

Из знакомых — Анна и...

Да. Теперь я понимаю, почему "Обсервер" на меня так злится. Имеет некое право, не скрою.

Но уж больно у него симпатичная дочка...

Жаль, что я не в ее вкусе — но об этой тайне знаем только мы с ней, оставшись хорошими друзьями.

— Виталий Борисович, Добрый день. — Поприветствовал я, своего бывшего куратора. — С остальными не знаком, тем не менее — Добрый день, господа.

Господа, оторвавшись от тарелок, вразнобой поздоровались.

Всего за столом сейчас сидела дюжина.

Со мной — "Чертова"!

Анна ткнула мне в свободное место и обрадовала:

— Долго шел, суп кончился!

Глядя на расположившееся в центре стола блюдо, я лишь отмахнулся — остаться голодным, при заливном поросенке — просто не реально!

— Надеюсь, здесь самообслуживание? — Подмигнул я Анне и потянулся с тарелкой.

— Да... Бери как хочешь!

Интересно, она считала, что я буду мелочиться?!

Оставив свою пустую тарелку в центре стола, подтянул блюдо с поросенком к себе и принялся за еду — кишка была кишке по башке, а желудок считал, что я давно перерезал себе глотку!

— Ну, хоть не чавкает... — Пожал плечами Виталий Борисович, но судя по его взгляду — повел я себя абсолютно правильно! — Пока у моего сотрудника занят рот, а слюноотделение мешает мыслительному процессу, давайте воздержимся от обсуждения наших проблем...

На целых сорок минут от меня отстали!

Поросенок был не плох, но было маленькое "но"...

Вот где они берут такие специи, а?

Нет, чехи в жратве разбираются лучше — ей-ей!

Да и венгры — не отстают...

Горячее мясо упало на сонный клапан и только минералка спасла меня от позора засыпания прямо за столом.

Виталий Борисович, честно дождался, когда я наемся и отвалюсь на спинку стула, чтобы начать этот разговор и представить меня присутствующим.

— Сотрудник отдела наблюдений и сбора данных агентства "Фемида" — Сайд. — "Обсервер" сделал глоток минералки и вздохнул. — Анна, Огюст и Веррей — от "Интерпола".

Двое мужчин чуть склонили свои головы.

— Четверо от наших китайских соседей...

— Без имен! — Сразу предупредил седой китаец, поглаживая свою белоснежную бороду, ну совсем как в китайских фильмах!

Его сотрудники переглянулись и дружно кивнули головами.

Да. Теперь мне стала понятна фраза: "Китайский болванчик"...

— От государственных правоохранительных образований — господин Сен Жак — Франция, Мартин Бауман — Германия и Мигель Хоппано — Испания.

Правоохранители тоже воспользовались псевдонимами.

Особенно меня порадовала госпожа "Мигель Хоппано" — толстая испанка, не меньше сороковника, а туда — же...

Пока народ готовился к разговору, я вертел головой на все 360 градусов — когда еще удастся попасть в один закрытых монастырей!

Стены нашего зала оказались без украшений, а вот окна...

Каждое такое окошечко, стоит без малого 350 тысяч убитых американских президентов, гарантируя не только приватность любой беседы, но и безопасность находящихся за этими окнами людей, при прямом попадании 500 килограммового комплексного боеприпаса, сносящего башню линкору...

И, раз здесь такие окна... Боюсь представить, какие же здесь стены...

И, самое плохое — это мое присутствие здесь...

"Хвост горит"!

— По базе "Огненный змей", думаю, сомнений больше нет, как и нет желающих воспользоваться наработками и результатами? — Виталий Борисович слегка поморщился — седьмой десяток, старому... А все, женушек по моложе подбирает, старый! Сведут они его в

могилу...

— Данные собранные "Фемидой" — предельно точны. — Кивнул китаец. — Если государство откажется ликвидировать базу...

— Придется ликвидировать правительство. — Пожал я плечами и потянулся к минералке. — Заокеанский спонсор, это, знаете ли, не собственный народ...

— Опять твои... "Предчувствия"? — Виталий Борисович широко улыбнулся. — Голова не болит?

— Не предчувствия... — Я сделал глоток и поморщился. — На базе несколько раз появлялся один и тот же человек, под маской и защитой. За два месяца — дважды! И только на второй раз, когда он, выходя из машины, протянул руку сопровождающему, до меня дошло. Не "Он" — "Она"! Госпожа премьер-министр. Фото в отчете, вместе с выкладками.

— Достаточно и твоего слова. — Виталий Борисович, хоть и злой на меня за дочурку, тем не менее, мою славу с грязью не мешал.

Не было еще у меня проколов...

Ну, если не считать этот взрыв...

— Сайд! — Остановила меня Анна, когда все обсуждения и разговоры были уже "обсуждены" и "разговорены". — А теперь, расскажи нам, что произошло на самом деле, в супермаркете. Куда пропали контейнеры с бинарными жидкостями и кто с тобой разговаривал.

— Оп-п-па, они что, не взорвались?! — Вырвалось у меня. — Я же...

— Взрыва в супермаркете не было. — Обрадовал меня "Обсервер". — Но, когда добрались до Е-7... Там было стерильно чисто и только твои кишки и конечности, радовали взор вошедших. Собирала и зашивала тебя — Анна.

Анна с усмешкой поклонилась мне.

Надо будет хорошенько себя проверить — с нее станется пришить мне что-нибудь не с той стороны... А самое главное — это сколько же провалялся... Даже если учитывать, что "Обсервер" мог и приврать...

— Три недели. — Обрадовала Анна, поймав мой заинтересованный взгляд. — Конечности, конечно, пострадали слабо, а вот потроха — действительно пришлось собирать в пакет. Даже удивительно, что ты умял половину пороса и не пикнул... Может, не такой уж я и плохой — хирург... Так что, если хочешь все узнать — сперва расскажи, что произошло!

Понимая, что отвертеться от рассказа мне не светит, удобнее сел на стуле, закрыл глаза и стал восстанавливать цепочку событий.

Хватило на добрых полчаса.

Сидящие переглядывались, качали головами — китайцы, "Обсервер" кривился, "Интерполовцы" украдкой переглядывались, а "представители гособразований", едва ли откровенно не зевали.

При описании существа, Анна напряглась.

Огюст и Веррей, мгновенно оказались позади нее, удерживая ее на месте.

Миг, не будь я таким внимательным, я бы и не заметил их действий — краткий миг и глаза Анны, из бешено-черных, вновь стали голубыми.

"Выход на скорость", точнее — срыв, на скорость.

Не мудрено, что ее напарники такого телосложения — удержать своего босса, от "срыва"... Интересно, кто догадался вообще назначить ее старшей?

— Мы уже встречались с этим существом. — Веррей, дослушав меня и поиграв в

глядялки с Анной, начал выдавать информацию на гора. — Первая, зарегистрированная, встреча состоялась пару — тройку лет назад. Свидетель не выжил. Потом было еще девять встреч. Посмертное сканирование дает четко понять — Существо имеет не ниже 10 уровня. Странно, что Сайд выжил. Но, учитывая предупреждение — это ненадолго. Сущность получила кодовое имя "Сапфирр" — за свое пристрастие к этому минералу, в качестве надгробия для своих противников...

Морозные узоры на стеклах, гололед на дорогах, притушенные туманом фары машин — зимний вечер. Пустой и долгий. И пронзительный ветер. И поземка. И холод...

Тонкий, похрустывающий под ногой, слой снега. Световые "ёжики" вокруг фонарей. Лица спешащих по своим делам, людей.

Река времени, то такая быстрая и ненадежная, то медленная и величавая.

А иногда — застывшая, словно снимок "Поляроида".

Старое кирпичное здание, пережившее своих создателей, многих жильцов, да и, пожалуй, весь свой век. Два этажа, два подъезда, двенадцать окон и четыре лестничных пролета. Все как везде.

Глубже на десять метров — другой мир.

Здесь живут люди, по своему, очень странному, распорядку. По своим законам.

Слышны лишь шум шагов, да невольно вырвавшиеся восклицания.

Тому, кто окажется здесь впервые, здешние обитатели покажутся, мягко говоря, странными: молчаливые, исчезающие и появляющиеся. Весь подземный комплекс, все его "чертова дюжина" открытых для посещения этажей и еще десятков — закрытых, заполнены тишиной и внутренним спокойствием. Стены коридоров мягко светятся. Пол приятно пружинит под ногой. А потолок, потолок вроде бы и отсутствует, а может быть и нет...

Сумрак комнаты, находящейся почти в полусотне метров, под землей. Чье-то тело, на простыне рядом. Вчера неплохо набрались. Приятно провели ночь.

"Но, какого черта я потащил ее к себе?!" — Закуривая, подумал я, внимательно наблюдая за лежащей рядом женщиной. — "Неужто потянуло к бесплатной миске горячего супа?!"

Брюнетка потянулась, простыня соскользнула, обнажая красивую фигуру.

— Впрочем, какая к чертям, разница, все равно ЭТО ни х... не значит! Совсем! — Последние слова я произнес вслух, разрушая чертог призрачной тишины.

Уже давно, где-то в закоулках мозга, бродила странная мысль о том, что скоро всего этого не будет. Не будет простого трепа, легкого флирта, даже времени, на воспоминания — не будет.

Станет просто — некогда. Некогда остановиться и вдохнуть полной грудью.

Просто — Не судьба...

Мягко тренькнул в мозг вызов, приглашая присоединиться к беседе. Что-то сжалось внутри, когда я собирался. Послав спящей, от порога воздушный поцелуй, я вышел в коридор, кивнул паре знакомых, спешащих по своим делам, и растаял облачком утреннего тумана с тем, чтобы собраться вновь, в кабинете человека, "заварившего" уже немало каш.

— Сайд... Опять вчера проказили? — Принюхался шеф, но запаха алкоголя не учуял, а наркотой я не балуюсь. Но и особо врать своему руководству не хотелось, так что я слегка кивнул, подтверждая события.

— Ну, как говорить — большому кораблю — большая пробоина. А тебе — новая работа. — Я внимательно смотрел на человека, от которого зависело так много в моей

жизни. И, не только в моей.

Виталий Борисович благополучно ушел в отпуск, с последующей переменой места работы — его давно звали в универ, преподавательствовать. А еще лучше — командовать преподавателями, тем более что и опыт и знания у моего бывшего куратора и "Обсервера" группы, были совсем не маленькие.

Так что, вчера, мы, заодно и обмыли его отъезд и повышение.

Дочурка, на радостях, наконец-то выложила папочке, кто ее избранник и я весь вечер ловил на себе странный взгляд, которым он меня одаривал.

Ну, раз сижу перед шефом, а не на унитаза — значит все не так и плохо.

— С отчетом, по "Змею", уже ознакомился. — Обрадовал меня босс и криво усмехнулся. — В "поле", больше, ни ногой! Слышал? Агент ты — фиговый, а вот аналитик и интуит... Других, прости — нет и сравнивать не с кем. Так что — сиди на попе ровно и не зуди — больше не отпущу!

Не смотря на то, что "базу" мы закрыли в августе, последние "хвосты" подчищали до ноября.

Особенно пришлось побегать за его превосходительством Максом Тихоновым — которого катали по дорогам Флориды в дорожном и комфортабельном трейлере, заокеанские спонсоры, ожидая когда тот закончит формулу.

Не глупая жадность Тихонова, с этим монстром, согласись он на обычный — войсковой — трейлер, мы бы и внимания не обратили, перетряхивая все возможные места "лежек".

За все время операции, Аннушка штопала меня еще трижды — дважды в июле после скоротечного огневого контакта с охраной и один раз — после самоподрыва Тихонова, это уже в ноябре... Нет, в октябре!

И, в отличии от классической медицины — ни одного шрама не осталось!

Золото, а не женщина!

Тихонов, конечно, не сам подорвался — сработала система самоликвидации ВИП объекта, но тут нашла коса на камень — плюгавого и плешивого профессора я успел умыкнуть и прикрыть своим телом, так что на суде он присутствовал и показания давал, "сливая" и государственных служащих и спонсора, в надежде получить по минимуму.

Судья О'Ши вежливо его выслушала и списала в расход — на высшую меру.

Тем более что было, за что. А все его "песни" только шли в копилку "общего зачета" — всей базы.

Судья О'Ши, хорошо знакомая с правилами "Фемиды" и ее девизом: "Верша справедливость", не дрогнувшей рукой подписала смертные приговоры.

На всю базу, включая уборщиков и охранников.

Слушание было закрытым, а исполнение приговора — мгновенным.

Адвокатов не присутствовало, иначе пришлось бы вешать и их — информация, озвученная в ходе допросов, относилась к рангу всепланетной безопасности.

По окончании суда, память затерли всем.

Ну и мне, куда деваться...

Так что пришлось знакомиться со всеми по второму кругу.

— Вижу, по твоей улыбке пакостливой, задумал ты — недоброе... — Босс, со вздохом, дотянулся до исходящей паром, чашки.

"И этот Бог не вечен..." — Признался я самому себе. — "Старость поджидает нас за углом... Только где он, этот угол?!"

— Я не вечен. — Босс словно подслушал мои мысли. — Так что... Раз из тебя не получилось агента... Будешь ты заниматься самой ненавистной тобою, работой.

— Снова в отдел "Н"? — Напрягся я.

Снова сидеть за экраном, собирать, классифицировать и комбинировать факты — лучше пристрелите!

— Будешь преподам. В Академии. — Босс подписал мне смертный приговор.

Видел я этих студентиков... Они не тупые, нет. Они — самодостаточные... Даже более того — самоуспокоенные.

— В Университете у нас свой человек есть, теперь вот очередь дошла и до Академии... Будешь учить детишек...

— Может, лучше пристрелите? Чтобы я того, сразу в ад и не мучился?! — Предложил я.

— Отдохнуть захотелось? — Босс сделал долгий глоток и чашки и блаженно прикрыл глаза. — Ты ж там был...

— Хорошо. — В голове промелькнула спасительная мысль, о факте, выручавшем меня не раз. — Только... Высшего образования у меня нет.

— Пойдешь лаборантом. Уборщиком. Вешалкой для зонтиков — но пойдешь. И работать — будешь. — Босс не злился и не повышал голоса. — Не нравится мне твоя морда. Все равно — отмажешься. Знаю я тебя. Свободен.

Как оказался за дверью — понятия не имею.

Видимо, шеф, все-таки, рассердился и выставил меня вон, да так, чтобы я не успел смыться.

Вот теперь, предчувствие "большой свалки" набирало обороты.

Проскользнув между этажами я оказался на перроне "для внутреннего" пользования. Маленький, юркий электровоз лихо подкатил, распахнул дверцы, приглашая войти в салон и почему-то, довольно замурлыкал.

— Похоже, я знаю, чья это шуточка... — Пробормотал себе под нос парнишка со сплюснутым носом, разбитой бровью и в форме полевого агента, с нашивкой подразделения "Тень".

— И что, "хороший" знакомый? — Заинтересовался я.

По моему представлению, "подселить сущность" способен далеко не каждый, из нас...

— Скажем так — встречались... — Парень поморщился, потер левое запястье и коснулся разбитой брови.

"База "Ридж", Пиренеи, два месяца назад". — Перед моими глазами закувыркалась земля, сгусток боли сжал руку и царапнул по лицу.

Да, вот и еще один дар. Опять. Чувствовать, что произошло с человеком недавно. Всю боль и мерзость событий.

Холодок пробежал по коже и я сделал шаг в салон.

И, кому он такой нужен?!

Устроившись на сиденье, подальше от всех, накинул "пустоту" и замер, растекаясь в водовороте происходящего, грядущего и возможного.

Из раздумий меня вывела кампания студентов, в своих форменных академических курточках и в дымину — пьяных. Они громко спорили размахивая руками и как-то странно косились в мою сторону. "Тормоз" еще держался, но все хуже и хуже. Скоро он отказал.

Тонкий мыслешуп вторгся в мое сознание, что-то старательно разыскивая.

"Получишь..." — Пообещал я, обрывая контакт. — "Раз!"

Щуп дернулся, получил подпитку и полез на второй уровень воздействия.

"Два!" — Честно предупредил я, обрывая "усики" и этому.

Студенты полезли на третий уровень — пьяная голова, она такая... Никакая!

— Три. Я предупреждал. — Произнес я вслух.

— Да пошел... — Закончить фразу "студень" не успел. Его желудок вывернуло наружу, заливая стоящих рядом приятелей.

Остальные в компании протрезвели сами.

— "Молодняк"... — Вырвалось у меня.

Меня учили действовать тоньше.

Намного, тоньше.

Только что, "молодой чюловик", использовал свой дар во вред другому.

Ладно бы я — угрожал ему лично или его компании. Нет — захотелось "полюбопытствовать". "Просто так".

"Интересно, кто у них препод, что забыл растолковать такие простые вещи?" — Задумался я, снова закрываясь.

Оставшуюся дорогу студенты вели себя пристойно — держались плотным кружком, в эфир не лезли, не светились и не дергались.

Я даже обрадовался — может, не такая уж и конченная у нас молодежь?

До Академии мы добирались больше часа.

За это время студенты, сидящие за моей спиной, ничем не выдавали своих мыслей. Они сосредоточенно изучали газеты, воткнутые за сетки сидений, выбегали курить на площадку и переглядывались.

Пришла и моя очередь проявить любопытство.

На спуске с перрона меня ожидал десяток "встречающих", горящих желанием проучить непонятого человека в костюме-тройке и легкой куртке.

"Мог бы и попрощаться!" — Мысль принадлежала женщине, с которой я провел ночь.

В ответ, отослал ей картинку виноватой улыбки. И — всё. Два человека встретились и разошлись.

"Ваша остановка — следующая". — Предупредила меня подсаженная сущность. — "Всего Вам хорошего!"

Кто бы не подсаживал "душу" — сделал он это просто изумительно.

Сущность словно влитая, села в электровоз, исполняя одновременно функции кондуктора, машиниста и репродуктора.

И мурлыкала, от удовольствия за прекрасно проведенную работу.

Налицо все три основополагающих фактора "подсадки"!

— Вы прибыли к месту назначения. Время стоянки — три минуты. — Приятный женский голос сущности, просто ласкал мозг!

Пропустив торопящихся студентов, я скользнул к выходу. Задержался на перроне, подкуривая сигарету и давая студентам собраться в тесный кружок и обсудить свои дальнейшие действия.

Парочка крутилась на перроне, бросая на меня быстрые взгляды.

— Здравствуйте! — Невысокая, худощавая женщина протянула мне руку, здороваясь. — Вы наш новый преподаватель!

Студенты испарились.

— Вы только что испортили мне "праздник встречи"! — Попенял я женщине с улыбкой.

— Не хотелось бы начинать семестр с жертвоприношения... Я, буквально только что, получила Ваше дело и... У вас хорошие рекомендации, но абсолютно отвратительный характер, что в купе с вашим самолюбием, делает вас невыносимым монстром, по сравнению с которым...

— Очень приятно познакомиться... — Оборвал я словесный поток, боясь в нем захлебнуться.

— Простите. Меня зовут Стелла. Я декан кафедры аналитики. — Женщина подхватила меня под локоть и провела к эскалатору.

От группы "встречи и поддержки" остались только бычки, брошенные мимо урны.

"Свиньи" — Дернулась Стелла и я с ней согласился.

Поднявшись на два уровня, мы оказались на обычном, человеческом, шоссе, обсаженном полосой тополей и осин, уже скинувших листву на зиму.

На парковке притулился старенький "Наследник" — еще с бензиновым двигателем, без электроники и без магнитолы, к сожалению.

Стелла завела машину и через десять минут мы оказались на окраине леса, из-за которого выглядывали аккуратные коттеджи Академии.

— Совсем не плохо! — Признался я, больше самому себе, чем в попытке польстить Стелле. — Сказка!

— Очень страшная, сказка... — Горестно вздохнула Стелла. — Пятьсот проказников и проказниц, в возрасте от восьми, до девятнадцати, лет. У каждого свои особенности, выверты психики, стадный инстинкт...

— Стайный... — Автоматически поправил я и задумался, что возможно, Стелла очень даже права — не "стайный", а "стадный" инстинкт присущ всему человечеству. Даже — "мертвым".

А уж студентам — точно!

Редомитовая дорога, новшество, пришедшее на смену асфальту и бетону, обогнула лес, нырнула под стальные ворота академии, расширилась перед центральным корпусом — парковкой и рассыпалась бесконечное число тропинок, ведущих к разным корпусам.

Загнав "Наследника" под навес на парковке, рядом с отметкой — "Только для преподавателей!", Стелла провела меня одной из троп прямо в центральный корпус — черным ходом и повела по пустым и тихим коридорам.

— Что, занятия? — Поинтересовался я, дивясь тишине.

— Нет. Каникулы. — Рассмеялась Стелла.

Резные двери, ведущие в деканат всея Академии, распахнулись перед нами, открывая взгляду картину, типичнейшую для многих учебных заведений — "разборка"!

При появлении посторонних свидетелей, конфликтующие стороны мгновенно заключили перемирие и приготовились дружными рядами накинуться на любого, кто им не по нраву.

И кусаться до последнего патрона, выживая человека с его места.

Все, как обычно.

Если гарем — это серпентарий любящих жен, то учительский коллектив — это паучарник высшей категории!

"Надеюсь, мне придется преподавать физкультуру..." — Размечтался я.

— Всем добрый день. — Поздоровалась Стелла.

— Утро еще... — Буркнул мужчина с золотым стилем — "Паркером", в нагрудном

кармане пиджака, песочного цвета и с коричневыми, кожаными заплатами на локтях. — Привет.

— Это — Сайд. Наш новый учитель. — Стеллу дергало отсутствие у меня привычного ФИО и это было видно не вооруженным взглядом.

— О-о-о-о! Хвала Небесам! Разбавили "Бабятник"! — Пиджак просто расплылся в улыбке. — Меня зовут Валентин и я преподаватель высших функций ЦНС.

— "Мозгоклюй" — Прокомментировала его слова пухлая шатенка с карими глазами и короткой стрижкой под мальчика. — Лиззи Вамп — "Резервы организма".

Блондинку, что вела разговор на повышенных оборотах, звали Альба и предмет "Математический анализ и малые этногруппы".

Энрикс — брюнетка лет сорока пяти, с отличной фигурой и яркими зелеными глазами — вела предмет под названием "Чувства и эмоциональная составляющая".

Орлан — второй мужчина, с мужественным профилем, лысиной и хитрым взглядом, вел предмет, даже само название которого для меня было не понятным: "Развитие полупроцессов развития", во!

— Теперь, когда вы познакомились, походите, осмотритесь... Будут вопросы — задавайте. Мы будем рады помочь коллеге! — Подмигнула мне Стелла и принялась узнавать, из-за чего же в Этот раз, разгорелся спор.

Первым делом я устремился к висящему на стене расписанию, в надежде узнать, что мне досталось.

Изучил.

Захотелось плакать.

Вот прям так — сесть, обхватить колени руками и завывать.

Напротив моего имени стояло: "Этика и психология семейной жизни. Поведение в кризисной ситуации".

— Жопа-то... Ненавижу! — Прошептал я себе под нос.

Холодная пластиковая панель подернулась туманной дымкой и сложилась в лицо Босса.

— Императив "Поиск". Приятно провести время. — Стена, напоследок, махнула ручкой и оставила меня в состоянии легкого ступора, переходящего в жуткий тормоз. Шевельнув губами, как рыба на воздухе, я приготовился к худшему — согласно расписания, занятия у меня уже завтра!

— ... Так. Я не понял! Вот это что сейчас было?! — Тор "воткнулся" взглядом в женщину, которую везде изображают с завязанными глазами. — Как это — "мне понравилось?!" Вой, это вообще — что?! У нас был договор — не лезть!

— А мы и не лезем. — Мрачный Вой замер перед огромным, во всю стену, окном. — Предупреждала меня, создательница, что Мойры — еще те ведьмы... Ты посмотри, как они ниточки, хитро, сплели... И ведь уже не отмотаешь — все... Уже в клубке.

— Мальчики, ну не будьте такими вульгарными мужланами! — Фемида, Фемми или Фимка — для своих, с удовольствием уселась в кресло и дотянулась до кувшина с вином. — Так редко выпадает шанс... А постоянно ходить с повязкой на глазах, фи, как утомительно!

Клятвенно Вам обещаю — ничего плохого с Вашим подопечным не случится!

— Уже — случилось! — Взревел Тор. — ОНИ не встретились!

— Это всего лишь — "параллель" — Пожал плечами Вой. — Мойры создали для него целый мир.

— Не для него! — Изумительно улыбнулась богиня, мило хлопая длинными ресницами. — Для меня!

Стон, раздавшийся из двух мужских глоток, был ей ответом.

— Спасибо за вино, мальчики! — Фемида встала из-за стола с бокалом в одной руке и кувшином в другой, прошла к двери. — Да... И на два остальных раза — уже очередь занята!

Отсалютовав бокалом, в котором плескалась и искрилась божественная влага, богиня покинула зал чуть покачиваясь и вульгарно вертя бедрами.

— Меч забыла! — Рыкнул ей вдогонку Тор, подхватывая серебристый полуторный меч, забытый на столе. — Пьянь, дорвалась! Не зря ей глазки-то завязывают!

Тор уже почти швырнул клинок вслед хозяйке, но замер остановленный спокойным голосом Воя.

— Рыжий, мозги от злости отключились?! Это же — Меч Фемиды! И у меня уже есть идеи...

Друзья заговорщицки переглянулись и расплылись в улыбках.

— Да!

Сны. Сны. Сны.

Что за ними — целый мир?

Или только тихое отражение нашего накопленного опыта и дневная усталость?

— ... У него нет друзей. У него нет семьи. Своеобразная, очень извращенная, логика не присущая ни живым, ни мертвым. Мы проверили его предков — в его семье нет и не было — даже неиницированных, почти пять поколений.

— Не будет ли это... Отрицательно сказываться на его деловых качествах и влиять на работу? — Присутствующий на видеоконференции, "по ту" сторону экрана, человек, по-русски говорил медленно, осторожно подбирая слова.

— Сперва надо убедить его вообще принять наше предложение. А сделать это будет очень не просто. Он, все-таки... Станный человек...

— Это Вы еще мягко выразились! — Вступила в разговор молчавшая до этого женщина в белом халате. — Он — "перестарок". Убедить таких людей в чем-то, "навек" усвоенном — почти невозможно. А запугать — с его связями — себе дороже.

— Хм. Убедить можно даже барана! — Возразил иностранец. — Нужно только правильно...

— Этот человек — не "баран" и уж точно — не "перестарок"! — Новое действующее лицо появилось на границах экрана, активируя свою камеру, с которой на окружающих смотрел "новый русский", в малиновом пиджаке и оранжевой рубашке с бардовым галстуком. — Далеко не "баран"! То, что он использует в работе, называется "интуиция"!

При неправильных первичных данных, неверных предпосылках — достаточно точный и четкий вывод. Из всего того, что я видел сегодня ночью... Это — "Координатор". Или вообще — "Хозяин"!

— Ты серьезно? — Женщина и иностранец — дуэтом выдали свои восклицания.

— Ага. А даже если и нет — терять такого человека — слишком дорого для "Фемиды". — Собеседник подмигнул им и, помахав рукой, исчез с экрана, оставляя черный квадрат.

— Может Рябоконь и ошибается. — Пробормотал себе под нос иностранец. — Но я в этом сильно сомневаюсь. Инга, дитя моё, сделайте по нему повторный расчет и введите два дополнительных фактора — окружение и... Семью. С этим человеком все не просто и кто знает, что он может и что он сможет — позже. В начале пути человечество делилось на рабов и господ. Потом на нищих и имущих. А теперь, похоже, пришло время деления на "знающих" и "владеющих". И, совершенно не понятно, что лучше...

Экран монитора погас, оставив в сумраке кабинета двух человек — мужчину и женщину, молчаливо замерших друг против друга.

— Это еще не все. — Альба осторожно посмотрела на меня. — Чуть позже, привезут еще и... Если ты не против, я бы хотела их отсмотреть, вместе с тобой. Архив огромен и сейчас, потерять хоть один байт информации — катастрофа.

Двухметровая панель телевизионного экрана, на котором только что разыгрывалось представление, мягко светилась, отбрасывая длинные тени, за наши спины.

Просмотровый зал, по причине каникул, дали нам на откуп — "Фемида" давным-давно закрыла один из своих филиалов и теперь, по окончании срока хранения, любезно предоставила устаревшую информацию, для обучения студентов. Вот и сидели мы с Альбой, то ковыряясь в документах, то просматривая видео.

Один раз попалась даже порнушка — за одним из кандидатов вели очень плотное наблюдение.

Если бы Стелла, словно не почувствовала что-то и не заявила, открыв дверь без стука — мне было бы плохо. Очень — плохо!

А так — во всем виновата Стелла и точка!

Включив верхний свет, с улыбкой на губах начинаю собирать материалы и документы в большую коробку с маркировкой, начинающейся на 700.

Индекс города, который не перешибешь.

Еще когда мы только начали перебор документов, кольнула меня мыслишка, о сходстве. Кольнула.

А теперь вот — воткнулась и сидит занозой, заражая кровь и дергая нервы.

Ошибся, Рябоконь.

Не стал я "Координатором" и на "Хозяина" мне замахиваться рановато — опыт, такая штука, что приходит либо с возрастом, либо с путешествиями. Побуду-ка я тем, кто я есть!

И город этот — кстати — я ненавижу!

Все он отобрал у меня, сунув взамен только эту жизнь.

Он отобрал все тогда и пытается сделать это вновь.

— Сайд? Плохо себя чувствуешь? — Альба как всегда внимательна, доброжелательна, свежа и аппетитна, как яблоко-апорт. — Могу помочь?

Отработанной походкой, она делает шаг в мою сторону.

И упирается в коробку, которую я ей протягиваю.

Я не люблю блондинок.

От слова — "совсем" и до словосочетания — "нафиг-нафиг"!

— Альба, спасибо, пойду, отлежусь... — Скороговоркой пробормотал я и выскочил вон. Знаю, что "бегать не набегаешься", но и вести беседы — нет моих сил.

За этот год, что меня отправили в Академию, Альба каждый месяц пробует меня затащить в кровать. Иногда — дважды в месяц, словно из спортивного азарта.

Правда, есть и плюсы — Лиззи добротнo так подтянула мои познания, фактически вытолкнув на полный шестой уровень возможностей — низкий поклон ее предмету и ее фанатичному служению ему.

Сделав за один год то, что не смогли сделать за десять, она взяла меня в оборот еще крепче и теперь писала докторскую, пользуясь мной, как основным материалом.

Уже сколько чая и чего покрепче, выпито в ее трехкомнатной, точнее — трехсекционной — лаборатории. Был я и у неё дома — когда она умудрилась сломать ногу и разбить голову, вывалившись из окна, которое захотела помыть — собирал ей вещи и отвозил в ее лабораторию, потому что лечиться в больницу, эта красавица отказалась.

Альба, кстати, дико к ней ревновала, а Лиззи...

Лиззи словно дразнила, только не Альбу, а... Стеллу!

Вот, сам свет не разберет этих женщин.

Так, в мыслях и размышлениях, выбрался из корпуса и потопал к себе — благо жил я при Академии, в уютной квартирке, состоящей из четырех комнат — пустых! — комнат и здоровенной кухни, на которой сиротливо стояла плита и кухонный стол — на готовку времени просто не оставалось.

А, ну и самое главное украшение моей комнаты... Друза сапфиров!

Когда Лиззи дала мне такой качественный пинок, первое, что я сделал — вернулся в ТОТ мир и... Забрал этот кусок камня, в память о том, что все-таки остался в живых!

Еле нашел его...

А, когда я найду того, кто сделал Альбе копию ключей...

Квартира встретила меня пронзительным холодом.

Было так холодно, что изо рта вырывался пар!

В считанные мгновения, я превратился в замерзающую фигуру, валяющуюся на полу и судорожно пытающуюся согреть дыханием руки...

... Мир с рваными краями, ненадежным оскалом оврагов, кривыми облаками и легкими перьями, сыпавшимися с угольно-черного небосвода.

"Перья белые, а небо — черное... Парадокс... Или просто порвали ангела? И его перья еще долго будут сыпаться с черного неба на проклятую землю!"

Остался только Холод!

Полупарализованные мысли, вялые и скучные. Атрофировавшиеся мысли. Белый медведь на экваторе. Ему же жарко, бедолаге...

А мне плевать, с высокой колокольни, на самое темечко проходим...

Остался только Холод!

Чья-то старая шутка, по поводу "спящего гейзера", претворенная в жизнь. Пурген с димедролом. Пиво с клофелином. И кофе — с бензедрином. НАР-КО-ТА. Полный глюк.

Отговорила. Роща. Золотая.

Остался только Холод!

Каждый взгляд имеет свой цвет... Или свет? Или вес?

Кто ждет нас там, за чертой, пройдя которую, поневоле становишься одним из...

Остался только Холод!

Будь что будет: Холодный снег за воротом. Огонь на руке. Пепел на полу. Будет все. Или ничего.

Полная пепельница окурков, спертый воздух закупоренной комнаты — мозговой штурм.

Раннее утро, легкие облака — решение проблемы.

Танец с тенями.

Прочь.

Вперед.

Лиззи хороший учитель — уже понимая, что замерзаю и вариантов нет — все равно грызусь до последнего!

К моей великой радости — это не "пылесос", что вытягивает энергию из человека.

И на "фризирато" — тоже не тянет, тогда бы вымерз весь коттедж, обработанный космическими температурами.

Что-то вульгарное и самопальное...

Кто-то из студентов, за "двойку", отомстил?

Так ведь не ставлю я оценки — в моих группах занятия построены по другому принципу и места моему самодурству просто нет.

Что может согреть замерзающего?

Горячий чай.

Горячий суп.

Горячая девушка, в конце-концов!

Ничего из названных, в доме не водилось, как назло!

Остался только самый жесткий вариант, правда и согревающий — моментально, до волдырей.

Враг.

Сжав зубы, перекинулся на берег знакомой реки и со стоном начал разгибать замерзшие руки-ноги.

Жаль, врага моего, в этой параллели больше нет — самое время меня добить, чтобы не мучился.

Странный мне достался тогда противник...

Анна назвала его "Сапфирром".

Дудки — "Безобраз" он!

Не оттого, что страшный, а от того, что Без Образа!

Отогревшись, спустился к реке и зачерпнул воды в пригоршню — от омерзительного вида жидкости, текшей здесь совсем не давно, остался только слабый металлический привкус, отфильтрованный оставшимися после нашего боя, синими камнями — сапфирами, что так и не стали местом моего упокоения, зато смогли стать сумасшедшими по своим возможностям, фильтрами.

Я, когда перетащил в свою квартирку, самую большую и красивую дружку кристаллов, долго удивлялся этому факту, а теперь, совершенно забыл, когда в последний раз вытирал пыль или запускал озонатор.

Вода в реке, весело журчала по камням и играла бликами на ярком солнце, быстро меня согревшем.

Каждый раз, перекидываясь сюда, я ожидал очередной встречи и... Уходил,

разочарованным.

Вода, текущая с верховий, так и несла в себе частички яда.

Берег, перекореженный последствиями нашего недобоя, так и оставался пустынным и только звон редкого дождя, совершенно не частого гостя в этом мире, вырывался из обыденной серости.

В следующий раз, привезу сюда саженцы и устрою на берегу реки — фруктовый сад!

Я сидел на берегу реки, гадая, удастся мне задуманное или нет?

Согревшись и накопив тепла "в-запас", прошел вверх по течению, выходя из зоны своей квартиры. По моим прикидкам получалось, что каждые сто-сто пятьдесят метров здесь, это — километр двести, в реальном мире.

Жаль, что не известно в какую сторону.

В прошлый раз я умудрился вернуться без особых... Проблем. А до этого — "вернулся" болото, едва в нем не утонув!

Вода в реке, на мой взгляд, очищалась просто стремительными темпами, что не могло не радовать. Еще годик и можно будет столбить за собой "зону выхода" и начинать "маленький бизнес", ибо на преподавательские деньги — жить не возможно, а я и без того — "сокол без пёрьевый"!

Собравшись мыслями, следующий шаг сделал уже в "реале".

Очень удачно сделал — прямо напротив меня, трое "туристов" уже вовсю распускала руки в отношении моих студенток.

Обе красавицы были напуганы, но на истеричные крики еще не скатились и на помощь — не звали.

Мысленно похвалив их, замер в раздумьях — останавливать девчонок или, лучше потом помочь прикопать им "туристов"?

Появившийся четвертый, с охотничьим ружьем в руках, переиграл все планы.

Вот, предупреждали же — шарятся тут по окрестностям, ревнители генной чистоты, оставляя после себя трупы.

— Девушки, а девушки! — Видимо самый младший настойчиво отвлекал девушек от человека с ружьем, старательно закрывая им обзор, а вооруженному — линию выстрела. — А что Вы здесь делаете? Мы с Вами в городе не могли встретиться?

— Никитос! Хорош политеся скалить! — Вооруженный, стволом ружья сдвинул парня и взвел курки. — "Сучки" это...

Двустволка дернулась, выпуская картечь из двух стволов разом.

А вот теперь мне стало жалко мужиков.

Девушки переглянулись и началась потеха!

Жаль, стоял я метрах в тридцати и кое-что не рассмотрел.

Конечно, будь на месте этой парочки, та же Стелла или, не приведи боги — Альба, я бы вмешался раньше. Хотя, в случае с Альбой... Не знаю — не знаю...

Мужские крики и хрипы — умирали "туристы" страшно — я прикрыл "пологом тишины", есть у нас такая разработка, в "Фемиде".

Надо будет с девчонками, ею поделиться — следующий год у них выпускной, надо подготовить к жизни, в "большом и злом мире".

Снова сдвоенный выстрел из ружья и отчаянный вопль, переходящий в сип.

"Справившись" своими силами, девушки замерли, наконец-то задумавшись о том, что они натворили и как теперь будут выкручиваться.

Пришлось выйти из-за дерева и щелчком пальцев привлечь к себе внимание.

За что я уважаю женский пол — за его неотвратимость!

Прилетевшие в мою сторону боевые формы "конструктов", несомненно, самопальные, но весьма даже эффективные, я "заморозил" и "спрятал".

Изучу, потом, на досуге...

— Сантана и Аша... — Начал я с улыбкой. — "Синсити" насмотрелись?

Девушки переглянулись и насупились — наряды их, тут я соврал, были очень даже скромными и культурными.

По меркам нашего времени, разумеется.

А так — шортики, топики, стразики крохотные рюкзаки, за спинами у обеих.

Стразики было больше всего — на ногтях, наращённых или отращённых? По парочке — в пупках и на клыках белоснежных зубок, в ушах — штучки по четыре и на крыльях носа — по одному.

Все в соответствии с академической модой, на этот год.

В прошлом году все было куда страшнее — "готы" и прочие "плакающие", при виде наших студентов на "Дне всех святых" в городе, валились от зависти пачками, кусая себе руки до плеч и смывая с себя краску, чтобы не позориться.

— Сайд... Мы... Тут решили помочь... — Первой, как всегда, начала Аша. — Мы их специально не искали! Только решили пройтись, вдруг к первогодкам... Ну, помочь, в общем...

Сантана подтянула топик пониже и согласно кивнула головой, поддерживая подругу.

— Помогли — здорово. — Подмигнул я обеим. — А кто мусор будет убирать? Тем более, кому пришла в голову идея использовать зад — в виде мишени?

Студентки переглянулись, и я понял, что идея была точно не их.

Видимо, кто-то из "туристов", обладал зачатками дара и поделился своими "мечтами"...

И я даже знаю кто — вон оно, лежит, светя своим кишечником и съеденным обедом.

— Будете полицию вызывать? — Исполдбья глянула на меня Сантана.

Аша ткнула подругу локтем в ребра, призывая помолчать и ждать моего решения.

— Георг, выходи, ниндзя не доделанный! — Рывкнул я. — Спецприглашение надо? Давно зачеты не пересдавал?! Могу устроить! Ты, кого лично предпочитаешь? Альбл...

Я закашлялся, пытаюсь скрыть едва не прозвучавшее прозвище Альбы.

Вот бы позору было!

Георг, студент-выпускник этого года, по виду — записной ботан и король ботанов, а по сути — второй на выпуске по дару и владению им, спланировал с дерева.

Тоже мне... Белка — летяга! Или — "Белк — летяг"?!

Сделав себе зарубочку, поинтересоваться у Энрикс, как у самой умной, как же будет правильно белка в мужском роде, расплылся в улыбке.

Пока я мысленно играл словами, студенты пытались пробиться через "барьер абсурда", в надежде понять, что же именно их ждет.

Еще никто не смог пробиться через мой "Барьер"!

— На видео, снимал? — Полюбопытствовал я, разглядывая оттопыренный карман брюк.

Георг, со вздохом, полез в карман, вытащил портативную камеру и протянул ее мне.

— Ну уж нет! — Отмахнулся я. — Взялся за грудь — делай, что-нибудь!

И, уже обращаясь ко всем сразу: — Собирались записать и выложить?

Все трое кивнули.

— "Отлично". За идею. За исполнение — в виде исключения и за первый раз — тоже "отлично". — Я почесал ухо, замерзшее так сильно, что вообще боялся, что отвалится. — Хотя, так рисковать... Валить их надо было сразу и без разговоров. Но, как вы собирались избавляться от тел?!

Сантана, молча, сняла рюкзачок и, открыв, вытащила из него пакет и полулитровую бутылку.

— Термит и кислота?! — Опешил я. — В лесу — медведи не кормлены, волки — голодные, а Вы! Фи, как вульгарно!

Студенты облегченно вздохнули и разулыбались, понимая, что гроза прошла стороной.

Тихий шорох, пытающегося отползти "туриста", вернул меня на землю.

— За исполнение — трояк! — "Турист" при этих словах замер и начал сворачиваться в коврик для йоги.

Начиная с ног. И очень медленно.

Я, никогда и никому, не позволял наезжать на "своих".

Весь мой опыт работы в "Фемиде", общение с агентами — профессионалами и теми, кто живет долгую и полную приключений, жизнь, доказывают, что я поступаю правильно!

— "Верша справедливость"! — Пробормотал себе под нос Георг, наш девиз.

Наша "Фемида" — без весов и маски — действительно вершит справедливость.

Потому что правосудие уже не помогает.

— Да. "Верша справедливость". — Согласился я. — И значит... Обе, ко мне на пересдачу — завтра-же! А вы, молодой человек...

Георг засопел, но взгляд выдержал, хвалю!

— Запись не уничтожу! — Набычился он. — Все равно — выложу! Пусть скот знает, что...

А вот этого я не выдержал.

От моего удара, Георг согнулся вдвое, возвращая природе съеденное.

— Они — не "Скот"! — Колено "погладило" выпрямляющегося человека снизу в челюсть, отбрасывая спиной на кровь и останки "Туристов". — А мы — не "Пастухи"! Молод ты, повторять за старшими, их слова. Неправильные, грубые, лживые — слова.

Каждое мое слово вбивалось кулаком, а бить меня учили...

Георг, которого я отбросил от себя, приложился хребтом о ствол дерева и сполз по нему вниз, растирая текущую кровь из разбитого носа и рассечённой брови.

Девчонки молодцы — на помощь своему кавалеру не пришли, хотя кулачки и сжимались, а глазки метали молнии, грозя испепелить меня или, хотя бы отвлечь.

Георг, умница Георг! Вот не ожидал от него такой глупости! Кто, какая сволочь, "надула" ему в уши эти слова?!

Рассматривая костяшки — сбил, таки — я не отводил взгляда от его лица, все ожидая хотя бы тени понимания.

Нет.

Обида — есть.

А понимания — нет.

А вот девчонки — поняли.

— Мы ходим по самому тонкому льду, по самому острому лезвию... Самое сладкое, что окружает нас — БЕЗНАКАЗАННОСТЬ! Мы в силах уйти от любого наказания и наказания любого обидчика. Каждый из нас — уникален и каждый — одинаково проклят... От наших

действий зависит жизнь. Думаешь, просто так появились эти... Это зависть породила их. Зависть. Страх. А может быть — Мечь? — Я не надеялся, что мои отрывочные мысли, разлетающиеся сейчас в разные стороны, смогут правильно объяснить мои собственные чувства. — Мы вершим справедливость, Георг. Обычную, понятную людям, справедливость, не замахиваясь на высшие идеалы или материи. Даже наши особенности, не дают нам права на это. Мы не можем относиться к своим родителям, как к скоту. А человечество и есть — родитель. Глупый, жадный, напуганный своим странным ребенком... И родители заслуживают порки, однозначно. А вот оскорбления и пренебрежения — не заслуживает никто. Иначе всей нашей справедливости — грош цена... А теперь — уматывайте отсюда, быстро!

Подружки подхватили парня подмышки и испарились раньше, чем звук моего голоса растворился в голых ветках расположенного неподалеку леска.

"Стелла! Привет! У нас проблемка..." — Обрадовал я декана и приготовился выслушать очень многое, ибо было за что.

А когда она узнает, что за проблема, будет точно в своем праве выгнать меня, ко всем чертям, из Академии.

К моему удивлению, внимательно выслушав, Стелла даже бровью не повела, просто натравив на меня полицию и представителя "Фемиды" за компанию, видимо, чтобы я не расслаблялся.

"Фемидовец" на полянке появился минут через десять, а полицию пришлось ждать больше часа — пока они добрались до глухой полянки, на своих — то двоих...

Их неторопливость не только дала мне возможность обсудить все с проблевающимся от вида останков, "Фемидовцем", но и подготовиться к всевозможным каверзным вопросам, со стороны правоохранительных...

Лейтенант — от криминалистов. Капитан — от "убойных" оперов. Пара прокурорских, как всегда в штатском. Кинолог с потешным спаниелем — лапочкой. Десяток рядовых из ближайшей воинской части — вот и все, кто собрался в этот час на поляне, среди застывшей крови, переломанных костей и свернутого, упс, продолжающего сворачиваться в рулончик тела.

Криминалист, со вздохом взял пробы крови и закрыл свой чемоданчик — основной подозреваемый на месте, на вопросы отвечает, запирается не собирается — не вызов, а лафа!

Кинолог, прикорнул, устроившись на поваленном дереве, подложив под пятую точку свернутый плащ.

Капитан, в окружении прокурорских, записывал мой рассказ и от руки, и на серебристый диктофон, недовольно морщась от налетающих запахов.

Довольный спаниель, азартно гонялся за мухами и рылся в земле, утоляя свои охотничьи инстинкты.

Все были довольны.

Все, кроме десятка рядовых, что бродили сейчас по поляне, собирая в большие черные мешки, остатки тел.

А ведь им придется их еще и обратно, на себе, тащить...

Жечь! Я бы тоже был недоволен! Дав себе пинка, договориться с "Фемидским", на тему "прохода", вдвоем — то мы его точно потянем! — Замер, понимая, что где-то облажался. Причем облажался — по полной программе.

— Можно перечитать показания? — Капитан от моей просьбы едва не заполучил

инфаркт, а прокурорские поставили ушки на макушки и настороженно сунули руки в карманы.

Читая и перечитывая, снова и снова ругал себя.

"Туриста" — четыре!

Тогда...

Откуда взялось пятое тело?

То самое тело, которое я, по запарке, принял за "недобитого" и свернул в рулончик?!

А если было пятое, то кто скажет, что не было и — шестого!

Почесав затылок, обрадовал капитана.

Помните, в "Маски-шоу", все быстро бегали друг за другом?

Вот, после моих слов я наблюдал это воочию!

Досталось и кинологу, с собакой и десятку рядовых...

Да и мы, с "Фемидовцем", сделали пару кружков, вокруг поляны, благо капитан, обвинения в мой адрес пока не предъявлял, а писал все как свидетельские показания.

Шестой нашелся очень быстро — спаниель показал просто чудеса своего нюха и коротких, но таких быстрых, лапок! За сорок минут, собачка успела пробежать почти пять километров, по сильно пересеченной местности, в просторечии именуемой лесом и привела нас в лагерь, в котором, сладким сном праведника, раздувая палатку богатырским храпом, спал шестой.

От радости, десяток рядовых навалились на спящего с таким громовым "ура", что мужчина ракетой вылетел из палатки, зацепился ногой за жалобно завизжавшего спаниеля, упал, проехался голым пузом по погасшему костру, стукнулся головой об висящий котелок с супом и потерял сознание.

Прокурорские не прятали улыбок — есть выживший, а значит все не так и плохо!

Опер старательно делал вид, что он ничего не видел.

А "Фемидовец", снявший всю сцену захвата, на свой телефон, клятвенно заверил меня, что перешлет копию записи, едва вернется в офис...

Да, когда я говорил "Маски-шоу", я не имел в виду "Шоу Бенни Хилла", но вышло очень похоже.

Но, больше чем незадачливому бандиту, все обрадовались трем, семиместным внедорожникам, с забитыми багажниками.

Едва спаниель озадаченно гавкнул, замерев у одного из внедорожников, как прокурорские, взяли дело в свои руки, очень вежливо попросив меня, Артура и капитана удалиться и забыть о находках — в целях государственной безопасности.

Пожав плечами, мы — все трое — согласились.

Увидев наши приготовления, капитан "напросился с нами" — домой всем хотелось как можно скорее, а в свете последних событий, никто и никогда не будет искать двух "испуганных студенток Академии", что превысили предел необходимой самообороны, в отношении пяти вооруженных, взрослых мужчин.

Выбрав для финишной точки мою квартиру — и не далеко и места цивилизованные — подхватили капитана "под белы ручки" и сделали шаг, убираясь с поляны под несчастный взгляд собаченции.

В моей "пустой" квартире нас ждала засада.

Стелла, Лиззи и Валентин.

Строгие, официальные, чопорные, в официальных академических мантиях, глубокого,

фиолетового цвета.

Лязгающие зубами от холода и пытающимися сделать одновременно несколько дел — Выбраться из квартиры, согреться и найти, где у меня чайник...

Выбраться из квартиры им не давала защита, которую я придумал на досуге, после визита Альбы.

Согреться, кутаясь в шелковые мантии, не получалось ни у кого. И никогда...

А чайник у меня сгорел, и я его выкинул на помойку, делая кипяток в кастрюльке.

При моем появлении, защита отключилась и Стелла, взламывавшая дверь, вывалилась на лестничную площадку, тут же окутавшуюся белоснежными клубами пара.

— Как в детстве! Забегаешь с мороза домой, весь в клубах пара! — Умилился капитан, пытаюсь скрыть улыбку и поеживаясь. — Только в детстве, холодно, все-таки, было на улице...

— Это что — система безопасности, такая? — С места в карьер, кинулся выяснять Артур. — Если — да, то дайте две! Одну в офис поставлю, а вторую — на дачу, бабушке!

После того, как входная дверь оказалась открыта, температура в квартире стала стремительно возвращаться к любимым мной, оптимальным 26 градусам тепла.

К моему счастью, без последствий, в виде выпадения конденсата и тому подобных прелестей — я уже и так, заманался проводку и краны менять! Ну и лампочки — до кучи...

Понимая, что сейчас меня спасет только горячий чай и присутствие капитана с Артуром, поспешил на кухню, к плите, кастрюльке и холодильнику с "вкусняшками".

Артур, с видом знатока ходил вокруг моей глыбы сапфира, облизываясь и присматриваясь.

Лиззи, пришедшая мне на помощь, уже через десять минут поспешила избавиться от академической мантии, успев заляпать ее смородиновым вареньем.

Валентин бодро общался с капитаном, а Стелла...

Судя по виду Стеллы, разговор, ради которого они ко мне приперлись, состоится даже в том случае, если небо упадет на землю.

Усадив гостей за стол в кухне, для чего пришлось едва-ли не за уши, оттягивать Артура от каменюки, а капитана с Валентином — вытаскивать с балкона, на котором они дымили не хуже двух паровозов, я уселся с "краешку" и приготовился ко всему.

Бежать — в том числе.

Вот, объясните мне, как, обычный, не очень теплый даже, круг малознакомых людей, умудрился так уютненько и неторопливо, надраться до полного безобразия?!

Вроде и выпивки у меня дома было не много — вина, пару бутылок, да коньяку — чуть по-боле...

Может быть, супруга капитана, которая приехала за своим благоверным, когда за окном было уже темно, привезла с собой?

Хотя нет... К этому времени я уже точно помню, что Артур сгонял к себе, за гитарой, а значит...

"...Ой-ё! Никто не услышит!..."

Значит за вином, для девушек, мы ходили с Валентином, что сопит в соседней комнате!

Или с Лиззи?

Я считаю себя абсолютно счастливым человеком — я не болею с похмелья. Совсем. При любом "смешивании", "накапывании" и "раскуривании", единственное, что мне угрожает на следующий день — сухость во рту, проходящая, после первой кружки кофе.

Потянувшись на надувном матрасе — ну не купил я себе кровать, не купил! — принялся вспоминать вечер, с азартом спаниеля, раскапывающего нору лисы.

Минут через десять, картинка пришла в норму и я схватился за голову.

Стелла со мной поговорила. Вызвала на балкон, отжала сигарету и вывалила на меня все новости.

Блин! Точно! Вот после этого разговора-то, мы и укушались в хлам, с подачи, к сожалению, моей...

Санти, Аша и Георг, вывалились в общежитие, в двух шагах от Стеллы, возглавлявшей приемочную комиссию: общежитие отремонтировали, но студни жаловались, что хреново.

Разумеется, увидев пусть и бывшего, но своего студента, с разбитой мордой и девчонок, с круглыми глазами и потерянными улыбками, Стелла устроила им допрос с пристрастием.

Может быть, все бы и обошлось, да только злополучная камера Георга, не вовремя пикнула, напоминая о полном разряде батарей.

"Прикрыть" свои мысли, не успели все трое, и Стелла устроила им разбор полетов — уж что-что, а работать по ассоциациям и ловить, когда человек совершенно расслаблен, наша декан умеет, не отнимешь.

Выплыл и я, и их план, и запись, как подтверждение.

И мое рукоприкладство, в отношении малолетнего — тоже.

А тут и я с ней связался.

Праведный гнев, коим пылало мое начальство, поутих, но вырывался наружу — дикой вонью.

Сперва, Стелла собиралась сдать меня полиции. Потом — "Фемиде". Потом — уволить, ко всем святым. Потом устроить торжественное сожжение, с факельным шествием.

К этому времени, все трое студентов уже понимали, что вляпались очень глубоко и только и могли, что вжимать головы в плечи, когда очередной "конструкт", свистел над их головами.

На мое счастье, первое, что сделал Георг — сломал чип памяти — едва Стелла отвернулась.

Второе его разумное решение — смыться — уперлось в проблему чистой одежды.

Оставив молодежь "чистить перышки", декан собрала "большую тройку" и пылая жаждой восстановить справедливость, кинулась ко мне домой.

И вот тут, у меня нарисовался первый вопрос: "Откуда, ключ от Моей квартиры у декана?!"

Попавшись на мою защиту, едва не замерзнув и дождавшись моего появления, "большая тройка" уже не хотела восстанавливать справедливость — слишком было для этого холодно — они решили наказать меня иначе.

Они решили впиндюрить мне классное руководство, или, кураторство, над группой выпускников. А в лаборанты — всунуть Георга!

Второй вопрос: "И что мне с этим теперь делать?" Так же меня мучил, как и первый.

А ведь был еще и третий вопрос, и четвертый...

Выбравшись из-под простыни, принялся натягивать одежду — гостей пора будить и выпроваживать — да и самому, курить хотелось и кофе — в любой последовательности.

Пока на цыпочках — кофе — нет, жратвы — нет, а значит чего зря людей будить, пробрался на балкон, по пути едва не запнувшись об Артура, спящего сидя и с блаженной улыбкой прижимающегося к сапфиру.

Подняв его же, валяющийся рядом телефон, сделал пару снимков — ведь ни за что же не поверит, пока не увидит.

Судя по прохладе и низко висящему солнышку, времени было часов шесть утра.

Ничего не поделаешь — "сон алкоголика крепок, но не долог!" — аксиома, усвоенная мною еще в годы бурной юности.

Судя по разномастным пачкам сигарет — за ними тоже бегали, в свое время и, будучи уже "готовыми" — подкуривали со стороны фильтра.

Первая затяжка, вторая и мир покачнулся, прогнулся и засмеялся, давая понять, что жизнь налаживается!

С балкона пошел сразу на кухню — народ надо возвращать к жизни, во что бы то ни стало!

Пока в кастрюльке варился кофе, настрогал бутербродов и радостно пошел всех будить.

Валентин и Лиззи дрыхли в комнате, "валетом" — нормально, за них я никогда не переживал, вот и сейчас они демонстрируют многолетний педагогический стаж...

Артур — собирался постепенно, но... Сдается мне, сапфир умудрился почистить ему кровь — слишком уж он выглядел ошеломленным и свежим, словно и не пил, вовсе.

Капитан спал в обнимку со своей супругой, на моем единственном, нормальном, "лежбище" — диване. Даже разложить его смогли — "респект и уважуха" — я его и по трезвому состоянию, развернуть не могу, а тут — пьяными... Надо попросить, чтобы не складывали...

В четвертой комнате спал я.

Стеллы так и не обнаружилось.

Надеюсь, ее не понесло на "подвиги"?

... - Занятия в этом году мы начинаем с верой в будущее и надеждой на лучшее... — Президент академии, осыпанный научными регалиями, как собака — блохами, разливался соловьем перед студентами. Слушая профессорский спич, складывалось впечатление, будто нет в мире ничего лучше, чем стены академии, столь дорогие его сердцу.

Первое сентября, первый день осени и самый тоскливый день в глазах всей детей.

Сколько его не пытаются сделать привлекательным — получается не очень.

Вечно — учителя в мыле после приемок школ, родители — после закупок и сборов, а дети издерганы родителями.

Академию эта чаша тоже не обнесла — ремонтировался корпус общаги и два корпуса учебных — в этом году повезло попасть под ремонт обще "психопатов", их же учебному корпусу и корпусу технарей.

— ... Новые учебные аудитории откроют свои двери для самых востребованных специальностей. Академия, приложила все усилия, чтобы... — Президент разорвался, а в воздухе повисла странная, почти звенящая тишина.

Студенты, стоящие рядом со мной, переминались с ноги на ногу, обменивались мыслями, бросали косые взгляды в мою сторону, пытаясь пробиться под стенку моей защиты. Самые смелые и наглые, успели выкурить по сигарете, спрятавшись за спинами своих товарищей и выпуская дым в рукава.

Наивные.

Это я добрый и милый, стою к ним спиной. А вот Стелла — сидит на "амвоне" и очень даже хорошо все видит.

Да и складывать бычки, в карманы... Фу, как не культурно...

Очередной "наглец" начал подстраиваться под мой ритм, пробуя меня на зуб.

Следовало бы проучить, но — ломы!

Год работы в академии принес свои плоды — "ломизм крайней степени". Ну да ладно, "проживем как-нибудь без АЭС"!

Тем более что теперь, "пробовать меня на зуб", будут многие — злопамятная Стелла, поставила мой курс в список обязательных.

Получилось все, как в "Иронии..." — почти на грани исключения, я добился от декана карт-бланша на набор собственной группы, правда, с каким-то условием, о котором я наутро — убей! — не помнил.

Оказалось — "обязательная программа".

Низкий тебе поклон, Стелла-Свет-Тимуровна! Спасибо, что позвонила и напомнила, ближе к вечеру. Иначе — "СУРПРАЙЗ-3-3", как говорят наши "англоязыкие" студенты.

Осенний ветерок баловался с женскими прическами и, хоть еще под ногами не хрустели желтые листья, деревья словно вещали в эфир — "Спать! Спать! Спать!"

Весной они проснутся и снова — сперва зеленая дымка, потом — листва, потом — гроза...

Пятьсот учеников.

Пять сотен разных характеров и склонностей.

Они еще не знают точно, что именно их ждет за стенами академии, но уже догадываются — ничего хорошего.

— Я поздравляю вас, всех, с первым сентя... — Грохот и подпрыгнувший подиум летнего театра, прервали нашего президента.

— ... бря! — Закончил фразу профессор Артанский и развернулся в сторону грохота. — Б...!

Студенты, как дети малые — покажи пальчик — смеяться будут, а тут — такой повод! Мат из уст целого Президента и Прохвессора!

Смешки, сперва робкие, а затем все нарастающие, как клубы табачного дыма, зазмеились по рядам.

"Надеюсь это — не общага, гори она синим пропадом!" — Простонала в эфир Стелла.

Спохватилась и "закрылась".

"Может быть — пропаном?!" — Поправила декана ехидная химичка, добавив смайлик.

Наблюдая за пикировкой декана кафедры аналитики и декана кафедры химии, я добавил и своих пять копеек, о которых узнал совершенно случайно — на следующий год будут ремонтировать общагу химиков и их же корпуса — все два.

Той же конторой, что и ремонтировала!

Улыбка Стеллы, согрела мою душу, чуть больше, чем помрачневшее лицо "химички".

Интересно, после позавчерашней пьянки, Стелла стала если и не ближе, то понятнее — однозначно. Словно, потеряв контроль от выпитого, женщина открылась с новой и очень неожиданной, стороны.

"Интересно, а когда она ушла?" — Третий вопрос, терзающий меня после нашего "попойщества".

— Что, не отошел? — Стелла многозначительно "кивнула" в сторону Альбы.

Как ни крути — "мыслеречь", "лайн" и наши "комплектаты", они же "конструкты" — самое шикарное, что могло произойти с миром.

Словами, такую гамму чувств и эмоций просто не передать!

Так что, в ответ, Стелла получила весьма многообещающий слоган.

Настолько "весьма", что Альба вздрогнула, ведь ее слоган касался в первую очередь.

— И вообще, с каких пор личная жизнь преподавателя является головной болью декана?! — Возмутился я, "вскрыв" второе дно ее "кивка".

— Так ты... — Изумление Стеллы было таким явным, что я, под шумок, "поймал" эхо и еще одной мысли, о некоем споре. Но тут Стелла пришла в себя и закрылась наглухо.

— Кстати, — решил я ковать железо, не отходя от кассы. — Согласно вашему спору...

— И о споре ты знаешь... — Стелла дернулась. — Кто проболтался, если не секрет? Или ты, по привычке, "жучков" везде накидал?

Мысли Стеллы панически метались. Она слегка изменилась в лице, но все равно выглядела очень даже хорошо. Вру, конечно — выглядела Стелла просто Фантастически!

Можно было чуть-чуть нажать и считать информацию. Скрипнув зубами, не стал этого делать.

Кое-что изменилось в моих отношениях к Стелле, с той пьянки. В лучшую, сторону.

— Я потом тебе расскажу. — Пообещала Стелла. — Потом. Все-все.

Пока мы общались и выясняли отношения, легкий осенний ветерок донес до нас запахи и клубы пыли.

Пара секунд мыслеречи.

А за клубами пыли — еще клубы пыли и снова дрогнул подиум, в этот раз, сбросив с себя всех на нем стоявших, сидевших и даже — лежавшего профессора, под ноги, точнее — рядом с валяющимися студентами.

Робкий голос Альбы, прокричавшей "землетрясение", перекрыл длинный вопль "врача и водки, тьфу, носилки, тьфу — аптечку, гады — хватит ржать — это не шутка — все серьезно!"

Студентки — медики развлекались, "ощупывая" упавших парней на предмет травм и повреждений, преподаватели пытались навести порядок в этом кавардаке, а я замер в ступоре.

"Привет, Мышонок! Я тебя нашел... А ты меня — найдешь?"

На месте учебного корпуса технарей — зияла масштабная воронка.

"Привет, вот и приплыли..." — Замер я, пытаюсь отыскать Безобразя. — "Вот тебе, бабушка и Юрьев день..."

Кроме простенькой мыслеформы, отправленной мне — ни следа, ни шороха, ни вибрации.

Снова удар и многострадальная сцена, наконец-то, рассыпалась.

"Не нашел, Мышонок! Ая-яй! Плохо. Ищи лучше. Или я снова приду!" — Безобразя откровенно издевался надо мной — его десятый, против моего, "средненького", шестого. Это не Т-34 против "Абрамса"... Это с рогаткой против "Звезды смерти"!

На мгновение я превратился в самого настоящего "слухача", уловив нечто, что ввело меня в еще большее замешательство — происходящее не могло быть правдой.

По нервам ударил стон Стеллы, пробившейся через все барьеры.

Пришло время использовать то, чему меня учили.

Низкий поклон Анне, за ее науку — войти в скорость и Лиззи — держать скорость осознанно.

Недолго, всего пару минут, но это мои пара минут.

За пару минут успел, сколько мог, расчистить завал сцены и вытащить пару деканов.

Стеллу вытащил в первую очередь — почему-то именно ее мыслекрик бил по мозгам сильнее всего, отвлекая и пугая своим надрывом и обреченностью.

Через минуту, рядом со мной, расчищали завал еще три человека.

Сантана, Аша и Георг, ну куда ж без него, не освятится, святая троица, в бога мать, бога душу и в святое распятие!

Вот и есть ядро моей будущей группы.

Только от Георга, придется все едино — избавляться. Девчонки вертят им, как собака хвостом!

Вот ей-ей, поговорю-ка я с Анной — у нее опыт работы с людьми, может и подсоветует, что хорошего...

Мои две минуты закончились и я "выпал".

Аша продержалась полторы минуты, Санти — минуту.

Кретин Георг — целых три, но... Разумеется, растянул связки, олух, и лег пластом, в аккурат на колени симпатичной второкурснице, вызвав целую бурю "частнособственнических эмоций"!

А второкурсница, не будь душой, выдержала всю бурю...

И перенаправила ее на Георга!

"Хороша, чертовка! Заберу, с руками и ногами оторву! Отобью и уведу!" — Любовался я филигранной работой девушки, переводящей всю энергию нападающих, на лечение парня. — "Отжать!"

За полных пять минут работы реального времени, мы четверо расчистили всю сцену, правда, намусорив при этом изрядно — большинство материалов, при работе на "скорости", становились хрупкими, превращаясь в мелкие обломки при малейшем неравномерном движении. Я этот нюанс знал. Студенты, разумеется — нет.

Прихрамывая, подошел к второкурснице, отпугнув обеих красавиц, и ткнул пальцем в сторону раненых.

Стелла уже сидела, поджав ноги и придерживаясь кончиками пальцев правой руки за висок.

Подойдя, уселся рядом, прижал к себе и поцеловал в макушку.

К моему удивлению, госпожа декан не отстранилась. Наоборот, со вздохом облегчения, словно перекладывая безумно тяжелую ношу со своих плеч на мои, прижалась и спрятала лицо у меня на груди.

— Весело у нас учебный год начинается... — Усмехнулся я, едва касаясь ее уха. — Боюсь представить, что дальше будет...

— Слушай, Сайд... — Подняла голову женщина и посмотрела мне в глаза. — Пошли, напьемся, что-ли...

Год начался с интересных событий: вначале выяснилось, что под развалинами технического корпуса мог остаться преподаватель физики. Потом, туда же вписались пара студенток-отличниц. Потом — самое новейшее оборудование, ценою в лимон фиолетовых, европейских купюр, что нам поставили по гранту, как лучшему вузу. На закуску, я бы даже сказал — на десерт! — "испарились" результаты тестов, за прошлый год, согласно которых и

формировались группы.

Чем не преминули воспользоваться особо умные студенты.

И не менее умные — преподаватели, которым кровь из носу надо было собрать группу студентов "под себя".

Иначе Стелла бы меня убила.

Пришлось перелопачивать целую тонну учебной и не очень, макулатуры, раскапывать старые журналы и ругаться, ругаться, ругаться. А потом — давать новые тесты и снова — ругаться, но в этот раз — с преподавателями, у которых я отжимал студентов.

Все "устаканилось" к концу семестра.

За это время, наш президент — профессор Артанский, Вадим Петрович, скинул десяток килограмм благородного брюшка, сменил контактные линзы на очки в простой оправе и стал упорно закрашивать седину.

Я пристально рассматривал свою, свежесобранную группу. Пятнадцать парней, восемь девочек. Все с хитринкой в глазах и характером. Двадцать три человека, не ведающих собственных возможностей. И точно такой-же препод, в нагрузку.

"Когда Стелла догадается, по какому критерию я собирал эту группу — она меня убьет..." — Признался я самому себе. — "Ну и пусть убивает. Лишь бы отнять не попыталась..."

— Я рад видеть группу в полном составе. — Начал я, по привычке обходя учительский стол и садясь на его край. — Вы даже не знаете, как же я рад Вас видеть.

В виде исключения, моя группа была сборной солянкой — второй, третий год обучения. Ничего, что у них год разницы — старшие подтянут младших. В этом я был уверен. Например, Сантана и Аша, предпочли съехать с четвертого курса — на мой третий, вызвав шок у своих преподавателей. Второкурсница Нэт, оказалась сразу на третьем курсе и под патронажем героя, что отдыхал на ее коленках — Георга. Очень боялся, что начнутся "ревнушечки", но парней в группе оказалось больше и девочкам пришлось быстро находить общий язык, чтобы парни не возгордились.

Георг обломался тоже.

— Лето года 2003 было странным. — Усмехнулся я собственным воспоминаниям. — В этот год не было шумных катаклизмов. Народ не сходил с ума от жары или холода. Реки не выходили из берегов и жители этого города сладко спали, чтобы проснуться от яркой вспышки, за окном. Поворочавшись, те, кому было не на работу — продолжили досматривать сны. Утро разделило мир. Разделило на две части. На "живых" и "мертвых". Так и не выяснили, что же стало причиной вспышки — аномальная вспышка на Солнце, эффекты в небе или инопланетное вторжение.

Я прикрыл глаза и сжал кулаки.

То, что я сейчас рассказываю — история. И кроме меня, о ней, никто не расскажет — не принято. Есть учебники, есть мнения и есть — факты — разбирайтесь, детки, сами...

Мне очень повезло оказаться в самом начале.

Только я бы с радостью поменял всё — на поцелуй любимой девушки, на рассвет и на закат.

Всё, все свои дары — без остатка.

Впрочем, это просто минутная слабость. Сейчас я открою глаза, и всё пойдет, как запланировано.

Только почему-то очень хочется завывать.

И холодно мне, очень холодно...

— Самое страшное, что произошло в жизни людей — среди них появились те, кто смог услышать самые затаенные желания. Те самые, о которых и говорить не принято. За 2004 — 2007 годы процент "мертвых" ничем не выделялся. Ничем, кроме повышенного процента суицида. Мне выпало оказаться на "корабле" одним из первых — в октябре 2003. На моих глазах, на моем теле и на моих нервах, происходило становление "Фемиды". На моих глазах, "мертвые", осознали свои силы. И если Вам кто-то будет говорить, что все было легко, просто и красиво — плюньте ему в лицо. Плюньте в лицо — составителям учебника новейшей истории — трусливо умолчавшими об экспериментах, проводимых религиозными культами и о "крестовом походе против богомерзких и богопротивных...", объявленном папой римским в 2008. Ваше поколение, ваш выпуск — первая ласточка нового вида. Уже сейчас, нас больше двух миллиардов. Планете Земля, привыкшей к многообразию человеческих рас, придется теперь привыкать и к многообразию видов. Следом за нами, придет еще вид и еще, добавляя старушке все новые и новые позиции в списках, напротив слова "Homo".

За последний десяток лет, обычные, "простые смертные", "живые", уже привыкли, что от нас им ничего не угрожает — более того, став теми, кто мы есть, мы получили самый подлый подарок, от природы ли — уж не знаю — но при всех неравных условиях, нам оставили "тормоз" — болезненное чувство справедливости. "Совесть — лучший контролер!" — Девиз в автобусах Советского Союза. Каждый второй работник государственных аппаратов — "мертвый". Скорая, пожарка, полиция, спасатели, учителя. И — "Фемида".

Один из здесь присутствующих, может засвидетельствовать мои слова — мы вершим справедливость.

— Но... Фемида — богиня Правосудия! Если справедливость, должна быть — Немезида! — Перебил меня парнишка с шикарным именем Уран и втянул голову в плечи, сам испугавшись.

— "Немезида", говоришь... Может быть. Только она, больше богиня мести... — Ответил на вопрос, голосу с первого ряда. — У "нашей", если ты не заметил — нет ни весов, ни повязки на глазах. Так что, судит она не в слепую, а вполне даже по уму...

Я, честно говоря, горжусь своей группой. Вот так, от первого вопроса — вся группа вступила в обсуждения.

Теперь я могу вернуться за стол и тихонечко, как мышка, понаблюдать за ними, лишь изредка задавая наводящие вопросы.

Первая пара у нас постоянно уходит на болтовню об этике.

И, как ни странно, уже через месяц, среди "моих" — не было курильщиков. Да и куда пропали вызывающие наряды, знает только сама молодежь...

Ничего не поделаешь — преподаватель я не профессиональный, а выговориться детям надо в первую очередь. А они, как ни крути — дети.

На перемене, оставил группу без своего присутствия — они дошли до тем, слышать которые, мне не хотелось — пусть сами решают, кто с кем и когда. Тем более что наше горе заключается в том, что браки между "мертвыми" — бесплодны. Ну не выдерживает женский организм такое количество энергии, заключенное в маленьком сгустке протоплазмы. Может быть — позже... А пока, пусть девчонки начинают думать — чем быстрее дойдет до них, тем быстрее они все растолкуют своим обалдуям... Тем более, что я точно знаю, что уже

кое-кто, задумывается съезжаться, после академии...

В столовой, быстро "захватил" кружку кофе и вырвался в курилку, унося добычу в цепких лапах — поварихи были в курсе моих предпочтений, посуду я возвращал, так что и "визгов" не было.

Курилка у нас знатная, с фильтрами и щадящим режимом вентиляции — вроде и есть дым, а вроде и нет его. Правда, окна не открывались, заделанные намертво, зато вид был — на две стороны. Курилку догадались устроить в самом углу, так что — "курите и радуйтесь, уважаемые курящие!", как говорил наш президент, делая официальное открытие сего богоугодного заведения.

Сам Вадим Петрович относился к числу "бывших" курильщиков, но признавал, что аналитика и сигареты, вещи, странным образом взаимосвязанные. Так что нашей курилке завидовали даже математики, у которых все — по высшему разряду.

С удобством устроившись на деревянной лавочке, со вздохом вытянул ноги и сделав первый глоток кофе, сделал первую затяжку.

"Хорошо!"

Жаль только, перемена десять минут — самая длинная — только одна.

Через пару минут, на скамейках было уже "яблочко", а гул голосов, обсуждающих все, кроме занятий — не гласное правило нашей курилки — стал равен гулу работающей вытяжки в кабинете химии, после лабораторной...

"Интересно, до чего договорятся мои красавцы и красавицы, пока я тут сижу, курю?!" — Кофе приказал долго жить, сигарета уже полетела в пепельницу, а я собрался вставать, как в распахнувшуюся дверь ворвался наш "подкрашенный" президент и "сопровождающие его лица" и тут же кинулись к окну, выходящему на дорогу.

— О, нет... — Взвыл дурниной Артанский. — Только не эта сука климаксовая... Только — не сегодня, а лучше — вообще никогда! Кто-нибудь, убейте ее — я заплачу и даже сам сяду...

Схватившись за голову, Артанский отошел от окна и плюхнулся на лавочку.

— Тут не то, что курить — "ширяться" начнешь! — Профессор почесал затылок и потребовал сигарету.

Пока "сопровождающей его лица" суматошно рылись по карманам, перед бледным лицом президента возникла черно-желтая пачка, с гостеприимно выдвинутой сигаретой.

Кивком поблагодарив Георга, Вадим Петрович помял сигарету, высыпая из нее табак и сунул в зубы, с протяжным выдохом — мол чему быть — того не миновать!

Щелкнула зажигалка и на лице президента появилось такое выражение, что проще пристрелить, чем видеть.

Выдохнув первую затяжку, президент встал, передернул плечами и зашвырнул тлеющую сигарету в пепельницу.

— Никто. Ничего. Не видел. И не слышал! — Потребовал Артанский и, поправил галстук, вышел из курилки с улыбкой на лице.

— А звонок уже был, господа учителя! — Ехидно подопнула нас, наша бессменная уборщица Серафима Самойловна. — Геть до классив, гайдамаки!

— А ты, — поймала она меня, — сперва кружку занеси...

Класс встретил меня потрясающей тишиной, точнее — ужасающей. Ведь известно каждому родителю — если ребенок молчит — жди беды!

— До чего договорились, группа? — Потребовал я отчета. — Впечатлениями не

поделитесь?

— А правда, что работающий на "Фемиду", никогда не злоупотребляет служебным положением? — Выскочила вперед Нэт.

— Неправда. — Отрезал я. — Мы постоянно им злоупотребляем. Мы вершим справедливость, а служебное положение — наш якорь и груз на ногах.

Группа зашумела, обсуждая услышанное, пока не заметила моей ехидной улыбки.

— Сайд! Ну мы же серьезно! — Нэт сморщила носик. — Так не честно!

Поперхнувшись своими же словами, Нэт обвела класс таким взглядом, что улыбаться мне расхотелось.

Эта маленькая, миленькая, второкурсница, с полпинка смогла понять самую главную правду нашего подразделения: "Есть работа. Есть справедливость. Все остальное — пыль".

— Э-э-э-э... Сайд... Вас вызывает декан Стелла Нихх... — В открытую дверь, без стука ввалился странный паренек, в кричаще безвкусной синей рубашке, с желтым горохом и галстуком в тон глазам — красным.

На кафедре я такого чуда не видел, но не факт, что это "нечто" не новенькое.

Ну да и пусть на него, лишь бы к моим не лез — опустят ниже плинтуса и раскатают — за одну только рубашку, не считая галстука...

— Группа! Сидим тихо, пожалуйста. — Попросил я. — Молодой человек, вы останетесь или?

— Или... — Мотнул головой молодой человек и вымелся за дверь.

Ну да, я бы тоже вымелся, под такими-то взглядами, девичьей части группы!

Погрозив пальцем, вышел в коридор и потопал по переходам — деканат у нас расположен ближе к Богу — под самой крышей, на четвертом этаже.

У нас даже лифт есть, точнее — два, грузовых. Ни разу не видел, чтобы они работали...

В кабинете Стеллы не оказалось — "вышла вот только прямо сейчас будет прямо через минуточку!" — Заверила меня Наша секретарь Алиса, своей очаровательной скороговоркой, понимать которую я научился только через два месяца общения.

От ее "прямо", хотелось стукнуть головой прямо в стенку.

Но Стелла запретила бить Алису — словно чувствовала — сразу, вот прямо в первый же день и запретила...

А свою голову — жалко...

Появилась Стелла через несколько минут, задумчивая и настороженная.

— Ты чего здесь? — Уставилась она на меня, взглядом удава Каа на бандарлогов. — Заблудился?

— Вот, прямо по твоему вызову и явился! — Выпалил я и с любовью посмотрел на Алисочку — может быть, ее в декрет отправить...

Повертев пальцем у виска, Стелла прошла мимо меня.

— Стелла...

— Сайд, сейчас правда, не до тебя... Гароева прибыла, с инспекцией... Кто-то ей уже успел настучать, что у нас тут ЧП за ЧП и преподаватель новый...

Мы переглянулись и пулей вылетели из кабинета.

Я впервые увидел, каким вихрем может стать женщина на каблуках...

По лестнице мы скатились быстрее шариков, миг, мгновение и мы у входа в мой кабинет.

Стоявших у дверей бугаев я положил носом в землю раньше, чем понял, что делаю —

тренировки, вбивавшие движение в подсознание, даром не прошли.

Все равно мы не успели...

Госпожа Гароева вжималась в стенку, белая как простыня.

Ее черный, крашеный парик — стоял дыбом, а глаза...

В зеркале ее души бился ужас.

— Гадоева Сульмира, 47 лет, инспектор отдела высшего образования. Дочь Рафика Гадоева и Тахмины Суладзе, осужденных на 15 лет за махинации с лекарственными средствами, повлекшими человеческие жертвы. Трижды находилась под следствием. Дважды прошла как свидетель, в третий раз, запугав свидетелей, была признана невиновной.

— Я — Гароева Гульмира! — Попыталась вклиниться инспектор, но Сантана, стоящая перед ней с закрытыми глазами просто улыбнулась.

— Документы вы исправили в 1998 году, просто подчистив и дописав пару штрихов в паспорте. После чего вы его намочили и поменяли, уехав для этого из Тулы, где Вы проживали на тот момент, в Омск. После этого, вы дважды попытались поступить на заочное отделение Омского института — в первый раз на грант, второй — платно. Оба раза — безуспешно. Оклеветав директора института, привлекли к себе внимание отдела образования. "Горизонтальным" методом смогли окончить Барнаульский медицинский. Через полгода — первая афера с медикаментами.

Стелла сползла по стеночке, наградив меня таким взглядом, что температура в классе понизилась, махом, градусов на десять.

— Пять лет назад, по истечении брачного контракта, получили в собственность недвижимость за рубежом. — Продолжала Сантана. — Сдавали ее в аренду...

Один из бугаев, придя в себя, решил вмешаться, но получил в лоб каблуком изящной женской туфельки и снова прилег отдохнуть.

Гадоева — Гароева пыталась ретироваться, но не тут-то было — на шум и вопли, в кабинете собралось уже достаточно народа, а умничка Алиска — вот раз в месяц теперь ей буду носить шоколад! — "вызвонила" президента, сразу после нашего лихорадочного исчезновения из деканата.

И все, как на подбор, держали в руках свои смартфоны, записывая происходящее.

— Это — грязные инсинуации! — Гадоева развернулась и замерла — Сантана вновь стояло прямо напротив нее. — "Грязные инсинуации" — это ваше письмо, в отношении заслуженного учителя. "Грязные инсинуации" — это оскорбление школьников и принуждение их...

Гадоева рванула к двери.

— Я Вас научу... Отучу... — Задыхаясь, она перла через весь класс, к открытой двери.

В лаборантскую...

Дождавшись, когда разъярённая женщина туда войдет, Георг закрыл за ней дверь и повернул ключ в дверном замке.

— Ну... "Как-то так", как говорит наш препод... — Сообщил собравшимся парень и пожал плечами, ославив меня на всю академию...

— Блин... Что делать-то будем? — Аша, подхватила свою подругу и усадила на стул.

— Ничего. Обвинения "ментата" являются неоспоримыми. — Скривился я и обернулся к Артанскому. — Вот и сбылась Ваша мечта, Вадим Петрович... Вызывайте, полицию.

— Лучше — "Фемиду"! — Профессор Артанский широко улыбнулся и расправил плечи. — Только — "Фемиду"!

В дверь лаборантской что-то стукнуло, потом еще и еще, раз.

— На сегодня — все свободны! — Президент академии набрал полную грудь воздуха и рывкнул. — От лица академии, благодарю за... Всё! Спасибо!

Аудитория, в которой я остался сейчас один, небольшая — квадратов 60 — 65. Столы, исписанные бесчисленными поколениями студентов, истертый паркет, магнитная доска, проектор на всю стену за спиной лектора, да развешанные по стенам знаменитые люди. Точнее — их портреты, разумеется. Средняя университетская аудитория. Не хуже и не лучше других.

Пустой стол, пульт управления и больше ничего.

Хотя и этого слишком много для умного человека. Или — ленивого.

— Итак, что там, впереди? — Задал я самому себе вопрос и сам же на него ответил — Ничего, кроме длинной дороги из ниоткуда в никуда. Дороги, в которую, веришь ты или нет, а идти надо...

Вот и поговорил, с умным человеком...

Хлопнув себя по карманам, проверяя, ничего ли я не забыл, я вышел из аудитории.

Пустой коридор академического корпуса кафедры психологии и аналитики.

Пустой, на прострел.

От острого укола боли в висок хочется выть и кидаться на стенку.

Огромные окна.

Скоро станет еще больнее...

Прямой солнечный свет.

Скоро все пойдет наперекосяк...

Солнечные зайчики на стенах.

Идиллия, наверное.

"Сайд" — Тоненькая нить мыслеречи. — "Ответь, пожалуйста..."

"Ну да..."

"Не будь Букой, все что было — давно прошло!"

"Да ну?!"

"Так и будешь на меня злиться?"

"Ну — да..."

"Послушай, ну будь нормальным человеком!"

"Не хочу. Никогда им не был. И, надеюсь — не стану!"

Тихий писк вызова "лайна" выбил неприятный голос из головы. Попрощавшись с давно ненужным человеком, я ответил на вызов.

— Привет, Сайд.

— Добрый день, шеф. Что опят на мою голову?

— Чума сгодится? — "Вот так-так, у шефа тоже есть чувство юмора! Замечательная новость..."

— А еще? Дело?

— Дело... — Шеф словно готовился прыгнуть в прорубь. — Дела в общем такие — преподаватель ваш, физик, вот уже четыре года занимался ТЛСП. После появления в его группе двух, тоже пропавших, студенток, добился весьма впечатляющих успехов. Оборудование, исчезнувшее вместе с ними, мы нашли в городке, на другом краю нашей прекрасной планеты, в состоянии, близком к дауну.

— "Поматросил" и бросил?

— Не похоже. Активация подобного оборудования, незаметной не бывает. А тут — ни малейших следов. Действия не отслежено. По заверениям экспертов... Оно просто состарилось.

— Я видел дату изготовления.

— Тем не менее. По оценке экспертов, это оборудование валялось на помойке не меньше десяти лет. И, что самое неприятное — на станинах обнаружены следы одного, очень редкоземельного вещества, используемого, между прочим, в очень узкоспециализированных отраслях.

— Отлично. От меня, что требуется?

— Ничего. Учи детишек — они наша смена. Ведь мы все — не вечны...

— Весело и ласково. Спасибо.

— Как там Твои студенты? Набрал группу?

— Спасибо, Вашими молитвами. Есть пяток "редких"...

— Даже так... Это хорошо! Это — замечательно! Только, что-то ты не радостный. Боишься конкуренции?

— Нет. Боюсь внутренней грызни. Коллектив здесь... Взрывоопасный...

— Голова болит? — Голос шефа дрогнул.

Вот и стало понятно, что весь этот разговор он завел только ради этого, одного-единственного, вопроса.

— Пожалел волк кобылу... Отчего такая забота, осмелюсь спросить?

— Примета ходит такая... Если у Сайда болит голова...

— Быть беде?

Вместо ответа шеф вздохнул.

За всеми этими разговорами, я успел дойти до курилки и теперь мрачно вертел в руках сигареты.

— Нет, шеф, голова у меня не болит. Уже давно. Спасибо врачам, старым знакомым и вашей опеке. Просто нечему болеть. Так что и проблем — не ждите. Гарантирую!

— Вот и славно. Шел бы ты спать, Сайд... А то вид у тебя... Дерьмовастый. Не редкость. — Шеф всегда меня удивлял — он действительно видел человека по лайну!

— Обязательно, Шеф.

Окурок полетел в пепельницу, стоящую в дальнем углу. Я проводил его взглядом, приготовившись к чуду...

— Опять мимо?

— Стелла... Просто проходила мимо?

— Да нет. Искала тебя. Есть разговор.

— Пошли в деканат.

— Нет, лучше на улице.

Я пожал плечами и скрипнул зубами — надеюсь незаметно: головная боль уже не пульсировала, а била отбойным молотком.

Мы вышли из здания, прошли по тенистой аллее, свернули на тропинку, ведущую к беседке, увитой диким виноградом, с огромными, красными листьями.

— Стелла, что случилось?

— Не случилось, а случится. Когда ты здесь появился, я не зря тебя встречала. За день до твоего прибытия, Энрикс приснилось, что человек, приехавший к нам, получит три вещи: Любовь студентов, ненависть преподавателей и... — Стелла набрала полную грудь

воздуха. — И мою душу. Альба поспорила, что тот, кто придет, станет ее любовником, и пророчество не исполнится.

— С Альбой мы на "штыках", так что... — Прищурился, любуясь солнечными бликами на виноградных листьях. — Ваше пророчество...

— Ненависть ты уже заработал. А твоя группа — тебя боготворит... Уезжай, Сайд. Пожалуйста. Не разрушай наш мирок... — Стелла отвернулась. Ее тонкие руки перебирали сохнувшие лозы, выламывая ярко-красные листья. — Уезжай. Ты и так — притча во языцах всей Академии. Ты перетянул в свою группу, прямо скажем, не совсем честным методом, студентов, которых очень многие жаждали видеть своими. Твои дела, твои лекции — обмусоливают все, кому не лень. Ты не преподаватель — ты ходячее приключение!

— Стелла. Ты читалась моего досье. Все очень просто — из 23-х студентов в моей группе — пять "редких". Остальные — "уник". Покажешь мне, хоть одного препода, который "потянет" их? Оставь их на обычном курсе и ты получишь — ничто. — Голова просила топора, а приходилось разговаривать. Связно разговаривать, а не скрипеть зубами.

— Душа, душа, душа... Да не нужна мне ни твоя душа, ни чья бы то вообще — я не знаю, что мне со своей-то делать!

— Ты страшный человек, Сайд...

— Нет. Ученый.

Я сорвал виноградный лист и свернул его в трубочку. Закатное солнышко пробивалось сквозь листву, играло с тенями на полу беседки, золотило листья.

Впереди бесконечно долгий вечер.

И головная боль.

Кивнув на прощанье, вышел из беседки и пошел по тропинке в сторону дома. Я чувствовал, что Стелла смотрит мне вслед. А то, что она думала...

Из хороших новостей, что сыпались на мою голову всё чаще и чаще, складывалось ощущение, что все это "з-з-з" очень даже неспроста. Не люблю я, когда все идет очень хорошо: значит, что-то я просмотрел и вот-вот меня стукнет по голове. Даже не будучи пессимистом по натуре, жизнь приучила радоваться хорошему, но готовиться — к худшему.

Стелла больше меня не беспокоила, Альба старалась держаться как можно дальше, от "Фемиды" ни звонка, ни весточки — ой и вправду все очень плохо!

Радовало только одно — моя группа.

Вот уж угораздило меня, так угораздило...

Уж не знаю, каким образом, но подлый Георг подбил девушек заниматься самообороной. Псих. Мало мне девушек, способных взглядом скрутить две арматурины, так теперь они еще и рукомашествами занялись, отжав в свое распоряжение вечернее время в спортзале.

После первой же тренировки, физрук вызвал меня на ковер и долго демонстрировал плохо замытые следы крови, по всему залу.

А Георг ушел на больничный, на целую неделю.

Стелла прислала мне целую петицию, о "недопущении повторения подобных ЧП"!

Сама явиться не соизволила и вмешиваться не стала.

На второе занятие пришло уже две трети группы, а "возглавить" этот бедлам, предложил наивный физрук.

Хорошо, у меня хватило мозгов остаться и посмотреть, чему он их учит...

Смесь боевого самбо, бокса и крав-маги...

Пока я щелкал клювом, пролилась первая кровь.

Да и как ей не пролиться, если Уран, красавчик, не скрою, но... Наносить удар из-под потолка, оттолкнувшись от него ногой, это, по-моему, слишком. И что с того, что это его дар — высоко прыгать?!

Кто-нибудь, попытайтесь представить себе, какой силы будет удар, если 110-ти килограммовый мальчик, обрушится на вас с высоты пяти метров... Предварительно оттолкнувшись от потолка!

Да и это, не самое страшное...

Кто теперь будет потолок белить — красить?!

Кровавые отпечатки босых ступней, четко виднеющиеся на белоснежном потолке, это не кровь на черных матах!

Я снова сидел на краешке своего учительского стола и копил в себе злость, дабы вылить ее, холодным ушатом, на моих драгоценных заср... Студентов...

Получалось очень даже "не очень".

Только сейчас я понял фразу, прочитанную в детстве — "Чтобы учить чужих, надо забыть о своих"...

— Грм... — Прокашлялся я. — На прошлом занятии, Вы получили задание написать работу на тему "Этичность в ведении войн". Очень рад, Вашим мировоззрением и пониманием важности вопроса. Георгу передадите, что его юношеский максимализм, конечно очень впечатляющ, но... Средний балл по группе — единица. Нэт, Сантана и Аша — Георгу я не могу поставить и этого — ниже просто не существует оценки. Работы пересдать через четыре дня.

Дружный вой и стон были сладкой музыкой, что открывала райские ворота.

Да! Я это сделал!

О-о-о-о! Какое это оказывается сладкое слово "пересдача"!

Просто симфония! Особенно, если ты — преподаватель!

— Сайд! Ну, пожалуйста! Мы Вас очень-очень любим! А можно — после нового года? — Заканючила Мэдди Литвинова, складывая ладошки и строя самую свою ангельскую мор... Тьфу, ты, ангельское личико, разумеется!

Пришлось обламывать — иначе точно сядут на шею, как и говорила в свои времена, супруга капитана Персва.

— Группа! — Я укоризненно покачал головой. — Я — сказал. Вы — услышали. Остальное — пустой треп. Вопросы есть?

— Нет. — Дружно выдохнула группа.

Вот такими я их обожаю.

Три месяца сплотили их так, как иным коллективам требуются годы.

Каюсь, я поступил не очень хорошо и правильно — взял яркие индивидуальности и заставил их работать в команде, тесно, плечом к плечу, превращая в единый коллектив.

Даже на тренировки ходят они все, вместе.

И тренеров, ищут себе, тоже, вместе.

За месяц, сменили уже пятерых.

Видите ли, скучные они и методики обучения — для даунов...

— А... Вы что-то задумали? — Уран, сидящий на первом ряду начал нервно ерзать и оглядываться по сторонам, словно двери внезапно оказались замурованными.

В аудитории стало тихо.

Группа, услышав вопрос, замерла в ожидании.

— Да, Уран, задумал. — Признался я. — Через пару минут, с кабинет войдет человек которому я обязан своей жизнью. Причем — неоднократно. За любое его оскорбление... Даже мысленное — догадаетесь, что я сделаю?

Я обвел своих детей самым внимательным и любящим своим взглядом.

— Отчисление? — Осторожно предположила Мэдди и передернула плечами, когда я, едва заметно, кивнул головой.

— Впрочем, в моей защите этот человек не нуждается — распустить вас на нитки, этот человек сможет минуты за полторы... — Я представил это вполне даже ярко и мне самому стало не по себе. — На вашем месте, дражайшие господа ученики, я бы вел себя тише воды, ниже травы... Ведь, возможно, это будет Ваш тренер... По рукомашествам и дрыгоножествам...

Знаю, что я зря так сгущаю краски и у моих, уже сейчас, начал просыпаться азарт, попробовать на зуб, неведомого им человека.

А когда у ребенка горит и чешется азарт — тушите свет и бегите за помощью.

Стук в дверь, заставил самых впечатлительных подпрыгнуть.

Я сделал себе отметочку — с этими надо работать в первую очередь и пошел открывать, с ядовитой улыбкой на губах.

В полной тишине, я открыл дверь, подмигнул входящему человеку и провел его к своему столу.

— Группа! — Мои замерли, пожирая человека глазами. — Позвольте представить Вам, Анну Кройц, "Интерпол".

Я горжусь своими студентами!

Впрочем, кажется, я об этом уже говорил, но повториться не грех.

Ни у одного, в голове не промелькнуло: "Отродье"!

— А сейчас, я оставляю вас, мальчики и девочки, для приватной беседы с этой прекрасной леди. — Меня занесло, что и было заметно по глазам Анны, но...

Позднjack метаться...

— Анна, надеюсь, эти красавцы и красавицы, тебя не разочаруют... А я... Буду ждать в курилке, окончания вашего разговора...

— Сайд... — Выдохнула Анна.

"Ну, ты и скотина!" — Читалось в ее взгляде.

— Здравствуйте! — Услышал я, уже двигаясь по проходу в сторону дверей. — Меня зовут Анна Кройц, я — гормональный модификант. Работаю на "Интерпол" уже два десятка лет. И, по мнению Вашего преподавателя, являюсь типичным представителем третьей новой расы, появившейся на планете земля за последние годы.

От неожиданного признания, я запнулся за порог и едва не разбил себе нос, вылетев за дверь.

Которая, тут же, за моей спиной, закрылась, и было слышно, как повернулся ключ,

отрезая меня от группы.

То, что Анна знает о моем мнении — новость хорошая.

О том, что она с ним согласна — просто замечательная!

Но вот то, что теперь о существовании третьей расы знают мои...

Это — жопа!

Да, все новости не могут быть хорошими!

Запустив вытяжку, засмолил сигарету — "мысля появилась — придется думать".

В голову, кроме того, что все не так уж и плохо, других мыслей и не лезло — не откуда им взяться, в вымороченной голове.

И сигареты, эти, уже надоели... Может марку\сорт, поменять?!

Анна Кройц, на мой взгляд, действительно была представителем третьего вида. Вот бы скрестить "наш" и "их"! Жаль, Анна на это не подпишется, а ее супруг свернет мне верхний отросток, даже за одну мысль, об этом. Впрочем, думаю, Аннушка не так просто смылась по моему первому вызову — что-то у них в "Интерполе" не чисто. А если она еще и согласится поработать у нас в академии — вообще будет полный...

Сигарета кончилась, а мысли только начались.

Курилка, пустая во время занятий, благодарно гоняла воздух вытяжкой, ласково шумела вентилятором и приятно поскрипывала добротной лавочкой.

"Зря я сказал, что жду в курилке..." — Повинился я, любуясь снего за окном.

Снег, огромные белые хлопья, словно перья, сыпались с неба, засыпая дорожки, газоны и машины, что нерадивые водители поленились загнать под навес.

Голые ветки деревьев лиственных и пробивающиеся через белую пелену — зеленые ветки деревьев хвойных, создавали композицию, еще не подсмотренную ни одним художником.

А жаль.

Что такое -37 при наших технологиях?

Лишь на пару миллиметров более толстая куртка, да лишняя батарейка на поясе в термобелье.

Шапка и перчатки — вот и все прелести да тяготы.

Толи дело — мое детство!

Шуба — Во! Варежки — Во! А о валенках я вообще молчу — в моем климате, зимой самая первейшая обувь, между прочим!

Шапку завязать под подбородком и айда на улицу...

Что-то я забыл...

Шарф!

Специальный, "некусачий"!

Лопатка детская, металлическая и мордой в снег — рыть тоннели...

От воспоминаний аж мурашки по коже побежали, длинными вереницами трудолюбивых граждан.

Знаю, что в мои годы небо было выше, трава — зеленее, а вода — мокрее, но ничего с собой поделать не могу — детство, это всегда — детство!

Пока улыбаясь, как последний дебил, пялился в окошко, в курилке набилось полно народа...

Ага, правильно — моя группа.

Все восемнадцать парней, включая Георга — лаборанта бестолкового и абсолютно не

нужного, в моем предмете...

Рассевшись вдоль стен, в полной тишине, группа смотрела друг на друга.

— Девчонки где? — Поинтересовался, развернувшись от окна. — Потеряли или выгнали?

— А правда, что... — Уран отмахнулся от Георга. — Вы — полевой агент, а не аналитик?

— Агентом я оказался, от слова — "никаким" — Признался я. — А вот аналитик... Давайте проверим... Судя по вашему пришибленному молчанию, госпожа Кройц выставила вас за дверь, пожелав пообщаться с девушками, тет-а-тет. То, что первый вопрос касался моей личности — она что-то рассказала обо мне. Скорее всего — с подробностями — как меня зашивала...

— Правда, на живую? — Марк Оганнэсс, веселый подросток, сейчас слегка бледный, смотрел мне в глаза, ожидая ответа.

— Я бы так не сказал... — Честно открестился я, не уточняя, что был ближе к состоянию "дохлого" куска мяса и говорить о том, что Анна зашивала меня на живую, было просто нелепо.

— И в лабораторию вы их не пустили?

Я почесал затылок — по моим воспоминаниям, ничего подобного не было.

— А, трейлер?!

— Правда, моя работа! — В этом я признался с чистой совестью — обнаружить колесящий по дорогам "домик на колесах", действительно удалось мне, без вариантов.

— И что, правда, прямо с вертолета, на крышу? — Глаза моего ученика стали квадратными.

Надеюсь от восхищения...

— Так, группа... — Я понял, что Анна рассказала "байку" и путаться во вранье... Да еще и чужом...

— За основу примем тот факт, что я уже много не помню — раз. — Начал выкручиваться я. — Подписку я тоже давал — два. Да и хвастаться не хорошо — три! Так что — услышали? И не болтайте!

Самому себе я пообещал пообщаться с госпожой Кройц, как можно скорее — иначе меня ждал позор...

Студенты, получив мой ответ, переглянулись и вновь, молчком, засопели носами.

— Сайд... А правда... — Уран развернул плечи и оттолкнул руку, останавливающего его Георга. — Правда, что вы — азиат?

— Да. Из самой, что ни на есть — Средней Азии. "Среднее" — только камень на полигоне.

— Я же говорил! — Выпалил Марк и получив под ребра, охнул.

Да.

Европа продолжает бояться Азии.

Я, из "странного" человека, превратился в "страшного".

Сколько "Фемида" не борется с этим бредом, он растет, ширится и захватывает все новые и новые территории и проникает в "умы" граждан.

— Марк. Объясни мне, как так получилось, что вы бросили своих одноклассников — одних? — Поинтересовался я.

— Госпожа Кройц попросила оставить их... — Пожал плечами Георг.

— Ага. И восемнадцать парней, ретировались в курилку, под крылышко своего учителя, бросив девчонок? Что-то я не понял... Или так и было?

Парни, переглянувшись, синхронно кивнули головами.

Потом еще раз и замерли.

Я по глазам видел, как начала работать мысль, со скрипом, скрежетом и звоном, разгоняя мозги и пинками поторапливая извилины.

— Госпожа Кройц — в вашем случае — частное лицо. — Начал я, подстегивая мыслительный процесс отстающих. — А вы...

— А мы — олухи! — Хлопнул себя по колену, Жан, точнее — Евгений Жан. — Мы покинули кабинет, во время занятий. Без разрешения преподавателя.

— Но... Госпожа Кройц... — Георг еще не понял, что Анна их развела.

— Госпожа Кройц — очень красивая женщина. — Со вздохом, подписал себе "смертный приговор" Игорь Воронин. — А мы — дети против них...

— Анна Кройц — мало того что женщина — специально обученный оперативник, сопротивляться которому, могут считанные единицы. — Я растер лицо руками, достал сигарету и принялся крутить ее в руках. — Вот вам и маленький пример, подтверждающий старую пословицу о том, что женщина, это шея, которая вертит головой — мужчиной, в любую сторону. Это была тема нашего прошлого урока, мальчики. Теперь, у кого-нибудь, есть возражения по оценкам, которые я вам поставил?

Группа притихла, переваривая, все с ними случившееся.

Еще на прошлом занятии они "рвали рубашки", что заставить их сделать нечто, против их воли...

Побежали, как миленькие, стоило Анне улыбнуться...

— Парни, а теперь Вам, вот еще о чем надо подумать... — Я ехидно улыбнулся и парни напряглись. — Представьте, о чем ОНИ сейчас могут разговаривать и как это отразится на ВАС! Это же, какой обмен опытом, то...

У меня в нагрудном кармане завибрировал телефон — обычный и не смарт вовсе. Без камеры и интернета. Обычная звонилка, что прошла со мной все передрыги и осталась нежно любимой, исцарапанной "Сонечкой цмд джей 7", вызывающей у окружающих смешанные чувства.

— Сайд. Говорите. — По привычке бросил я в трубу, не глядя на номер звонившего.

— Мистер Сайд. Это по поводу Вашего автомобиля... — Мужской голос, на неплохом английском, попытался начать очередной развод.

— У меня нет автомобиля. — Отрезал я и со вздохом продолжил. — И не будет...

— Но... Ваш "Корвет-Стингрей", стоит на штрафстоянке... — Мужчина опешил и перешел на немецкий. — По закону, если вы не оплатите штраф, то в следующем месяце...

— Так! — Остановил я своего собеседника. — Сколько штраф. Где можно оплатить и где, эта самая, штрафстоянка?

Кивнув сидящему рядом Алексу Зоннэ, чтобы записал адрес и координаты стоянки, пообещал, что оплатчу штраф, как можно скорее.

Пока мы с немцем раскланивались и благодарили за взаимопонимание, Алекс уже успел набить координаты в своем смарте и теперь, с присвистом, изучал содержимое штрафстоянки, общей площадью двадцать квадратных километров.

В три ряда.

Штраф накапал не особо так — чуть больше трех тысяч.

Странно, конечно, я думал "контора" уже отогнала "корвета" к себе в гараж.

Ну, раз нет — значит, будет моё!

Осталось только добраться...

— У-у-у! Туда добираться — двое суток... Да и на сегодня — самолета уже не будет, только через 35 часов, следующий... — Алекс, словно нож вонзил, язва...

В курилке стало грустно — студенты, словно маленькие дети, расстроились, что их препод не сможет забрать машину вот прямо сейчас, сию минуту!

Препод тоже — между прочим...

Хотя...

— И проход пробросить — напрямую — не выйдет... — Вздохнул Марк. — Далеко, очень. 7034 километра.

— Почему? Почему не выйдет? — Замер я, поймав неожиданную мысль. — У одного — не выйдет. Но нас, здесь — девятнадцать!

— А что... 400 км... В легкую! — Согласился Алекс. — Координаты — есть. Камеры — онлайн. Проблем не вижу!

Я малость офигел от такого заявления — для меня 400 км — порядочное расстояние.

— Взялись! — Рывкнул Уран, делая первый "надрез".

Проход открылся ровнехонько посреди курилки. Причем, в отличии от виденных мной ранее, этот был ослепительно белый.

— Сайд! Вы идете? — Поторопил меня Алекс.

"Стелла..." — Обратился я к нашему декану. — "Вернусь через неделю. Пока, не скучайте!"

— Сайд! — Встрепенулся Георг. — Я понял! Этика и Война — две несопоставимые составляющие!

А дальше я сделал шаг и...

Это был первый проход, идти по которому было — приятно. Стены прохода не мерцали и не пытались сжать своё содержимое, даже легкий запах шалфея, вместо обычной озоновой вони, от которой встают дыбом волосы. Поверхность под ногами — ровная и твердая, а не проминающаяся и чавкающая.

С опозданием пришло в голову, что в путешествие отправился в чем был — без теплых вещей. Да вообще — без вещей, с одной пластиковой карточкой и паспортом, который ношу с собой по неистребимой привычке.

Задрав голову, изучил, на всякий случай, потолок.

Звездное небо.

Летнее, звездное небо, бескрайнее и бездонное, наполненное жизнью и вереницей ярких огоньков, собравшихся в огромный хоровод.

Я уже видел такое...

Еще два шага и я выпал в холодный ветер, обдувающий штрафстоянку.

Поежившись и начиная клацать зубами от холода — ничего не поделаешь, такой вот я, теплолюбивый, среднеазиат — метнулся к будке проходной, за стеклянными стенами которой затаилось тепло.

Пробежав пару шагов — остановился и помахал небу рукой, будучи совершенно уверен, что попаду в камеры наблюдения и мои, умирающие от любопытства студенты, будут удовлетворены, таким способом благодарности.

А когда вернусь, разберусь, кто из группы, автор "прохода" и буду пробивать его

"конструкт", взамен теперешнего, кривого, вонючего, и поглощающего бездну сил у "провешивающего"...

Охранник в будке, увидев меня, едва ли не силком усадил у обогревателя, налил горячего чая и поставил на стол передо мной блюдо с печеньем.

Пока я отогревался, этот пожилой австрияк, Мартин Циннер, успел проверить по журналу присутствие моего "корвета", его состояние и сумму штрафа.

Едва я провел карточкой по терминалу, оплатив штраф и компьютер на столе пискнул, подтверждая, что оплата прошла, Мартин вызвал своего напарника и отправил его подогнать машину выходу.

Я замер.

Ключи от своего "корвета" я пролюбил в девятиэтажке, о чем и сообщил герру Циннеру, вызвав у него улыбку. Заботливые европейцы, низкий поклон их вежливости и внимательности, уже давным давно сменили замки...

Включив стоимость работ в сумму штрафа. Как и стоимость бензина, который сейчас заливает напарник Мартина, в бензобак моего авто.

Пустяк, мелочь... А — приятно!

Пообщавшись с Мартином еще полчаса, уяснил для себя маленькую странность — в базе, напротив моего "корвета" стояла отметка, что его владелец погиб...

Достав ЦМД-ку, сделал себе напоминалку, разобраться в этом вопросе и сразу же и забыл — напарник Мартина, ввалился в будку и с улыбкой, протянул мне кольцо с ключами от машины.

— Герр Сайд! — Остановил меня Мартин, уже у самого порога. — На вашей машине — летняя резина... Будьте осторожнее! Я бы даже рекомендовал вызвать эвакуатор, до ближайшего салона... Но, вы, молодые, такие торопливые.

Усмехнувшись в ответ, попрощался и вышел под пронизывающий ветер.

"Корвет" встретил меня мурлыкающим двигателем, теплом прогретого салона и запахом пыли.

Удерживая себя от желания "притопить" по полной, осторожно и неторопливо, вывел машину на шоссе и проехал до ближайшего салона, километрах в семи от штрафстоянки.

Мартин прав — радость радостью, а безопасность — безопасностью.

Заодно, пусть его и помогут, со всех сторон — больше года на стоянке, как ни как!

Сам, с удобством развалился в кресле, на втором этаже, ожидая, пока миловидная официантка принесет заказанный мной омлет и кофе.

За окнами ветер уже начал гнуть ветки и полетели первые, белые мухи.

Через два с половиной часа, официантка оторвала меня от созерцания белой стены снега за окном и сдала с рук на руки технику, проводившему ТО моего коня.

Сев за руль, потянул носом.

"Стингрей" блестел и сиял, благоухал запахами кожи и пластика.

Снова провел карточкой по терминалу, разом лишившись еще двух тысяч и получил на руки квиток и карточку гарантийных обязательств. Оказывается, салоны "Веершта", что я обратился, уже раскиданы по всей Европе и везде меня ждет радушный прием.

Тоже — очень мило...

Кроме резины, мне сменили дворники и пару уплотнителей, на дверях.

Пожав плечами, выехал под снегопад и сразу же свернул на обочину — надо было определиться с дальнейшими делами.

Согласно карте, ехать мне и ехать.

А чем ближе к нам, тем холоднее!

Нет, конечно, можно катиться, не вылезая из машины...

Через пятнадцать минут, проложил замысловатую кривую на карте, купленной в салоне.

Почесал затылок и покати́л в сторону ближайшего "одежного" магазина.

Дворники "корвета", едва справлялись с падающим снегом, не рассчитанные на подобные издевательства климата. На мое счастье, впереди меня шла снегоуборочная машина, оставляя за собой полосу чистого асфальта, так что пока я вспоминал, восстанавливая навыки вождения, неприятностей со мной не произошло.

Свернув с очищенной полосы, я вкатился на заснеженную парковку, перед небольшим магазином, с вывеской, уже заваленной снегом, до полной неудобочитаемости.

По карте, в этом месте значился магазин одежды.

Выскочив из тепла салона, пританцовывая, запер машину и стрелой промчался к магазину, влетая в его тепло.

Глянул на цены и с трудом поймал челюсть — либо это — подделка... Либо, здесь — безумные скидки!

Консультант, подошедший ко мне, пару секунд полюбовался моим ошарашенным видом и расплылся в озабоченной улыбке.

— Здравствуйте! Чем могу Вам помочь? Что-то не так? Вам плохо?

Услышав мой восхищенный ответ, консультант облегченно вздохнул и пожал плечами.

— Мы — официальный магазин... А это — устаревший ассортимент...

— Ну, за модой я не гонюсь... — Признался я. — А вот качество и удобство...

На все покупки ушло еще полторы тысячи и почти три часа времени — некоторые вещи, тут же подогнали прямо по мне, на месте.

Переодевшись в примерочной и полюбовавшись на себя в зеркало, признал правоту консультанта — вещи надо выбирать вдумчиво и прислушиваясь к советам специалиста... Если повезет и таковой окажется рядом.

Мне повезло.

Устраиваясь на водительском сидении, остро почувствовал разницу — ехать в легком свитерке или в удобной и комфортной одежде.

Да и вообще — разница между Там и Здесь — так и осталась разницей.

Достав пачку сигарет, покрутил ее в руках и убрал в бардачок — запах свежеевымытого авто нравился мне больше, а значит, если захочу курить — остановлюсь и выйду, покурю, не велика проблема.

Еще раз внимательно изучив карту, чтобы не путаться на поворотах и не раздражать соседей по полосе распластанной простыней карты, тронулся с места.

"Корвет Стингрей" — босоногая мечта моего детства, исполненная так, по случаю...

Внутри удобно — не спору.

Но, на самом деле, сейчас я умом понимаю, что эта игрушка не стоит тех денег, что за нее просят на аукционах.

Промелькнула даже шальная мысль — продать, без пробега по нашим дорогам...

Но, вслушавшись в ровный шум мотора, чуть порывающий на газе, понял: нет, не продам! Моя игрушка!

Приоткрыв пассажирское окно, пусть будет, покрутился по улицам города, выезжая на хайвэй.

Ага, не тут-то было — выезд перекрыт полицейской машиной с включенными мигалками.

Всех разворачивают обратно — снегопад, видите ли! Десять сантиметров снега на дорожном полотне! Жесть! Дайте нашим водятлам дорогу! Десять сантиметров, когда мы привычны к полуметровым и выше, переметам — на семейных минивэнах!

Лицо полицейского, уже уставшее от всего, что ему пришлось выслушать, за эти полчаса, совершенно не внушало доверие. Более того, казалось, что этот хмурый полицейский, возьмет сейчас в руки автомат и примется укладывать штабелями всех водителей, что смотрят на него с такой ненавистью.

Каждую из сторон можно понять — всем нам надо выполнять свою работу.

Съехав на обочину, дождался, когда народ, злые, добропорядочные бюргеры и их супруги, развернутся в сторону города и скроются за поворотом.

Вышел из машины, слегка размялся и зачерпнул снег рукой.

Холодный. Пушистый. Белый.

Чужой снег. Совсем не похож на наш. Вот не знаю чем, но теперь, на всю жизнь запомню эти два ощущения от нашего и не нашего снега...

— Я все равно не пропущу вас! — Услышал я уставший голос за своей спиной. — Можете не надеяться на деньги, уговоры или жалобы. По всей дороге, сейчас, расставлены посты. Даже если я пропущу — вас остановят через пять километров и завернут в другой город. Тем более — вас, на вашей игрушечной букашке...

В этот момент, снег прекратился, словно его отрезали.

Вот, последняя снежинка спланировала на асфальт и легла поверх своих товаров, складывая неповторимый узор.

— Сейчас — тоже не пропущу! — Полицейский стоял, словно линкор на пути глиссера.

Молчком, снял куртку и зашвырнул ее в салон, достал портмоне и развернул его, демонстрируя жетон "Фемиды".

Полицейский, внимательно изучил жетон и переписав номер ушел к себе в "патрульку", видимо "пробивать" по базе.

Достав из бардачка пачку, закурил.

Скривился и потушил — синий дым, над белым снегом...

— Можете проехать. Но... На ночь — обязательно — остановитесь в мотеле. Ожидается еще снег, и там мы не отделаемся десятью сантиметрами... — Предупредил меня полицейский. — Доброго Пути!

Вернувшись к своей машине, он отогнал ее, освобождая выезд на хайвэй.

Проезжая мимо него, я заметил, как он попросил остановиться.

Остановился, я же — законопослушный, гражданин.

— Держитесь середины дороги. — Полицейский протянул мне ярко-оранжевый пластиковый прямоугольник пропуска-разрешения. — Для вашего авто, с его дорожным просветом, там самое место.

— Спасибо, офицер! — Поблагодарил я и воспользовался его советом.

"Стингрей" — однозначно — не "Нива"...

Пока я не набрал сотню — меня болтало и норовило развернуть; снежная буря, за моей машиной, маскировала мой след не хуже метели и демаскировала не хуже фальшфейера.

На сотне, вылез, наконец-то, дополнительный щиток антикрыла и машинку прижало к трассе.

Дергать рулем стало смерти подобно, ну, да и дорога — прямая, пустая и ровная, ноги сами давят на педаль.

Эх, чувствую я, для моего "корветика", такая скорость в последний раз... Где мы еще найдем такое покрытие, в наших-то, краях... И с нашим-то, климатом...

Держась на середине дороги, умудрился миновать пару полицейских постов, а вот на третьем, меня уже любезно ждали, поставив свои колымаги поперек дороги, улыбающиеся и довольные, полицаи, с пистолетами наголо и громкими ругательствами по матюгальнику.

Разглядев оранжевое пятно "вездехода", ругаться стали чуть тише, но машины так и перегораживали дорогу. Пришлось остановиться и вновь предъявить удостоверение "Фемиды".

Со вздохом, меня пропустили, снова взяв честное слово, что на ночь остановлюсь в отеле — прогноз Европу не радовал, готовились к мощным снежным зарядам и резкому падению температуры.

Собрав в кучу все сказанное полицейскими, слегка насторожился — где непогода, там и идиоты... А значит — да здравствует ближайшая заправка, пара канистр запаса и... Где бы ствол, подрезать?

Вернувшись в центр дороги, поддал газку и принялся размышлять дальше: судя по состоянию полицейских постов, уже усиленных дополнительными нарядами на авто, ожидалось действительно нечто не приятное. А значит, в отель надо засветло, причем — вдалеке от города — у пригородных может не быть мест, да и слишком заманчивая у меня машинка, приметная — могу лишиться враз, не смотря на то, что это Европа.

Нет, мне ее вернут... Но "когда" и в "каком" состоянии — вопрос непростой.

Пропустив одну заправку из-за своей задумчивости, на вторую зашел как ИЛ-2 на танковую колонну — с визгом тормозов и в облаке снежной пыли.

"Шевроновская" заправка, демонстрируя класс, заправила машину за пару минут — я не успел даже сходить в белую комнатку. Причем — "белую" — в самом прямом смысле этого слова. Чистую, приятно пахнущую и с горячей водой из рукомойника!

Сказка, блин!

Молодой паренек, с диким акцентом, попытался что-то мне сказать, на английском, но сдался, видя мои глаза и перешел на немецкий.

— Господин говорит по-немецки?

— Да. — Качнул я головой. — Только не очень быстро, пожалуйста.

— Через пару часов стемнеет, вам лучше воздержаться от дальнейшей поездки. — Вымуштрованный политикой компании, всегда и во всем помогать полиции, парень замер, ожидая моего решения.

— Спасибо за предупреждение, Максимилиан... — Я прочел его имя на бейдже и с радостью воспользовался кривыми советами Карнеги, который так в ходу у них. — Я обещал полиции, что остановлюсь на ночь. Но, два часа — это почти две сотни километров!

— Нет. — Макс, — ибо думать, а уж тем более, выговаривать полностью имя Максимилиан, еще та заноза! — тяжело вздохнул. — Дальше дорога идет вниз и снега будет больше. Вы можете застрять.

— Однако я рискну ехать дальше. — Настоял я на своем. — Только, есть ли у вас возможность, набрать литров сорок, в запас, в канистры?

Макс улыбнулся и предложил пройти в магазинчик, при заправке, пока он будет заливать топливо.

Прикинув дорогу, решил, что сороковника может быть и мало — пусть будет 60!

Один бог — багажник пустой...

Магазинчик, при заправке, порадовал меня неплохим ассортиментом чипсов и шоколадных батончиков, стойкой солнцезащитных очков, минералкой всех изготовителей, включая уже и почившую в бозе — "боржоми".

Пройдя по рядам, уткнулся в решетку, за которой покоилась витрина с огнестрельным оружием!

Вот такого я не ожидал!

Нет, пока гонялись за трейлером, по дорогам Америкосии, насмотрелся на многое! Но и там — оружейный магазин, на бензозаправке — нонсенс!

— Господина что-то интересует? — Голос доносился из динамика, прикрепленного справа от решетки.

Мелодичный, женский голос.

— "H&K P2000", четыре обоймы и кобура скрытого ношения. Нож. Тактические очки. "Митинки". — Быстро перечислил я, список своих желаний. — Патроны, пару коробок.

— Разрешение? — Женский голос продолжал очаровывать своими бархатными обертонами.

Я достал портмоне и продемонстрировал удостоверение "Фемиды", в пустоту перед собой.

Решетка, бесшумно пошла вверх, открывая мне доступ к заветному арсеналу.

Перекрытому бронированным стеклом.

Без продавца за прилавком.

— Ваш заказ будет готов через две минуты. — Успокоила меня женщина и за моей спиной стала опускаться решетка. — После оплаты или возврата покупки, решетка будет поднята. Заряжать оружие в магазине — запрещено. В случае нарушения правил, будет вызвана полиция.

— Прикольно... — Вырвалось у меня. — Впервые... Такое вижу...

— В списке товара, не обнаружен предмет с названием "митинки". — В голосе продавщицы звучали панические нотки. — Может быть...

— Перчатки, с обрезанными кончиками пальцев. — Пояснил я непонятное слово.

— Тактические перчатки! — Облегчение, услышанное в голосе, было едва ли не видимым. — Приложите руку к подсвеченному квадрату, это поможет подобрать именно Ваш размер.

Через две минуты, сбоку от меня, щелкнуло зарешеченное окошко, и в нем появилась коробка, со всем, названным мной.

"Двухтысячный" оказался из старых моделей, для меня слегка тяжеловат, я все-таки привык к своим, теперь уже сданным в "оружейку", "облегченным"...

— Второй — такой же — и кобуру. И еще четыре обоймы. — Решил я, рассматривая счет.

— Будет через две минуты. — Женский голос просто лучился счастьем. — Примите в подарок, от фирмы "Фаршган", multifunctional нож...

Услышав название фирмы, я сперва "хрюкнул", потом рассмеялся, не в силах удержаться и оперся спиной на решетку.

""Фаршган" — да, это по-нашему!" — Качал я головой, подходя к кассе со своими коробками и проволоочной сеткой, набитой снедью и минералкой, в поллитровых

бутылках. — ""Фаршган" — время фаршировать!"

Однозначно, Европа меняется...

Но в лучшую ли сторону — как знать, как знать...

Зря меня пугал Макс, дорогой пошедшей под уклон — я еще двести километров успел отмахать, пока закатное солнце не стало закатившимся.

Темно стало не сразу — белый снег, как ни крути, не черная земля...

Придорожный мотель, выросший буквально через пять минут, манил огнями и пустой парковкой — тех, кто мог проехать, остановила полиция, а остальные, предпочли остаться в городках, с их увеселительными заведениями и яркими вывесками магазинов, кинотеатров и полицейских машин, снующих по улицам — не дай бог, кто-нибудь пальчик приморозит!

— Номер или отдельно? — Поинтересовалась женщина — администратор, за стойкой, видя отсутствие у меня, с собой, вещей.

— А где — теплее? — Напрямую поинтересовался я. — Да и машинку, бы, убрать из-под открытого неба, не мешало...

— Тогда номер. — Решила администратор. — Крытая парковка, позади отеля. Объезд по левой дорожке. Номер бокса и номер комнаты — совпадают.

Взяв ключи от номера, с массивным брелоком — грушей, вернулся на улицу и, проехав по левой дорожке, закатил "корвет" в подземный гараж и поставил его в бокс с номером 214.

Выйдя из бокса, задвинул за собой решетчатую дверь и запер на электронный замок, весело подмигнувший мне красным огоньком.

На груше, тут же, красным загорелись цифры, сигнализируя, что бокс заперт.

"Интересно, это мне так везет, на высокотехнологичные игрушки, или я действительно отстал от жизни, сидя у себя в академии?!" — Я замер, ища глазами лифт, ведущий вверх, в номера или к стойке администратора.

Лифта не было, а вот лестниц — аж целых три.

По краям и в центре — аккуратно подписанные и освещенные.

Перекрестившись, что все не так уж и плохо, и никто из рассудительных немцев не стал делать лифты из гаража, в одноэтажном мотеле, наверх, пошел по крайней, правой, лестнице.

Номер оказался маленьким, но зато — с ванной, теплыми полами и телевизором двухметровой диагонали.

Прямо напротив кровати, два на два метра.

Первым делом, выкрутил регулятор температуры на 26 градусов — плевать, что не принято — замерзать не собираюсь!

Набрал ванну и занырнул в нее, в надежде распарить свои косточки и мышцы, затекшие, от почти пятичасовой дороги.

На "Корвете" у меня сиденья изумительные, с подогревом и массажем, но... Мне совершенно это противопоказано — я засыпаю, пригревшись, а от массажа, в придачу, еще быстрее.

Так что, навороты есть, а на фига я их ставил, с такой своей нервной системой,

идиотской — сам не понимаю...

Притушив свет, добавил горяченькой водички и сладко зевнул — впечатления сказывались.

Это только в крутых книгах, крутые парни ничему не удивляются и могут ехать, не останавливаясь, круглые сутки.

Овощ в помощь!

Видел я таких, крутых... Догорающих в кюветах... Или смятых, в "лобовой"...

Пожалев, что нет книжки — поваляться с толком и чувством! — На секундочку прикрыл глаза.

Телефонный звонок, как жало осы, врезался в мой сладкий и теплый сон.

Дотянувшись до трубки, висящей над головой, сладко зевнул, во всю свою пасть, давая понять, что сплю и все предложения — в следующий раз, когда-нибудь — потом... А еще лучше — в другой жизни.

— Ужин будет в восемь ровно. — Голос женщины с рецепшена, совершенно не бодрил. — В номера, сегодня, к сожалению, доставки нет. Извините.

Еще раз зевнув, поблагодарил за информацию и вылез из ванны — из приятной полудремы меня выдернули, да и вода стала остывать...

Заматавшись в халат, вышел в комнату, шлепая босыми ногами по теплему полу.

Кайф! Надо будет себе дома, сделать.

Ну, когда у меня будет он, свой дом...

Завалившись на кровать, принялся разбирать и снаряжать свои покупки — "хеклеры" от заводской смазки — вычистили в магазине, как предпродажная подготовка, патроны — в идеальном состоянии, словно только что, с конвейера. Нож — ничего особенного, ну так и мне он нужен — колбасу да хлеб, порезать...

Разрядив пистолеты, пощелкал курками и начал перекладывать из руки в руку, подбирая, какой-где лежит лучше.

В "конторе", мои "П2000" делали по заказу, со специальными рукоятками под каждую руку — отдельно. Ну да все-равно, даже два пистолета из одной партии, все-равно — разные.

Вставив обоймы, еще раз поменял руки и... вернул как було.

Пистолеты нашли свои руки.

Сунув стволы в кобуру, а кобуру — в сумку, включил телевизор и принялся щелкать по каналам.

Новости, новости, новости, кино, ток-шоу, ток-шоу, ток-шоу, ток-шоу, мультики, мультики, спорт, спорт, спорт, спорт...

— Да вашу наташу! — Не выдержал я. — Две сотни каналов, а смотреть — нечего!

Щелкнув пультом, выключил "дебильник".

Вот и захочешь посмотреть, хоть что-нибудь, так заманаешься искать это самое "что-нибудь"!

Нет! Не зря я телевизор уже 15 лет не смотрю!

Выключив свет, подошел к окну и раздвинул шторы.

Снег пошел.

Пушистый, яркий в свете огней рекламы мотеля, переливающийся искрами и лежащийся ровным слоем.

Вовремя я встал на прикол!

Мысленно погладив себя по голове, за правильно принятое решение, "зашторился".

Смотреть на улице было тоже не на что.

Скинув сумку с кровати на пол, рухнул на нее спиной вперед, раскинув руки.

Тишина!

Чувствуя, как губы, сами по себе расплываются в довольной улыбке, поерзал на кровати, устраиваясь поудобнее.

Матрац оказался ортопедическим, а подушка, блин, то же!

Вот же, какие они все тут правильные, зануды европейские! Аж скучно! И пожаловаться не на что!

В Китае, например, уже бы час, как разрывался телефон с предложениями... "Масязь", господи прости!

Только вспомнил про него — телефон разродился звонком.

— Господин Сайд! Полиция интересовалась, не остановились ли вы, в нашем мотеле. Я успокоила господ офицеров...

А вот этого, я не понимаю вовсе...

Нет, конечно, они предупреждали...

Все-таки, выполнять свои обещания — самая лучшая мужская добродетель... Права была моя первая учительница, вдальбливающая в нас, эту аксиому. Мог ведь и влипнуть, кто знает, как отнесется полиция, даже к такому пустяку...

Валяясь на кровати, как "звезда", вяло перебирал свой сегодняшний день — делов, за раз, вон сколько разрешил! Две мысли — пожрать и чего это мне никто не звонит — уже думал в состоянии сладостной полудремы — пять часов за рулем, по снегу, слепящему и искрящемуся — для меня пока перебор.

Желудок вновь, вяло попытался напомнить о своем существовании, но я припомнил ему полученную шоколадку и тот, загрузив, отказался от своих претензий.

Пожалуй, впервые за пару лет я вымотался настолько, что выпал из существования.

Мне не снились сны.

Я — блаженствовал!

Часа в четыре утра, я продрал глазоньки и спросонок, пару секунд пытался понять, где я и кто я...

Понял. Встал и подошел к окну, открыл шторы и замер в восхищении — в полной тишине, с неба сыпался белый снег. Падал отвесной стеной, белой стеной. Крупные хлопья, пролетали мимо окна, ложились на подоконник и соскальзывали дальше, вниз.

По моим ощущениям — от подоконника, до снега, лежащего на земле, было меньше десятка сантиметров. А это значит, что завтра, точнее — сегодня — я никуда не еду. Дорогу замело снегом, парковку замело снегом, подъезд к мотелю замело снегом. Хорошо что я поставил "корветика" в гараж, иначе бы и его — замело снегом!

Хмыкнув, напился воды, прямо из-под крана в ванной и снова рухнул в кровать, завернувшись в одеяло и поставив терморегулятор на +29. Снег к утру может закончиться, а значит, сразу похолодает.

Проснулся от духоты и странной неподвижности воздуха.

Одеяло покоилось на полу, часы с насмешкой демонстрировали половину восьмого утра и сна не было ни в одном глазу.

За окном тоже было не все гладко.

Точнее, все, как раз, было гладко — снега напало до середины окна — больше двух метров!

Вот и получалось, что от середины окна, единственный вид, доступный мне, был вид белого поля. Без следов жизнедеятельности человека или его присутствия.

Пластиковое окно, оказалось без "сложного" открывания и едва я его открыл, сдуру то, как в комнату насыпался маленький сугроб.

Пришлось быстро его удалять, нагребая в пакет из-под оружия.

Увы, дураку — дурацкая работа!

Слишком умному, в принципе, тоже!

Пока убирал снег, заодно и комнату проверил, заодно и взбодрился.

Приняв душ, вышел из номера и прошел к стойке, за которой дремал кабанообразный мужчина, с бакенбардами и ярко красными мочками ушей.

Услышав мои шаги, "Кабан" соизволил открыть глаза и следом — пасть.

Каюсь, я ожидал увидеть у него во рту клыки, потому и слегка отшатнулся назад. Мало ли, вдруг, все эти байки об оборотнях, вовсе и не байки!

Увы, зубы у мужчины были белыми и ровными.

— Доброе утро! — Поприветствовал он меня и замер, выбирая, что сказать дальше.

— Доброе. Спалось прекрасно, большое спасибо. — Пришел я ему на помощь, вспомни ходящий по НАШЕМУ миру, во времена моей молодости, анекдот, что в "Европах", человек при служебных обязанностях — всего-навсего робот, с жесткой программой. — Хотелось бы позавтракать...

"Кабан" почесал правый бакенбард и со вздохом, заявил, что кофе будет через полчаса, не раньше, так как хозяйка чистит снег...

Понимая, что здесь мне ничего не светит, поблагодарил мужчину и, застегнув куртку, вышел на улицу.

Я то, наивный, думал, что у хозяйки — снегоуборочная машина!

А у нее оказалась — снегоуборочная лопата!

Крыльцо и тропинка к дороге были уже основательно, до асфальта, вычищены и теперь хозяйка — женщина, что заселяла меня вечером, весело махала куском пластика на деревянной рукоятке, расчищая дорогу к гаражу.

С минуту, я любовался впечатляющим зрелищем, а затем, поступил по-своему.

Попросив женщину отойти в сторону, а еще лучше — встать мне за спину — активировал "конструкт", что придумывал на досуге, правда не для борьбы со снегом, разумеется...

Две призрачных плоскости, соединенные в виде клина, должны были помочь мне пробить заслон...

Тогда — не понадобилось.

Полуприкрыв глаза, завершил построение и сделал первый шаг.

Снег передо мной, сперва промялся, а затем разошелся в стороны, обнажая чистый асфальт.

"Отвалы" пришлось увеличить, сделав размах больше двух метров, а затем, представляя, что мне здесь ехать на "корвете", довел размах до трех — один пес, пока чищу — ровно, а как отойду — часть скатится на землю...

Еще через минуту, уже когда вычистил метров двадцать пять, дошло "разогреть отвалы" и получить ровнехонькие стеночки, мгновенно прихватываемые 20-ти градусным морозцем.

Пару раз, опускал отвалы слишком сильно и прихватывал асфальт, оставляя на нем уродливые царапины, пару раз, наоборот — слишком сильно задирали и проваливался в

рыхлый снег по щиколотку.

Пока довел дорожку до гаража, успел промочить ноги, вспотеть и снова замерзнуть — завернув за угол, оказался точно на ветру, мгновенно прохватившем меня не хорошим ознобом...

Женщина шла позади меня молчком — честь ей и хвала — а когда я довел дорожку до съезда в подземный гараж, вежливо попросила остановиться и взялась было за лопату, откидывать снег.

Пришлось вновь вмешаться и объяснить, что не фиг женщине делать мужскую работу, особенно если этот мужчина — клиент ее мотеля и он очень хочет кофе, жрать, да еще бы и не мешало глинтвейн, сделать — мокрые ноги это не самое приятное, что есть на белом свете.

Со вздохом — вот не понимаю я Европу, не понимаю, хоть убейте! — отдав мне лопату, хозяйка мотеля исчезла в гараже, предупредив, что через двадцать минут завтрак будет ждать меня в ресторане — кафе, при мотеле.

"Конструкт" получился на диво удачный — на 130 метров метровой глубины снега, "съел" всего четверть личного запаса, как теперь модно говорить — "маны".

Почему — метрового, если окно засыпало до середины?

Сугроб-с, мать его... Намело-с...

Если чистка "конструктом" заняла десять минут, то махание лопатой и сердитое сопение на вечно сползающий снег, отняло почти полчаса и все оставшиеся силы...

Давненько я лопаткой-то не махал...

Очистив лопату от снега, занес ее в мотель и поставил у стойки, прямо перед выпученными от удивления глазами, "кабана".

Кафе встретило меня прекрасными запахами — хозяйка мотеля, успела не только заварить кофе или сделать глинтвейн, еще в мои слегка дрожащие руки была всунута вилка и на стол поставлен добрый шмат мяса, с чудесной хрустящей корочкой!

Если я сказал — шмат, значит, я не оговорился! На первый взгляд кусок весил добрых полкило!

Жаль, быстро закончился...

На второе, хозяйка поставила обжаренные сосиски с картофельным пюре и на десерт — пирог, какого я никогда не пробовал...

Через сорок минут, расстегнув ремень, отвалился на спинку стула, потягивая кофе.

Мир, чудесный и теплый, вращался вокруг меня.

"Сонный клапан", плотно прижатый едой, упорно звал вернуться в кровать.

А, не вовремя проснувшаяся совесть — скорее возвращаться на работу. Ну, или, хотя бы — проверить телефон...

Хозяйка мотеля, видя, что я сижу с блаженной улыбкой почти довольного мужчины, села напротив меня, поставив на стол пепельницу.

— Спасибо, Хозяюшка! — На автопилоте, выдохнул я и полез за сигаретами.

— Русский! — В глазах хозяйки заиграли бесенята. — На здоровье!

Посмеявшись над моими удивленными глазами, хозяйка, наконец-то, представилась и под сигарету, с кофе, потек наш с ней неспешный разговор.

Народа в мотеле не было, ее ночной служащий — Гюстав — продолжал сладко посапывать за стойкой, а мы, зацепились языками за все возможные рецепты и пряности.

Вот, кто бы услышал нас, решил, что эти двое совсем мозгой тронулись, посреди

бесконечно-снежного поля, обсуждая, на каком масле лучше делать торты — на 72-х % или 83-х %!

Жуть, конечно, но заняться все равно нечем! Ну не за зомбятник же заваливаться!

Дважды, нас отвлекало радио, передающее новости.

Новости были не радостными — температура продолжала падать, а дорожники судорожно чистили и чистили дороги, пробиваясь к хайвэю, по которому, должна прибыть помощь из не пострадавших районов страны и от соседей.

Только и хайвэй, тоже надо было кому-то чистить!

Шесть полос в одну сторону, шесть — в другую...

— Сколько людей померзло... — Вздохнула Кира, доливая себе кофе. — Сайд, как ты думаешь... Что такое случилось с природой? Соседи снова трепятся, что это русские, портят погоду...

— Ага. И Иисуса, тоже, русские повесили?! — Рассмеялся я, от всей души. — Кира, с 2000 — х годов, мы слышим эту байку, об управлении погодой... Погодой можно управлять — не спорю. Но количество переменных факторов такое, что уже на расстоянии в 500 километров, это превращается не в управление, а в черти-что... Десяток неправильно построенных домов, перекрывающих поток воздуха с гор, повышенная температура городов, выбросы в атмосферу, выпиленные деревья, да еще сотни и сотни причин... Тут впору заниматься глобальным сбором информации, а не "погодным оружием"! Вот людей — жалко. Не спорю.

— А мне — нет. — Кира мгновенно озлилась, сверкая глазами. — Всех, предупредили почти за двое суток. В гостиницах и школах — развернули точки спасения, обогрева. Патрульные, всю ночь мотались по улицам, помогая... Нет же — захотели в домишках своих, картонных, отсидеться! Мне больше животных, жалко, чем их хозяев!

Сделав большой глоток, фрау Киммер, слегка успокоилась и уставилась в пустоту за моей спиной.

— Мой супруг — Царствие ему небесное! — всегда долдонил и долдонил только одно: "не имея головы на плечах — жить можно, не имея запаса — можно выжить, не имея порядка — можно только умереть!" То, что я вижу сейчас — это отсутствие порядка. Представляешь, есть отели, отказавшиеся впустить замерзающих людей! Да, эти отели лишат лицензий и они закроются... Но их работники — потеряют свои рабочие места...

— Кира... — Я вздохнул и застегнул ремень. — А теперь представь себе, что жалеешь ты не тех. Работники, если уж они такие хорошие, могли открыть двери и сами, не слушая свое начальство. Мы все делаем выбор. Они сделали свой — выбрали лояльность фирме, предпочтя ее здравому смыслу и прямому приказу своего правительства. Так что, в одном я с тобой согласен — животных жалко...

Захрипевшая от барной стойки рация вывела Киру из оцепенелого размышления, в которое ее вогнали мои слова о том, что "лояльность" не всегда есть хорошо...

Подойдя к рации, Кира внимательнейшим образом выслушала все, что ей сообщили, привычно ответила — "да" и вернулась за мой столик.

— Армия уже расчистила хайвэй, разрешен ограниченный проезд — в сторону границы — два ряда. В нашу сторону сейчас идет колонна, от границы, интересуются все ли у нас в порядке...

Гюстав, появившийся через минуту, радостно подтвердил слова своей хозяйки, о проезжающей мимо автоколонне.

Армейцы, ввалившиеся в мотель, привычно осмотрелись по сторонам, подали свои термосы, в которые Кира начала заливать кофе, чай и бульон — все для армии, все для людей.

Увидев меня, сержант толкнул локтем рядового и тот, закинув автомат за спину, под настороженные взгляды своих коллег, подошел ко мне и потребовал документы.

Увидев корочки "Фемиды", сдержанно улыбнулся, козырнул и отвалил в сторону — докладывать сержанту.

Сержант вообще оказался очень толковым и понятливым, а его люди расторопными и внимательными.

Рядовой от меня еще шел к сержанту, а тому, по рации, уже докладывали о вычищенной, странным образом, дорожке к гаражу.

Сложив "два и два", сержант подмигнул мне от стойки и, дождавшись ответного кивка, подошел и устроился за моим столиком, демонстративно передав свое оружие рядовому.

— Добрый день. — Церемонно начал он, расстегивая куртку. — Сержант Отто Хим, армейская разведка...

У меня отвисла челюсть.

— Сайд. Офицер запаса. "Фемида". — Вытолкнул я из себя тот минимум, что положен при знакомстве, с такими службами.

— Запаса, значит... — Отто Хим с хрустом расправил плечи. — Ну-ну... Помогли хозяйке, значит?

— Пока я — мужчина... — Я пожал плечами, пытаюсь понять — обвиняют меня или хвалят...

— Спасибо, герр Сайд. — Отто протянул мне свою ладонь, размером с половину листа А4. — Больше бы мужчин... Только... Постарайтесь больше не демонстрировать своих способностей.

— Надеюсь, не придется. — Пожелал я самому себе. — Думаю, к вечеру буду уже на границе... А там...

— А вот там — тем более, не стоит... — Сержант помрачнел. — Вам знаком термин "Темные века"?

Я насторожился, никаких приятных ассоциаций, этот термин у меня не вызывал.

— Вижу, Вы все правильно поняли. — Хим скривился. — И, не вздумайте помогать там женщинам... Поколотят...

Сержант уловил краем глаза, что его подчиненные закидывают термосы за спины и проверяют снаряжение, ожидая свое начальство и встал из-за стола.

— Очень жаль, Сайд, что нет свободной минутки, поговорить с умным человеком. Но Анне, привет от меня обязательно передай! — Отто озорно подмигнул и застегнув куртку, направился к выходу, принимая свой автомат из рук рядового.

Хотелось задать кучу вопросов, но уже через несколько секунд стало просто не кому — армейская разведка растворилась в белом поле, рассаживаясь по машинам в рыжем, пустынном камуфляже.

— Ваш знакомый? — Кира вновь подошла ко мне, с кофейником в руках.

— Скорее, знакомый — знакомых... — Я протянул чашку и замер, пока она наполнялась. — Спасибо, Кира.

— Ваш, "знакомый — знакомых", просил передать, что через 18 часов дорогу закроют... Совсем. Вам придется поторопиться, чтобы оказаться на границе, как можно раньше...

Вняв предупреждению, я допил кофе, рассчитался за номер и откланялся.

Кира, прекрасная душа, сунула мне в дорогу двух литровый термос с кофе, сверток с бутербродами и кусок пирога, что мне так понравился.

"Корвет", серый на белом, "выпрыгнул" из подземного гаража, легко развернулся и заскользил по-над дорогой.

Дорогу чистили от души — лишь рваные островки уже налетевшего снега, пятнали черный асфальт. Ни льдинки. Идеально видимая разметка. Еще бы не минус 24, по Цельсию, и вообще — чудо!

Пожалев, что не заправился у Киры — просто забыл и поторопился — представил, как я буду заправляться, переливая горючку из канистр в бензобак.

Бр-р-р-р!

Нога, уже привычно, придавила педаль и "корвет", яростно взрыкнув мотором, рванул вперед, вжимая меня в сиденье.

Мне очень нравится именно этот момент, первого газа, первого рывка, первого чуда. Жаль, что на всю дорогу, такой момент, только один — первый. Все остальное — лишь повтор.

Объясните мне загадку, почему в маленькой машинке, я, с моим ростом в метр девяносто, ощущаю себя комфортней, чем в громоздком и здоровом — внедорожнике?! Нет, конечно же есть "Нива", "Эскудо", "Самурай" — они маленькие, джипы... Но они — не "маленькие" машинки...

Под аккомпанемент своих мыслей, рука нашарила шоколадный батончик, лежащий на пассажирском сидении и ткнулась в лежащую мобилку.

"Вот и пришло время, узнать, кто же мне звонил..." — Нахмурился я и поднес мобилу поближе.

Кто бы мне не звонил — удовлетворить его потребности в общении со мной я просто не мог — мобила села.

Наглухо!

Даже достав аккумулятор и постучав его, погрев и потеряв — "цээмдэшка" включиться не пожелала.

Ага. А шнур — зарядка, от нее — осталась в академии. А купить, подобную, не возможно — телефон снят не то, что с производства — его уж и из памяти поколений — сняли!

Как говорила одна моя очень хорошая знакомая — переводчик: "Очень, блин!"

Расстроенные чувства, это такое состояние души и тела, когда творишь что попало сразу, а отгребашь, за сделанное — потом. И чаще всего — очень даже больно.

В догонку мыслям о телефоне, пришла и еще одна — нет, резину я поменял, спору нет... Только — Где моя летняя резина?! Вот уж воистину — задний ум...

Расстроившись еще больше, протянул руку и включил радио.

"... Сегодня, правительство нашей страны приняло решение..." — Навалились на меня местные новости.

От желания выйти сию секунду, удержал тот факт, что выход из авто, несущегося со скоростью 130 км\ч, чреват повреждениями...

Выходящей личности...

Сперва хотел съехать на обочину, а потом махнул рукой — если бы хотели грохнуть — уже бы грохнули. А все остальное терпит до после перехода границы.

Крутнув настройку, поймал музыкальную волну и сделал по-громче.

Да, в моем "скате" просто не было радио. Места на него уже не оставалось, со всем спецоборудованием.

Трижды включив поворотник налево, сдвинул незаметную пластину на руле, добрался до клавиш спецоборудования и провел быструю проверку...

Из машины удалили всю взрывчатку, что не могло меня не радовать, сняли рацию и удалили спецсигнал. В остальном, это он, мой родимый "Корвет Стингрей"...

Оставили мне почти все навороты, включая переднюю и заднюю "вспышку", автоподкачку и прочие милые штучки, что делали машину 1963 года вполне современной и практически — неуничтожимой.

Разумеется, в разумных пределах.

Под музыку, пролетел больше трех сотен километров и остановился "испытать кофейку и жевнуть пирожку", заодно — пристрелял свои пистолеты, с удовольствием расстреляв пустые бутылки из-под минералки — не зря же я их купил больше десятка.

Потом, снова чертыхаясь, собрал гильзы и остатки пластика — негоже пакостить на природе.

Странная личность, при покупке снарядила мои "P2000" обоймами по 13-ть патронов, очень не привычно, у меня были 16 патронные... Впрочем, пистолет стал чуть легче.

Сидя за рулем, добил обе потраченные обоймы и "слегка" почистил — на границе, с воняющими стволами могли быть проблемы, если попадется дотошный таможенник.

Судя по карте, до границы мне оставалось километров 75, час езды не торопясь.

Постоянно прижимаясь к обочине — мне навстречу перло все больше и больше техники из сопредельных государств, оказывающих помощь — уже неторопливо, катил к границе.

А куда мне торопиться?

Сытый, довольный, с чистой совестью — чего еще надо?

Таможенник, увидев документы "Фемиды", скривился и жестом приказал отогнать машину в бокс — на наркоконтроль.

Спасибо, что в бокс — мог заставить ждать и на улице.

Оперевшись на заднее крыло "корвета", стал дожидаться "собаки с человеком".

Овчарка, с ленцой обошла машину, обнюхала меня и развернулась ко мне задом, словно говоря своему старшему: "И что дальше?!"

Пограничник прихватил собаку за ошейник и вышел из бокса, снова оставив меня в одиночестве.

Не выдержав, уселся за руль и откинул голову на подголовник, приготовившись к долгому ожиданию.

Курить хотелось так, что уши скручивались в трубочку, но грозно перечеркнутая сигарета, в красном кружке, пялилась на меня со всех стен.

Стук по капоту, вырвал меня из грез о сигарете и вернул на грешную землю.

— Подпишите здесь! — Протянул мне органайзер, с прикрепленной к нему ручкой, немолодой уже таможенник.

"Отказ от ответственности". — Прочитал я заголовок и возблагодарил свою привычку, внимательно читать документы, перед тем как их подписать. Время — тратится. А карма — не портится!

Если я правильно понял прочитанное, то впереди меня ждало вовсе не легонькое путешествие.

В первых же строках "отказа" меня четко и ясно ставили в известность, что соседние государства являются "отсталыми", не терпящими "демократических прав" и отказывающихся от "демократических обязанностей" и вообще — "для европейский норм морали и традиций" — неприемлемыми...

Расписавшись, вернул органайзер и вопросительно посмотрел на таможенника.

Пожав плечами, тот достал из кармана рацию и через минуту, бокс уже открывался с другой стороны, выпуская меня на прямую дорожку, в соседнее государство.

В "соседнем" государстве, мои документы прогнали на сканере и на целых пять минут задержали меня, попросив разрешения сфотографироваться на фоне машины.

Дальше, молодой парнишка поднял шагбаум и пожелал мне счастливого пути, на трех языках.

Стоило мне отъехать от границы на семь километров, как вокруг меня все изменилось, как мановению волшебной палочки. Снег пропал, словно отрезанный; термометр пополз вверх — хоть и не быстро — но вот уже прямо сейчас было -17 градусов, а не -23, как на посту.

"Корвет" привычно цеплялся шинами за асфальт, разгоняясь до разрешенного предела.

Жаль, что разрешенный здесь предел — 90 км\ч...

Длинный капот "Стингрея", совершенно не мешающий на длинных и вольных дорогах США, на трясках шоссе России, в тесных закутках европейских и бывших европейских государств, все-таки мешался.

Пару кочек я зевнул, больно получив отдачу в спину — подвеска у моего экземпляра жесткая, рассчитанная на все случаи жизни...

Сбросив скорость, стал внимательнее выбирать дорогу — своя пятая точка очень дорога!

Через пару часов такой дороги, съехал на обочину и от души закурил, отравляя воздух сигаретным дымом.

Не смотря на все навороты, установленные в моего "ската", руки гудели, а глаза лезли на лоб.

Допив кофе, снова развернул карту и присвистнул — если я не совсем дурак и правильно прочел карту, то через час — полтора, я миную "страшную страну, погрязшую в "Темных веках"" и выскочу на оперативный простор бывшей братской страны, что так стремительно бежала из (или от?) СССР, что растеряла все свое производство и теперь перебивалась тем, что осталось.

Веселясь от своих мыслей, "слил" воду и вывел "корветик" на дорогу.

Среди множества дорог, что остались за задним бампером моей машины, фаркопом автобуса или сцепкой поезда, есть огромное количество описываемых одним-единственным словом — "никакие".

Ничего в них нет особенного, выразительного или примечательного. Они в меру унылы, в меру оснащены, в меру украшены. Вот все европейские дороги — в меру.

На них никогда не встретишь экзотики, в виде ослика, тащащего повозку или длинного шеста, украшенного лентами. На европейской дороге, тебя никогда не остановит мужчина с широкой улыбкой и бутылкой водки, потому что у него родился сын!

Европейские дороги скучны, предсказуемы и быстры.

Радио я снова отключил — слушать было нечего, если честно.

По обочинам, проносились высаженные деревья влагозадержания и снегозадержания,

деревенька и печальный дорожный указатель, который сообщал, что до границы — 10 км.

Я сам и не понял, как пролетел целую страну...

И снова, как обязательная программа, фото у машины с одной стороны границы и собака — с другой.

Все слилось в длинную вереницу серых пятен, мелькающих в боковые окна "Корвета".

Из состояния ступора меня вывел мигающий сигнал пустого бензобака.

Судя по спидометру, после границы, отмахал я уже больше ста километров и пришло время не только заправить машину, но и самому, хорошенько заправиться и лечь спать, иначе вместо меня в академию приедет издерганный, замученный труп, с ввалившимися глазами.

До заправки дотянул, слава Серым!

Видя меня, служащий заправки, молча, протянул ключ от туалета и показал рукой за угол, указывая путь.

Горячей воды в туалете не было, да и полы не отличались идеальной чистотой, но холодной было вдоволь, а главное, на стене висело зеркало, в которое я и заглянул.

И вздрогнул.

Из зеркала на меня смотрел седой парень, с холодными и пустыми зелеными глазами, с полопавшимися сосудами вокруг радужки.

Плескался я минут десять, сожалея, что нельзя засунуть под кран голову — расстояние между гусаком и раковиной было только-только на две ладони, сложенные лодочкой...

Полотенец тоже не было...

В магазине, при заправке, оружейного магазина не нашлось, к моему сожалению. Зато нашелся неплохой атлас автодорог, черный кофе в "жестянках" и "энергетик", которым так любят заправляться слабоумные детишки в клубняках.

Продавщица, глянув в мои красные глаза, протянула темные очки, пакет соленой рыбки и плитку горького шоколада. Глянула еще раз и добавила к одной плитке — еще пару.

Юмористка, блин ё-моё!

Впрочем, не отрицаю — смесь соленой рыбы и горького шоколада, еще та гадость, вернет на землю любого мечтателя.

Пока рассчитывался, у "Корвета" собралась кучка молодежи, рассматривая, фотографируя и фотографируясь на фоне.

Однако стоило мне выйти — молодежь испарилась.

Сгрузив пакет с покупками на пассажирское место, открыл банку с кофе и сделал первый глоток.

Продрало до задницы...

Кофе оказался с имбирем!

Садисты, "очень блин"!

Машин на дороге становилось все больше и больше, днем и вечером, движение по этой дороге становилось оживленным — жители окрестных городков торопились на работу и с работы.

Влившись в поток, неторопливо прихлебывая кофе и молясь, что бы не попался пент, иначе платить мне штраф и "корочки" не помогут, поглядывал по сторонам, в поисках мотеля.

Пусть до заката еще далеко, но...

Привыкать к дороге надо постепенно, иначе будешь привыкать к крыльям за спиной,

нимбу над головой и арфе в руках... В моем случае, по заверениям церковников — к очень горячим котлам...

Мотель нашелся через 31 километр!

Увидев его, заложил вираж, испугав едущих за мной и влетел на забитую парковку.

Хозяин мотеля, вислоусый дядька, в национальной рубашке обрадовал меня сразу несколькими вещами. Места были. Ресторан работал. Кофе было много. Еду и кофе можно заказать в номер.

Последнее его заявление сразило меня наповал.

Доползя до комнаты, сделал заказ и полез в душ — закатное солнце уже вовсю играло в окнах и лукавыми зайчиками отражалось от всех зеркальных поверхностей, до которых могло дотянуться.

Только вылез из ванны — постучали в дверь.

Халата в номере оказалось не предусмотрено — пришлось закутаться в полотенце и открыть дверь горничной, в сопровождении молодого парня, хмурого и глядящего на меня волком, словно я злостный насильник и об этом все знают, но доказательств нет!

Горничная вкатил тележку с едой, пожелала приятного аппетита и исчезла быстрее собственного визга.

Открыв крышку, потянул носом — национальная еда — супер!

Налил себе в стакан минералку, подтянул тарелку и заглотил первую ложку.

Было очень горячо.

И очень остро.

И очень быстро закончилась минералка.

Но мне — понравилось!

Я всегда знал, что я самодур, редкая скотина и прозвище "Язва", полученное от тех, кто меня знает, частенько оправдывало себя.

Что ж, я такой.

Я люблю повеселиться, а особенно пожрать, поспать и покувыркаться в кровати!

Только, с этой преподавательской деятельностью, о последнем, как то пришлось подзабыть — странные сны, вполне откровенные предложения, "ломимзм" крайней степени и постоянная вымотанность — вот и все что окружало меня в последние полгода-год.

Постоянно крутящиеся молоденькие студенточки, по которым "видит око, да зуб неймет", хоть и значительно поднимают настроение, но не настолько...

Да и с поспать... Тоже дикие проблемы...

А вот сейчас — сна ни в одном глазу, в одном месте свербит, а на часах всего половина седьмого вечера.

Почистив зубы — на всякий случай и для этого же — побрившись, решил "выйти в свет".

Долго думал, брать оружие или оставить, но решил взять — сейф в номере не внушал мне доверия, а морды служащих — не внушали вообще ничего, кроме опасения за свою жизнь.

Впрочем, горничная была мила, но вот ее Цербер...

На стойке, мне протянули карту города, с указанием всевозможных увеселительных заведений и я схватился за голову — три десятка!

Три десятка на город с населением в 121000 человек!

— Чем еще могу помочь? — Мужчина у стойки смотрел на меня очень внимательно и слегка насторожено. — Может быть, останетесь в номере? Всегда есть варианты...

Судя по его улыбке и красному носу, варианты всегда могли быть, только одни — не очень хорошие.

— Лучше скажите сразу, куда не стоит соваться! — Я положил карту перед ним и протянул ручку.

Мужчина задумался, почесал затылок, а потом взялся за трубку телефона, вызывая Ками, ругаясь с Мати и одновременно отрешенно качая головой.

Через пару минут, появилась Ками, в сопровождении Мати.

Ками — горничная, что привезла мне ужин, а Мати — ее молодой супруг, ревнивый до пяток и следующий за девушкой по пятам, глядящий на всех волком, за что уже был дважды бит.

Протянув карту девушке, повторил мое пожелание и замер, словно наряженная в народные одежды статуэтка.

Вестибюль маленькой гостиницы, не поражал великолепием, золотом или уходящими за грань, архитектурными изысками. Обычные стены, линолеум на полу, светильники на потолке — все, как в любом месте, где есть Икея.

Кстати, мебель — тоже из нее же, зуб даю!

По крайней мере, столик, который у меня в номере — точь-в-точь, как тот, что у меня дома!

— Вот эти три — Девушка переключила моё внимание на себя и принялась черкать в карте. — Эти три — для молодняка, ну знаете, приходят молоденькие жеребчики, попрыгать и покрасоваться перед молоденькими дурочками. Наркоту могут подсыпать и подлить, в любой момент, так что напитки выбирайте внимательно.

— Пяток вот этих... — Ками обвела заведения и жирно их перечеркнула. — Для этих, которые "с задним приводом"... Думаю, они Вас не интересуют?

Дождавшись моего кивка, девушка вздохнула и продолжила.

— Два вот этих — самые большие. Три этажа, на любой вкус. Очень дорого, кричаще и стильно. В любой момент можно получить по морде от охраны какого-нибудь "золотого" мальчика.

Ее рука, украшенная золотой цепочкой-браслетом и обручальным кольцом, порхала над картой, очеркивая значные места.

Мати, стоящий рядом, начал пыхтеть и краснеть, наливаясь злостью.

— Остальные — обычные, ничем не примечательные забегаловки. Можно выпить, познакомиться, подраться... Но культурно провести вечер — нет. Танцполов нет... Правда, есть еще одно заведение... — Ками внимательно посмотрела мне в глаза и написала адрес на полях карты. — Думаю, Вам понравится именно здесь...

Вернув мне карту и ручку, Ками подхватила своего пышащего раздражением супруга и повлекла его в сторону выхода — как я понял — ее смена закончилась.

Понимая, что скорее всего буду пьян, попросил вызвать себе такси — рассекать на "Корвете", в состоянии "не стояния" — нафиг-нафиг!

Выйдя из гостиницы, пока ждал такси, выкурил пару сигарет — сигареты в Европе так себе, дорогое и мерзкое курево. Увы, мои запасы "своих" подошли к концу, и пришлось затариваться "европейским" барахлом...

Водителю такси назвал адрес, написанный Ками.

Шофер развернулся, посмотрел на меня и тяжело вздохнул.

— Здание — напротив! — Сказал он мне и протянул руку. — Пять баксов.

Видя мое не понимание, он рассмеялся и ткнул пальцем мне за спину.

— Клуб "Поллета" находится за Вашей спиной, через дорогу.

Рассмеявшись, вложил в его ладонь двадцатку и потребовал "доставить до подъезда".

Вобщем, мы друг-друга поняли.

Вход в клуб был платный, а вот очереди пока не было — слишком рано, половина восьмого. Народ будет собираться часам к десяти, одиннадцати, как пояснил мне таксист, с "шиком" подвозя меня ко входу.

Первое, что мне не понравилось — охранник.

Бугая на две головы меня выше, в плечах — три меня, а судя по блеску в глазах — уже "готового", я изучал добрых секунд десять, а потом решил, что да и пофиг, на него.

Подняв ладонь, охранник меня притормозил и достал металлодетектор, пискнувший на моих стволах.

— Оружие придется сдать! — Вежливо, но твердо заявил секурис и пояснил. — Не потому что стрелять начнете, а потому что могут срезать, вы и не заметите... Бывают тут у нас, эксцессы...

Вот совершенно не вязался внешний вид и манера поведения, вызывая странное раздражение. Словно в тело бугая, всунули, как минимум, "ботана", а как максимум — кандидата наук. Да и глаза, блестящие... Не вписывались в общий портрет. Слишком чистый и спокойный был голос, правильный и уверенный.

Кивнув головой, что все понял, прошел мимо парня и оказался в широком вестибюле, в котором меня уже ожидал второй секурис, который принял у меня оружие, убрал его в сейф и настроил на отпечатки пальцев левой руки.

Быстро и молча.

В самом заведении было еще спокойно и пусто. Диджей, на своем насесте, отстраивал пульт и внимательно вслушивался в наушники. Девушки официантки сновали между пустых столиков, поправляя стулья и проверяя "три в одном" — салфетка, солонка, зубочистка.

На танцполе разминалась пара танцовщиц, демонстрируя растяжки, о которых мне, хоть и грех, но оставалось только мечтать...

— Простите! — Остановила меня официантка. — Пройдите пока, пожалуйста, в бар... Зал откроется в 21.00...

Пришлось пройти в бар.

В баре уже было людно — у стойки было свободно всего пяток мест, а из дюжины столиков, была занята половина. Музыка, пока, играла спокойно и без надрывного остервенения, что-то спокойное, как бы даже, не давно всеми позабытого, DJ Dado...

Сделав заказ, прошел в туалет — "чистота — залог здоровья".

В нем я и наварлся...

Стоя спиной ко входу, в самый последний момент заметил в зеркале странную фигуру, в окружении не менее странных фигур.

— Здесь такие не обслуживаются! — Заявила фигура, модулированным голосом

электронного переводчика.

— В смысле? Туалет работает только для Вас? — "Удивился" я. — Странно. На двери не было вывески — "Только для уродов"!

Валять дурака очень приятно. Особенно, если тебя готовили. Да, у меня нет таких бесподобных растяжек, что демонстрировали девушки. У меня нет такого размера кулаков, как у охранника на входе. У меня даже нет с собой оружия.

Но и все годы, что я работаю в "Фемиде", я не сидел на жопе ровно. И, что такое "драка" и чем она отличается от "боя", я знаю намного лучше этой четверки.

— Таких как ты — это значит — "Дохлых"! — Хохотнул левый, будущий пациент травматологии, прятаясь свое лицо под маской существа с вытянутыми зубами и горящими красными глазами. — Так что, мы тебя сейчас проучим, а потом...

— Много болтаешь! — Рыкнул самый первый, пациент нейрохирургии, доставая из-за спины полицейскую дубинку и достаточно профессионально ее раскручивая.

"Интересно, кто такие?" — Мелькнула мысль в голове и пошел "счет".

РАЗ!

Присев, пропустил удар дубинкой над головой и резко выпрямившись, угостил первого снизу в челюсть. Поймал падающее тело, добавил скорости и отправил в сторону входной двери.

Дверь с честью выдержала испытание пустой головой!

Это только в фильмах, после такого удара, дверь вылетает, разбитая в щепу. В реальности — разбивается голова. Особенно, если дверь открывается во внутрь...

Два!

Удар в пах и следом, соседу, в колено.

Хруст и поза эмбриона. Точнее — наоборот, конечно, но и так то же сойдет. Пробив прямой в грудь, успокоил бедолагу со сломанным коленом, вывернутым в противоестественную, сторону.

Три!

Прямой в висок. Удар, который прекрасно сбивает спесь, с любого лица.

Локтем в челюсть. Коленом в живот.

Все.

Осматриваюсь по сторонам.

Крови не много, зубов не видно.

На мое везение, четверка обычных идиотов. Правда, с чего они взяли, что я — "мертвый"?

Обшмонав тушки, устроил их в кабинках, по парам, не забыв спустить штаны. Тот, кто их найдет, вволю пофотает, ибо это — Европа!

Можно все... Особенно сильному.

Денег и документов у "псевдолюдей" я не обнаружил, а вот странная коробочка, которая начинала мигать красным огоньком и отчаянно вибрировать, стоило ее только повернуть в мою сторону, меня заинтересовала.

Видать, нашелся умелец, что создал приборчик для розыска нашего вида.

С одной стороны — плохо, а с другой, теперь и нет.

Снимать маски, с этих постояльцев больничных коек, я снимать не стал — полиция снимет. Или скорая. Или в морге, срежут, в конце-концов, если найдут не сразу...

Вытащив из коробочки батарейки, вытер полы, от нескольких капель крови и тщательно

вымыл руки.

Назвав меня "дохлым", эти четверо сами подписали себе условия драки.

Тем более что меня больше учили калечить, чем просто драться или убивать...

А ведь здорово получилось, признался я самому себе, глядя в зеркало. Весь спектр медицинских работ — охвачен! Есть работа хирургу, нейрохирургу, травматологу и этому, как его... Проктологу? А, нет — Андрологу! Блин, урологу, во!

Совсем я запутался в этих терминах.

Так, с помощью глупой шутки, я отвлекся от невеселых мыслей и вышел из туалета.

В баре, на выбранном мной столике, уже стояла кружка пива, рыбка на тарелочке и орешки, в хрустальной вазочке.

Очень цивилизовано и культурно.

Сделав первый глоток, понял — пропал.

Легкое, светлое пиво.

Ням. Дайте два и повторите!

Да. Боги создали пиво для неспешной беседы — однозначно!

Девушка официантка, еще дважды повторяла мне заказ, пока я не понял, что мир вокруг меня прекрасен и удивителен, а значит, что я готов перейти к активным действиям.

Расцеловав официантку, чем вызвал бурную реакцию у сидящих, слегка покачиваясь, я перебрался в зал.

На танцполе уже было тесно.

Ревели колонки, извивались в танце симпатичные, хорошенькие, красивые, девушки, рядом с которыми истекали слюнями молодые люди. Впрочем, как я заметил, по некоторым девушкам истекали слюнями другие девушки.

Пробившись к стойке, потребовал у бармена водки.

Первая стопка пошла в разгон, вторая, следом, чтобы разгон не прекращался.

Последний раз я танцевал лет...

Я даже замер, посреди танца, суматошно пытаюсь подсчитать, когда я в последний раз танцевал. Расклад был печальный — последний раз я танцевал в 2003-ем, а с девушкой — в 2003-ем...

На мое счастье, ничего не изменилось за это время, в клубах...

Танцуя, постепенно перезнакомился с окружающими — пара компаний оказалась очень интересными и забавными. Чтобы не решать, с какой я хочу общаться, свел обе компашки вместе — один бог, девчонок в обеих компаниях много, а их парням я не соперник — уже завтра меня не будет в стране. Оккупировав столик, обе компании живо нашли общий язык, а я, для знакомства и для продолжения разгона, заказал две бутылки водки.

Уже знакомая мне по бару, официантка, в розовом платье с белым передником, принесла мой заказ и мило улыбаясь, поставила на стол.

— Сегодня у нас будут особенные гости! — Подмигнула она мне. — Хозяин пригласил "Тимфо"!

Обе компании, видя, что название группы у меня не вызывает ни малейшего эффекта, принялись рассказывать о группе.

Из того, что я понял в этом грое и грохоте, что группа — обычная. Общей любовью пользуется за выигрыш на каком-то конкурсе, где разошлась вовсю. Сразу припомнился "Barthezz", интересно, где сейчас эта команда?

— Уважаемые гости нашего клуба! — Диджей "потушил" музыку и свет, начиная

интригу представления. — Сегодня, у нас в гостях... Группа... "Team 4"!

Под вспышки стробоскопов, развернулась сцена со стоящими на ней инструментами. Без музыкантов.

— Люди! — Воскликнул диджей, раскинув руки, как Иисус, позовем же их!

Очень нехорошие предчувствия стали меня мучить.

Группа не появилась.

Сцену снова повернули и бедолага ди-джей принялся отрабатывать косяки в поте лица.

Народ, уже набравшийся, слегка повозмущался да и забил: на всяких звезд, залетных, обращать внимание — себя не уважать...

К двенадцати, я уже славно потанцевал и теперь сидел за столиком, потягивая терпкий вишневый сок.

Официантка из бара, очень красивая блондинка, уже дважды выходила со мной танцевать, что вызывало у обеих компаний ступор — в рабочее время! Танцевать с клиентом! Непорядок!

Вот и сейчас я ждал появления Марши, как манны небесной.

Что-то зацепило меня, в этой девушке. Может быть глаза, в глубине которых жил совершенно другой человек? Молодая, смеющаяся, а в глазах — льдинка, которую очень хочется растопить. Да и вся Марша — льдинка, которую хочется растопить!

Хмель уже начал выветриваться из головы, да еще и мой "талант", трезветь после определенного количества выпитого, дал о себе знать. Мои компании уже окончательно смешались и целовались напропалую.

Мне аж завидно стало — снова, я влетел... Хотел познакомиться, с продолжением, а в результате — для продолжения познакомились все, кроме меня.

Как всегда смеялся в таких случаях Вад — "справедливость восторжествовала"!

Подошедшая Марша поставила на столик упаковку вишневого сока и замерла рядом со мной, словно о чем-то задумавшись.

Не знаю, какой бес меня дернул.

Взяв девушку за руку, потянул ее к себе, усаживая на колени, обнял и с наслаждением поцеловал.

Несколько секунд Марша сопротивлялась, а затем, стоило мне слегка ослабить объятия, положила руки мне на плечи, прижалась и ответила на поцелуй.

Яркий свет, направленный на нас с Маршей из под потолка, прервал чудное мгновение.

Убил бы, честное слово!

— Марша! Я все вижу! — Раздался вопль ди-джея. Только не обличающий или оскорбительный, а... Какой-то восхищенный, что-ли? Словно девушка, сидящая у меня на коленях, покрасневшая от поцелуев и возбуждения, сделала нечто такое... — Марша Хэммильд! Только для Тебя!

Ди-джей включил музыку, которую назвать клубной не повернется язык.

А у меня отвисла челюсть.

"Berlin".

Когда-то, под эту музыку я хотел сделать предложение любимой девушке...

Марша, уставилась мне в глаза, предлагая сделать выбор.

— Идем!

Я никогда не назову имени.

Марша кружилась в танце, плотно прижавшись и не отстраняясь.

И пусть завтра снова будет холодно.

Сейчас мне очень хорошо. Мне жарко.

И тают льдинки в глазах девушки.

И тает девушка, превращаясь в жар, в пламя, в огонь.

Песня уже кончилась, а мы все стояли в середине танцпола, прижимаясь друг к другу.

— Марша Хэммильд! — Ди-джей окликнул мою девушку и проорал на весь зал: —

Самая яркая девушка, что я знаю!

Марша, опомнившись, выскользнула из моих объятий и, шепнув мне на ушко: "я работаю до трех", исчезла в сумраке клуба.

Вот теперь вечер сошелся!

Оставив свои компании заниматься самими собой, прошел в туалет и замер.

Очередь, в два хвоста, длиной! Выходящие ругаются, на чем свет стоит, костеря две запертые кабинки! Присоединившись к очереди, прислушался к разговорам.

Тем было две: "Идиоты в кабинках", как самая актуальная и где эти дебилы из "тимфо", как вторичная.

Дождавшись, когда за мной займут очередь, принялся возмущаться и делать варианты, почему закрыты кабинки. Обладая громким голосом, специально поставленным и заточенным под решение определенных целей, неторопливо, подвел толпу к решению, что кабинки надо открыть. Как максимум — самим. Как минимум и это самое правильное — вызвать администрацию клуба.

Уже хорошо знакомый мне охранник, проходя мимо меня и позвякивая ключами, замер, ткнул в меня пальцем, сказал: "Обидишь ее — яйца вырву" и пошел дальше, в туалет.

Через минуту, по очереди покотился трагичный вздох. Даже два вздоха. Первый — туалет закрыли. Второй — группу нашли.

Как всегда — первый, самый актуальный!

Переправив очередь в туалет на втором этаже, администрация закрыла коридор, выставив охрану.

Понимая, что скоро здесь появится полиция и мне не поздоровится, оставил у бармена записку для Марши и вышел на свежий воздух.

Отойдя к углу клуба, подкурил сигарету и скривился — гадость несусветная!

В это время, завывая сиренами, как горошины из стручка, выкатились из переулка рядом, несколько машин — скорая, пара полицейских и две не пойми что, но тоже с мигалками — возможно, опера.

Перейдя дорогу, засел в кафешке, дожидаясь Марши.

Жрать хотелось — безбожно!

Пожилая официантка, получив заказ на мясное блюдо и литр кофе, покачала головой и предупредила, что придется подождать, пока разогреется.

Едва я успел слопать поданное, из клуба начала вытекать толпа посетителей.

Каюсь, подговнил я людям отдых...

Еще через полчаса, подъехала вторая скорая и в нее загрузили пару закрытых, черных мешков. Потом на носилках вывезли тело, а затем — еще один черный мешок.

Чертыхнувшись, вышел из кафе и прошел к клубу.

— Вход воспрещен! — Остановил меня полицейский. — Клуб не работает.

— Вижу. — Кивнул я и достал портмоне. — Я здесь отдыхал и забыл забрать свои вещи.

Полиция скривило так, что мне даже стало его жаль, но, бросать здесь две тысячи, в мои

планы не входило.

— Назовите номер ячейки и Вам их вынесут! — Предложил он, после короткой консультации по рации.

— Сейф закрыт на отпечатки пальцев. — Пожал я плечами. — Сможете вытащить его из стены?

— Р-р-р-р... Проходите. — Полицейский поднял цепочку, что перегораживала мне путь. — Забирайте свои вещи и...

Я поднял руки вверх, давая понять, что именно так и сделаю.

— У нас нет камер в туалете! — Орал мужской голос так, что слышно его было через закрытую дверь. — И вы можете пойти и повеситься, там же, рядом с этими законченными педиками идиотами, что не поделили что-то! Мне плевать, что вы думаете, господа офицеры! Вы требовали доступа к камерам — вы его получили! Вы видели, кто отключил камеры? Так какие у вас вопросы ко мне?! Придет в себя, вот и допрашивайте! А моих людей — не трогайте! Я за каждого из них, головой поручусь!

Знакомый охранник, что забирал мои пистолеты, провел к сейфу, дождался, когда я его открою и заберу оружие.

Хлопнула дверь и маленький человечек, круглый, как колобок и подпрыгивающий на каждом шаге, как мячик, подпер дверь спиной, тяжело дыша.

— Идиоты... — Пробормотал он себе сквозь зубы. — Скоро будут требовать ставить камеры в задний проход!

Его взгляд уперся в меня, застегивающего сбрую, и неожиданно потеплел.

— Молодой человек! — Окликнул он меня, отлепился от двери и в три "подпрыга" оказался рядом. — Остановитесь!

— Это хозяин... — Прошипел охранник, краешком рта. — Зови его Зул, ему нравится...

— Стою. — Улыбнулся я. — Что случилось?

— Ага. — Зул обошел вокруг меня, как вокруг старинной вазы эпохи Мин. — Не скажу, что выбор Марши удачен, на мой взгляд... Но, это ее выбор. Сейчас я ее позову, работать сегодня все равно не будем... А вам, молодой человек, следует знать, что за Маршу, Вам вырвут яйца, если что...

— Уже в курсе. — Признался я.

— Кто успел вперед меня? — Удивился хозяин заведения. — Впрочем, не важно. Вас предупредили.

Открыв дверь, Зул почесал нос и повторил специально для меня: — Дождитесь Маршу!

В отношениях мужчины и женщины всегда есть места, которые лучше не знать.

Впустивший меня полицай был совсем не рад, что он меня впустил. Особенно, увидев, что выхожу я не один, вообще налил краской и был готов лопнуть.

Поддержав Маршу под руку, быстро повел ее по тротуару.

Потом был поцелуй, на глазах у всех полицейских, а потом, сразу, скачком, наступило утро.

Марши рядом не было.

Пока до меня дошло, что мы не у меня в номере — успел трижды сладко выmaterиться, проклиная женскую натуру, мужскую глупость и свою собственную везучесть.

Щелкнул замок входной двери и я снова прикинулся ветошью в сторону стенки — сплю я, сплю.

— Вставай, соня... — Ласковый поцелуй и еще час ушел на "горячее".

Валяясь я в постели с девушкой, закинувшей ногу мне живот и уткнувшейся носом в плечо, разговаривать совсем не хотелось. Хотелось лежать и лежать, пока весь этот мир не превратится в прах, в пыль и звезды не сложатся в новые созвездия.

— Давай вставать... — Марша еще раз прижалась ко мне своим горячим телом и выскользнула из-под одеяла. — Я в душ, потом ты!

При всей нашей жаркой ночи, Марша не оставила на мне ни единого следа — ни засоса, ни царапины, словно чего-то боялась.

Выйдя из ванны, потянулся на запах еды — за те 15 минут, что я провел под горячими струями, Марша успела сделать яичницу и заварить кофе.

Я бы, лично, за это время только бы чайник поставил!

Электрический, разумеется.

Услышав мое признание, Марша рассмеялась.

Только не весело.

В ее смехе не было ни капли веселья.

Усталость, боль и злость — вот что было в ее смехе.

Однажды я уже слышал такой смех.

От самого себя.

Подойдя к ней в плотную, крепко обнял и поцеловал, попытался поцеловать — Марша вывернулась, как кошка, которой надоело назойливое внимание детей.

Хорошо, хоть еще не зашипела и не поцарапала!

— Сайд. Завтракай и уходи. — Попросила она, отступая от меня. — Пожалуйста, просто уходи. Пусть останется прекрасная сказка ночи, в которой мы были свободны. Ты...

— Знаешь что, Марша Хэммильд... — Я почему-то воспользовался её полным именем — фамилией, как это сделал ди-джеи. — Хватит морочить мне голову! Завтракай и поехали! А еще лучше — поехали прямо сейчас, позавтракаем по дороге. Например — в Киеве!

Всю свою жизнь я мечтал сказать это любимой женщине.

Снова прижав к себе Маршу, крепко ее поцеловал.

— Марша... Поехали.

Девушка странно дернулась, спрятала лицо у меня на груди и прижалась так, словно пыталась слиться со мной в единое целое.

На мое счастье, квартира Марши была в двух шагах от ее работы, а, следовательно, и от гостиницы, на парковке которой мерз мой "корветик".

Оставив Маршу собирать вещи, забрал свои шмотки из номера, закидал их в багажник и вернулся к ней, приткнув своего "ската" у тротуара, под окнами ее квартиры.

Где застал Маршу в слезах, сидящей на кровати, обхватив колени.

— Ты чего? — Испугался я, что она снова что-то себе придумала и мне придется вновь вытряхивать из ее головы мусор воспитания и ворох предубеждений.

— Ты не сказал, что брат... — Сквозь слезы, снова прижавшись ко мне, сказала девушка. — И, как быть с работой?!

— Позвони Зулу и скажи, что твой мужчина тебя похищает! — Предложил я.

— Ага, и через две минуты в мою квартиру будет ломиться весь охранный полк нашего клуба, в надежде оторвать тебе яйца! — На лице Марши заиграла улыбка. Она дотянулась до телефона, лежащего на тумбочке, набрала номер и замерла в ступоре, словно страшась сказать первые слова.

Я мягко забрал у нее телефон из рук и поднес к уху.

— Марша, девочка, что случилось? Что-то с этим козлом? Марша! — Зул ревел в трубку, как разъяренный бык.

— Зул! — Остановил я поток, льющийся на мою персону. — Марша увольняется и уезжает со мной. Сейчас.

— Ух ты... — Выдохнул хозяин клуба и спустил пар. — Дай трубку Марше!

Отдав трубку, подмигнул заплаканной блондинке.

— Да. Да. Да, Зул. Спасибо! — Марша отбросила трубку на кровать и в один прыжок оказалась у меня на шее. — Что брать?

— Главное, бери себя. А вещи купим на месте. — Только сейчас я начал осознавать, что впервые в жизни принял решение за другого человека и... Безумно этому рад!

Я взваливаю на себя ответственность, и мне это нравится.

— Там, где я живу... Сейчас очень холодно... — Начал шептать Марше на ушко, я. — Снег может идти несколько дней подряд и никто не объявляет чрезвычайного положения. Термометр может показать минус 49, а на улице будут бегать счастливые дети, гоняя хоккей. В любой момент может пропасть свет, и люди будут сидеть при свечах.

— Сайд... — Марша оторвалась от меня и заглянула в глаза. — Сайд. Ты — русский?

— Хуже. Я — Советский!

— Тогда, раз уж начал за меня решать... — Марша вытерла слезы. — Решай, что брать! Ведь, наверное, надо будет вызвать такси... Да и в самолет, квартиру не засунешь!

— А если — не самолет? — Поинтересовался я и увидев заинтересованные, точнее — заинтригованные, горящие девичьи глаза, подвел ее к окну и показал на припаркованный "Корвет Стингрей". — Вместо самолета...

— Знаешь... — Марша замерла, что-то подсчитывая. — Кое-что не получается, тогда...

— Что именно? — Ее подсчет меня заинтересовал.

— "Позавтракать в Киеве"! — Ткнула она меня локтем под ребра и тут же поцеловала. — В лучшем случае — если только позавтракать — завтра!

— Ну... — Протянул я. — Мы можем ехать не торопясь...

Через полчаса, Марша застегнула вторую сумку и вручила ее мне, повесила на плечо свою дамскую сумочку, подхватила изящный саквояжик и замерла на пороге квартиры.

Захлопнув дверь, заперла ее на ключ, а ключ спрятала за металлический уголок косяка двери.

— Не боишься? — Я поинтересовался насчет ее тайника.

— Завтра, Зул отправит кого-нибудь, проверить... — Марша подхватила меня под локоть. — Заодно и холодильник, разгрузить...

— Зул такой заботливый хозяин... — Сделал я вид, что начинаю ревновать.

— Зул мой старший, сводный брат! — Марша прижалась и вдруг сладко зевнула. — Ой, Сайд, какой ты скучный! С тобой так спать хочется!

Радуюсь тому, что успел расчистить пассажирское сиденье и даже стряхнуть с него пыль и крошки, помог Марше устроиться. Конечно, мой "корвет" далек от удобств "япошек" или "немок", но и в нем есть свои очаровательные секреты.

Особенно, если над вашей машиной поработали специалисты технического отдела "Фемиды".

Через десять минут, плотно "упакованная" в зимнюю одежду Марша, начала разоблачаться, закидывая снятое за сиденье.

В машине стало намного жарче, честное слово! Я уж даже подумал, а не остановиться

ли мне, помочь девушке?

Оставшись в джинсах и легком свитере, Марша с укоризной глянула на меня, но вместо слов, наклонилась и поцеловала, слегка укусив.

Вроде и большая страна, Венгрия, а пролетели мы ее не заметно — отличная трасса, красивая спутница и все, четыреста километров корова языком слизнула!

Выскочив к пограничному посту, замер — колона завивалась хвостом в полкилометра, а сзади меня уже подпирали три новомодные электромашинки, игрушечных по виду, с серьезно расстроенными владельцами и пассажирами.

— Чего вы все так... Ломитесь?! — Почесал я затылок и тяжело вздохнул, вот думал же, что когти надо рвать через Берегово, нет же, с умничал — через Чоп поехал... — Да...

— Сайд... — Марша наклонила голову и положила ее мне на плечо. — Люди хотят встретить новый год в кругу семьи...

У меня отвисла челюсть.

Сегодня — 30 декабря!

Надо отдать погранцам должное — работу свою они делали максимально быстро, сортируя авто по количеству пассажиров, паспортам и гражданству.

Надеюсь, что с другой стороны мы увидим такую же грамотную работу...

Тем не менее, пока мы докатились до шлагбаума, Марша умудрилась славно придремать, откинув спинку сиденья.

Пограничник, видя спящую девушку, развел руками, извиняясь. Маршу пришлось будить — увы, граница дело тонкое и шуток не принимающее.

Изучив мои документы, пограничник покачал головой и протянул руку за паспортом моей девушки.

Сказать, что мне едва не стало плохо, это очень... Слабо сказано: у Марши паспорт был зеленого цвета. Моя суженная, оказалась гражданкой Ирландской республики, выпавшей из стальных объятий Англии в 2010 году. Европарламент ирландцев сильно недолго любил, называя их, в своих "кулуарных" разговорах "террористами", "предателями", "негодяями" и постоянно решая, как бы их прижать.

Увы, для старушки Европы, ирландцы плевали на их мнение и жили в свое удовольствие, не преминув, проехаться по всем мозолям Грётанной Бретании, заключая договора и решая свои проблемы самыми простыми способами.

Так, например, с нашей страной у них безвизовый въезд и минимальный пакет документов, для устройства на работу. Конечно, на украинской таможне могут возникнуть вопросы...

Прозвонив нашу машину на предмет взрывчатки и обнюхав — на предмет наркотиков, венгерские вояки пожелали счастливого пути и открыли шлагбаум.

Украина превзошла все мои ожидания...

Четверо — двое таможенников и двое пограничников, с лицами, уставшими от сегодняшнего дня, шли вдоль колонны автомобилей и Выборочно! — проверяли документы.

Мимо нас прошли с таким видом, что я только перекрестился — не дай боком, обратить на себя внимание!

Культурная и воспитанная Марша, попыталась было рыпнуться, но один поцелуй все расставил по местам, а гостеприимно распахнувшийся шлагбаум и нетерпеливый гудок от машины сзади, заставил покинуть территорию погранучастка и вывернуть на шоссе.

— Сайд! — Потрясенная девушка оборачивалась назад, провожая взглядом пост. — Но

это же — не нормально! Это — не правильно! Это... Это...

— Марша... Это — Украина! — Пожал я плечами. — Они так хотят попасть в Евросоюз, что отключают любой здравый смысл... И если я, с моими документами, для них... Личность не самая приятная... То ты, с ирландским паспортом — враг номер один!

— Но... С твоей страной, у нас вообще свободный въезд! Я проверяла! — Сдала себя с потрохами, госпожа Хэммильд.

— Вот потому и въезд для Вас свободный, чтобы эти — злились! — Рассмеялся я. — Политика!

— А если бы... Он меня остановил? — Марша смотрела на меня так, будто я должен был открыть ей страшную тайну.

Ну, я и открыл.

— Марша. Я работаю на "Фемиду". Представляешь, сколько лапши я могу повесить на уши, лишь бы Ты осталась рядом?

— А как же: "Мы вершим справедливость!" — Марша неожиданно открылась с новой стороны, что меня очень обрадовало и насторожило, одновременно.

— Бумажник проверила? — Поинтересовался я, догадавшись, откуда ветер дует.

Моя негаданная любовь покраснела и кивнула.

— Потом залезла в сеть и просмотрела все, до чего дотянулась. — Призналась она. — Хотелось понять, кто же мне так понравился, с первого взгляда...

— Только понравился? — Обиделся я. — А я то, размечтался... Глупый...

Получив честно заработанный поцелуй, рассмеялся и съехал на обочину.

— ... Фимка! Фимка! Покажись, красавица неписаная! Лучше сама яви свой лик, похорошему прошу! — Рыжий Тор раскручивал свой молот все быстрее и быстрее. Вот молот уже расплылся в серебристый диск и нежный женский голос, откуда-то сверху, поинтересовался, с какого дуба рухнул этот стоеросовый пень и не пристукнуть ли его стрелой или чем потяжелей?!

Другой голос, не менее женский и очаровательный, заявил, что время Рагнарека еще далеко и пусть орет — Римским богам до Скандинавских дела нет!

— Фимка! — Не выдержал рыжий Тор. — Я те меч, сломаю, красавица чернявая!

Мгновение ока богиня справедливости оказалась рядом с Тором и требовательно протянула руку.

— Не стой так — привыкнешь! — Ехидный голос позади нее заставил богиню подпрыгнуть, а затем, в кои-то веки — смутиться. — Ты жеж богиня жеж!

— А ты — вообще, ни разу не бог! — Возмутилась Фемида, икнула и прикрыла ротик ладошкой, стараясь дышать в сторону.

Поздно!

Уж столько было выпито этими двумя "Пьющими" (или "Танцующими" — по другим летописям, но только от того, что танцевали они на поле брани!), так что знакомый запах вчерашних "дрожжей" был ими четко опознан.

— Не бог. — Согласился Вой, задумчиво почесывая затылок и судорожно пытаясь вспомнить, куда они вчера с Тором мотались, что пили и где эта чертова железяка богини

Фемиды?! Весы — он точно помнил — они спихнули Вулкану, у того как раз, пошло время строго отмеренных доз, а то планетка не выдержит, вот и взвешивает... А они и рады помочь, тем более что под это дело, кузнец сваял Тору новые доспехи, а вот что получил за "подгон" Вой, он и сам не помнил.

И тут в памяти всплыли слова Вулкана, о том, что, мол, перекуем мечи на орала!

Вой, впервые в жизни обрадовался, что он не совсем бог. Точнее, слегка совсем не бог. То есть, конечно, бог, только не для этих времен и... Неужели они Фимкин меч перековали?! Ну, конечно, не они — лично...

Между тем, разговор между Тором и Фемидой набирал обороты, причем в очень странную сторону:

— Ты что творишь, красавица! Вертай все взад! — Тор уже не контролировал свои чувства и слова, что грозило, как минимум, дипломатическим конфликтом, а эта, без повязки, могла и папе пожаловаться. Да бог с ним, с папой! Могла сестренку позвать, с ее собаками и луком. А справиться с этой адалиской, тьфу — амазонкой — совсем не просто, особенно если она также "фонит", как и ее сестра!

Шмяк!

Тупая стрела напомнила Вою, что Богиням чтение мыслей — подвластно.

— Меч Тебе! — Грохотал Тор, снова начиная раскручивать свой молот. — Будет Тебе меч! Будет и меч, и лук, тактическая боеголовка!

— Тор! — Вой начал тормошить своего друга. — Пошли отсюда, быстро!

— Ну, нет! — Тор грохнул молотом в землю, и та содрогнулась, подкинув всех вверх, сантиметров на десять. — Ты посмотри, на что она замахнулась! На самое святое и главное, в жизни любого мужчины! Вертай все на свои места, Справедливая, а то я — Бог! Как словс дал, так и назад заберу! Да еще и Мойрам, мне тоже есть, что сказать... Ишь ты, под чужую дудку стали плясать, одноглазые! Вот, как все на свои места вернешь, так и меч — отдам!

— Тор... — Вой наклонился к уху друга и прошептал: — Мы Фимкин меч пролюбили...

— Ага... — Замер рыжий бог и снова азартно завертел молотом. — Понятно. Тогда — сваливаем!

Молот вновь стукнул в землю, поднял столб пыли и едва не заставил стоящих повалиться на землю.

— Папа! — Обиженно обратилась к небесам Фемида, все-таки услышавшая, что именно сказал Вой. — Папа!

Ответом ей было дружный хохот с небес, на два взрослых мужских голоса...

— ... Твой "Европейский подарочек" мы исследовали... — Шеф тяжело вздохнул, и перед ним материализовалась кружка с кофе.

Такая же, появилась передо мной, исходя благородным парком и божественным ароматом.

— Найти бы, кто догадался, о таком простом отличии и себе прибрать... — Шеф сделал глоток, поморщился и "явил" себе сахарницу. — Теперь, увы, ниточки нет... Угораздило, тебя...

Я пожал плечами и развел руками — действительно, кто бы мог подумать, что из четверых "гастролеров" выживет только один — которому я разбил голову. Остальных, дорезал псих — фанатик, вместо того, чтобы вызвать скорую.

Бремя славы, черт его возьми! "Свободная Европа", как ни как... Вот так, станет плохо в сортире, и не докричишься!

Вру, конечно.

В Европе, на помощь придут намного быстрее, чем в той-же Москве, Питере или Астане. В любом городе.

Ну, а мне, за мои "художества"... Тоже сидеть больно, если честно. "Мы вершим справедливость", этот лозунг действует в обе стороны, как ни крути. Меня, конечно, не пороли и в тюрьму отправлять не собирались — но урок преподали.

Марша меня потом сутки горячим черным чаем отпаивала, старательно прижимаясь и молчала, Чудо Моё, по-женски мудрое!

— ...Не знал бы я, твою маниакальную брезгливость к использованию ножа — решил бы, что Ты их и грохнул! — Утешил меня шеф, после экзекуции. — Терпи. Справедливость — штука двояковпухлая!

— ... Сайд! Ты меня снова игнорируешь? — Шеф вздохнул, поймав мою кривую улыбку. — Прости. Сам виноват.

Я отмахнулся: платить за свои косяки я приучился в том самом, 2003, году. Так что — все нормально. Если не давать нам, вот таких "пинков", мы действительно можем возомнить о себе черти что и перейти все писанные и не писанные рамки и границы. А остановить нас — дело очень не простое...

— Кстати, Сапфирр снова проявился... — Шеф вышел из-за своего стола и подошел к окну, разглядывая на панораму огней большого города с высоты сотого этажа. — Появился, как всегда, не там где ждали, сделал то, чего не ожидали и смылся так, как и подумать не могли!

— Что на этот раз? — Насторожился я. Появление Безобразя всегда сопровождалось шумихой и кровью. Взрывами и разрушениями.

— Подводная лодка, класса Е. — Шеф уперся лбом в оконное стекло, снимая головную боль. — И весь флот сопровождения. Все шесть кораблей.

Силы у Безобразя было просто немеряно — утащить шесть кораблей, напичканных приборами, вооружением и людьми — это сильно!

— Не утащить, Сайд. Утопить... — Шеф развернулся ко мне. — За полторы минуты.

— Шеф... — Я постучал ногтями по столешнице. — Может, отпустите, на "охоту"? Пора уже.

— Ничего не пора! — Шеф ткнул в меня пальцем. — Женился? Так вот сиди и учи детишек. Жену радуй. С Сапфирром и без тебя, есть кому разобраться! За "конструкт", новый, премию получишь! Займись, наконец-то, жизнью, а не наблюдениями и анализом! Кстати, наблюдательный ты, наш, Ты хоть знаешь, на ком женился, фрукт?

— Знаю. — Расплылся я в улыбке. — Марша все рассказала. И про паспорт, и о папе — тоже!

Это была очень странная ночь...

Называется — "Сделал предложение"...

Зато теперь — спим спокойно, не ожидая "выстрела из прошлого".

Да. Я ее люблю...

— И о том, что папа — активный участник ИРА?! — Шеф открыл рот.

— Ага. Между прочим, надеюсь, папа будет на свадьбе... — Огорошил я новостью шефа, любуясь его реакцией. — Самолет, через два часа будет в Дублине...

31 января мы подали заявление.

Я и Марша.

Муж и жена...

Иногда, наблюдая за своей женщиной из-под полуприкрытых век, я понимал правильность пословицы: "Мужчина — голова. Но вертит головой — шея!" Вот мне и досталась — "шея".

А спим мы, на все тех же матрасиках! Марше понравилось — падать не высоко...

И мои друзья, как-то сразу приняли ее в свою компанию. И студенты не приревновали. Заодно, отвалились все пересуды по поводу меня и Стеллы. А с Альбой, Марша поговорила сама. По словам Лиззи, наша блонда теперь, при одном только имени "Марша", бледнеет и ищет пятый угол.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Жена — страшная сила, доложу я вам, господа...

Через месяцок, я надеюсь, Марша перестанет обесцвечиваться и я увижу во всей красе ее рыжие, ирландские лохмы!

А характер у нее, уже — будь здоров!

Я даже представления не имел, как же это здорово, когда тебя встречают у порога, когда на столе — горячий обед, а в постели — горячая женщина, вся, от ноготка на пальчиках ног и до кончика волос на голове — твоя!

Моя супруга — Марша О' Хэммильд... Офигеть!

— Сайд! Вернись, на грешную землю! — Снова шеф вернул меня самым прозаичным способом — грубым окриком. — Разговаривать с тобой, сейчас, бесполезно... Какая тебе "охота" на Сапфирра?! У тебя в голове, совсем другая, "охота"!

Зря так шеф.

"Охоту" на Безобразя я веду уже давно, только — безрезультатно. Безобраз, как хитрый, старый волк, ведет себя очень осторожно. Его проявление на первое сентября, последнее, касающееся непосредственно меня, проявление. Тем не менее, чувствуя я, что мы еще встретимся. И хотелось бы, что бы встреча прошла по моим правилам и на территории, что не жалко...

— Чего опять замолчал? — Шеф насторожился.

— Поведение Сапфирра, его поступки, не укладываются в обычную логику. — Принялся рассказывать я. — Обладая подобной силищей, он, словно невидимка. Полное отсутствие, видимой нами, логики. В то же время — поступки настолько просчитаны... Похоже на поведение шизоида...

— Наши аналитики пришли к тому же выводу. — Шеф снова занял свое место во главе стола. — Теперь осталось найти его... Кстати... Ты когда свой телефон поменяешь?!

Моя "цээмдэшка", для техотдела, как красная тряпка для быка. Уж не знаю, что там в ней не так, но... Отследить меня по ней, не получилось еще ни у кого! По какому-то странному бзику, моя мобилка цепляется не к Ближайшей соте, а к самой Дальней, разворачивая радиус поиска... Причем, словно живя своей собственной жизнью, она может взять, и в середине разговора "перечепиться" за другую, дальнюю, соту. Стоящую напротив. Это у нее в порядке вещей. А техотдел — воет, сучит ножками и спускает кипятки, из

нижнего клапана, ошпаривая себе колени и бедра.

"Дудки они у меня ее получают!"

В кабинет шефа, без стука, влетел еще один мой хороший друг.

Госпожа Анна Кройц.

Уже с видимым "пузиком" и все так же прячущаяся от папаши ребенка. И молчащая в трубочку, о том, кто же это! Впрочем, Марша вернется — натравлю ее на Анну. Есть, конечно, опасность... Но...

Плюхнувшись на сиденье напротив меня, Анна потянула носом в сторону кофе, но шеф ее опередил — перед Анной возникла чашка "шиповникова" отвара.

Вот не дано мне стать начальником. Глядя на шефа, я просто поверить не мог, как тот умудрялся держать в голове столько информации, привычек своих сотрудников и ничего не перепутать!

Сделав глоток, Анна передернула плечами и "сердито" засопела.

— Что прилетела? — Без "Здравствуй и привет", поинтересовался шеф.

— Соскучилась! — Анна показала язык и обратилась ко мне. — Знаешь, Сайд... Вечно забываю тебя пнуть, за твоих "пяток" редких! Слабо было сказать, что остальные — "Уники"?! Скотина! Я же в первый день так подставилась!

— Анна! Ну, виноват я, виноват... Исправлюсь! Наверное...

— Ага... Твое счастье, что ты жену привез... — Анна сделала еще глоток. — Так, чего я принеслась, то... Сапфирр появился. Самолет гробнул.

— Какой самолет? — Страшное предчувствие резануло по сердцу.

— "Боинг", рейс 0173 до... Сайд?!

Мир сжался до размеров спичечного коробка и снова развернулся.

Красная пелена, упавшая вдруг, отступила.

Помотав головой, начал старательно дышать, вентилируя легкие.

Кабинет дрожал и мерцал, слева, под панелями прятался пулемет, сверху — "два нелетальных" ствола. За окном — мерцал город, перемигиваясь огнями светофоров и суетой фар.

Анна молчала.

Шеф сидел как истукан, с кем-то общаясь по лайну.

В кабинете под нами шла дружеская пирушка — надо будет зайти, попроситься на чашку коньяка — справа, взволнованное запросом шефа, гудело наше "информбюро", собирая данные и готовясь провесить проход к точке падения самолета и приступить к спасению... Если есть кого спасать.

Судя по экранам, там сейчас ветрено и вода — ледяная... Счет идет на минуты. Потянулся, разыскивая в мешанине волн любимое сознание.

Тишина и покой.

Мимоходом, зацепился за крик, заглушаемый ветром, и скинул точку "провешивающему".

Мгновение и в "проход" хлынула вода и тело человека в легкой белой рубашке.

Операционное поле заполнили медики и оперативники — лиха беда начало — первая точка есть, а значит уже можно начать прочесывать воды, в поисках биологических объектов.

Еще сознание и снова поток воды, в этот раз окрашенный красным — раненный.

"Опера", прочесывающие квадрат, тоже начали выдавать координаты.

Сперва — по одному. Потом — двое, трое. Следом — целый ряд "Боинга", с пристегнутыми к сиденьям пассажирами.

Сознание разделилось — одной частью я ощущал спокойствие, другой — наблюдал за происходящим в зале, страшась увидеть... Третью часть, словно засасывало глубиной.

Отступил страх, пропал покой.

Осталась глубина и холод.

Кабинет шефа стал стираться, словно песочный замок, на берегу океана. Волна за волной, синие, холодные. Все тоньше стены замка, все меньше защитников его.

Океан, извечный страх и колыбель человечества, всегда собирает свою жатву.

Горячая боль, обожгла лицо. Еще раз и еще, до текущей из носа и разбитых губ, крови.

Глубже! Если нет здесь, значит она — глубже!

И снова боль.

От удара Анны, отлетел вместе со стулом и больно ударился затылком.

Вытер лицо и рассмотрел ладонь — вся в крови.

Анна совершенно не сдерживалась, когда била меня по морде, возвращая в бренный мир.

— Спасибо! — Я снова приставил стул к столу и принялся размазывать кровь по лицу, все еще не сообразив достать носовой платок, который сегодня, с утра, сунула в карман Марша. — Я вернулся.

Жутко хотелось жрать. И спать. И напиться.

Сделал глоток кофе и удивился — кофе оказался холодным.

Посмотрел на часы.

— Поисково-спасательные работы длятся уже полтора часа. — Правильно истолковала мой жест Анна и хотела что-то добавить, но махнула рукой.

В нагрудном кармане рубаки, закрытом на кнопку, прыгала на вибре сотка. Трясущимися руками, достал телефон, пачкая рубашку в крови.

Номер неизвестный, на четыре тройки и девятку.

— Сайд. Говорите. — Я приготовился услышать все, от соболезнований и до...

— Сайд! Сайд, миленький! — Голос Марши в трубке оказался тем прутиком, что едва не сломал хребет верблюду. — Не волнуйся за меня! Сайд! Я, на рейс опоздала! Я проспала, Сайд! Милый, не беспокойся, я в порядке! Я просто — проспала! Проснулась, а тут... Я сразу Тебе звонить! Пришлось карточку купить, новую... Слышишь, милый, не молчи! Я знаю, я дура...

— Как же я тебя люблю, моя соня! — Только и смог я сказать в трубку, как меня настиг "откат".

Само понятие "откат", которое любят фантасты всех времен и народов, это единственное, что они предсказали очень точно. Только, природа у отката, не имеет отношения ни к физиологии, ни к энергетикам разных мастей, а к — психологии!

Тело оператора "конструктов", даже самого слабого, первого уровня, способно создать девятиэтажку, с полным комплектом мебели и замков. Только это самое тело, подохнет от офигения и переоценки собственной значимости. Сил, энергии — хватит. А понимания — нет! Вот и учат нас, в первую очередь не здраво оценивать собственные силы, коих в человеке больше чем в табуне лошадей, под капотом БелАЗ-а, а собственную психологическую гибкость. В свое время, Лиззи, чтобы я сделал маленький шаг вперед, после многолетнего топтания на месте, выбила у меня из под ног табуретку, выстрелила из

допотопного револьвера и облила бензином.

Вмиг, организм захотел жить и все стеночки, что возводила психика, оказались сметены и рассыпаны в прах. И пусть веревка была надрезана, на полу лежал мат, револьвер был заряжен холостым, а от бензина остался только запах, но я то, всего этого не знал!

Я оказался готов сделать шаг.

А вот оставшаяся в живых Марша — прямое подтверждение того, что я готов и дальше шагать по жизни с гордо поднятой головой и в обнимку с любимой женщиной — едва не отправила меня на больничную койку, зараза любимая!

После моего "отключения", шефу пришлось применить все свое красноречие, доказывая, что со мной все в порядке и отрубился я от счастья и, нет, возвращаться не надо, минут через 30, максимально — час я ей перезвоню, сам.

Потом, в том же самом, Маршу убеждала уже Анна, а меня, в это время, старательно "откапывали" и "обкалывали", прямо в кабинете шефа.

Снедаемая сомнениями, Марша вылетела следующим рейсом на родину, давая мне шанс прийти в себя, а остальным, в очередной раз высказать всё, что они обо мне думают.

Думали не так уж и много, но очень эмоционально...

Марше я перезванивал уже из больничной палаты, куда меня определили на сутки — побыть под присмотром врача.

Первое, что пришло мне в голову, когда я проснулся утром, в чужой постели, это то, что теперь Безобразу я объявляю личную вендетту! Ибо — задолбло!

Второе, как то неожиданно странно всплыл наш разговор с шефом... Что он там говорил по поводу "редкоземельного вещества, используемого, в очень узкоспециализированных отраслях."?

С кровати не слез — слетел, в предвкушении разговора, что наклеывался...

Вернувшись домой, позвонил Марше и нарвался на ее папочку — моего будущего тестя.

А ничего, чувствую — еще не раз выпьем, с тестем... Понравился мне ее бодрый старичек — и чувство юмора, вполне и суждения — здоровые.

Одно плохо — дочку, кажется, боится.

Поворковав, с полчаса, отправился на работу, "работать".

Первой, принесла свои глубочайшие соболезнования, Альба.

Я так и не понял, имела ли она в виду, что Марша выжила, или просто была не в курсе, что Марша выжила?

Сказав "спасибо", в любом случае — человек старался, отправился на занятия.

Сегодня у меня было шесть занятий с разными группами и два со своей собственной.

По дороге остановила Стелла и предложила перенести занятия.

Снова сказав "спасибо", пошел в аудиторию.

Студенты сегодня были дисциплинированы, внимательны и послушны, аж страшно стало — куда пропали "отроки во вселенной", полные юношеского максимализма, жеребьячьего задора и молодецкой удали?!

Искусанные губы, думаю, добавляли мне трагичности вида.

Мои тоже добились — по своим местам скользнули, как мышки! На вопросы отвечали спокойно и не громко, словно боясь разрушить атмосферу трагедии. Ни шепотка, ни единого затылка...

На втором занятии, собрав работы, отпустил их по "домам".

Должно же быть хоть какое-то вознаграждение, за примерное поведение?

Да и смеяться в туалете, точнее — ржать, конечно, не стоило, но... Люди, пожалуйста, я вас так люблю, с вашей внимательностью...

Из двухсот человек пассажиров, "Фемида" успела вытащить сто пятнадцать — живыми и здоровыми, сорок семь — ранеными.

Носовую часть самолета до сих пор ищут.

Вернувшись домой, снова разложил документы, что "присвоил" из закрытого отделения.

Слишком много информации там было обо мне...

И о городе, который я ненавижу, всеми фибрами души!

Перелистывая старые дела и перекладывая фотографии людей, пошедших в разработку — поражался своему городу. Самый высокий процент "мертвых", по всей нашей "банановой" стране! Причем, исключительно у рожденных до 80-го года. Потом, как отрезало!

Как ни крути — проклятое мы поколение, рожденное в 77 — 79 — х годах... Все, что нам досталось — начальное образование. И — мечта.

Яркая, манящая и такая недоступная...

Восемьдесят девять тысяч "мертвых", на триста тысяч населения города...

В живых, на данный момент — тридцать две тысячи.

Самое страшное для нас, в тот год — мы поняли, как относятся к нам люди.

Мы теряли друзей, бродили по темным улицам, напивались и уходили.

Правда, страшно.

Слышать, как тебе говорят: "ты — самый-самый" и добавляют в уме: "большой чудак"!

Через букву "М".

Мы читали мысли, резали себе вены и открывали газ, слушали родных и шли топиться или вешаться, потому что быт во лжи — уже достал...

Во всех этих документах, виделась растерянность и недоумение — как помочь тем, кто помощи не просит? Кто упрямо лезет мыть окна на девятом этаже и разгоняется на свежкупленном авто...

Перелистывая документы, отсматривая файлы на своем старом стационарном компе, постоянно возвращался к тому, что я пропустил нечто важное.

Сигареты и кофе. Кофе и сигареты.

Как слова старой песни, чередовались и скрещивались у меня столе два этих "продукта".

За пару часов, что я вернулся домой и засел за работу, атмосфера в квартире превратилась в плотное дымное марево, отвратительно воняющее никотином. Даже аромат кофе уже не спасал дело.

Пришлось выползти на лестничную площадку, где Валентин, заботливо поставил пепельницу, оставив в квартире настежь открытые окна и балконную дверь.

Впервые, за всю свою "курительную" жизнь, я курил в квартире. Да и на лестничной площадке, если честно, я тоже не частый гость. Курю, по привычке, на балконе.

"Может, бросить, к чертовой матери?!" — Задавил я сигарету и закрыл пепельницу крышкой. — "Надоело..."

Закрыв окно, поежился — февраль крутил мороз, присыпал его снежком и раскручивал вьюгу, полируя поземкой каток и плохо вычищенные дороги. Фонари едва пробивались сквозь стену снега, блеклые, желтушные и мерзкие. Тротуары и дороги академии, еще час назад полные счастливых и молодых парней и девчонок — пустыни. Погасли окна в аудиториях и только в библиотеке, светится окно ночного абонемента. В библиотеке и в деканате. Стелла снова мучается от бессонницы. Или ругается с Альбой.

Или устроила очередное совещание, на которое я, по своему обычаю, не пошел. Все что надо — скажут утром, в двух словах, а терпеть бесконечные переливание из пустого в порожнее... Поболтать я могу и с Маршей! Ладно бы хоть диалог вели... Так ведь нет — обличительные монологи и добровольное поднятие рук.

Только повращавшись в учебном коллективе, понял смысл сразу трех пословиц: восточной — "Только скудоумный берется учить ребенка"; Советской — "Те, кого обижают Боги — подавайтесь в педагоги" и свежей, не давно узнанной — "Не учите ребенка — учите себя!"

Самые лучшие результаты срезов показывали именно те группы, в которых педагоги не "учили", а "делились", знаниями.

Чем ярче был препод, тем быстрее находил общий язык с группой. И тем больше его пытались шпынять и нагружать — старички.

Правда, тут уже нашла коса на камень...

С появлением Анны, многие молодые преподаватели занялись собой — имея пример глазами, сложно остаться равнодушной. А когда беременность стала явной... А "яркость" не уменьшилась! Началось паломничество в кабинет нашего тренера по рукопашному бою.

Странные такие существа — люди...

Неужели нельзя понять раз и навсегда простую аксиому: "Если вы не хотите делиться радостью, тогда идите в жопу с вашей горестью!"

Анна, как никто другой, легко и быстро смогла донести ее сперва до молодняка, а затем и до части преподавательского состава.

Жить стало на порядок легче.

"Сайд, тебе будет интересно!" — Шеф, сегодня просто сама сестра таланта!

Сообщение и растворившееся окно проवेशенного прохода.

Как был, в домашнем, так и прошел. От приглашения шефа, отказывается лишь самоубийца! Себя к таковым я не причисляю — жизнь только начинается!

Короткий коридор, освещенный искрами разного размера, цвета и формы, чуть выше меня и чуть шире в плечах — "экономичненько" и "симпатичненько", не скрою, шеф умеет удивлять — вывел меня в конференц-зал, освещенный лишь экраном на котором разворачивались графики и столбцы и скрытая в тени фигура докладчика, посверкивающая линзами очков.

— ... Действия Сапфирра укладываются в строгую систему холодного расчета математических переменных. Появление — не чаще одного раза в месяц, с вероятностью плюс-минус два, максимум три, дня. Нанесение удара — по точкам, вызывающим наивысочайший резонанс, как политический, так и структурный. Чем больше сил тратит Сапфирр на удар, тем слабее удар в последующий месяц, либо отсутствие такового вообще. — Новый ворох формул и графиков на экране, из которых я смог понять, что периодичность появления Безобразя не зависит от физических или иных процессов. В это верилось с трудом. С дуру, я это я ляпнул...

Личность в очках печально вздохнула и предложила мне самому выявить, откуда взялась эта периодичность появления и как с этим бороться, раз уж я такой умный.

— Может быть... — Начал я, осторожно подбирая слова, боясь спугнуть странную мысль, бродящую по закоулкам и тыкающуюся по углам. — Может быть, закономерность зависит от скорости восстановления сил? Обращения или лунных фаз? Как один из гейзеров, что...

— Я уже понял! — Поднял руку докладчик, прерывая меня. — Представьте, пожалуйста, а то мне, с этого места, ни х... не видно!

— Сайд. — Я оторвал пятую точку от кресла на последнем ряду и помахал рукой.

— Ага. Завтра милости прошу ко мне, обсудим варианты. — Мужчина снял очки. — Думаю, часиков в 12, будет нормально?

— Нет! — Сразу откестился я. — Завтра у меня пересдача, и это затянется часов до трех...

— Ага. Препод. Странно. Нелинейное мышление. Может быть, для нашего образования не все и потеряно... — Докладчик замолчал, а мне "стукнули в лайн", пересылая номер телефона, для связи. — Жду звонка, как освободитесь!

— Энергетическое наполнение не соответствует психологическому... — Продолжил докладчик, словно мгновенно забыв обо мне и снова переходя к делу. — Затраты на уничтожение "Боинга", уничтожение подводной лодки — слишком масштабно и наиграно. Привлечение внимания. Игра на чувствах и эмоциях. Запугивание. Отсутствие системы "Заигрывание" с террористическими и анархическими организациями — в самом начале и проведение столь мощных акций сейчас. Все говорит о каждодневно тренирующемся таланте. Возможно, подпитываемом...

"Шеф! А что за вещество было на оборудовании?" — Вспомнил я при словах о "подпитке".

"Завтра!" — Шеф оказался не в духе.

Бывает.

— Согласно утверждению пассажиров борта, носовая часть самолета оказалась отсечена неведомой силой. — Докладчик снова перешел от теории к делу. — Что совершенно не объясняет количество выживших — раз; скорость падения самолета — два; износ структур металлических конструкций самолета — три. Из всего вышеперечисленного, складывается неприятное ощущение, что наш Сапфирр использует в своих операциях фактор, нам пока не подвластный. А именно — Время. Свои выводы я уже передал комиссии, и буду настаивать на них. Так же, вынужден обратить внимание, что фактор использования времени, как аккумулятора сил, известен давно, но применяется в самом его "убогом" варианте — "подождем". Сапфирр демонстрирует уже более продвинутый — "используя" время в собственных целях. Пока мы еще можем считать себя в относительной безопасности — в качестве используемого, применяется короткий отрезок, не более пяти минут. При наращивании, мы рискуем потерять не только собственные жизни, но и все, что нас окружает.

Народ зашумел, переваривая услышанное.

С докладчиком я согласился сразу — время, это самое поганое, что могли придумать боги, чтобы наказать человечество. И его применение, в корыстных целях, чревато...

В голове крутился "Конец Вечности", в котором все хоть и закончилось красиво, только... Слишком много... Время не простит своего "использования", так что, боюсь, икнется и нам, и Безобразу.

Народ уже поплелся к выходу, как меня осенило — а если это и есть, та самая, пресловутая сила, что "вечно жаждет зла"?

"Теория заговора", как ни крути, тоже имеет право на существование!

Но время, время, время!

Все мои мысли крутились вокруг времени.

— Ага. — Замер напротив меня человек в очках, рассматривая в упор. — Решили задержаться? Есть вопросы?

Свет в конференц-зале уже горел во всю, заливая все уголки и суету техников, собирающих приборы.

— Да, какие, к чертям, вопросы! — Вырвалось у меня. — Тут, только ощущения, проклевываются... И разбиваются о время...

Покачавшись на сиденье откидного кресла, как в детстве, прислушался к легкому скрипу шарнира. — Вот, к вопросу о времени — когда зарегистрировано первое появление Безобразя? И, чего он ко мне, тогда, прицепился?

Смуглокожий человек, метис у которого от "перворасы" проявились только черные, курчавые волосы, теперь уже изрядно тронутые сединой, уселся рядом со мной, в коричнево-красное откидное кресло и достал из кармана сотку, углубляясь в поиски.

— Первое появление Сапфирра, Безобразя, как вы его называете, зарегистрировано три года назад. Но это — не точно. Экстраполяция. — Мужчина убрал телефон и протянул руку. — Якоб. Якоб Руби.

Я пожал протянутую руку и снова представился.

Пожатие у Якоба было будь здоров — хорошо, мама приучила не играть в эти игры, а дальнейшая жизнь подтвердила, что меряться пи... Силами, надо в другом месте... И желательно — силами мозгов. Которые, на данный момент вертелись лишь вокруг одного. Нет — двух, действий. Позвонить Марше и заставить ее возвращаться, как можно быстрее — желательно в течении этой недели. И, почему Безобраз, так напоминает мне шизоида? Причем, очень хорошо знакомого шизоида. Словно я его видел, слышал или даже был знаком!

— У вас есть... Предположения? Варианты? — Якоб своим вопросом вывел меня из задумчивости и заставил почесать затылок.

— Как вариант — перечитать "Понедельник...", "Град..." и, боюсь, придется захватить "Хищные вещи..." — Сдал я с потрохами свою тайну добывания вариантов, предположений и ловли Музы, на живца. — Да еще, как бы не пришлось "Спектр", прихватить...

— А почему — "Безобраз"? — Якоб и бровью не повел, на мои перечисления книг, но вот живо заинтересовался моим названием существа.

Не существа — человека!

В этом я был уверен. Человека, с хорошей фантазией, начитанного, гениального и авантюриста, до самого последнего кончика волос...

Вывалив свои ощущения на голову Якоба, я заслужил хмурый взгляд и требование пройти в лабораторию, немедленно.

Зараза шеф, требование поддержал, вывернувшись, словно из-под земли.

"Ага", как любит говорить Якоб, а спать я буду на пересдаче?!

Пришлось топать за этими двумя и зевать.

Провешав свой знаменитый проход, шеф подхватил Якоба под руку и повел вперед.

Я опешил — Якоб оказался — "Живым"! Без единого следа сил или возможностей! Да он, даже "прохода" не видел-то!

Вот теперь я точно от них не отстану!

Из прохода вывалился в помещении, заполненном книгами, здоровенной маркерной доской, исчерканной формулами трех разных цветов, графиком, уходящим в бесконечность, камином, в котором уже догорали дрова, столом, ломящимся от книг и бумажек и

журнальным столиком, на котором лежала пачка сигарет, зажигалка и поднос с графинчиком, наполненным коричневой жидкостью и пятком бокалов.

На свободной стене, висело оружие и веселый рог, украшенный драгоценностями, а окно выходило на зеленую поляну, на которой сидело тесным кружком больше десятка детишек, внимательно слушающих высокую светловолосую женщину, читающую им книгу.

Почувствовав мой взгляд, женщина подняла голову, кивнула, здороваясь, и вернулась к детям.

— Моя супруга — Алиция. — В голосе Якоба послышалось восхищение и искренняя любовь. — Она учитель!

Алиция, судя по тому, что я видел — была из "нас".

Очень и очень мощная. Просто сияющая аура. Такого человека ни в коем случае нельзя привлекать к оперативной работе — сгорит. А вот дети — Да! Это то, что ей нужно.

— Сайд. — Шеф ткнул меня в ребра. — Не так громко. Она — слышит!

— А я что? Я — восхищаюсь! — Отмазался я и женщина подняла вверх большой палец, давая понять, что она действительно все слышит.

Интересно, это появление Марши, в моей жизни, стало привлекать и знакомить меня со столь интересными людьми?

Или это откровенное предупреждение, что меня ждет полная жопа?

В любом раскладе, решил познакомить Маршу и Алицию. Да и общение с Якобом, думаю, будет весьма результативным...

Шеф фыркнул, а Алиция вновь подняла большой палец.

— Устраивайтесь, господа. — Пригласил Якоб, подкатывая столик к камину и подбрасывая дрова. — В ногах правды нет.

— В жопе — тоже. — Автоматически ответил я и, не смотря на то, что сказал я это по-русски, меня прекрасно поняли.

Даже Алиция, погрозила мне пальцем и покачала головой.

— Да. Там тоже правды нет. — Согласился Якоб. — Но, через то место, правда, быстрее добирается до головы...

Отодвинув кресло, плюхнулся прямо на пол, оставив камин по левую руку.

Якоб удивленно вскинул бровь, а шеф устало махнул рукой.

Рука потянулась к сигаретам и замерла.

Прислушался к себе и понял — накурился.

— Сайд. — Шеф снова, в нарушении всех правил, материализовал кофе, в этот раз в здоровенном, литра на два, серебряном кофейнике. С печатью ресторана "Аллига — тор", который — я точно знал! — на вынос кофе не делает. — Расскажи профессору о своих встречах с Сапфирром. Только подробно и не торопливо.

Чашка на пол-литра, заполненная до самого верха горячим кофе, поплыла в мою сторону.

"Да... Сон — отменяется"! — Я сделал первый глоток и принялся соображать, с чего мне начать рассказ.

— Не торопливо... — Буркнул я и сделал еще глоток.

Кофе был очень и очень не плох — в меру крепкий, в меру горячий и — бездушный, как почти вся общепитовская жральня. И не надо на меня давить, мол, ты не едал в первоклассных ресторанах!

Господа, а вы пробовали венгерский гуяш, с пылу, с жару, с костра?

Нет?

Тогда сидите и не гавкайте!

В годы моего детства, попалась мне книжечка...

Впрочем, это рассказ другого времени, поверьте мне, я его вам еще расскажу.

Так, прокручивая в голове все, что бы я мог сказать и рассказать, прихлебывая кофе и не прикасаясь к тлеющей в пепельнице сигарете, рассказывал.

— Камень, на анализ, дадите? Кусочек? — Якоб наклонился вперед, как хищник, ожидающий движения жертвы. — Да и в мир, ваш, прогуляться бы не мешало?

— Камень? — Я усмехнулся. — Ну, зайдите, вечером, попробуйте отломить "кусочек". Пока — ни у кого не получилось. А в мир... Это, как Шеф разрешит. Он у нас, парадом командует!

Я решил подпустить шпильку в сторону шефа, за все хорошее.

— Хам. — Устало констатировал факт шеф. — Хам и мальчишка, не поротый. Возомнил о себе, понимаете ли...

Да. Я возомнил.

Перечитывая дела, наткнулся на интересный факт — шеф единственный, кто был против моей вербовки, в 03 году. Был против и бился до упора, что бы не отпустить на оперативную работу. Благодаря его решению, я просидел на наблюдении десять лет. Что на десять лет больше, чем мне бы хотелось.

Виталий Борисович, у которого ко мне претензий было намного больше, вел себя на порядок честнее.

И предпочитал бить морду. Пусть и на тренировке, но — Сам! Не гнушался и объяснял, за что бил морду и как этого избежать в дальнейшем. Сам так поступал и меня приучил — не врать и не юлить.

Может быть, оттого нас обоих и распахали по учебным заведениям?

Не хочется в это верить, но может быть и "Фемида" начала гнить?

— Ты, кстати, стволы — сдай. — Потребовал шеф, скрипнув креслом.

— Ага. Вот спешу и подпрыгиваю. А в воздухе — в попку целую! За мои деньги куплено, да и как сотрудник организации — имею право на хранение и даже — ношение! Так что — облезете и неровно обрастете! — Все еще будучи в задумчивости, честно ответил я.

— Ага. — Якоб рассмеялся и хлопнул себя по коленям. — Что, совсем молодежь от рук отбилась?

Шеф сердито засопел, обещая мне все кары господни.

Пусть пойдет и вздернется, седая зараза.

Год его донимал просьбами вернуть мои стволы!

Вот пусть теперь и сидит, обтекает. Сделать мне он ничего не сможет — по закону я в своем праве. А отозвать меня из академии — кишка у него тонка. Надоели мне все эти начальники, хуже кровавых мозолей!

Шеф дернулся и исчез, рассыпавшись ворохом разноцветных искр.

Прикольный "конструкт", насколько я успел рассмотреть — явный самопал, даже не улучшенный. Но — впечатляет, не скрою.

Профессор лишь покачал головой, укоризненно.

Я развел руками — всегда неприятно узнавать, что тобой манипулируют.

Ох уж мне эта "дозированность информации"!

Пересдачу я провел на "пять с плюсом".

Честно накачался боевым коктейлем и выдержал шесть часов нескончаемого бреда и нытья. Выдержал бы и больше, но красавица из группы Альбы, убила меня своей простотой, вложив откровенные фото в зачетку.

И ладно бы — свои... Фейк и в Африке фейк. Особенно если учитывать, что на фото она странным образом подросла сантиметров на десять и отрастила грудь пятого номера.

Пришлось ломать голову, толи ржать в полный голос, толи звать Альбу, толи показать фото ее одноклассникам и на живом примере объяснить, где милашка прокололась!

Победила моя вежливость.

На обороте фото описал все технические огрехи и вернул зачетку, выгнав студентку вон.

Альба прискакала через десять минут и дизелем пыхтела под дверью, пока последний из ее группы не получил честно заслуженную пятерку и не вывалился в коридор весь сияющий и довольный.

Пылая праведным гневом, наша блонди открыла рот и закрыла его.

Раскрасневшаяся, она, сама того не понимая, скопировала позу фотомодели так точно, что у меня закралась шальная мысль, а не... Впрочем, не пойман — ну и катись, пока не поймали!

Усевшись напротив меня, Альба сморщила нос и потребовала объяснений.

Мне даже стало интересно, неужели это только мои студентки, такие умные, что не побегут жаловаться на препода? Тем более, обвиняя его в приставаниях.

Протянув Альбе руку, позволил считать события с фотографией.

Своих студентов я сразу и очень просто предупредил, что в академии все очень просто — любой преподаватель может быть вызван на "ковер" и опрошен. Врать нам смысла нет — работаем все вместе и даже если и грыземся, то грыземся по-спортивному, честно.

Альба, своих, видимо не предупредила.

— Сдашь дурочку? — Альба уставилась на меня так, словно готовилась вцепиться в волосы.

— Нет. Проведи с ней беседу и закроем тему. — Пожал я плечами. — Пересдаст, после каникул, делов то... Я ж не зверь...

Альба вздохнула и улыбнулась потерянно и мило. Впервые за все время, что я ее знаю, за "блонди" проявилось лицо обычного человека. Уставшего и замотанного, как все учителя. Одинокого, как и любой из толпы. Не всем так повезло, как мне.

Белая блузка, бардовая юбка и бардовый пиджак, золотое кольцо и золотой же листок винограда, на золотой цепочке.

Альба очень любит золото.

Но носит его очень осторожно, с чувством и достоинством.

Есть у нашей "блонди" вкус — не отнимешь.

— Не зверь... — Альба смотрела на меня с грустной усмешкой. — Ты не зверь — это точно. Манипулятор. Факир, который кладет в цилиндр кролика, а достает — ворох цветных лент. Кто ты — не скажешь? Не скажешь... Никому не скажешь и не признаешься — себе.

"Как и почему" — вопросы, на которые ты никому не дашь ответа. Может быть, объяснишь, зачем ты здесь? Нет? Тоже — нет. Ты окружаешь себя людьми, чей срок уже закончился. Ненавидишь тех — кто тебе дорог. Издеваешься над теми — кого любишь. Забываешь то, что помнишь. Играешь? Не наигрался за эти годы? Сколько на тебе? Сотни? Или — тысячи?

Каюсь, до меня не сразу дошло, что Альба впала в транс. А ведь знал же, что с нашей красавицей, как и еще кое с кем, такое может случиться! Ничего не поделаешь — академия на всю голову раненых детишек состоит из на всю голову сорванных учителей. У многих в голове уже давно просвистела пуля, разрывная, со смещенным центром тяжести, заодно.

А Альба — устала. Ей и вправду пора хорошенько напиться, со всеми проистекающими после этого событиями.

А в моей аудитории, как назло, нет даже убогого графина с водой, чтобы привести в чувство женщину. Ну не по лицу же ее бить!

— Альба. — Вклинился я в монолог вещуньи, громко позвав ее по имени. — Воды нет. Но есть — коньяк. Пить будешь?

Таинство транса рассыпалось, стукнувшись о такой простой вопрос.

Так всегда, по жизни, чем проще вопрос, тем больше таинств об него разбивается. Непреложный факт.

Достав фляжку, что подарили мне когда-то, очень давно, еще в прошлой жизни, друзья открутил крышку и протянул Альбе.

Не везет мне с друзьями. Те, кто дарит подарки — пропадают, а кто не дарит — смывается. Дважды дарили фляжки и оба раза люди исчезали из моей жизни. Жаль.

Альба сделала добрый глоток и вернула фляжку, молча.

Хорошая у меня фляжка — ровно на 250 миллилитров. Круглая, со стеклянным окошечком.

Приложился и сам, зашипев — коньяк резко ошпарил губы спиртом, словно кипятком.

— А коньяк у тебя — дерьмовый. — Альба подмигнула и протянула руку за фляжкой.

— "Дерьмовый" — это очень мягко сказано. — Миролюбиво согласился я.

Через глоток, Альба скинула пиджак и повесила его на спинку стула, оставшись в белой блузке.

Двое сидели друг напротив друга и глыкали коньяк из горла фляжки.

Молчали.

Заглянувшая Стелла, открыла было рот, но ожегшись на взгляд Альбы, плотно закрыла за собой дверь. Со стороны коридора и дай ей небо за это много-много здоровья, потому что "помолчать" — это великое искусство.

На моем веку была только одна девушка, которая владела им в полной мере.

Интересно, где она и как у нее дела?

— Не интересно! — Погрозила мне пальцем сидящая напротив меня женщина и поставив локоть на стол, оперлась на руку щекой. — Ничего тебе не интересно. Врешь ты все, "Ложь на длинных ногах"!

Глоток за глотком, пустела фляжка.

Говорить было не о чем. Спорить не хотелось. Анекдотов в тему не просматривалось.

Просто двое пили коньяк на своем рабочем месте.

А потом мы его допили и Альба, подхватив со спинки свой пиджак, сладко потянулась и направилась к двери.

Уже взявшись за ручку, она, не оборачиваясь, сказала фразу, от которой у меня встали

дыбом волосы, и вышла в коридор, плотно закрыв за собой дверь.

Что же, значит, успела-таки, "блонди", прочесть мое дело, то самое, первое. Жаль. Очень хотелось остаться "белым и пушистым". Только время было не для "белых и пушистых".

Щелкнув пальцами, снова наполнил фляжку коньяком.

"Покататься на "Скате", что-ли?" — В слегка затуманенный алкоголем мозг, постучал здравый смысл и, в кои-то веки, достучался.

Сделав еще глоток, закрутил крышку и сунул фляжку во внутренний карман. На сегодня с меня хватит. А как прогонять такую хандру, я уже прекрасно знаю. Ведь я — самый счастливый в мире мужчина.

Закрыв аудиторию, спустился на первый этаж, сдал ключ на вахту и вышел на февральский морозец.

Жаль, что год не високосный — Прикольно было бы сыграть свадьбу 29 февраля!

Достав мобилу, набрал номер Марши и услышав ее голос, поделился своей идеей.

Все говорят, что ирландцы вспыльчивые.

Вранье.

Марша даже посмеялась, вместе со мной. Не смотря на то, что сладко спала, до моего звонка.

Наш короткий — у меня проснулась совесть — разговор, закончился. Осталось упоительное чувство любимого человека рядом.

Похрустывая снежком под ногами, радовался всему, как ребенок.

И закатное солнце — прекрасно, и морозец, кусающий за щеки и ветерок, поддувающий под свитер и мокрые ноги, в легких туфлях... Стоять!

Жесть... Совсем слабый стал, от ста грамм коньяка — забыл переобуться и одеться!

Бегом вернулся в свой корпус, гордым орлом взлетел к себе на этаж и серым волком ринулся в сторону аудитории.

Открыл дверь и...

Привет. Приехали. Точнее — приплыли.

За дверью — тихое кладбище, с ровными рядами аккуратных могильных плит. Темное небо, в котором раскручивается странная, оранжевая воронка. И река, делящая кладбище ровнехонько напополам.

И я — в воде по колено.

Опять!

Дверь в аудиторию стукнула меня током, обожгла огнем и, поняв, что я ее так просто не отпущу, предательски осыпалась ржавчиной и стружкой. Дверной проем за моей спиной подернулся рябью и растаял, оставляя меня торчать в воде, идиот-идиотом.

Наклонившись, зачерпнул воды и поднес к губам — пить захотелось катастрофически. А еще — умыться.

Ледяная вода, свела челюсти судорогой, обдала горло льдом и упала комком в животик.

Еще мелькнула мысль, что вот теперь ангины не миновать, но... С мокрыми ногами, промоченное горло — такой пустяк...

Река, в которой я стоял, оказалась забрана в бетонный короб со скошенными берегами. Выбрался на берег, разулся и вылил воду на зеленую, коротко подстриженную, траву.

Покой и умиротворение — два слова, что так и просились на язык. Только вот, чертов волчок над головой, совершенно не давал расслабиться, пугая меня до чертиков. А еще —

притягивал глаз, гипнотизируя и втягивая в странный транс.

Погост, устроенный по американской манере, без тропинок и заборчиков, с невысокими — по пояс, памятниками и высокими — выше головы — скульптурами, стоящими вперемешку.

Вроде и порядок, а вроде и бардак.

Неприятное во всей этой ситуации было только одно — "а что делать дальше"?

Отойдя от реки, повыше, уселся прямо на траву и сосредоточился на своих ощущениях.

Угрозы не чувствовалось. Злобы — тоже.

Покачивающаяся на тонкой ножке воронка, покачивалась из стороны в сторону, словно приветствуя или заигрывая.

Если принюхаться, то можно было почувствовать странные запахи, что больше подходили не кладбищу, с рекой посередине, а жаркой, летней степи, с ковылем, полынью и еще сотней запахов, что складывается для меня в единый аромат — умиротворения.

А любое умиротворение — это вечный сон.

Страхнув наваждение, ущипнул себя за руку, в аккурат за кожу между большим и указательным пальцем.

От боли выступили слезы и оранжевый волчок недовольно изогнул в мою сторону свою ножку. Или — хобот?

От умиротворения, разливающегося в воздухе, начали отлетать осколки.

У меня была маленькая надежда на то, что это приключение мне устроил Безобраз, но...

Пахло другим человеком.

У меня, от рождения слабое обоняние. Зрение, прямо скажу, тоже не ахти. Зато слух всегда был моей гордостью. Когда над миром прокатилась "замечательная новость", мои органы чувств просто взбунтовались, выделявая такие чудеса, что пришлось срочно научиться ими управлять. Научился.

Вот и теперь, я играл в "собачку", принюхиваясь. "Орла" — присматриваясь и "большое ухо" — прислушиваясь.

Запах человека дразнил, подманивая и играя. Налетающий ветерок доносил до меня запах и относил в сторону, словно подманивая.

Знаем. Проходили. "Саращения".

Только боль от щипка, да инстинкт самосохранения удерживали меня на месте.

Боль — боль, спасибо тебе за науку, старая с...!

Скачком, хобот воронки приблизился ко мне и попытался оторвать от поверхности, затагивая в свое нутро.

Сделав шаг назад, замер.

На надгробии, смутно пробивались буквы.

Буквы пробивались в слова, не становясь понятными.

Очень знакомый запах.

Закрыв глаза и снова открыл их.

Пустая аудитория.

Ни следа от странного мира, что только что играл всем покоем и умиротворением.

Забавный мирок у Альбы, ничего не скажу.

Не мудрено, с таким-то бешеным темпераментом, упрятым в глубину собственного естества, откалывать номера. Как она еще держится, наша блонди?

Такой расхлест энергетики, разность потенциалов, да еще и предвидческие возможности! Это кто же так подшутил над нашей красавицей? Какая собака серая, или кобель недобеганный, прошляпил такое?!

От избытка чувств уселся на свое место и потянулся за сигаретами.

Первая же затяжка едва не вывернула наизнанку — за время "буйства", табак сгнил и покрылся налетом.

Стоило бросить пачку на стол, как она растеклась черно-синей плесенью и за секунды — рассыпалась в пыль и прах.

"Все. Курить — бросаю"! — От увиденного, решение, которое зрело давно, пробилось наружу и поставило большую и жирную печать, подтверждая себя.

Кряхтя, как старый дед, переоделся и бросив мокрые носки на батарею в лаборантской, снова пошел домой.

Стоило выйти за двери корпуса, как на мобилу пришло смс — "Вам звонили"... Ага, четырнадцать раз, за последние два часа... Пришлось взять жопу в горсть и скачками нестись в сторону дома, у подъезда которого уже, наверное, прогуливался Якоб.

Якоб не прогуливался, а с комфортом сидел на заднем сидении легковушки, названия которой я и в нормальном состоянии был не способен выговорить, а с пробежки — в квадрате.

Вроде, "Дайхатцу"? Или "Датсун"...

За рулем — Алиция, а на пассажирском сидении рядом с ней — молодой парнишка, с едва пробивающимися усиками. Сероглазый шатен.

Увидев меня, все трое покинули машину и мне захотелось убежать. С дикими воплями. Размахивая руками и с подключением реактивной тяги.

Говорят, что кровь не проведешь, а первая любовь — самая яркая и...

Хороший у нее получился сынок, ничего не попишешь.

Кровь.

— Сайд! — Якоб, с широкой улыбкой, сделал шаг мне навстречу. — Прости, что без предупреждения... Были рядом и решили заехать...

От такого наглого вранья я рассмеялся и махнул рукой.

Алиция подтолкнула парнишку, подхватила Якоба под локоть — одной рукой, меня — другой и, почти как солдат на учениях, потянула в сторону подъезда, на приличной скорости.

С появлением в нашей, бывшей — моей — квартире, Марши, стало намного уютней. И в холодильнике появился запас, и, кроме коньяка — пара бутылок вин и даже ликеры.

Перед отъездом моя суженая наготовила на пару дней вперед, но...

Кушать очень хотелось!

Разглядывая десяток яиц, колбасу и грибы в баночке, чесал затылок — гостей надо кормить, а кроме омлета, из найденных комплектующих, ничего другого просто не получится.

Пока гости занимались "отколупыванием" кусочка от моей дружки кристаллов, успел накрыть на стол.

— Гости дорогие, пора и к столу. — Вошел я в комнату и попытался остановить молодого человека, уже занесшего молоток.

Не успел.

Мои сапфиры умеют защищаться.

Когда "скорая" увезла паренька, мы, трое взрослых, переглянулись и сложились на пополам от хохота.

Грешно, конечно. Молодому человеку пару дней придется провести в больнице, две недели походить с загипсованной рукой, в которой он держал молоток и ногой, на которую этот молоток упал, когда его приложило об стенку, а корсет ему гарантирован на месяц — ребра штука такая, хрупкая. А стены у нас в доме — бетонные.

Да и вообще, пусть молится... На десять сантиметров левее и сложило бы его пополам, как лист бумаги, завернув за дверной косяк. Да и картину он миновал, головой, очень удачно. Там, конечно, копия, но Айвазовский мне всегда нравился. А вот рама — нет. Я так и думал, что она — гипсовая!

И голова Костика это наглядно доказала, когда картина на него, все-таки, упала.

Пока мы с Алицией оказывали Косте первую помощь, Якоб спас омлет, убрав его с плиты.

Сидя на кухне, мы давились холодным омлетом и хохотом.

Алиция устало качала головой, Якоб цедил кофе.

Первое, до чего дотянулись цепкие лапки моей "ирландочки", это до кухни.

Пришлось докупать посуду и менять обои, на моющиеся.

Причем о том, что у нас новые обои, я узнал, только вернувшись с работы — Марша сама, за день, успела купить, ободрать и наклеить новые, совершенно не привлекая к этому делу меня.

— Сайд. — Алиция отставила тарелку в сторону и потянулась за кофейником. — Ты знал?

Я кивнул.

— И не предупредил... — Якоб осуждающе погрозил мне пальцем и фыркнул, пряча улыбку.

Полет Костика сопровождался длинным разрядом, кроваво-красным, толщиной в руку. Абсолютно бесшумным и заволаживающим. Когда парень пришел в себя, единственное, о чем он попросил — никому не рассказывать.

— И что, уже были, такие, с молотками? — Алиция блаженно откинулась на стуле. — Спасибо, Сайд. Очень вкусно.

Я махнул рукой — холодный омлет порядочная гадость, даже если это омлет с грибами.

— С молотками, не знаю. — Я начал вспоминать все злоключения человеческих существ, связанных с моим приобретением. — Но, украсть его пытались, дважды. Что случилось с первым, скажу сразу — я не в курсе, а вот второго нашли на клумбе, возле дома, напротив... Капитан полиции, до сих пор считает, что этот камень — возвращает, хм, мужскую силу. А наш, "Фемидовский" опер — теперь держится от него на значительном расстоянии, совершенно уверенный в том, что именно из-за этого камня — бросил пить.

— Байки? — Усмехнулся Якоб.

— Байки! — Подмигнул я Алиции. — Но люди — верят, а большего мне и не надо.

— Приятно держать в доме зверушку... — Алиция вздохнула. — Особенно, если этот зверек не гадит и не просит погулять...

— Фирра — не зверушка. — Я почесал затылок, уже жалея о сорвавшихся словах. Но, сказавши "а", надо говорить и остальной алфавит.

— Фирра? Ты всем даешь имена? — Якоб замер, снова удивившись.

Пришлось вновь чесать затылок и пожимать плечами — жить в мире безымянных

вещей, бесполой людей, как то мне уже надоело.

— Знаете, я всегда считал верхом мещанства держать картину, упрятанную в раму, с гипсовыми завитушками "а-ля" под старину и с нанесенной позолотой. — Якоб вертел в руках кусочек гипса, отлетевшего от картины, после встречи с головой Костика. — Но теперь понимаю — это не украшение. Это — средство самообороны!

— Сайд. Покажи "тот мир". — Попросила Алиция, вместо мужа. — Пожалуйста.

— Снимайте обувь и носки. — Прищурился я с улыбкой. — Брюки закатывайте повыше, а я пойду, возьму пару полотенец...

Работать с профессионалами всегда очень приятно.

Ни малейшей заминки, удивления, смущения или возмущения.

К моему возвращению, супруги уже сидели на кончиках стульев, готовые прыгнуть вперед, по первой же команде.

Как я не бьюсь, переход снова и снова окунает меня в воду. В следующий раз — прихватчу с собой топор и сделаю настил. Надоело с мокрыми ногами бродить. А таскать с собой полотенце тоже не выход, а извращение — вода холодная, градусов восемь, если не меньше...

В этот раз переход получился совершенно "кривой" — после второго шага нас вытолкнуло из перехода с такой силой наподдав пониже спины, что только чудо спасло Алицию от купания в реке. Она приземлилась ровнехонько на нас, растянувшись на скользком каменном дне, пузами и отфыркивающих от ледяной водички, стремительно набравшейся не только в наши рты...

Полотенца, белым и зеленым флагом, поплыли вниз по течению.

Клацая зубами, я попытался открыть переход обратно в комнату, но вместо этого позорно потерял сознание, от элементарной усталости.

Пришлось мокрому Якобу вытаскивать меня на бережок и укладывать на теплом песочке.

Так что пришел я в себя через пару минут не только мокрым, но еще и вывалявшимся в песке, что хорошего настроения мне не добавило. Как и тот факт, что мои собственные туфли стремительными лодочками унеслись следом за полотенцами.

Алиция попыталась было протестовать, когда я встал на ноги, но махнула рукой — сколько не сиди, а зажигалка только у меня в кармане.

Якоба догнал уже у самого леска, метрах в трехстах от берега.

Этот не хороший человек, этот... Профессор, прости меня господи, помчался за дровами даже не выжав одежды! И теперь задумчиво изучал флору нового мира глазами представителя фауны старого. То есть — стоял и хлопал глазами, уставившись, как...

— Это — будет гореть? — Якоб указал пальцем на свисающую к самой земле голую ветку, без единого листка. — Оно — сухое?

— Сейчас проверим... — С этими словами, я уцепился за ветку обеими руками и потянул ее вниз. Через пару секунд ко мне присоединился Якоб и громкий треск вознаградил нас, возвещая, что ветку мы сломали.

Вместе с деревом.

От падения которого, мы порскнули в разные стороны не хуже стайки воробьев, от велосипедиста.

Минут через пятнадцать, мы благополучно вытащили сухое деревце на берег реки, наломали веток, которые поддались нашим слабым ручкам, ножкам, объединенной

массушке тушек и запалили костер.

Алиция, как самая сухая из нас, заботливо рассадила нас вокруг пылающего огня и принялась заниматься излюбленным женским занятием — качать головой, пока мужчина занят.

Переглянувшись с Якобом понял — меня ждет то же самое.

Лет через десять брака...

— Мужчины! Пока вы сохнете, я пройду по бережку. — Алиции надоело качать головой и она принялась за второе любимое женское дело — злить мужчину, когда он занят.

Едва Алиция скрылась за поворотом, мы с Якобом, почесав затылки, облачились во влажную одежду и пошли ее догонять.

Мой мир пока еще очень спокойный и неторопливый. Он еще только начал приходить в себя от той чистки, что устроили ему сапфиры, сперва в реках, а потом взявшись и за воздух, вытягивая из него пыль, тяжелые металлы и черт знает еще что.

Радиационный фон уменьшился втрое — проверено мной лично. И воду стало можно пить. Глядишь, через годиков эдак с десять, в речках заплескается серебристая рыбка. Или — золотая, может быть?

Алицию мы догнали, когда она, разувшись, влезла в воду уже по колено и стояла рядом с густо-синим камнем, высотой ей по шею.

— Любопытна, хуже кошки... — Улыбнулся Якоб, любуясь фигуркой своей супруги, с закатанными джинсами.

— Страшно любопытно, состоит из двух слов: "страшно" и "любопытно". — Усмехнулся, усаживаясь на песок. — Что, Алиция, не в курсе, что любопытство сгубило кошку?

— В курсе. — Алиция развернулась и побрела к берегу. — Только я еще и помню, что ты рассказывал о десятке, друз сапфиров. А здесь, насколько я вижу, больше полусотни!

Усевшись на песочек рядом с мужем, Алиция натянула сухие носки и кроссовки.

— Сайд. Они что...

— Нет, Якоб. — Успокоил я ученого. — Кристаллы не разумны — пока. Но... Вы все еще хотите заполучить себе образец, для экспериментов?

Якоб быстро закивал головой.

— Вверх по течению, в воде, стоит кристалл с длинными, десяти сантиметровыми отростками. — Начал объяснять я. — Сейчас мы, не торопясь, пойдем к нему. По пути, подумайте, что именно Вы хотите сделать с образцом. Потом, подойдите к кристаллу и просто попросите...

— Так просто?! — Якоб даже запнулся, от удивления. — Просто — попросить?

— Да. — Я грустно скривился. — Так просто.

Через два десятка минут мы стояли напротив Небесно-голубого кристалла, похожего на миниатюрный дубок — такой же основательный и такой же раскидистый. У его основания, омываемого речной водой, можно было до сих пор рассмотреть черные остатки, что некогда травили воду.

— А мне — можно? — Алиция качнула головой в сторону камня.

Я сделал приглашающий жест рукой и отвернулся, уставившись на лесок, что играл зеленой листвой под порывами ветерка.

Все очень просто — только надо попросить.

А камень, просветит тебя насквозь, вывернет наизнанку и сам решит, получишь ты

зародыш или нет. Стоишь ты того или можно дать тебе пинка.

Любуясь игрой листьев, теней и световых пятен, в который раз пожалел, что рисовать мне не дано — пейзажи моего измерения, моей планеты, даже и в "грязные" времена были уникальными. Пусть и преобладал свинцовый оттенок у неба, коричневый у листвы и зеленоватый у воды.

А электроника здесь не работала.

Я даже нашел старенький пленочный фотоаппарат, "ФЭД", но не смог дать ему ума — "выдержка", "экспозиция" и куча других, страшных слов сгубила метры и метры пленки, подарив мне, всего пять удачных кадров.

А сегодня я его не взял.

— Спасибо, Сайд. — Услышал я голос Алиции и, не оборачиваясь, махнул рукой в сторону леса, приглашая встать рядом и полюбоваться.

— Ты и свой, так же, пронес? — Женщина встала рядом со мной и замерла в восхищении: хитрый лес, словно дождавшись женского внимания, распустил свои листья, пропустил через них луч светила и выпустил его на волю каскадом самых ярких и чистых красок.

Каждый лист, каждая веточка, подсвеченные и спрятавшиеся в тени, все они создавали сумасшедшую по красоте картину, от которой захватывало дух.

Вся картина длится считанные секунды. За время своих посещений, я поймал такое, всего один раз — сегодня. И фотоаппарат остался дома!

Непруха!

— Бесподобно... — Якоб замер позади жены, обнимая ее за плечи и прижимая к себе. — Сайд... Это — невообразимо...

Взгляд Алиции, брошенный на мужа и перехваченный мной, отображал такую гамму чувств и эмоций, от обожания и до боготворения, что я даже испугался.

Еще сильнее я испугался, когда заметил в руках Якоба отросток кристалла. Ярко-синий, бесконечный, как наше, земное небо. Отросток сантиметров на пять короче и светлее тоном, крутила в руках Алиция.

— Вот, — помялся Якоб. — Выпросил...

Если учитывать, что кристалл отзывался на призыв одаренного, то...

— Алиция... — Хрипло прокаркал я, закончив сканировать Якоба. — Вы психи... Оба!

Уже два года эта семейная пара проводит эксперимент, за который их просто побьют камнями.

Алиция, каждый день, утром и вечером, "мутит" энергетику мужа, устраивая ей лавину за лавиной, раскручивая смерч за смерчем. Одним из нас Якоб может быть и не станет, но...

— Эксперимент удался. — Констатировал я, факт. — Примите мои поздравления и восхищения. Психопаты...

"Раскачанная" постоянным стрессом энергетика Якоба, "поймала" резонанс кристалла. Будь у него чуть больше дара, точнее — будь у него дар — у моего измерения появился бы второй хозяин.

Бывалив все это на головы двух счастливых, словно молодожены, супругов, тяжело вздохнул.

— Сайд... Так откуда, другие кристаллы? Рассказывай! — Потребовал Якоб, не выпуская свой "подарочек" из рук. — Рассказывай лучше сам... Иначе — натравлю Алицию!

— Откуда, откуда... — Я подкинул в костерок веток и бешено зачесался — ветка,

неудачно брошенная в костер, к которому мы вернулись с час назад, выбросила целый веер маленьких искр, приземлившись исключительно мне на руку. — Когда стало понятно, чем именно занимаются кристаллы, начал "выклянчивать" их и растаскивать по окрестностям. Чем больше их становилось, тем было легче дышать. Чем легче дышать — тем дальше я раскидывал "Отростки". Сперва, бегал, как дурак... Потом догадался "провешивать" узкие проходы и зашвыривать уже в них...

— Сколько всего? — Якоб уставился на меня так, словно я умом подвинулся.

— Да пес его знает... — Легкомысленно пожал я плечами, продолжая чесаться. — Полтысячи — точно...

— Сайд! — Алиция поймала меня за руку, останавливая "почесушку". — Я знаю, что происходит!

Я воззрился на женщину, пытаюсь понять, о чем она говорит.

— Сайд! У тебя — аллергия! — Алиция тяжело вздохнула. — Ты что, не чувствуешь? Надо срочно возвращаться!

Проход я открывал уже плохо соображая, что делаю.

На наше счастье, выход оказался в подъезде соседнего дома, а не в лесу и не на скоростном шоссе, как это у меня уже один раз было.

Бегать босиком, по снегу... Ну его нафиг! Я это удовольствие, с удовольствием, оставлю моржам... Выскочив из подъезда, пробежавшись по пушистому снежку и заскочив в свой, я уже почти отключаясь, достал ключ от квартиры и сунул его Якобу.

В квартиру меня уже вносили.

Алиция вызвала "скорую", но раньше, чем приехала бело-красная машинка, появились Лиззи и Стелла.

На мое счастье, кстати, появились...

Пока скорая накачивала меня лекарствами, эти три красавицы держали меня под таким контролем, что я не то что на тот свет, в туалет бы не смог попасть...

Потом Лиззи позвонила и в мою квартиру притащили аппарат для чистки крови.

Потом мне долго чистили кровь, заодно — прочищали мозги.

А потом приехала Марша и мир спокойно покатился под откос, потому что удержать меня больше никто не мог.

Я одновременно был в трех местах — у себя в постели, в своем мире и там, куда мы все попадем, в конце-концов. Скажу сразу — там пусто, скучно и нет знакомых. Врет все библия. "Там" лишь одиночество. Зыбкая тишина и серость.

Пришел в себя глухой ночью, от молодецкого храпа Якоба, развалившегося в кресле, в соседней комнате.

Осторожно, стараясь не разбудить Алицию, придремавшую в кресле по соседству с моим диванчиком и сладко посапывающую, выбрался на балкон и втянул полной грудью свежий воздух, морозный и наполненный светом звезд. Колючих, далеких и таких заветно — желанных.

Оперевшись на перила балкона, подавил бунт живота своего, норовящего вывернуться наизнанку.

Во все времена, для любого, кто остался романтиком и не потерял "ребенка в себе", звезды будут самыми желанными и далекими одновременно.

Давным-давно, у нас отняли мечту.

У нас отняли нашу "Энергию" и наш "Буран", дав взамен блестящие звезды, вертящих

задницей певичек, актрисулек и бизнес-вуменов. Нам сменили одно — единственное слово и мир рухнул.

Всю жизнь мы бегали и играли в "войнушку", кто дальше прыгнет и кто добудет селитру... Мы — соревновались!

А сейчас — дети "меряются" телефонами, кому подарят квартиру, в какой ВУЗ пойдет учиться... Они — конкурируют...

Одно слово...

И два, совершенно разных, мира.

Уже понимая, что появление Стеллы, Лиззи и приезд Марши мне всего-навсего примерещился, со вздохом потянулся к сигаретам. Подкурил и закашлялся так, словно захотел избавиться от легких.

— Очухался? — Алиция прикрыла рот зевая.

— Спасибо Вам, огромное! — Прокашлявшись, я снова начал созерцать звезды.

— Не за что. — Пожав плечами, Алиция вернулась в комнату, оставив меня тет-а-тет со звездами.

В который раз, любуясь звездами, я находил в них родственную душу. Чуть отстраненные, загадочные, мерцающие. С детства хотелось стать таким же.

Не вышло: даденое Звездам — Человеку не подвластно. А жаль!

Где-то там, у каждого из нас, есть своя, личная, звездочка.

Найти бы свою, проторить к ней дорожку и остаться там, под ее лучами.

— Сайд. — Алиция вернулась и встала за моей спиной. — Мы не психи... Сколько тебе лет? 35–37?

— 44-е. — Обернулся я и увидел в глазах женщины искреннее удивление.

— На три года младше... Скоро ты поймешь и увидишь, как человек, живущий рядом с тобой, стареет. Сперва морщинки, потом седина. Потом...

— Алиция. — Я остановил ее, подняв указательный палец. — Сделанное Вами — сделано. И, если Ты вспомнишь, в моих словах, интонациях и даже эмоциях, не было порицания или неприязни...

— Это меня и удивило. — Призналась Алиция. — И твой возраст, не вяжется с внешним видом...

В ответ я подмигнул и улыбнулся — Знай наших!

— Спокойной ночи, Сайд! — Алиция вернула мне улыбку и мир с щелчком встал на место.

Все последствия отравления вымело начисто, оставляя тихую тоску и грусть.

Мы напридумывали столько законов, вывели целый сонм адвокатов и прочих стряпчих, поверенных, юристов и теперь удивляемся, почему все вокруг нас такое зыбкое и раненое на всю голову.

Сами виноваты.

"Фемида" только потому пользуется такое бешеной популярностью, что у нас все максимально просто, быстро и прозрачно. Любое наше действие — это действие, понятное простым людям.

Мы не прикрываемся законами и не прячемся за адвокатов. За свои поступки отвечаем сразу.

За то, что я избил четверых придурков и не вызвал им "медицину" — мне пришлось распроститься с "полевой" работой. Пока — "бессрочно". Через пять лет, новая

аттестационная комиссия проверит мои навыки и "просветит" мозги.

Шефу надо отдать должное — получив "чудо-приблуду", он вступился за меня на комиссии.

За что и получил замечание.

Зря я на него сорвался.

Решено. Утром — извинюсь. Но стволы — не сдам, пусть даже и не рассчитывает!

Пробираясь по темной квартире в прихожую, задумался и еще вот над чем — два "выпрошенных" кристалла, сейчас выписывали круги, над головами своих спящих владельцев, наматывая виток за витком и впитывая в себя все побочные последствия их "эксперимента", снимая усталость и вредные накопления.

Сдается мне, поспешил я заявить о том, что кристаллы не разумны...

Или, скорее всего, все зависит от человека, в чьи руки попали зародыши...

Любуясь замысловатым орбитам, искренне пожелал этой семейной паре еще долго-долго быть рядом друг с другом.

Не мудрено, что я, глупый умник, не смог увидеть мир Алиции.

Вон он, этот мир, похрапывает в соседнем кресле и крепко держит руку своей половинки, собственник.

Впрочем, она ничуть не лучше. "Гусь да гагарочка"!

Одевшись, тихонько выскользнул за дверь — утром гостей надо кормить, а меня в холодильнике не то что мыши, бактерии не найдешь...

Тем паче, что после сегодняшних "чисток", оба этих "сюзруга", жрать будут — мама не горюй!

Марша вернулась тихая, грустная и отсутствующая.

На все мои попытки добиться ответа — только прижималась сильнее и прятала лицо у меня на груди.

Не выдержав, нашел номер будущего тестя и созвонился с ним, выясняя, что же случилось.

Нарвался в ответ на то, что это не моего ума дело и высказал ему все, что я о нем думаю.

Поругались мы знатно, не скрою. Хорошо еще то, что тещи нет...

Стелла устроила разгон нам с Альбой, за распитие спиртных напитков на рабочем месте.

"Наверное, обиделась, что её не позвали..." — Предположила Альба и больше мы к этой теме не возвращались.

Моя группа завалила промежуточное тестирование, откровенно на него забив.

Виноват снова оказался я, сказавший, что "этот бред нужен министерству безобразованья для галочки" — конец цитаты. Эту самую цитату и принес Стелле в "лапках" представитель министерства, которого мои студенты раскатали в "отрицательный блин" и пошли дальше, игнорируя его широко открытый рот и выпученные глазки.

Февраль, в полной мере проявил себя, засыпав всю округу снегом мне по шею и

морозом в минус 42. Студентов подтянули чистить дорожки, с дуру...

Мои снова отличились — вместо того, чтобы очистить дорожку от снега, они его растопили, перегнав в третье состояние. И попортив асфальт вместе с клумбами. Одно расплавили, другое — обжарили, умники... Пришлось демонстрировать им свою придумку, что я уже применял...

Лучше бы не показывал, честное слово! За пятнадцать минут, мои гении разложили "конструкт", расписав его прямо на снегу, упростили и запустили в работу.

Только формулы, стереть забыли!

Через два часа по всему академгородку носились невидимые отвалы, громоздящие снег, раскидывающие снег, равняющие снег и утрамбовывающие его — на ветру некоторые символы стали нечитаемы и народ подставлял свои переменные. Даже там, где переменных быть не должно!

Я очень сильно гордился своей предусмотрительностью, убрав "корветика" в арендованный гараж — нашу, учительскую парковку милые "проказники" и "шалунишки" студентики, превратили в снежную горку, засыпав весь автотранспорт. Позже выяснилось — снег насыпали прямо на крышу, которая, не выдержав такого издевательства, рухнула на стоящие авто, погребая их под собой.

Пару "конструктов" повеселее, я даже отловил и препарировал — очень остроумно, между прочим, студенты решили проблему чистки дорожек насухо, добавив в один "конструкт" — температурную накачку, а в другой — бешено крутящиеся тепловые струи. И ведь не заморачиваясь, для питания столь энергозатратных решений, применили простейшее решение — принцип термопар, гениально просто!

Найду творцов — сперва заставлю пересдавать правила ТБ, а потом отдам их нашим "физикам" и Лиззи, в особенности — пусть сама с ними разбирается, тем более что нечего было бросать свою машину на обочине — парковка у нас всегда свободна. А то, что машина почти взорвалась... И слегка расплавилась... И "раскаталась" в блин — студни не виноваты!

Больше всех пострадал наш круглосуточный магазинчик — длинный и узкий, как анаконда, он оказался засыпан снегом по самую крышу и каждый из студентов, да чего греха таить, и из преподавателей — тоже, приложил свою руку, направляя на расчистку свои "конструкты".

Так что, выходящие, кто поневнимательней — ломали ноги, оказавшись в глубокой, пятиметровой траншее, опоясывающей наш "Супермаркет" по всему периметру. Лишившись всех подведенных коммуникаций, магазинчик превратился в "холодный склад", без света, воды и отопления. Перебитые трубы начали наполнять траншею кипятком и, гм, сточными водами, а кабель, заискрив, отключил подстанцию, оставив без света весь городок.

Так, к переломам, добавились ожоги.

Единственные, кто ликовал — медицинский факультет. Его декан устроил внеочередной зачет по полевой медицине катастроф, ожогам и переломам. Сам декан, в чине генерал-майора медицинской службы, прошедший все наши "горячие точки" и сам четырежды раненый, с блестящими глазами, раскрасневшийся, стремительный, успевал повсюду, раздавая указания, помогая и показывая.

Наблюдая за "генералом", заметил и мою Маршу, среди студентов, помогающую раненым.

Даже ревность прихватила, когда генерал, увидев, как Марша сноровисто срезает джинсу с поврежденной конечности молоденькой студентки, легким взмахом моего ножа,

купленного еще в поездке, на "порезать колбаски", расцеловал ее и что-то начал объяснять студенткам, придерживая мою невесту за талию.

Кошмар длился почти пять часов. За это время, к обожженным и переломанным, добавились обмороженные...

"Физики", "математики" и "техники" гонялись за "конструктами", успокаивая их и устраняя повреждения. "Медики", "биологи" и "химики" — занимались пострадавшими. "Юристы" — подсчитывали прибыли от "претензий", а "психологов" послали успокаивать всех, до кого мы дотянемся.

Зря они так с нами — руки у нас длинные!

Лично я, поплелся помогать "техникам" — ожоги, промокшие ноги, нервы и советы неожиданных помощников — вот не полный список того, что мне предстояло разобрать.

Выбрав себе бригаду по вкусу, включился в работу — молча. Сперва — на подхвате. А потом, втянувшись, неожиданно для самого себя, начал и покрикивать, отправляя мокрых и злых — отогреваться и добреть от горячего чая, с малой толикой трав и специй.

Для того чтобы закрыть вентиль теплотрассы пришлось импровизировать — кипятик уже начал выплескиваться из траншеи, залив узел.

Парни предлагали, сгоряча, конечно, нырнуть... Или заткнуть пробкой, на худой конец.

Подошедший преподаватель, покачивая головой, пояснил, на пальцах, что он думает о "горячих головах", "худых концах" и "пробках".

Его "конструкт" меня просто поразила своей простотой и логичным совершенством — эдакий осьминог, "булькнув" на дно узла, он оплел своими щупальцами вентиль и завертел его, закрывая.

Перекрыв воду, преподаватель задумался, пошкреб недельной длины щетину и щелкнул пальцами, вызывая еще один "конструкт". Чертыхнулся и заозирался по сторонам.

— Что надо? — Поинтересовался я, видя растерянность в его глазах.

— Погодь. Думаю, куда воду сливать будем... — Преподаватель что-то просчитывал. — А ты, иди, пока, чайку хлебни...

Вот так всегда с водой: мало — плохо. Много — катастрофа. Жарко — грязь. Холодно — лед... Сливать воду в ливневку — похерить все систему...

— Сайд! — Тронул меня за рукав молоденький студент и сунул в одну руку чашку с горячим чаем, а в другую — вырванный из блокнота листок.

Чай был с корицей.

А на листке — корявый "конструкт", напоминающий трубу большого диаметра, точнее — половину трубы, здоровенный акведук, по которому можно было вполне пристойно слить воду за черту городка.

Отдав листок преподавателю, заодно лишился и чая — замерз не я один! Пару минут думали в две головы, но упростить дальше было уже просто некуда. Так и протянули нитку трубы, молясь, чтобы хватило обоим, сил, удержать "конструкт" от развала.

Хлынувший поток, черный от грязи и дурнопахнущий от канализации, рванул по "трубопроводу" прочь, за территорию.

Прокопанный овраг стал на глазах мелеть, оставляя после себя лишь пар, запах и липкую грязь, быстро замерзающую при минус 42 градусах Цельсия.

Как не быстр оказался "конструкт", мороз оказался быстрее, прихватив ледком все вокруг и устроив ледовый аттракцион грандиозного масштаба.

К переломам после падения в канаву, добавились "побитости" и растяжения.

Потом прибежал генерал-майор и дал нам втык, за то, что нечистоты выливались рядом с городком, гарантированно грозя нам, по весне, суровыми кишечными расстройствами.

Однако — "сделанного не воротишь", а сколько перед зеркалом не крутись — все едино раздеваться придется, мы отмахнулись от генерала и взялись за починку водоснабжения, канализации, попутно помогая нашим физикам восстанавливать электроснабжение.

И никому из нас даже не пришло в голову поинтересоваться, куда же пропала земля, из этой траншеи!

Каждый из нас благополучно перенес этот интерес на более позднее время — когда будем яму закапывать.

В самом начале нашей эпопеи, все старались вести себя культурно и не использовать высокомогучий и всеобъемлющий язык. Первым вышел из себя генерал-майор, потом все покатило под откос и к приезду "аварийной службы", успевшей тютелька в тютельку к завершающему шву на последней трубе, я услышал столько новых слов, произнесенных иностранцами всех мастей, чинов, возрастов и рангов, что впору писать новый словарь "русских табуированных..."

Особой экспрессией выделялся наш президент...

В результате, наш генерал от медицины подкрался к нему со спины с инъектором и подхватив обмякшее после укола тело, передал его своим студентам, для "удаления с поля боя, во избежании повышенного травматизма"!

Заделав трубы, восстановив кабель и вытерев сопли, мы уселись кружком и, глядя друг на друга схватились за головы — температура падала, а земли, закидать все это безобразие — не наблюдалось.

Пять часов, что мы убили на восстановление, грозили показать нам "кузькину мать" и "разморозиться".

Землю нашел президент.

Нет, конечно, не планету я имею в виду... Отвалы грязи, вперемешку с кусками бетона, огрызков труб и прочих прелестей — именно это обнаружил биг босс, придя в себя и выглянув из окна кабинета на клумбу, разбитую вокруг подаренного нам памятника Рабиндранату Пифагору — это от заклятых индийских друзей, по обмену...

От памятника остался на свободе только череп ученого, точнее — его чугунные волосы. Все остальное, вместе с парадным входом было засыпано и уже успело замерзнуть.

"Аварийка", видя такие проблемы, поспешила очень технично испариться, по-английски, оставив нас перед фактом, что если мы проблему не решим в течении ближайших нескольких часов, то начнет темнеть, холодать и тогда разморозится уже ВСЯ система, а "аварийка" за такое ответственности не несет!

Вспомнив "конструкты", которые недавно препарировал, рассказал о них технарю — все, как вариант, может и пригодится.

Не пригодилось — шеф нашел землю!

Для "пересыпки", можно было использовать "акведук", но мы уже устали, как пять собак и хотели всего сразу, особенно — в туалет.

В чистый, теплый, с горячей водой и "ветродуйкой" на замерзшие ручки!

А еще, от нас воняло!

Георг, который появился звать меня на экстренное совещание, устраиваемое непоседливой Стеллой, принялся, повертел головой и... Остался помогать нам.

Через полчаса, к парням из "моей" группы, стали присоединяться парни из

"параллельных".

Деятнадцатого помощника, я и технарь послали... Помогать упавшим и уронившимся, к медикам.

Медфаку надо отдать самое наше горячее "уважаю" — благодаря их заботам и вниманию, мы не поморозились в усмерть — горячее питье, теплая палатка, раздобытая нашим генералом и поставленная в десяти метрах от места работ, прямо на газоне, все это и есть прямая и явная забота о нас, сантехниках...

Первый "ковш" земли скинул в траншею САМ, Лично! Малость промахнулся, правда, на "пару метров", но из палатки мы уже успели смыться — как седалищным нервом все почувствовали, что пора завязывать с чаепитием и вывернулись на улицу.

Получив пример, каждый из преподавателей, в меру своих сил, разумеется, заставил студентов работать.

Получившиеся "конструкты", технарь отлавливал и препарировал с такой скоростью, что мне даже мечтать не приходилось!

Закидали мы все, конечно, с нарушениями, но воду и отопление дали, а это уже — "ого-го-го"!

Технарь, почесав затылок, внедрил, таки, термодары. Больше для собственного спокойствия, чем по необходимости — система хоть и на последнем издыхании, но держалась.

Расползаясь по домам — преподы и по общагам — студенты, почти не разговаривали, устав от неожиданных сюрпризов, получившихся совершенно случайно.

Ведь, как всегда — все хотели как лучше!

Шесть вечера в феврале это темно, холодно и страшно.

Стелла, наша чудо — декан, предложила всех развести, но... По такому гололеду и без того всех развезло...

Жаль, коньки я так и не освоил!

А повесить проход — сил уже не было.

И Марша куда-то пропала, солнышко мое рыжее! Телефон молчит молчком, у кого не спрашиваю — тишина.

Самое время начать волноваться...

На этих печальных мыслях, мои ноги выписывают замысловатую фигуру, земля с угрожающей скоростью приближается к моему затылку, а небо, соответственно, удаляется, и дальше меня накрывает тьма.

Хорошо, плотно так накрывает, словно живое и разумное существо...

Приходить в себя, после такого, очень не интересно — голова кружится, люди вокруг тебя пытаются достучаться до твоего сознания дурацкими вопросами, типа: "Сколько пальцев" и "Вы помните, как вас зовут"...

А теперь, навалилась чертова апатия и ни взад, ни вперед...

Это так утомительно, особенно когда тебя до сих пор подташнивает после сотрясения мозга, а смеяться ты не можешь от того, что швы будут снимать только через две недели и вообще — с Маршей пора поговорить серьезно, надоели эти тихие движения. Решила уйти — пусть идет, жаль, но задерживать не буду. И сам не сдохну — такое уже было, плавал, знаю.

Проведя неделю в больнице, под чутким присмотром нашего медфака, без допуска к моей тушке — видимо в наказание за грехи — Марши.

Наш генерал все опасался воспаления легких — провалялся я на льду больше получаса, а осложнения потому и называются осложнениями, что все так сложно и без них...

Обошлось.

Сегодня меня выписали, а идти домой совершенно не хочется — понимаю, что я снова сам себе напридумывал... Но идти и ставить точки над "ё" — нет сил.

Так что, можно я постою вот здесь, в уголочке и покурю, хорошо?

Иногда так приятно почувствовать себя одиноким и позабытым-позаброшенным...

За неделю, проведенную на больничной койке, с невестой разговаривал каждый день и каждый день, чувство, что мы расходимся, как в море корабли только становилось все острее и острее.

Вот и всё, шутки в сторону
Нам с тобой — было здорово
Только жаль мне, что поровну
Не поделишь любовь

Ничего не получится
Ни к чему было мучиться
И теперь — дело случая
Что мы свидимся вновь...

"Что такое не судьба? Не судьба это просто... Не судьба!" — Шутка с бородой в полсотни лет. И песня эта, с чего вдруг вспомнилась? Неужели действительно — все?

— Сайд!

— Стелла... Вот только тебя, мне не хватало... — Скривился я. — Что еще?

— Долго Ты еще намереваешься мучить свою невесту?!

— Так... Во-первых, какого... Ты здесь делаешь? А во-вторых, кто кого мучает, это еще тот вопрос! — Блин, генерал же говорил — не дергаться!

— Сайд. — Стелла чуть сбавила обороты. — Ты что, совсем — идиот?

— Спасибо, госпожа декан! — Поклонился я. — Надеюсь это только Ваше мнение, или, уже всего женского коллектива?

— Точно — идиот... — Стелла вздохнула и подхватила меня под локоть. — Пошли. Буду тебе мозги вправлять...

— Не надо. — Попросил я, как можно мягче. — Не надо, пожалуйста. Или я, уже завтра здесь работать не буду...

— Как это по-мужски — свалить все на женщину и забиться в норку, закрыв лицо газетой! — Стелла кипела праведным гневом, смысла которого я совершенно не понимал.

— Стелла... Да что случилось — то? — Рывкнул от всей души я, прерывая обвинения. — Если что-то знаешь — говори. Не знаешь — не выкручивай мне мозг — он и так пострадал...

— Ничего я не знаю. — Быстро огрызнулась женщина. — Только чувствую. Да Альба — плешь проела, что у Вас как-то не так...

— Стелла... Наше "так или не так" — это не достояние всего коллектива! Это только мы. Мы сами решим, что у нас так или не так. Не вынося и не обсуждая. — Рука привычно потянулась к сигаретам. — Только мы сами можем принять решение. А ваша помощь — не понадобится. Мне — точно.

В голове вертелось тысяча слов, которые хотелось вывалить на человека, выкричать и... Осторожно освободив руку, развернулся и пошел в сторону "спасенного" магазинчика. Чертовски сильно хотелось коньяку.

И плевать на сотрясение. Если Марша откажется пить — вылью ей на голову и пойду ночевать в лаборантскую, благо, ключ у меня в кармане.

Проблема академгородка — количество его жителей.

Продавщица, в курсе всех событий, новостей и местных сплетен, попыталась бутылку "армянского" у меня отжать, под предлогом, что после сотрясения, алкоголь, ну совершенно не полезен!

Обжегшись о мой красноречивый взгляд, пожала плечами, взяла деньги и завернула бутылку в бумажный пакет.

"А, ну да — десять утра. "Крепкое" не продают..." — Усмехнулся я еще одному идиотскому закону.

Сунув бутылку в карман, направил свои стопы в сторону дома.

Солнышко в феврале, когда без тучек, яркое и ослепительное, манящее и звонкое. Его лучики значительно разогнали мою хандру и остудили бурлящую после разговора со Стеллой, кровь.

"Интересно, Марша спит?" — Я тихонечко сунул ключ в замочную скважину и повернул его, стараясь не щелкнуть замком.

— ... Нет, папа. — Услышал я голос своей невесты, доносящийся из спальни. — Пристрели его, пожалуйста. Ни видеть, ни слышать — сил моих нет! Сегодня. Да. Приезжай. Очень жду, пап!

Оставив куртку на вешалке, прошел в кухню и поставил бутылку на стол. В самый центр.

Достал свой бокал с Плуто и Дональдом и поставил его рядом. Скрутил крышку и налил полстакана.

Встал лицом к окну, да так и замер, с чашкой в руках.

" Буду помнить хорошее

Что ж — дело прошлое

На-на-на-на-на... "

Очень, оказывается, полезно стоять спиной к человеку и смотреть в окно.

— Привет. — Марша замерла на пороге с телефоном в одной руке и теплой вязаной шапочкой — в другой. — А я встречать собралась...

Рассматривая в окне ее отражение, я любовался — ничего не поделаешь, хороша!

— Сайд? — Марша обошла меня и замерла чуть сбоку. — Что-то случилось?

— Да. Случилось. — Я поднес к носу коньяк и передернул плечами — откровенная "паленка", мать их за все концы в разные стороны. — Марша, ответь мне только на один вопрос, пожалуйста... Какого ХРЕНА происходит?!

Марша забрала у меня из рук стакан и опрокинула его в себя, залпом.

Покраснела. На глазах выступили слезы. Рот открылся, силясь сделать вдох.

"Н-да... Избаловал я девочку, хорошими напитками..." — Попытался я спрятать улыбку за тактичным покашливанием.

Марша отдышалась, поставила чашку на стол и глядя вызывающе, уже блестящими от выпитого глазами, заявила: — Сайд... Мне страшно... Я не знаю, что мне делать. Я съездила к папе и встретила там... Бывшего... Воздыхателя. Сдуру, согласилась встретиться.

Оказалось, что за эти десять лет мы так изменились, что... Впрочем, я стукнула его и пошла домой. Отцу ничего рассказывать не стала, до сегодняшнего дня... Так он, узнал у отца телефон и стал мне названивать сюда... Я уже его и в черный список, поставила...

Я слушал бессвязный лепет нетрезвой женщины и недоумевал. Недоумевал настолько, что, совершенно не задумываясь, задал вертящийся на языке вопрос.

— Марша... И это — всё?! Из-за одного... Бывшего! Ты канифолила мозги себе и мне больше двух недель?! Ты что, не могла сразу рассказать?! Ой, ё... Я же уже себе столько понапридумывал...

— Ик... — Ответила опешившая Марша, усаживаясь на табуретку. — Я попросила папу его пристрелить...

Устроившись на табуретке рядом, я обнял свою женщину, которую почему — то трясло. Трясло и меня — от смеха.

Вот что бывает, когда два умника забывают основное правило семейной жизни — "Никогда не думай за другого!"

Сквозь смех, с трудом расслышал звонок ее телефона.

— Это опять он! — Марша взяла бутылку со стола и со словами — "сейчас я все ему скажу" — сделала большой глоток и ответила на звонок.

— Фред! Пошел в жопу! — Радостно заявила в трубку моя будущая супруга и, подумав, добавила — Только не вздумай оттуда вернуться!

Сбросив звонок, она пересела ко мне на колени и дохнув перегаром, укусила за шею, оставляя засос.

— Всё. Мой! — Добавила она, с гордостью рассматривая синяк. — Всех пошлю... Одна останусь!

Снова зазвонил телефон.

— Можно я отвечу? — Я взял со стола телефон и включил громкую связь. — Фред! Ведь ты — Фред, правильно?

Мужчина на другом конце волны, кажется, подавился и тишина, воцарившаяся на линии, была мне наградой.

— Фред! Слушай... Исчезни, с пользой для себя! Раз уж исчезнуть с пользой для нас, у тебя не получается! И не звони сюда...

— ... А то придет папа и... — Я только и успел, что закрыть Марше рот поцелуем.

Это у нас, такие выкрики с места, пьяной женщины — ничего не стоят. В их "еропейндиях" — вполне гарантированный иск. От штрафа и до тюремного заключения.

Оно нам надо?!

— Еще! — Потребовала Марша, когда я оторвался от приятного занятия, чтобы выключить мобилу.

Валяясь на постели с сопящей на моей груди Маршей, задумался о ее словах: "не знаю, что мне делать".

Все так и есть — когда женщине нечем заняться, она начинает делать, что попало.

Хорошо, хоть наконец-то рассказала, что случилось!

Подумать только, а я-то всегда считал себя идиотом!

Хм, вот и не верь в пословицу: "Муж и жена — два сапога. Оба — левые. И оба — кирзовые!"

Надо бы ее раздеть — крепкий алкоголь срезал мою половинку не хуже, чем серп подрезает пшеницу, по осени.

Не привык культурный западный народ пить паленый коньяк, не привык.

Наладить, что ли, импорт этой гадости? Назвать ее как-нибудь круто, типа "Poleonka" и пусть все думают, что это женское имя! Или, вообще — народный алкоголь поляков, родни моей несравненной, зачатой... Будь ей трижды все хорошо, за все хорошее!

"Сайд! Анна родила! Мальчик! 4860, рост 54!" — Обрадовала меня Альба, торопливой скороговоркой, по "лайну". — "Мама спит, малыш здоров! Выписка через три дня!"

"Так, вроде — рано?!" — Почесал я затылок, вспоминая сроки, называемые Анной.

"Тебя не спросили!" — Отрезала Альба и отключилась, оставив меня в тягостных раздумьях.

Что-то промелькнуло в голове такое, при этом известии, что я очень даже сильно напрягся.

Что-то очень простое и... Вот!

"Альба, мальчику сделали тест Борисовича?"

"Нет. А зачем?" — Легкомысленная Альба отмахнулась и снова отключилась.

Первое, что сделала Марша, проснувшись — метнулась к белому другу и долго-долго с ним разговаривала.

Так и прошел у нее день — между кроватью и, хм, простите, унитазом.

Глядя на ее мучения, я пытался ей помочь.

Она упорно отталкивала мои руки и вяло перебирая, либо стремительно семеня ножками — в зависимости от того Туда или Обратно, она держала путь — дорогу, и смотрела на меня своими глазками, в которых читалась неземная тоска и печаль...

Плюнув, в конце-концов, на все ее "желания" или "не желания", тихонько подкрался и "накинул" на нее лечебный "конструкт", дождался, когда она отрубится и перенес в комнату с сапфиром — пусть чистится.

Сам, прикинув время на лечение, отправился на кухню — готовить поздний обед.

Или ранний ужин, в зависимости от того, насколько я промахнулся по своим расчетам.

Промахнулся я конкретно — Марша проснулась далеко за полночь, приняла душ, слопала ужин и снова вырубилась, едва головой прикоснулась к подушке.

Подоткнув ей одеяло, перебрался на кухню и стал проверять задания.

Через полчаса, очень сильно пожалел, что вылил сивуху в раковину.

Понимаю, что минутная слабость. Понимаю, что я головой стукнулся.

Но, очень захотелось...

Из десяти проверенных работ — семь "копипаста". А всего, на проверку, было чуть меньше семидесяти работ.

На работу я шел зевая и слегка покачиваясь — полтора часа сна, с головой, упавшей на стол... Не самое лучшее, что могло случиться со мной.

И теперь, уважаемые студенты, весь ваш день будет не самым лучшим.

Моя группа, видя играющую на моих устах улыбку, обреченно пошли на занятия — мой урок шел последним, так что... Либо им достанется за всех, либо я выдохнусь, и сия чаша их минует.

Ага, как же, минует.

Я неделю провел в больнице, так что моих сил хватит на всех!

Первые две группы выползли из аудитории веселые и смеющиеся — им очень понравилось, читать пометки на полях своих работ.

Интересно, когда им объяснят, что на самом деле эти пометки — цитаты из очень

знаменитой книги и означают они отнюдь не мое восхищение — куда кинутся детишки?

Третья группа, пометки сразу опознала и замерла в ужасе — час расплаты, как он сладок и притягателен!

Что? Учителя так не поступают?!

Они еще и не так поступают, поверьте уж мне на слово.

Не зря, самая любимая присказка всех педагогов: "Каждой твари — по паре!"

— Сайд... Можно мы пересдадим? — Самый умный и быстрый парень на всем потоке, жаль, не "уник", но умничка — "Трижень".

Точнее — Евгений Евгеньевич Евгеньев, 15 лет, рост 178 сантиметров, цвет глаз — карий.

— Можно. — Я улыбнулся. — Два дня. Не менее пятнадцати страниц А4. Никаких распечаток — только ручкой. Бог в помощь, все свободны!

Группа, со скрежетом зубовым, потянулась из аудитории. Надеюсь, в библиотеку.

— Женя. — Остановил я парнишку в дверях. — Группы 3А и 3Д... Объясни им, что надо делать.

— А-а-а-а... — Потянул Женя, придумывая, что потребовать, за работу и старание.

Я погрозил ему пальцем и подросток, по уму уже давно обогнавший большую часть нынешнего человечества, понятиливо кивнул и исчез с моих глаз.

Вот и появилось у меня маленькое "окно", продолжительностью в целый час.

Можно было смотаться домой, перекусить.

Можно было поесть в столовой.

Вот только нужно сейчас сделать совсем не это.

Надо звонить будущему тестю и "наводить мосты".

Запершись в лаборантской, сварил себе кофе и взялся за мобилу.

Самое страшное в любом общении — сделать первый шаг.

Мы боимся, требуем, чтобы первый шаг делала противная сторона и удивляемся, что все так плохо.

Открою тайну, которую постиг на собственной шкуре — сделав первый шаг, сказав "да" или "нет" впервые, мы получаем такой фонтан чувств и эмоций, что можно долететь до Марса и вернуться обратно, за пару часов.

— Дик. Добрый день. Это Сайд! — Произнес я в трубку, едва на мой звонок ответили. — Звоню извиниться...

— Доброе утро... — Буркнул тесть. — Погоди, разогнал... Перезвони, минут через двадцать — я себе кофе сделаю, тогда и поговорим... Обо всем и...

Я всегда знал, что "лиха беда — начало".

С тестем мы прообщались ровно до прихода моей группы и не скажу, что мы не поругались вновь — нет, мы поругались, но... Как то слишком правильно, изящно и цивилизовано — когда я заявил об этом Дику, он замер на пару секунд, переваривая услышанное, ругнулся, на не понятном языке, со вздохом заявил: "Приеду — разберемся" и повесил трубку, не прощаясь.

— Сайд! Мы уже все осознали! — Поспешил заверить меня Уран, когда я появился на пороге лаборантской. — Все исправим, честно-честно!

— Вам исправлять, почти и нечего. — Пожал я плечами. — Только... Кто-нибудь, сможет мне дать ответ, почему я заставляю Вас писать рефераты — ручками? Время пошло, господа студенты! Тик-так!

— Это, как раз, очень просто! — Усмехнулась с переднего ряда Сантана. — Чем больше мы пишем, тем больше внимания уделяем своим "каракулям", улучшая почерк. Чем лучше почерк — тем лучше мелкая моторика. Чем лучше мелкая моторика — тем мы внимательнее и собраннее...

— Ответ на тройку. — Я снова уселся на стол, перед своими любимцами. — Думайте еще.

— Чем мы больше пишем руками, тем больше читаем... — Начал размышлять Уран вслух. — Чем больше мы читаем — тем больше остается у нас в голове, ведь мы переносим на бумагу только основное, стараясь избегать лишней писанины. Так что, получается, что чем мы больше пишем — тем больше в голове знаний!

— Пять. — Расплылся я в улыбке. — Порадовали, господа учащиеся, порадовали.

Я с гордостью рассматривал свою группу.

Такие разные, не похожие и такие — свои, родные.

— Сайд! — Под руку тихо влезла Нэт. — А тренировки, теперь, когда начнутся?

А ведь у них и вправду, на лицах тихая печаль — тренировки, которые до самого упора вела Анна, теперь уплыли в непонятную даль.

"Надо будет Анну обрадовать!" — Улыбнулся я, но, кажется, не очень удачно улыбнулся — первый ряд слегка побледнел, приготовившись к новым шишкам. Пришлось успокаивать детишек — ничего плохого они сделать не успели, а значит мести, пока, не заслужили.

Конечно, все было не так просто, с этими тренировками. Само появление Анны, ее согласие на проведение занятий, беременность — все маленькие слагаемые тотального контроля за учащимися со стороны различных государственных учреждений. Не возможно государству просто так, взять и бросить без своего "чуткого вмешательства", целую орду детей, чьи способности перекрывали возможности маленькой, но хорошо вооруженной армии.

И это — без оружия. На одних "конструктах". А если обучить их...

— Сайд. — Аша вывела меня из задумчивости. — А почему Вы не даете нам "лидер-тесты"?

— Хочется узнать, кто из вас — "альфа"? — Я почесал бровь. — Можно, конечно. Только — не нужно. В любом человеке, дремлет "альфа" — только нужны подходящие условия. Чаще всего такие, что "мама, не горюй!" Тесты, выявят склонности. Но "проявится или нет" — только звезды знают. Да и не важно, на самом деле, кто из вас прирожденный лидер, а кто — нет. Мало кого из Вас ждет дорога вне социума. А в нем, самое главное — не первые. Самые главные в нем — вторые. Те, кто поддерживает, кто тянет на себе целый воз проблем, что создает неуёмный лидер. Не сложно рассчитать сферу — сложно ее воплотить в материале. Лидеры нужны, как первоначальный толчок, как изменение пути. Они могут гордиться тем, что начали торить тропинку. Но превращать тропинки в дороги им не дано.

Группа помалкивала, ловя мои слова.

С ними легко и одновременно — сложно. Детские характеры. И недетские проблемы, что подложила им природа.

Например, Элла. "Уник". Сбежала из дома в 12 лет, в 13 — пела в церковном хоре. В 14 — кастрировала попа, что начал к ней приставать. Не медикаментозно — просто создала свой первый "конструкт". И теперь, педофилы всего человечества, гниют заживо, в диких болях, не снимаемых ни какими лекарствами. И как "его" выдернуть из "энергополя" Земли — хрен его знает. Всего две "нитки" и такой результат!

Уран — "попрыгунчик"... Ага! А еще, по слова Анны — "боевик от Бога"! Еще бы не "боевик" — с семи лет в подростковой банде, причем в семье об этом узнали, только когда ему исполнилось 14! Очешуительная семейка!

И все они — такие. Им бы нормальных людей в окружение, с самого детства, да друзей, не как у меня... А теперь — надо заставлять их понимать, думать и дышать полной грудью, ибо — заслужили. Потому что — дети.

Прозвеневший звонок с урока стал мне наградой: иногда общаться с моим ученичками, просто сущее наказание. Хочется обнять их и сказать, что все будет хорошо.

Только — нельзя. Разбалуются. Тем паче, что я их и так балую, до невозможности. Стелла уже пару раз намекала, что так с детьми нельзя — сядут на шею. Пока — не заметил, если честно.

— Группа! — Остановил я вскочивших со своих мест, студентов. — Завтра, в 15.00 — общий сбор, в актовом зале. Явка строго обязательна. Это — все, до завтра.

Миг, и стайка моих "воробышков" упорхнула из кабинета, наполняя коридоры академии своими голосами и стуком каблучков, по бетонному полу.

Уже закрыв кабинет и шагая в деканат, улыбался, как влюбленный полудурок — жизнь снова стала на свои рельсы. А значит — все, может быть, будет хорошо?

— Сайд! — Приветственно помахала мне банкой с тоником, Лиззи. — Привет! Как ты? Как Марша? Голова — в порядке?

Стерев улыбку — натянул загадочное выражение лица. Не выдержал и снова начал улыбаться.

— Ага, значит... — Лиззи сделала глоток, — Свадьба, таки, состоится! Это хорошо — подарок я уже купила... На какое число, торжество намечаете?

— На День Космонавтики. — Подмигнул я, забирая из кофе машины свою чашку с крепким кофе.

— Ага. Месяц и две недели... — Лиззи замерла, что-то подсчитывая. — Жесть. Не-а. Хотя...

Вот ее талант общаться междометиями, был сродни таланту нашей секретарши повсюду вставлять "прямо"... Прямо бесит!

Поймав мой взгляд, Лиззи подмигнула и объяснила: "А платье, Марша, уже заказала?! Успеют сшить? И гостей, предупредили? Все ответили?"

Узнав, что мы решили ограничиться не торжественной регистрацией — она повертела у виска пальцем, постучала себя по лбу, намекая на мое умственное состояние и гордо вышла из кабинета.

Следом, ободряюще потрепав меня по плечу, вышел Орлан.

Устроившись за длинным столом, с удовольствием принялся проверять оставшиеся работы. Завтра у меня еще две группы и короткий "разговор" со своими — держать их в тонусе, пока Анна не займется с ними физически, я намеревался "путем увеличения давления на неокрепшие детские мозги". Главное — не переусердствовать...

Предсвадебная суета, гости, которых оказалось неожиданно много. Шум и гвалт. И авторитетное заявление будущего тестя о том, что Марша, без занятия, сгорит в два счета — все навалилось на плечи ничуть не меньше, чем тяжеленный туристический рюкзак.

С оторванными лямками...

Найти работу, в академии, полной отмороженных студентов и не менее безбашенных преподавателей?!

Ну, не уборщицей же!

Помог, как ни странно, тесть — его предложение, и небрежно брошенная фраза о том, что стреляет его девочка, как истинный ганфайтер...

Идея создать тир, получила поддержку и в лице руководства самой академии и Шеф, не будь дураком, уцепился за нее обеими руками. Возможность получить "пристрелянных" и "обстрелянных" студентов, знающих, с какой стороны вылетает пуля, где у пистолета "мушка" и почему это так "громыхочет", да в придачу, еще и оказать спонсорскую помощь, списав под шумок устаревшее вооружение и боеприпасы — такое заинтересует любого руководителя!

Предчувствуя потеху — достал и смазал свои "свежекупленные" пистолеты, потом — припрятал их, от греха подальше и с надеждой, что под шумок всей этой авантюры, выдерну у кладовщика свои, родные, заменив их новенькими игрушками. Плюс, мелькнула идея сделать свадебный подарок, такой, чтоб ни у кого не было.

Думаю, пара пистолетов — хороший свадебный подарок любимой женщине?

Март промелькнул с бешеной скоростью, словно и не было его.

Студенты догрызали гранит, усыпая все вокруг колючими крошками. Преподаватели, впихивали в замутненные весной мозги, все больше и больше информации, в надежде, что хоть что-то из "впихнутого" осядет в извилинах и закрепится там, навсегда.

Напрасные надежды.

Весна — время стихов, мартовских котов и песен под гитару. Шашлыков, в конце-концов!

Наш коллектив, друженько выехал на природу аж целых два раза — после первого крупно поменялся состав пар, а после второго — еще раз.

Понимая, что присутствие Марши спасает меня от множества хлопот и забот в женском коллективе академии, но добавляет проблемы в семейную жизнь, старался проводить как можно больше времени с невестой.

Марша еще пока не ревновала, но уже задумывалась над тем временем, когда все заботы и хлопоты по обустройству тира лягут на ее хрупкие плечи, а значит, коллектив станет очень даже близко... Со всеми втекающими и вытекающими отсюда проблемами.

На первое апреля президента академии разыграли все, кому не лень.

Особым шиком среди женского пола, посчиталось принести справку о беременности.

Алисе досталось больше всех. В отличии от остальных, она действительно была беременна!

Мои студиозусы, так же отметились, применив для своих шуток весь ассортимент из рассказанных мной шуток — в ход пошла и пищевая пленка, на стульчаках унитазов, и двусторонний скотч, которым приклеили к полу спортивную обувь физрука и его любимую гирю.

Заклеенных экранов мультимедиа систем даже и не считали — просто вызывали наших компьютерщиков и разводили руками.

На всякий случай, я из кабинета в этот день не выходил и Марша, как самая лучшая супруга на свете, принесла мне кофе в термосе и бутерброды, прямо в аудиторию, на длинной перемене.

Правда, от шутки удержаться она не смогла — залив кофе в термос в специальный пакет и завязав его наглухо.

Зато бутерброды были очень даже ничего, без опасных дополнений и очень вкусные.

Едва "День дурака" остался в прошлом, как началась новая эпопея — Министерство безобразований, в очередной раз, начало сходить с ума, демонстрируя "Буриданова осла" в полной красе: приказы, их отмена и новые приказы о "Проведении экзаменов в виде тестирования" сменялись на приказы о "Проведении письменных экзаменационных работ" по два, три раза на дню.

Президент, в лучших правилах старой школы, готовился к худшему и загодя пил валерьянку, которая, как известно, действует по накоплению в организме...

Растаявшие следы последствия прорыва воды и канализации и благополучно впитались в многострадальную землю, подарив окрестностям академии непередаваемое амбре, с которым не справлялись ни закрытые окна, ни, включенные во всю мощь, кондиционеры.

Юристы, которым досталась "львиная доля", как могли, честили весь свет и ходили темнее грозовых туч, раздавая молнии всем, кто не удачно подвернется под горячую руку.

Участившиеся драки, приходилось уже отливать водой — иначе вошедшие в раж студенты ни на что не обращали внимание, отчаянно мутузя друг-друга.

Конец всей этой вакханалии положила вышедшая на работу Анна.

В первый же день, на ее тренировках оказалось больше народа, чем на всех занятиях, вместе взятых!

Студенты, сгоняли пар на ринге, Анна качала головой, медики проводили практику, тут же, не отходя от помещения.

Марша, замотанная в хлам требованиями безопасности, оставила на этот день тир без своего присутствия, решив присмотреться к Анне поближе, построив впечатление о человеке с собственных впечатлений, а не только с моих рассказов.

Я был только "за"!

Пора моей красавице входить в эту... Это...

Короче, пора вливаться.

Вечерком, в нашей квартирке стало неожиданно тесно: Анна вырвалась на целый вечер, оставив малого на попечение целой кафедры медицины. Лиззи, Альба и Валентин прочно насели на внезапно вырвавшегося из "застенков" собственной лаборатории Якоба с Алицией, существенно напинав меня за то, что я умолчал о знакомстве со столь знаменитой личностью, а капитан Персва заинтересовался тиром.

Всем нашлось занятие, место и собеседник.

Поубивал бы...

Отбившись от Якоба и Анны, оставил Маршу на кухне и осторожно выполз на балкон с чашкой кофе, полюбоваться на закат пред-пред-предпоследнего дня холостой жизни.

Я люблю, когда в доме много друзей и шумно.

Правда, надолго меня не хватает — максимум двое суток, а потом я зверею, вынося мозги окружающим всеми доступными мне способами.

"Сайд" — "Лайн" шефа всегда выделялся своей ровной волной, без резких пиков или падений. — "Как самочувствие?"

Резко заломило в висках, от плохих предчувствий.

"Спасибо, пока не плохо!" — Напрягся я, понимая, что это "ж-ж-ж-ж-ж" не проста. — "Есть проблемы?"

"Есть. Прямо сейчас." — Шеф провесил проход в полуметре от перил балкона, снаружи, приглашая на личный разговор.

Как был, с чашкой в руках, перелез через перила и запрыгнул в проход.

В два шага прошел светящийся коридор и вывалился под яркий солнечный свет, на черной поляне, все еще курящейся дымком.

Развалины деревни, куски обгорелого мяса, недавно носившее гордое название хомо сапиенс и тишина.

Все эксперты работали тихо, переговариваясь "лайном", словно боясь громким словом потревожить покой мертвых.

Выгоревшая на пару километров степь, с обугленными останками зверей, людей и редких деревьев давила на плечи и забивала все органы чувств, разом.

Пришлось допить кофе одним глотком, смывая горячим напитком пепел и запах, так и лезущий в нос.

— Снова, Сапфирр? — Поинтересовался я у шефа, стоящего поодаль, спиной ко мне и разглядывающего заснеженную вершину Килиманджаро.

— Нет. — Шеф развернулся. — Сапфирр уже три месяца как утих... Надеемся, что больше мы о нем и не услышим — нашим удалось решить уравнение его появлений... А здесь ты видишь утерянный боеприпас HEW-94\2. И упавший самолет. И, не вовремя проезжавшую вооруженную колонну правительственных войск...

— Шикарный "Нескафе" заварился... Я бы даже сказал — "Strong"! — Скривился я, понимая, что моя сладкая жизнь закончилась. — Последний раз, HEW я встречал в 2014. Тогда же, их сняли с производства, как нестабильные. Последний боеприпас размонтировали при мне, лично.

Шеф склонил голову, прислушиваясь к чему-то другому.

Шум нарастал, от края поля в нашу сторону.

"Боже!" — Взмолился я, от всей души, искренне и честно, — "Только не выжившие! Пусть только не они!"

В этот раз седой дедок на облаках мне подыграл — оказалось не выжившие — свидетели.

А вот свидетели это очень хорошо, это очень здорово! Свидетели, это самое важное, что может быть в нашем деле!

Даже такие мелкие, черные и не говорящие по-английски!

Шеф, видя, что я уже настроился на работу, забрал у меня из рук чашку и сделал приглашающий жест рукой.

Основное мое занятие, исключая пары — тройки "активных полевых работ", это сбор данных, их первичная обработка и анализ — ничего сложного, если знаешь суть — подлую суть человеческой натуры — все и всегда не то, что кажется.

Вот и с этими тремя выжившими — шаманом племени по имени Мтуве, его новой женой Лвани и учеником Мтабе — работать было просто любо-дорого!

Шаман, из "мертвых", встретившись со мной взглядом, попытался взять меня в оборот, но получив по рогам — в самом прямом этом смысле этого слова: в своем воображении шаман считал себя сыном буйвола — раскрылся и позволил отсмотреть все увиденное его

глазами. Ученик был сама бездарность — даже среди людей своего племени — но был сыном вождя, а это уже накладывает отпечаток, знаете ли.

Самым интересным свидетелем была девушка.

Привязав к себе взглядом эту черную красавицу, опешил — красавица оказалась иммунна к любому воздействию "конструкта"!

Внимательно изучив девицу всеми своими слабыми возможностями, сделал самое простейшее, чему учился — резко хлопнул в ладоши, у нее перед носом.

Пока чернокожая отшарахивалась и летела пятой точкой к земле — успел сделать два дела: поймать это тщедушное тельце и просмотреть ее глазами, события.

Появившихся в деревне военных шаман боялся хуже огня и потому увел "своих" за пяток километров — отсидеться в тени оазиса, в давно выкопанном убежище, специально заготовленном для таких случаев.

В последнее время Вождь племени все жестче намекал, что пора старому и власть передать — 21 век на календаре и не время для старого мира! Шаман пока отбивался, по мелочам помогая односельчанам: корову найти, дождь притянуть, саранчу отпугнуть — да мало ли чем может помочь хороший шаман своему племени.

Вояки, приехавшие в деревню, шаманом не интересовались, сразу двинувшись к вождю и что-то с него требуя.

Очень громко, требуя.

Именно тогда шаман и вымелся прятаться.

Ученик, хоть и сын вождя, но последовал за учителем. По размышлениям шамана — не просто так: если папу грохнут — племя уйдет под сыночка. Так что тут, как ни крути, только плюсы.

Самого взрыва шаман не видел — придремал, утомившись от утех.

Из сладкой дремы его вырвал пронзительный стон покидающих грешную землю односельчан.

Вырвавшись из пещеры, шаман только с ужасом рассматривал стену пламени, высотой до неба, что отгородила его, от его паствы.

По ощущениям, пламя пожирало деревню несколько часов. То, что выживших нет и не будет, шаман прекрасно знал.

Девушка взрыва не видела — отмокала в воде, радуясь неожиданной свободе от ежедневных дел.

Зато знала она кое-что другое: вождь племени обещал воякам передать два десятка молодых воинов, в обмен на оружие. А еще, какая-то странная тайна витала в семье вождя, наводя ужас на всю деревню.

Жены вождя, все четыре, родив по одному ребенку, больше не рожали. А сам вождь, в свои полсотни лет, оставался полным сил и властности, словно выпивая женское здоровье.

Ходили всякие слухи, так что Лвани только радовалась, что досталась старому шаману, а не вождю или одному из его сыновей.

Мало того, Лвани видела странный предмет, что в день ее десятилетия, принес в село вождь. Принес тайком, старательно обмотав шкурой и завязав дорогой веревкой.

Ноги вождя оставляли глубокие следы на влажной после дождя земле, а вены на лбу грозили лопнуть от натуги.

Хитрая девчонка проследила за вождем и любопытствовала, что же он принес.

Маркировка "NEW-99\02-01F" отпечаталась в детской памяти, гарантированно добавляя

мне кучу проблем.

А вот сын вождя, в отличии от всего, что о нем плохого надумал шаман, просто-напросто последовал за своим наставником.

Парень уже давно понял, что стать вождем племени ему не светит — нет той харизмы и силы, вот и плыл по течению...

Проспав не только взрыв, но и все, что за этим последовало...

Впрочем, интересное знал и он — в переговорах, подслушанных между матерью и другими женами, стало понятно, что вряд ли он вообще — сын вождя...

Передав свидетелей санитарам и особо указав на девчонку, пошел бродить по обгорелой округе, собирая факты в плотный ком, готовя будущий доклад.

Доклад не срастался.

И не собирался.

Все, что можно было развернуть и вывернуть — при ближайшем рассмотрении оказывалось... Сложно связуемым...

Бродя по пепелищу, добрался до места, где рухнул самолет.

Судя по обшивке — что-то маленькое... Но не винтовое... И не боевое, вроде бы...

Эксперты шипели, плевались и косились на меня, как на вампира или прочего упырявичуса...

Ну да, я ходил и заглядывал во все щели. Иногда, пытаясь сдвинуть ту или иную часть обшивки с места.

За мной тянулась цепочка отпечатков в быстро оседающем пепле.

Часть обломков все еще были горячими и, схватившись, я шипел и плевался, ругая себя за собственный идиотизм.

Ковыряясь среди всех этих обломков, я пытался понять, что же это за самолет — куски никак не хотели складываться в целое, ускользая от моего внимания и понимания.

Судя по тому, что все лежало компактно — самолет грохнулся о землю одним куском.

Отсутствие кратера вопило о "мягкой посадке", небольшой высоте падения и отсутствии взрыва...

Странное хвостовое оперение, уцелевшее частично, больше подходило...

— Уважаемый! — Поймал я за рукав пробегающего мимо эксперта. — Что за самолет гробнулся, никак не пойму...

— Поймете — нам скажите... — Эксперт остановился рядом со мной и потянул из кармана пачку сигарет. — Уже второй час разбираемся... Моторы — однозначно — роллсовские... Сам, ближе к локхиду. А компоновка — типичный made in China! Смесь дворняжки с носорогом...

Выпустив клуб синего дыма, эксперт тяжело вздохнул и протянул мне пачку.

— Не моторы, бы... — Он шмыгнул носом, — сказал бы, что это еще советский "Грач"... Сильно похож. Очень сильно!

— Либо самолет прошел модернизацию... — Задумчиво почесал я ухо, отмахиваясь от предложенных сигарет. — Спасибо. Бросил.

— Модернизацию?! — Эксперт поперхнулся табачным дымом и уставился на меня, как на идиота. — Кому оно надо?! Старье... Проще утилизировать, чем модернизировать! Впрочем, сейчас проверим...

Развернувшись на 180 градусов, мужчина скрылся за обломками самолета, пытая сигаретой.

"Динь-динь".

Я заозирался вокруг, в поисках источника звука.

Звук точно шел не от самолета — это зрение у меня не очень...

Опустившись на колени, принялся разгребать пепел, тщательно просеивая его между пальцев.

Звук не повторялся, но он был. А значит — надо искать.

Пропахав на коленях круг диаметров метров в пять, вернулся на то место, с которого начал поиски.

Закрыв глаза и расплылся по горелой степи тонким слоем чувствительных нервных окончаний.

Такому не учат — либо ты находишь такое решение сам, либо отмораживаешь колени, ползая по снегу в поисках упавшей вещи.

Это даже не "конструкт" — это обострение собственной чувствительности. Жаль, очень болезненное и энергозатратное.

Когда-нибудь, я обязательно потрачу на него много-много времени и доведу до совершенства.

Каждое мое нервное окончание чувствовало пепельное поле, как свой организм.

Вот, например, один из экспертов сплюнул набившийся в рот пепел, на обгорелую землю... А кожа почувствовала прикосновение влаги. Второй эксперт поднял часть обшивки, снимая верхний слой кожи с другой руки. Их шаги чувствовались как топоток таракана или паука, воткнутая в землю лопатка — как удар ножа. Все отчетливо и очень больно.

Сделав два шага, опустился на колено и прислушался.

Снова встал и перешел в другое место.

Снова обратился в слух.

Вернулся на шаг назад, опустился на колено, почувствовав под ним твердую металлическую обшивку самолета.

Открыл глаза.

Мир рассыпался на яркие вспышки, кружащиеся перед глазами.

Переждав их, вдохнул пыльный воздух, пропахший гарью и горелым мясом.

Поднял кусок металла и отложил в сторону. Погрузил руки в пепел, сжал и потянул добычу на себя.

Еще не разжав руки, уже знал, что мне "приплыло".

Часы с обрывком металлического браслета.

Очень массивного браслета.

И очень дорогие часы.

По серийному номеру этой модели всегда легко найти владельца.

А уж серийный номер этой модели...

Откуда я знаю такие подробности?

Детская мечта, потому что...

"Сайд, выводы!" — Шеф, внимательно наблюдавший за мной, потребовал отчета. Так всегда — времени на аналитику оставляют чертовски мало, а потом бегают и махают руками — плохо работаете...

Поймав за рукав пробегающего эксперта, потребовал себе ноутбук с выходом в сеть и жестом показал шефу — пять минут.

Шеф в ответ кивнул и принялся пытаться других.

Чем прекрасна моя работа — я научился правильно задавать вопросы.

Там, где простому смертному на поиск информации придется потратить вечер, а то и не один, мне — пара минут. Большинство форумов и закрытых поисковиков, на правильный вопрос дают ответ правильный ответ.

А уж если одними сидят "наши"...

Пользуясь своими логинами, полез напрямую в три форума и через пятнадцать минут сидел в тихом офигении. Или офигивании?

Ответы мне не понравились.

Пришлось вновь "общаться" со свидетелями.

Чувствуя, что левый глаз стал невольно подергиваться в нервном тике, придержал его рукой.

"HEW-99\02-01F" превратился в "NEVV-99\02-01E", что и требовалось доказать!

Детский глазок цепкий, только запоминает не то что есть, а то, что хочется. Меня буквы и подставляя более легкие, для детских мозгов, символы. С годами, память чуть мутнеет и...

"Сайд?"

— Босс, — я подошел к нему с ноутбуком и предложил прочесть с экрана, чтобы не озвучивать свои находки.

Судя по озадаченному виду, найденное шефу тоже не понравилось.

— Лукас! — Шеф захлопнул ноут и подозвал главного в орде экспертов. — С самолетом разобрались?

— Модифицированный "Грач" — Су-25. Произведена замена двигателей, большинства приборов, полное разоружение. Причина падения — пока не официально — отказ двигателей. — Лукас задумчиво поправил очки и потер нос, оставляя грязные разводы на верхней губе. — Вооружение сняли, а броню оставили... Странная какая-то конверсия...

Шеф развернул ноут и ткнул пальцем в экран.

— А, что — похоже! — Эксперт обрадовался, а затем, прочитав пояснение, побледнел. — Самолет химической, геологической и геофизической разведки?! На базе штурмовика?! Не слишком жирно?!

— И удрать — сможет, — Начал перечислять я, загибая пальцы, возможности штурмовика. — Маневренность, живучесть, бронирование, хороший диапазон скоростей — что еще надо?

— Человека, который купит такой самолет! — Лукас продемонстрировал верх невежества эксперта. Мне даже стало его жалко — шеф таких даже не ест — ноги вытирает.

— Зачем покупать, если можно взять в аренду? Вместе с пилотом? А судя по часам, зарабатывал пилот очень даже не маленькие деньги — серийный номер точно указывал на ограниченную партию, стоимость которой начиналась от 45.000...

Шеф погрозил мне кулаком, за мой длинный язык, но меня уже несло: — Да и самолет, скорее всего, принадлежит либо государству, либо...

— "Группа химических корпораций"... — Лукас мне начал нравится, своей быстрой реакцией. — Тогда понятно, зачем заменили двигатели — топлива хоть... ешь, а летать над Европой, можно только на высококачественном... Все сходится. Долетались... Осталось понять, что же здесь горело.

И снова шеф ткнул в экран ноутбука, сменив страницу в браузере.

— Чушь! — Лукас прочитал содержимое и возмущенно засопел. — Профанация! И спекуляция, на безграмотности населения! Где вы видели, последний раз, нейротоксины, я Вас спрашиваю?

Шеф дернулся заткнуть меня, но не успел.

— В прошлом году. "Огненный Змей". — Усмехнулся я. — Почти четыре тонны "дихлофоса" и восемьсот литров "Цеерикка-2". Еще вопросы?

— Сайд... Заткнулся бы ты... Болтливый... — Шеф скривился, зная, что я все равно буду поступать по-своему. — Еще есть что добавить?

Я почесал затылок, наморщил лоб и уже был готов расписаться в собственном слабоумии, как меня осенило: — Лукас, а Вы эксперт в каком направлении?

— Парапсихология... — Вызывающе уставился на меня мужчина, ожидая смеха или шуток, в свой адрес.

Ага, сейчас, дождется, как-же!

— Сильный выброс некросферы? — Уточнил я, глядя в глаза шефа.

— Умный, слишком... — Шеф расплылся в улыбке. — Тормоз, правда, но — умный...

Как всегда, самое интересное, хитрый шеф оставил на закуску.

Еще раз рассмотрел погорелье.

Две, три сотни жертв, просто не могли дать импульс — мало количество разумных — раз. Слишком быстро — два. Слишком велика площадь — три!

Озвучив свое выводы, замер — шеф и эксперт довольно потерли и пожали друг другу, ручки. Шефу, для этого, пришлось поставить ноут на землю.

— Отдашь? — Лукас смотрел на меня, как на аппетитный кусок шашлыка. — Поменяю, если что...

— Не... Такая корова нужна самому! Как же я смогу тебя уесть, в следующий раз?

"...Знаете, что я Вам скажу... Сволочи эти Великие люди! Все, как один — Сволочи! Издеваются над простыми смертными, обзывают нас и мы же еще виноваты! Вот, уйду я от Вас, на болота и объемся жабобят!..."

Фыркнув своим собственным мыслям, собрался ретироваться — часа два уже прошло, и дома, наверняка, уже паника.

— Стоять! — Вопль Лукаса больно ударил по ушам, притормозив мой разгон. — А подписка? А — доклад? А, черт возьми...

— А он — внештатный, ему не положено! — Добил эксперта, шеф и провесил для меня проход. — Чашку забери!

Я знал, что шеф шутник, но... Не на столько же!

Проход завершился в ванне.

И, судя по кафелю — не в моей квартире. И, судя по сантехнике — даже не в той стране.

Очень плохие предчувствия обуревали меня.

Обуревали — обуревали, да и обурили...

Выйдя из ванны, оказался в очень знакомом номере. Мягкий серо-голубой ковролин на полу, двухцветные стены — салатные и нежно-голубые, медового оттенка потолок и здоровенные, во всю стену окна, выходящие на шумную площадь.

Отель "Маджара".

Ненавижу!

Вот и докопались, мои работодатели, до первого второго дна...

В спальне послышался подозрительный звук — вскрик.

"Здорово. Меня, сюда, еще и не одного, поселили!" — Я поставил свой бокал на подоконник и пошел проверять источник шума.

Источник шума оказался мне хорошо известен.

Марша.

Едва я успел закрыть за собой дверь, как в нее влетела подушка. Следом, что-то еще. Зная характер моей будущей супруги и издаваемый звук — та самая библия, которую кладут во все номера, как единственное чтиво на ночь.

Досчитав до тридцати, потом, для верности, еще раз — снова открыл дверь.

Марша уже успокоилась, библия действительно лежала у двери и подушка валялась неподалеку.

Если шеф таким образом давал мне понять, что мой отпуск в академии кончился, то у него это получилось.

Повинившись, обняв и поцеловав, выслушав все, что обо мне думают и удостоившись ответного поцелуя, мир в семье пошел на поправку.

Может быть, мы бы и дальше пошли, "мир в семье восстанавливать", только покашливание с кухни нас в этом начинании жестко обломило.

За кухонным столом, водрузив на него ноутбук, уже сидел шеф и хмурился.

Марша, как образцовая европейская жена, засуетилась на кухне, заваривая кофе.

Я уселся напротив.

— Мир? — Шеф протянул руку.

— Мир. — Со вздохом решил я и пожал ее. — Только... Стволы, верните...

В дверь номера постучали и Марша выскользнула открывать.

— Шеф... Я Марше хотел на свадьбу, пару пистолетов... — "Борзеть так борзеть!"

— Завтра Усян будет. — Заверил меня шеф и усмехнулся. — Парные, хоть?

Мой маленький бзик, на грани большой истерики, знали все — я всегда предпочитал парность. Особенно — в оружии.

Пришлось кивнуть и улыбнуться — Мир, он такой, он, стоит того!

Помогая Марше расставлять жратву на кухонном столе, заметил еще одну особенность — ноутбук, на столе — старая модель, еще начала 2000-х!

Шеф сам выставил на стол бутылку красного вина и хрустальные бокалы.

Марша насторожилась.

— Марша. Познакомься. Это — Людвиг Ван Слоук, мой шеф. Еще та язва и очень тяжелый в общении человек. Признаюсь сразу — я его не понимаю и оттого всегда держусь на стороже...

Шеф отмахнулся от моих слов, пожал плечами и разлил вино по бокалам.

— За знакомство. — Не громко произнес он, и я почувствовал, как напряглась Марша.

Сделав по глотку, мы отставили бокалы в сторону — появление в номере шефа, притаившего сюда же Маршу, старый ноут на столе...

— Марша. — Шеф сложил руки в замок и криво улыбнулся. — Примите мои поздравления, во-первых. А во-вторых — в некотором смысле — соболезнования: ваш будущий супруг, покидает территорию академии, возвращаясь к своей непосредственной работе. Как ты понимаешь, спокойная жизнь у вас закончилась.

Это обращение на "ты", скажу сразу, мне не понравилось.

— Работать в академии, теперь придется Тебе. — Шеф уставился на мою невесту и

подмигнул. — Твой диплом все еще имеет силу, а попутно, будешь вести тир — идея хорошая и очень нужная... Время становится не спокойным и студням нужна уверенность в своих силах. Сайд... Передашь ей коды "схронов" и все "памятки".

Марша что-то попыталась сказать, но шеф погрозил ей пальчиком и моя красавица умолкла.

Я — едва не впал в кому — куда мир покатился?!

— Это не вербовка. — Отрезал шеф. — Это — рокировка. Твой супруг нужен на своем месте... А ты — на своем... Из него получился очень плохой боевик, так что, обещаю, что по "горячим точкам" он шляться не будет. Думаю, тестю все лучше рассказать...

Шеф подмигнул мне и встал из-за стола.

— Провожать не надо! — Уникальный проход шефа принял его в свои лучистые объятия и растворился, оставляя нас наедине.

— Что скажешь? — Я положил локти на стол и уставился на слегка "подвисшую", Маршу.

— Утро — вечера мудрее! — Отрезала она и потянула меня в спальню. — А у меня, глаза слипаются...

Староват я, спать по три часа... Стал...

Оставив Маршу в номере, прихватил с собой ноутбук и уже совсем было собрался открывать проход, как вспомнил одну незатейливую штуку... Ма-а-а-а-ленькую, такую...

Марша меня убьет, оказавшись одна в номере, в стране под названием "грётанная Бретания"... И без документов...

Открыл проход, пошвырял в него шмотки, завернул сладко спящую девушку в одеяло и прошел домой.

Матюгнулся, вернулся в номер и забрал ноутбук: такими вещами не разбрасываются. Даже если это и просто раритет 20-ти летней давности, то раритет — рабочий, а следовательно, раз побывал в руках у моего дражайшего шефа — чем-то очень интересный.

Спокойно осмотревшись по сторонам, прихватил свою чашку — она мне очень дорога и отсалютовал стране, чьё словоблудие уже не раз становилось боком всей Европе.

"Англичанка гадит" — Гимн внешней, тайной внешней политики этой страны. Два слова, объясняющие возникновение терроризма, взрывы и обе войны.

Вернулся я очень вовремя: Марша искала на ком сорваться, так что — нашла. Слово за слово, мы слегка размялись, расцеловались и не став будить гостей, упылили на работу.

Усян появился ближе к полудню, по виду — точно такой же, как и я. То есть не выспавшийся и недобрый.

Студни, попавшие под прицел его карих глаз, спешно делали вид, что у них много дел, а студентки, собирались в кружок, подготавливая нападение по всем фронтам.

Метис Усян, смуглокожий, с прищуром глаз бывалого зверобоя, улыбкой матерого мачо и стрижкой "Бригада", выносил женские сердца пачками. Четырежды женатый, с опытом в любовных похождениях, о которых ходили легенды не только по аналитикам, но и по "полевым" бригадам, он окинул девушек таким взглядом...

Стрельба глазами снайпера элитного подразделения!

Тушки так и отпадали...

— Привет. — Хмурый Усян протянул мне вместо пожатия, металлический дипломат. — Самому забрать не судьба? В гости зайти, пивка глотнуть? Обязательно через шефа надо было? Что, как не родной...

Дождавшись извинительного разведения рук, мой земляк потянулся, хрустнув, кажется, всем своим скелетом.

Тушки посыпались, как пельмени в кипяток...

— Веди, куда надо... — Оружейник всея "Фемиды" прищурил глазки, и так больше похожие на смотровые щели в танковой броне и поиграл плечами, демонстрируя свое идеальное физическое состояние.

Все. "Пельмени" всплыли, пора вытаскивать...

Затолкав распутившего перья Усяна в лифт, сполз по стеночке — если так на него реагируют наши студентки, то, что ждет его у медиков?! Или, упаси боже, у филологинь, с химическим уклоном?!

Порвут же, ей-ей, порвут!

Предупредить бы...

Но не успел.

В лифт вошла Альба.

Увидев так близко блондинку, "восточный мужчина" поплыл.

Пришлось уронить ему на ногу дипломат — Альба, смуглых просто ненавидит, до дрожи душевной и насылания поноса...

Распростившись с белокудрой мечтой на втором этаже, Усян пожелал мне множества добрых дней — дипломат весил около пяти кг.

В тир мы вошли поменявшись ролями — теперь уже улыбался я.

Да и сложно удержаться от улыбки, объясняя человеку, что с ним сделает эта хорошенькая блондинка, если он просто протянет к ней руку.

Особенно прекрасно смотрелся наш "восточный Казанова", когда до него дошло, что ""конструкт" Баварцевой", которым он так любит пользоваться при выборе и подгонке оружия — принадлежит именно Альбе и разрабатывался совершенно не для этих целей...

Внимательно осмотревшись, Усян довольно прищелкнул языком.

— Дорожек — десять? — Сразу взял быка за рога, специалист в его душе. — Сто метровые есть?

— Есть, — успокоила его Марша и на мгновение прижалась ко мне, мазнув губами по щеке. — И сто метровые и даже две — двухсотки, намечаются... Если помогут...

— О чем речь! — Усян тут же сбросил весь свой налет "мачизма" и собрался, приготовившись взяться за работу. — Сейчас, все посмотрим и решим...

— Сперва, — поспешил я утихомирить этот порыв восточного ветра, — "Хозяйке" стволы присмотри. А я, пока, пойду, свои припомню...

В дипломате, как и договаривались, оказались оба моих Р2000-х, с удлиненными обоймами и полной сбруей.

Привычно нацепив все по своим местам, проверил и зарядил пистолеты.

Убрал их и замер, вспоминая ощущения.

Ух, как гонял меня Усян, вбивая эти навыки...

Ругался, плевался ядом, грозился отобрать оружие и выдать вместо него — швабру...

Едва мишень покатила в глубину дорожки, то прячась в тени, то попадая под свет — дорожка относилась к "сложным"- пистолеты сами оказались в руках, выплевывая тренировочные заряды.

Мишень, разлохмаченная тремя десятками выстрелов, спланировала на пол. На встречу мне, заскользила новая.

Выпали пустые обоймы, брякнув по столу — перезарядка, не смотря на то, что по одному патрону еще осталось... И вновь, полетели клочки в разные стороны.

На дорожке слева от меня, кто-то встал в позицию и нажал на спусковой крючок.

Раскаленная гильза дважды отрикошетила от стен и перелетела через верх, в мою сторону.

Принял ее на рукоятку левого "ствола", отправляя вдоль линии огня, и в два выстрела загнал в самый дальний угол.

Затворы встали в крайнее положение — тренировка окончена.

Слева продолжали стрелять...

— ... Что думаешь? — Два старших Бога потягивали нектар и внимательно рассматривали, как за двумя непутевыми парнями, гонятся две, не менее непутевые девицы, азартно горяча собак и ругаясь совершенно неподходящими для девичьих губок, словами.

— Дети... Что с них возьмешь? — Пожал плечами Юпитер и щелкнул пальцами, поправляя экран, на котором Фемида, догнала Воя и наградила его славным тычком — весами в спину.

Тор, закусив конец поредевшей рыжей косы, сделал резкий поворот, подхватил своего собутыльника и удвоил скорость.

Он бы ее и утроил, но мешал хохот...

Фимка нашла свои весы, но... Старина Гефест с ними не заморачивался и взвешивать на них теперь можно было только навоз...

О деяниях, поступках и прочей чуши, можно было забыть — от весов разило серой, несло хлором, а буде у окружающих счетчик Гейгера, так еще и он бы добавил свое резкое "Fe"!

Да и цвет, свой прекрасный, серебристый цвет, весы утратили, став ядрено желтыми, с черными вставками, точнее — пятнами.

Вой, в кои-то веки, поймел глупость сказать, что женские руки и не такие кастрюли до блеска полировали...

Ретивые сердца двух богинь не выдержали...

Диана спустила всех собак и взялась за лук.

Фемида, чей меч так и не нашли, ограничилась первым, что попало ей под руку.

— Брось меня, брось... — Уговаривал Вой друга, запинаясь от смеха. — Уходи сам... Пока можешь...

— Своих не бросаю! — Тор тянул друга придерживая за талию, лениво отмахивался от собак молотом. — К тому же... Если я Тебя брошу, кто Фимкин меч искать будет?!

— Тоже мне, друг называется... — Глубоко вздохнув, Вой отстранился и вывернувшись из-под руки, вырвался вперед. — Вояка, рыжий!

— Зато у тебя — спина — белая! — Парировал Тор. — И желтая. И, немножечко — коричневая... Особенно ближе к заду...

— Комики... — Суровость Одина, вошедшая в легенды и мифы, была сильно преувеличена. Нельзя быть Настолько суровым, владея мудростью... Надо и отдыхать уметь!

— А ведь я вспомнил! — Вой так резко остановился, что собаки пролетели мимо, едва не сбив его с ног. — Нам обратно надо!

Развернувшись, Вой поднял голову и оказался на земле, с визжащей Дианой на груди, сбившей его с ног.

Следом, на подругу, приземлилась Фемида и Вой взвыл в самом прямом смысле этого слова — от тяжести двух богинь, ребра затрещали.

Тор, оглянувшись, сглотнул тяжелый ком и пошел сдаваться — спасти друга, даже от двух девушек, дело святое! А там, может быть, глядишь, и чего еще обломится... И даже — хорошего. Или — не совсем плохого... О приятном, мечтать не приходилось...

Помогая девушкам встать, Тор даже слегка завидовал "брюнетику" — сразу двое, точнее — две, сверху.

Собаки уже понимая, что это не охота, а веселая возня и игра, прыгали рядом и мешались, так и норовя залезть под ноги. Или подсунуть, под тяжелые божественные ступни, хвост или лапу.

Вздернув Фемиду, молотящую Воя чашками от весов, на ноги, рыжий джентльмен отобрал грязные орудия избиения друга и забросил их в кусты.

Ткнул пальцем Фемиде в грудь и грозно буркнул: "Стой смирно!"

Диана от Воя отрываться не желала — никакими усилиями, вцепилась так, словно моль, в последний лоскуток шерсти.

"Недоперебог" Вой вел себя так же неадекватно — держал Диану за талию, на вытянутых руках и не отпускал, не смотря на все просьбы друга.

"... ую!" — Вычленил божественный мозг рыжего воина последний слог, вырвавшийся из горла "Охотницы" и руки сами принялись отдирать девушку еще старательнее.

Расцепив руки той и другой стороны, Тор поставил Диану рядом с Фемидой и по привычке, отряхнул налипшую на подол и грудь платья, хвою, сбивая ее рукой.

Пощечина обожгла щеку и проехала по носу, украшая лицо ровной строчкой кровавых царапин — реакция у Тора, после пробежки была, прямо скажем, так себе...

Собаки собрались у ног своей хозяйки и оскалили клыки, защищая.

Вой выпрямился, охнул, тяжело вдохнул и выдохнул, приходя в чувства.

— Спорим, не подерутся? — Юпитер любовался раскрасневшимися от беготни, дочками. — Хороши, получились...

— ... Где мой меч? — Фемида уперла руки в боки и пошла танком на Тора. — Ну, два алкаша, с божественными...

— Отпечатками на всю морду! — Диана вступила в беседу, сделав шаг... В сторону Тора! — Еще хотите?

Вой хрюкнул и приготовился бросить друга в беде — мечущие молнии, глаза двух сестричек ничего хорошего им не сулили.

А Тор, по крайней мере, лук Диане не ломал... Да и с мечом, все не так просто — Вой вспомнил, что его точно не перековывали, но ведь они же потом куда-то пошли еще?!

Тор, тоскливо шмыгнув носом.

Ситуация складывалась непонятная...

Самое обидное, что она складывалась именно так, что ничего Он понять в ней не мог.

Вот, почему, сейчас, обе богини намерены бить именно его? А не, заварившего всю эту кашу, Воя?!

Подхватив Тора под обе руки, Диана и Фемида замерли, открывая портал.

— Твой рыжий собутыльник побудет у нас, пока не принесешь меч, починешь лук и... — Диана замерла, придумывая третье дело.

— И не почишишь мои весы! — Вклинилась Фемида.

У самого портала, Диана обернулась и подмигнула Вою с самым неприкрытым обожанием.

Портал, поглотил и собак и троицу, оставив на поляне, стоящего молодого человека, на лице которого не осталось ни следа улыбки.

Особой озабоченности на нем тоже не читалось — так, какая-то расслабленность, словно актер, только что отыгравший очень сложную роль.

Помахав рукой, брюнет хлопнул в ладоши, окутался ярко-зелеными молниями перехода и исчез, оставив на поляне лишь запах озона...

— Не знал, что он так умеет... — Покачал головой Юпитер — громовержец. — Век живи...

— Да... — Один привычно огладил свою седую бороду. — Многогранная, личность... Ох... Что-то мы упускаем...

Кто сказал, что свадьба это круто?

Плюньте этому человеку в лицо, черт возьми!

Уставший жених, вымотанная невеста, замордованные родители и гости, уже через два часа забывшие, зачем же они здесь собрались!

"Покатушки" по торжественным местам города, оператор и фотограф, уставшие хуже собак.

"Не наступай на платье", "Помада разъехалась", "Туфли жмут"...

Десять тысяч причин, по которым, после свадьбы проще сразу пойти и развестись.

Узнаешь Так много нового о избраннике\избраннице своего сердца...

Возможно, когда тебе лет 18–25, все это кажется, так... Волнующе...

Но в сорок, в сорок лет, волнующим кажется тот факт, что ты вообще — женился! Без всяких церемоний, костюмов и операторов.

На нашей свадьбе, все, с самого начала, встало с ног на голову — Усян повздорил с оператором, обозвал его питекантропом от синематографа и... В результате — самый первый камень на нашем пути к браку, оказался в два раза выше: Усян и оператор поспорили, чья съемка окажется лучше.

Потом тесть устроился за рулем и мы с Маршей поняли, что отсутствие ремней в катафалках, простите — лимузинах, очень существенный технический недостаток!

А когда, чуть позднее, мне сказали, что ремень демонтировали за ненадобностью...

Официальная часть у нас была назначена на 13:00.

"Покатушки" рассчитывались минут на сорок, максимум — час.

С двух до пяти — в кафешке, а там... Пора и честь знать, гости дорогие!

Пока я любовался рыжими волосами моей, теперь уже — жены, по дороге с официальной части, все было просто замечательно.

Когда Усян, на перегонки с оператором, кружил вокруг нас не хуже акулы — тоже все казалось нормальным.

Даже экстрим-вождение тестя, было лишь чуть страшно, но не более того...

"Полярный лис" подкрался, когда мы приехали в кафе.

Во-первых, поздравить молодоженов прибыл президент академии. С супругой.

Во-вторых, выяснилось, что зал, который мы забронировали для "тихой и домашней свадьбы", оказался размером с половину стадиона...

Спасибо тебе, Алисонька! Видимо, шоколадки так подействовали...

В-третьих, как выяснилось, зал арендовали на сутки...

Сведя плюсы и минусы, я в который раз обрадовался тому, что при длине моих волос в четыре миллиметра, не видно, стоят они или уже лежат. И не шевелятся...

Обрадовав жену всеми этими новостями, предложил, на выбор, два варианта развития событий:

Вариант первый: Сидим очень тихо и не рыпаемся. Авось пронесет.

Вариант второй: Сматываемся очень быстро. Авось пронесет.

Пока Марша принимала решения, народ потребовал демонстрации свадебных подарков.

Пришлось моей половинке вскрывать укутанную в бархат цвета царского пурпура, тяжелую коробку, в которой, в синих сафьяновых объятиях, покоилась пара QSZ -92 и две обоймы с остроконечными пулями.

Красавчик Усян, успел за сутки довести их до ума, украсить позолотой и гравировкой, с поздравлением от меня.

Когда Марша зарядила оба пистолета, звучно клацнув затворами, народ малость протрезвел и только проорал "Горько", в ответ на её заявление, что свой подарок я получу без свидетелей.

Не знаю, кому как, а мне в этих словах померещилось нечто угрожающее...

В семь вечера, я перекрестился, что не стал пить, что забрал у Марши оба пистолета, что тесть готов, что "корветик" стоит у черного входа и что капитан Персва у меня в гостях.

Угадаете, что случилось?

Ну, то, что драка, это и ежу понятно...

И, что, на русской, что на ирландской свадьбе — драка уже заранее оплачена — тем более!

А виноват во всем — дебил Фред, который приехал спасти "любимую женщину из застенков КГБ!"

Маршу я успел удержать, благо она сидела рядом.

А вот тестя удержать не смог никто.

Да. Правду шепчет история: "Боевики бывшими не бывают!"

Жизнь Фреду спас тот факт, что окно, в которое его выкинул тесть, оказалось открытым, по причине духоты...

Был бы цивилизный ресторанный зал — все, сел бы тесть, лет на пять — восемь, за пьяную драку, с отягчающими...

А не убери я оружие — села бы и жена.

Тем более, даже когда Фред уже "вышел", она все порывалась сделать "розочку" и добавить ему "шарма", на всю "морду лица".

Никогда не думал, что мой язык, настолько образный, живой и настолько мой враг!

Впрочем, на заявления Марши, все реагировали столь же неадекватно.

Усян, например, предлагал бутылку, мило улыбаясь.

Оператор гарантировал, что "удар снизу в челюсть" станет "хитом" его фильма о нашей свадьбе.

Никто не объяснит мне, чем я такое заслужил, а?

Уже понимая, что свадьба "вошла в русло" и остановить ее сможет лишь бомбардировка всего академгородка, я пошел на "использование служебных полномочий в личных целях".

Вот, как носом чуял, что мне обязательно потребуются трезвые "сообщники".

Георг подогнал "СтингРэя" к парадному крыльцу, я подхватил Маршу на руки и свалил, с этого праздника жизни...

— Понятно... За подарком поехал... — Озвучила мои действия Лиззи.

Очень громко, озвучила.

Хорошо, что крыльцо каменное и всего в две ступеньки.

Выйду на работу — отыграюсь.

На всех и по-полной!

Старая как жизнь, правда: "Пьяную женщину проще довести до оргазма, чем до дома", получила полное подтверждение в течении ближайшего получаса.

Видимо от всей нервной тряски, мою супругу было не узнать. И без того не самая спокойная, сейчас она стала самым огнем. Страшным, термоядерным, пламенем!

Хорошо, что ненадолго — всего на четверть часа, а потом она уснула на откинutom сидении, сладко посапывая.

Тому, кто угадает, какие были ее первые слова, по пробуждении — поставлю памятник.

Пластилиновый.

Бюст.

Наверное.

Пришлось останавливаться, доставать из багажника сумку с вещами и ждать, когда она переоденется в цивильное, убрав мятое и уже пыльное, свадебное платье.

— Еще одна "пьянка"... — Марша тяжело вздохнула и сделала глоток минералки. — И я подаю на развод!

Можно подумать, это я столько пил...

Впрочем, я наливал...

Так что, действительно, виноват.

До часу ночи мы катались в свое удовольствие, блаженствуя и радуясь простому осознанию того факта, что мы рядом.

"Корветик", серенькой птичкой парил над дорогой, развивая свою максимальную скорость, заставляя припозднившихся автолюбителей, креститься и шарахаться в сторону, со свистом пролетая рядом.

— Хочу за руль! — В голосе жены почувствовались такие стальные нотки, что я даже призадумался, а хорошо ли я знаю женщину, сидящую рядом?

Молчком, съехал на обочину и вышел из машины, уступая место.

Пока обходил, Марша уже с удобством устроилась на водительском месте и теперь сидела, закрыв глаза и прислушиваясь к ровному гулу работающего двигателя, положив обе руки на баранку.

— Коробка — механика. — Напомнил я, на всякий случай и пристегнулся, готовясь к неожиданностям.

Марша задумчиво посмотрела на меня, дважды прижала педальку к полу, рыкая

мотором и...

Через мгновение, "корвет", с пробуксовкой ушел в "старт", выбрасывая из-под колес гравий с обочины дороги.

Стрелка спидометра плавно и неотвратно легла на число 120 и замерла, подрагивая, словно в нетерпении.

Марша откинулась на спинку сиденья и замерла, словно изваяние, лишь руки на руле жили своей, едва заметной жизнью.

"Стингрей", чувствуя за рулем не привычного водителя, показал свой норов, уйдя в занос при слишком быстром повороте руля.

Удержавшись, не полез помогать — хотела, пусть рулит.

"Корвет" не "япошка" и уж тем более, не "Рено", с его "излишней поворачиваемостью". "Кобылы", у него под капотом, норовистые и злые, так и норовят огрызнуться или стряхнуть седока в кювет.

Тут уж либо ты почувствуешь машину, либо почувствуешь боль.

Марша сбросила скорость, снова привыкая к управляемости, на разных скоростях.

И вновь, газ в пол!

"Скат" получил шенкеля, закусил удила и довольно заворчал двигателем, принимая условия этой игры.

В полумраке авто, лишь изредка освещаемая светом фар встречных машин, да подсветкой приборов, Марша, с ее рыжими волосами, строгим лицом, с тенью улыбки на губах, казалась главной героиней давно нашумевшего фильма-боевика.

Тот же типаж.

Легкое движение руки, замершей на кнопке выключения фар и быстрый взгляд в мою сторону — что я решу?

— Доверие — дорога двухсторонняя... — Подмигнул я и сам нажал на кнопку.

Дорога пропала.

Секунда и засветилась разделительная полоса, набрав за день достаточно солнечного света, чтобы отдать его царице теней — Ночи.

"Корвет", вновь рыкнув мотором, рывком набрал скорость — почти уверен, что теперь стрелка легла на ограничитель и замерла там, пытаясь его проломить.

Долгих пятнадцать минут, в темноте, тишине и скорости.

Наконец, Марша нажала на тормоз, останавливая "корвет" прямо посреди полосы.

Покрышки оставили на асфальте черные полосы и выбросили клубы дыма, видимого даже в темноте.

— Я не буду Тебя останавливать. — Начал я отвечать на ее не заданный вопрос. — Я могу Тебя подхватить. Поддержать. Но остановить... Нет. Не могу и не буду. Считаю это моей блажью.

— Я — запомню. — Тихий голос моей жены, в салоне автомобиля, наполненного шумом работающего двигателя, был едва различим. Но я услышал.

— Придет время, — продолжил я, — и тебе тоже придется решить, для себя, будешь ли ты меня останавливать. Вот тогда и вспомни, мои слова. Пожалуйста.

Мы очень часто забываем о своих обещаниях.

Не важно, замотавшись на работе, заболев или просто-напросто, "переболев" человеком, которому дали слово.

На все воля случая и отметить его силу, не дано даже Богам.

Тронув рычаг, Марша увела "ската" на обочину и вышла из машины, теперь уже освобождая место за рулем, мне.

Перелазить через "коробку", с моим ростом, удовольствие ниже среднего, так что я тоже вышел, "подышать".

Марша уселась на капот и любовалась далеким блеском огней города, расположенного в котловине, под нами.

Я сел рядом и притянул ее к себе, огнями города — не согреешься...

Уже засыпая, в теплой и родной постельке, я расслышал слова, что прошептала Марша мне на ушко:

— Согласна. Ты — Главный!

Думаю, от моей самодовольной улыбки, можно было прикурить не один десяток сигарет.

Академия встретила меня улыбками и полупустыми аудиториями.

Схватившись за голову, помчался разбираться, что же случилось?

К моему ужасу, случилось именно то, на что я не обратил внимания, изначально: "... Пятьсот проказников и проказниц, в возрасте от восьми, до девятнадцати, лет..."

Слова Стеллы, сказанные ею в самом начале нашего знакомства, я пропустил мимо ушей.

А зря...

На зиму, самых маленьких, от 8-ми до 14-ти лет, отправляли в "ссылку", в "теплые края", подальше от морозов, снегов и прочих прелестей нашей родной природы и климатической зоны.

И вот сегодня, они возвращаются!

Затравленные глаза студентов, уже сейчас ищущих, куда бы им затарится от племени "молодого, незнакомого", обреченность на лицах преподавателей, замершая посмертной маской.

На мой дилетантский вопрос: "Неужели все так плохо?", Валентин пожал плечами и пристально посмотрел в небеса, разыскивая там нечто, видимое только ему.

Первый автобус с малышней-восьмилетками и их воспитателями, прибыл в десять утра.

Последний — в три часа дня.

Сто семьдесят детишек!

Моя группа, собравшаяся в аудитории, на мой взгляд несколько преждевременно, начала сочинять завещания.

Я полюбопытствовал, что же им есть завещать...

Млин, да самый нищий Уран, по сравнению со мной — Крез!

Государство тщательно обхаживает своих будущих чиновников и ведущих специалистов, выплачивая немаленькую стипендию, которую в нашем городке тратить особо не на что, да еще и снабжая всем необходимым, по первому требованию.

А еще есть доплаты от учреждений, с которыми студенты уже связали свое будущее!

Первые часы, маленькие заср... Детки, ходили строем и присматривались.

Потом началась шумная беготня, игра в футбол, на пока еще грязном футбольном поле и суета в коридорах.

Перекрестив своих учеников, отпустил им грехи и отправил по комнатам, может быть, хотя бы моё участие в их судьбе, послужит им слабым успокоительным.

Первый синяк заработала девятилетняя девочка, загнавшая котенка на дерево и

полезшая его мужественно спасать.

Я уже опускаю вопрос, откуда взялся на территории академии котенок, но как, как девятилетняя девочка забралась на дерево и упала оттуда, послужив ковриком для котенка?!

Студенты медики, ведомые нашим генералом от скальпеля, вооружили всех свободных и празднующихся лиц пилами, сучкорезами, топорами и отправили на "удаление нижних ветвей, в полтора человеческих роста, т. е. не менее двух с половиной метров"!

По аккуратным дорожкам полетели белые опилки. Ветки, с хрустом и шорохом, безжалостно обламывались и оттаскивались в кучи.

В которых, через полчаса, уже начали обнаруживаться играющие детки.

Я, со времен своей школьной жизни вынес, что любая школа, даже самая супер-пуперская, это — дурдом.

То, что я наблюдал сейчас — дурдом в кубе...

Жалко было деревья. Жалко было учеников. Жалко было даже детишек, которым пока, просто нечем заняться.

По глупости и простоте своей душевной, я пошел к президенту и все это ему и вывалил.

К пониманию пословицы "язык мой — враг мой", пришло понимание еще одной: "инициатива имеет инициатора".

Тут уже я озлился и призвал свою группу на помощь — фраза президента: "Такой умный? Тогда бери и делай!", пусть высказанная и не в подобной категоричной форме, тем не менее, имела место быть.

Призвав на помощь всю свою фантазию, легкую кавалерию в виде группы и тяжелую в виде генерал-майора, до темноты успели подготовить простейшую игровую площадку — маты из спортзала, мячи, обручи и прочая шарабудень, плюс физрук, штудирующий на ходу простейшие детские игры.

Воспитатели, прибывшие вместе с воспитанниками, с легкой совестью поаплодировали нашим стараниям и загнали детишек по комнатам — дрыхнуть.

Возвращаясь домой, под ручку с супругой, внимательно слушал и одновременно ужасался и восхищался, ее поведением: 13-ти, 14-ти летние подростки, узнав, что в подвале есть тир, отправились его искать.

Нашли две давно запертые двери, ведущие в подвал, вскрыли их, и по канализации, просочились до соседнего здания, где благополучно застряли.

Их не остановил даже тот факт, что вывеска "Тир" открыто висела... На соседнем здании!

"Нормальный герои, всегда идут в обход!"

Грязных "экстремалов", добывали студенты-техники, отмывали студенты-медики, а студенты-юристы вели душещипательные беседы, вызывая к разуму и здравому смыслу.

Так что завтра с утра, Марша ждала наплыва самых маленьких и... Молилась.

Из всего нашего разговора, мозг выделил две вещи:

Первое — надо проверить все свои "Закладки" и "Ухоронки"!

Второе — Тир становится местом весьма серьезным и хлопотным, так что, в помощь Марше нужен здоровенный амбал!

— Сайд! — Марша подловила меня именно в тот момент, когда я перебирал, кого можно под это дело "пристегнуть". — Ты меня слушаешь?

Сказать "Да" или сказать "Нет"?

Как легко было Винни, говорившему эти слова по очереди...

— И да и нет. — Признался я. — Прости, я завис на твоих словах, что есть пара больших залов и что тир, под учебными корпусами — дурная затея.

— Значит, слушаешь... — Марша облегченно вздохнула. — Есть корпус, блок лабораторий кафедры теормеха... Три этажа, с потолками по пять, семь метров. Бетонные перекрытия, армированные и укрепленные. Огромный подвал и все это — на скальном основании...

— Усян нас удавит... — Я вспомнил это здание, прячущееся за разросшимися деревьями — тополями, кленами, яблонями с одной стороны и отвесно уходящей вверх стеной холма — с другой.

— Усян там уже был. — Марша запорхала по кухне, разогревая ужин. — Он его увидел, осмотрел и... Ему там понравилось.

"Еще бы ему там не понравилось" — мысленно скривился я, — "две полных "закладки", в соответствии со штатным расписанием".

— Я и Анна, там уже были. — Марша на мгновение прижалась к моей спине и потерлась носом. — Завтра идем к президенту.

— Я поговорю с шефом... — Начал было я, но меня отвлек звонок в дверь.

Цветущий и благоухающий коньяком, Усян, стоял на пороге, удерживая на плече Лиззи.

— Доставка! — Буркнул он и лег на коврик.

Лиззи я успел подхватить.

— Вовремя я полы помыла... — Хихикнула моя рыжая и оперлась плечом на стенку, позади меня.

Уперев Лиззи в проеме двери, быстро обулся и потащил ее по месту жительства.

Восточный мужчина пусть слегка покемарит на коврике — его я доставлю во вторую очередь.

Тоже мне, взяли моду, чуть что — на порог моей квартиры, подкидышей подкидывать!

В квартирке Лиззи, на широком ложе, обнаружился дрыхнувший тесть.

На кухне — следы "продолжения банкета".

Из вредности, сгрузил Лиззи на кровать рядом с тестем — пусть завтра голову ломают!

По моим расчетам, им будет над чем поломать голову.

На всякий случай, чтобы лучше ломалось, достал из кармана пару презервативов, надорвал упаковку и оставил, один в спальне, а второй — в ванне...

Возвращаясь, ехидно улыбался.

Усяна на коврике не обнаружилось.

Марша, открывшая мне дверь, приложила палец к губам и утащила прямиком на кухню, делая "страшные глаза".

— Протрезвел? — Голос, доносящийся из нашей гостиной, принадлежал Виталию Борисовичу. — Вставай, джигит! У тебя много-много дел...

— У-у-у-уй! — Я с трудом узнал голос нашего восточного мачо. — Понял. Осознал.

— "...Оправдаю. Отслужу. Отстрадаю. Отсижу..." — Вспомнился мне Филатовский "Федот".

— Чувствую, плохо осознал... — Виталий Борисович уже сбавил обороты, но что-то мне говорило, что до конца экзекуции еще далеко. — Я тебя так далеко устрою, что...

— "Только не на Магадан — это мне не по годам. Я туда пока доеду, опасаясь дуба дам..." — Марша сердито фыркнула, но русский язык он такой... Образный...

Через десять минут, Усян действительно все осознал, а у меня закончились цитаты из

"Федота — стрельца". Марша вытирала слезы, от смеха и хлюпала крепкий чай, с сахаром, вприкуску.

Черт меня дернул, взять блюдечко и продемонстрировать уже ныне почти утерянное искусство пить чай с блюдечка...

Если вошедший Виталий Борисович просто пожал плечами, то Усян и Марша размером глаз затмевали всех виденных мною героев анимэ.

Но, какой же это кайф!

Так и всплывает в памяти крепкий стол, на котором исходит паром и дымком крутобокий самовар, с заварником на макушке, несколько вазочек с разным вареньем, баранками, желтым сливочным маслом — соленым и обычным...

Ау, детство, привет тебе!

— Этого орла... — Мой бывший куратор ткнул пальцем в Усяна. — Завтра верну. Если, еще раз... Замордую!

Открыв проход и запихав в него даже и не думающего сопротивляться, оружейника, он откланялся и наконец-то, оставил нас наедине.

— Это и есть — твоя работа? — Марша замерла, ожидая ответа.

— Это ее побочный эффект. — Я продолжал потягивать чай. — Они еще не привыкли, что я — женат. Я и сам, еще к этому не привык. И очень боюсь привыкнуть — тогда начнется рутина и быт. Дом — работа. Работа — дом. Цикл, из которого вырваться очень не просто — сперва страшно, а потом, враз засосало и все — серый мир из которого не убежишь.

— Ты уже был женат. — Утверждение Марши было не далеко от истины. Очень не далеко, но... В цель не попало.

— Нас "развел" расцвет интернета. — Я отставил блюдце в сторону. — И мой характер. Марша вопросительно вскинула бровь.

— Не в моем характере биться за человека, который хочет уйти.

— А, может быть...

— Не может, Марша. Пожалуйста.

— А, может быть, — упрямо продолжила гнуть свою линию моя горячая ирландка, — Может быть и к лучшему! Зато, ты — мой!

Ох уж мне этот русский язык!

— Твой, жена, твой! — Рассмеялся я с облегчением и давая себе мысленного пинка, впредь сперва дослушивать, а потом уже... Лезть в бутылку... — Весь, твой! Пошел я, посуду мыть...

Мне всегда легко думалось под шум воды и монотонную работу руками — уборка, мытье посуды, везде, где идет равномерный гул, равномерное движение — там я "пропадаю", теряясь в размышлениях. Которые, зачастую, устраивают со мной такие шутки, что потом хоть спать не ложишься — вообще!

Вот и теперь, пока мыл посуду, в голову пришла гениальная мысль...

— Марша... А если верхние этажи использовать для отработки слаженности команд? — Я отвернулся от раковины и замер. — Один можно сделать — для "детей", виртуальный... Заодно и действия, в случае "тревоги", можно отработать!

— Ты посуду моешь, или идеями фонтанируешь?

— Второе — третьему не помеха, если первое кончилось... — Вспомнил я любимое присловье одного своего знакомого. — Чертежи уже есть?

Над чертежами мы зависли до полуночи — если президент отдаст корпус, можно будет развернуться так, что от зависти лопнет и сам Усян...

А чтобы получить корпус, надо держать в рукаве пару-тройку козырей. И готовый план перестройки — один из них. Обоснование я писал уже один — Марша срезалась на третьем этаже и ушла разогревать чайник. Нашел я ее спящей за кухонным столом.

Ага, какие-то у меня "брачные ночи", совершенно от слова "брак"...

Отчаянно грызя ручку — неистребимая привычка, оставшаяся с первого класса и на всю жизнь — собирал разлетающиеся мысли и умещал их на бумагу, выстраивая ровными пунктами.

Всего получилось десять пунктов, которые, как железобетонной стеной, окружали будущий тир, загоняя его под нашу ответственность.

Утром я созвонюсь с шефом, переговорю с Анной и уже с тяжелой артиллерией пойдем на прием к президенту — "отжимать недвижимость", как сказала Марша, перед тем, как пойти за кофе.

Голова была тяжелая и мысли в ней, после второй ночи укладывания не вовремя, катались чугунными шариками, колотясь в виски, стучаясь о стенки черепа и бильярдными шарами встречаясь друг с другом.

Давненько я так не работал — даже соскучился, если говорить правду.

В нашем отделе, принято было все писать ручками — клавиатуры и прочий эрзац признавался только при подготовке пакета для дирекции.

Оставив папку на столе, смылся на работу, как всегда — без завтрака, что приводит Маршу в холодное негодование, но вариантов нет — я не сдаюсь!

В восемь утра, в апреле еще холодно, но на нашей детской площадке, десяток "малолетних" уже чем-то старательно занимался. Присмотревшись, выругался — двое, постарше, выкручивали из качелей болты и передавая часть приятелям, распихивали их по карманам.

Прислушавшись — выругался еще раз.

Детки решили поиграть в "Сталкера".

А болты нужны — правильно — для аномалий...

Бедные дети...

Ведь я в "Сталкера" играл...

Первые крики с детской площадки достигли моих ушей праздничной симфонией.

Пусть теперь пройдут первый квест, моего "Сталкера"!

А там, глядишь, я и еще, подкину...

В моем отравленном недосыпом мозгу роились страшные мысли.

Дети попали... В аномалию!

День промелькнул суетно и нестандартно — часть старших отлавливала младших, учила тех, кто постарше и любовалась теми, кто так и не смог выбраться из "аномалии". Преподы и воспитатели, утешали "заблудших", давали советы, но рискнуть и влезть не получалось ни у кого — аномалия всех, кто не в ней "пропускала насквозь", не давая зацепиться.

В кабинете президента, куда мы попали в обед, мы провели пару минут — ознакомившись с моими выкладками, президент схватился за них с видом утопающего и попросил "ускориться в проведении работ, иначе младшие ученики совершенно распоясаются и будет совсем плохо".

Что и требовалось доказать — все любят правильную аргументацию, подкрепленную

наглядным примером!

Зараза Усян, заявившийся в тир, не дал нам с Маршей вволю нацеловаться, сразу накинувшись на работу.

Под его умелым руководством, "конструкты", уже давно отработанные и проверенные в нашем, "Фемидовском" отделе по проведению хозработ, заботливо паковали проложенные "дорожки", укладывали шкафчики и используя проходы, переносили их на новое место. Пока — без установки.

На всякий случай, Усян оставил две дорожки — вдруг появятся любители пострелять...

Дети разрывались: "аномалия" вокруг разобранной качели притягивала к себе внимания ничуть не меньше, чем переезжающий тир.

Воспитатели подбадривали зареванных "Сталкеров" и грозили страшными карами, тому, кто заварил всю эту кашу.

Генерал от медицины, прохаживался и с умным видом и пытал детишек, подозревая, что "аномалию" породили они сами — детская фантазия такая буйная...

А взрослые — такие скучные!

Я наблюдал за всеми собравшимися и мысленно, поражался недалекости и зашоренности, педагогического коллектива. Прямолинейное движение, плоское мышление и ни намека — на фантазию!

Ау, вы куда смотрите — все болты, после броска, возвращаются к качели!

Дав себе зарок, что если к четырем часам, никто не догадается — подкину эту идею... Кому-нибудь из своей группы. Например, Эрике Ляйне, "унику", чьи "конструкты" уже дважды занимали первые места академических соревнований. И все время — не за ее авторством!

— Сайд! — Легка на помине, госпожа Ляйне. — Почему... Почему Вы, никогда, не ругаете власть?

Только что, своим вопросом, девочка заслужила высший бал моего одобрения.

Еще бы знать, как можно ответить... Без матов и очень спокойно.

Группа внимательно уставилась на меня, ожидая моего ответа. Я внимательно смотрел на их заинтересованные лица и радовался — эти обещают вырасти чуточку иными. Чуть лучше, чуть терпеливее, чуть совершенней.

Надеюсь, годика через три, кое-кто будет работать у нас и может быть, даже со мной.

— Для начала... Я ругаю власть. — Признался я, вызывая улыбки на их лицах. — Только так, там и при тех, кто, услышав мою ругань, может меня выслушать и предпринять хоть что-то, для изменения ситуации. Во всех остальных случаях... Приходится изменять ситуацию самому. А когда делаешь что-то сам, то и ругать приходится самого себя.

— Хочешь сделать "хорошо" — делай сам. — Мрачно констатировал Уран. — Так я и знал!

— Или найди того, кто сделает еще лучше. — Подмигнула ему Аша и показала язык — одновременно.

Вот, как их, таких, не любить? Хоть и напрашиваются на порку, а мозгами ворочают...

— Сайд. А правда, что все школы с подобными нам (в академии был не принят термин "мертвые"), комплектуются складами с вооружением? На всякий случай?

— Да. Правда. — За эти два слова, меня можно было подвести сразу под десяток статей и упечь в такие дали, что упоминание Макара, негра и прочих иже с ними, описывало бы лишь начальный этап моего "упекания".

— Но... Зачем? — Изумлению их не было пределов.

— Каждый из Вас, — я обвел взглядом своих учащихся и снова сел на стол, подготовившись к долгой беседе. — Каждый из вас — угроза. Угроза обычным людям. Угроза чиновникам. Угроза государствам. На мгновение, задумайтесь, что Вы можете уже прямо сейчас.

— Но мы находимся под защитой надгосударственной организации! — Пискнула Нэт и прикрыла ротик, словно испугавшись своего выкрика с места.

— А еще, под надзором "Фемиды", "Интерпола", некоторых религиозных организаций. — Усмехнулся я. — Представляете, сколько на вас уже накрутили? В вас вложили средства. А средства, которые не защищены — по человеческой сущности — становятся нужны сразу всем. Кто-то из Вас, уже рассматривал предложения от вербовщиков? Во всех предложениях — гарантированная защита Вас и Ваших родных. Там, за стенами академии, реальный мир. Мир, наполненный людьми, которыми управляют и манипулируют десятилетиями. Начнись сейчас Ваша травля, они будут считать, что Вы — демоны. Скажут им, что Вы ангелы — будут просить у Вас благословения.

Снова и снова, звонок с урока спасает меня от срыва. От открывания тайн, за которыми только тьма бездны.

Собрав работы и забросив их в стол, подошел к окну.

Малолетние сталкеры обступили качель и что-то с ней делали, сморкаясь и шмыгая носами.

Через десять минут, детали качели сложились в замысловатую конструкцию, ничего общего с качелью не имеющую.

Рассматривая произведение искусства, тихо смеялся — "не взлетит — тяги не хватит!"

Не смотрите на меня, как на извращенца, ибо я — Изверг!

А, лучше всего доходит до человека через...

Работу руками.

До четырех оставалось пятнадцать минут. Мои занятия окончены. Впереди у меня еще месяц с моей группой, за который надо так много им сказать.

Конструкция оторвалась от земли на полметра и рассыпалась на запчасти — "аномалия" сама реагирует на поведение. Задана ей в качестве ключа сборка объекта, хоть тресни, но объект собери!

Все остальное — всего лишь неверное решение.

Четверо сталкеров, встретив задницами почву, снова сердито насупились.

Время слез прошло. Наступило время голода.

Если они, за девять часов не догадались, что надо сделать...

Я — пас.

А вот то, что такое простое решение не пришло в голову взрослым, говорит для меня о многом.

Мы дали нашим деткам очень много прав, забывая спрашивать с них обязанности.

Ведь это так просто: намусорил — убери. Сломал — почини!

Если 12-ти летние детеныши смогли раздобыть инструмент и разобрать качель, то наверняка смогут ее собрать...

Словно прочтя мои мысли, кто-то из воспитателей, уже сорванным за девять часов постоянного говорения, голосом, потребовал собрать качель.

В половине пятого, когда мы с Маршей топали подручку домой, последний болт

оказался на своем месте и квест сложился.

"Аномалия", отыграв несколько тактов из "Электроника", трижды вспыхнула зеленым светом и с тихим звоном лопнула, выпуская героев.

— Бедные дети! — Вздохнула Марша, умиленно разглядывая "сталкеров", принимаемых в теплые объятия воспитателей. — Глядя на них, сердце кровью обливалось...

"Оно облилось бы еще больше, если бы ты знала, куда они хотели залезть"! — Я не вовремя "хрюкнул", представляя, что бы стало со всеми, залезь эти четыре орла снова в подвал нашего, пока еще будущего, тира...

— Сайд! — Насторожилась Марша, что-то почувствовав. — Поклянись, что ты здесь ни при чем!

— Я здесь ни при чем! — Честно признался я, ни на йоту не соврав: она же не уточнила, при чем именно я "здесь"...

Тесть "отчалил" по-английски, пока мы были на работе.

Свадебный подарок, для нас обоих, он оставил на столе, на кухне.

Кажется, моя "шутка" испугала его... Иначе, с чего он так стремительно поменял билет?

Через пару дней, Марша связалась с ним и поблагодарила — старинные кольца, которые в ее семье переходили из поколения в поколение, были чудо как хороши.

Золотое — женское и серебряное — мужское, тяжелые и дышащие теплом и заботой уже не первого брачного союза, крепкого и надежного, как скала.

Я одел свое всего один раз — полюбоваться. Ну не могу таскать я безделушки — мешаются.

Марша свое кольцо одела и со вздохом сняла — велико...

В результате, мы пришли к компромиссу — на выходных съездили в город и купили две цепочки, на которые и повесили кольца.

И не видит никто, и не мешает, и всегда рядом.

Меня такой вариант устраивал.

Апрель, хитрый месяц, успел и теплом побаловать, и снега натрясти, и холодом стукнуть.

Малышня успела промочить ноги, поиграть в снежки и, с осторожностью, вновь начать посещать детскую площадку.

За пакости, еще трижды, детки играли в "сталкера".

После третьего раза, в детских головах отложилась верная мысль — наказание неотвратимо.

На площадке стало чисто и безопасно — первый же начавшийся скрип и дети толпой бежали к техникам, за масленкой.

Старшие вполне освоились с младшими, младшие приняли старших.

Маршу осаждали 12–14 — ти летние, с просьбами пострелять, подарить гильзу, разобрать и собрать...

Тир, начал функционировать — сперва подвальные помещения растянули на дюжину дорожек, от 20 до 150 метров, а вчера "запустили" первый и второй, этажи, решив, что на

третьем откроется стрелковый клуб "Академия", куда смогут попасть все желающие ученики и преподаватели.

Вход сделали отдельно.

Здание нам досталось на "вырост", так что...

В случае чего — на крыше можно будет сделать летнюю кафешку, варианты я уже прикинул и пока припрятал.

На чертежах получается здорово, но...

Совсем не дешево.

Мои студни, зная, что скоро конец нашим занятиям, пытали меня каждый урок — что их ждет.

Да, наши беседы давно не имели отношения ни к этике, ни к поведению в кризисных ситуациях.

И именно сейчас, в этих простых разговорах, я понял, насколько я к ним привязался.

Очень странные существа — дети. Сложные и непонятные.

Подростки еще страннее и непонятнее, но, в то же время — уже готовые взорваться фонтаном идей, эмоций, впечатлений. Рядом с ними, "отбежали" мои года и стало легче дышать.

Глаз любовался и душа отдыхала — это еще только первые ростки. Они могут стать, какими угодно. Может быть, у меня на первой парте первого ряда сидит будущий Гитлер или Нерон?

Но сейчас, сию минуту, это мальчишки и девчонки с азартом слушающие, спорящие, доказывающие.

Жаль, что вместе со своим мировоззрением: все проверять, пробовать на зуб и посылать авторитеты в пешее путешествие, я заразил их и еще одной страшной болезнью — цинизмом.

Пока, это малозаметно. Но через год, два или пять... Кто знает.

Вот уже и майские праздники постучали в дверь, и к весеннему солнцу в гости пришла первая гроза, раскатистая и яркая.

Марша зачаровано следила за разрядами молний, раскидывающиеся на километры, переплетающиеся и складывающиеся в причудливые узоры.

— В городе такого не увидишь! — Вырвалось у нее, когда особо яркая вспышка осветила крыши домов и залила холодным светом дорожки и переходы академии. — Красота!

Пока она любовалась грозой, я, исподтишка, достал фотоаппарат и теперь старался поймать такой момент, чтобы не стыдно было и ей показать и просто так, в коллекцию добавить.

Несколько раз успел нажать на затвор ровнехонько в тот момент, когда за окном сверкали разряды, освещая лицо моей любимой женщины призрачно-белым, "электронным", светом.

Наконец, Марша оторвалась от окна и покачала головой, видя фотоаппарат на столе, среди работ студентов, которые надо проверить еще вчера.

Открывшийся тир загонял ее, она даже скинула пару-тройку килограмм, от всей этой беготни и суеты, пока не набрали еще пятерых инструкторов мужчин и троих — женщин.

Уметь стрелять — стало модно.

Боюсь только признаться, что мода эта случилась в аккурат после нашего с группой

разговора о том, что их расценивают как угрозу.

За пару недель, запись на дорожки и инструкторов растянулась с семи утра и до десяти вечера!

Нашлись и чудики, что потребовали научить их... Стрелять из лука!

В срочном порядке пришлось устраивать еще один зал — под крышей, а потом, ругаясь, переносить его на территорию академгородка — вид спорта оказался увлекателен и зрелищен, затягивая в свои сети даже младших, восьми-, десятилетних...

Воспитатели ругались, жаловались, а потом — привыкли. Скоро до них дойдет, что подобные тренировки очень резкий способ влиять на воспитанников.

Нет, не шантажом — примером.

Конечно, до этого не так быстро, но, тем не менее — стрельба из лука это не только мясо и мех, но и умение концентрироваться, координировать свои движения и самое главное — видеть цель!

Представляю, на что будут похожи их "конструкты", если они привыкнут сразу оценивать поставленную задачу!

— Сайд? — Марша устроилась на полу, у моих ног и положила голову мне на колени. — Когда?

— 27-го. Сразу после экзамена. — О чем был наш разговор?

О дате моего отъезда.

Шеф прислал полный пакет документов — меня возвращают в штат, все серьезно и грустно — "Фемида" продолжает разрастаться, народа не хватает, а тут — "халявщик" и не маленькой, уже 7 категории!

Очень опасался, что шеф меня зашлет к белым медведям, гонять массивы снега, архивировать рыбу и удалять тюленей, но и тут обошлось — как человека женатого, оставили в радиусе тысячи километров, от места проживания супруги.

По особой договоренности, Марша входит в штат наблюдателей от "Фемиды", при академгородке.

Именно на этом, почему-то настоял шеф, словно что-то знает, но помалкивает.

Мне же только в плюс — пользоваться "проходом" теперь могу по статье "связь с наблюдателем", хоть и не каждый день, но, зато, не тратя собственные силы, а случись что — Марша окажется у меня под крылышком раньше, чем успеет испугаться!

Да я меркантильный и расчетливый!

И буду пользоваться служебным положением в личных целях!

Рассказывая все это Марше, вызвал у нее тихую улыбку, за которую не жалко убить.

Наша квартирка претерпела изменения — кровать мы так и не купили, зато обзавелись шикарным диваном и старинным столом, за которым оказалось неожиданно много места.

Так много, что вполне хватало обоим — мне проверять тетради, а Марше — "отбивать" отчеты и сводить "дебет с кредитом", а еще, очень удобно на нем оказалось... Обедать, как это ни странно звучит...

Компания давно "спившихся вместе личностей", стол также оценила и на первый месяц нашей свадьбы, приперла откуда-то, тонкой работы, под старину, дизайнерские стулья, очень органично вписавшиеся в комнату, но...

Мне не понравились — занимают очень много места, отъедая его у меня.

Марша сердилась, пару дней дергалась, а потом остыла и перестала обращать внимание, на то, что я продолжаю сидеть на обычном табурете, ободранном и "посаженном" на

столярный клей, по причине выпадения из пазов всех разошедшихся частей.

Надо будет его убрать, с глаз долой — пусть квартира примет тот вид, что так ей хочется. А я, по появлении, буду его доставать и пользоваться в свое удовольствие!

Лелея свои "подлые планы", проверял работы.

Марша осторожно вздохнула и снова замерла, приложившись к моим ногам.

Звонок в дверь, нарушивший нашу идиллию, стал очередным свидетельством для Марши, что она плохо представляет, что же за работа у меня на самом деле.

Стоящий на пороге Усян и мнущийся за его спиной Артур, хмурые и напряженные, тяжело сопящие и глядящие как-то сбоку, словно персонажи, сошедшие с картинки под названием "Тревога!"

— Сайд. — Усян замер и тяжело вздохнул. — Привет, Марша! Ты, прости, мы твоего мужа, "похитим"... Дело есть...

— Кто? — Поинтересовался, разглядывая их лица.

— Шеф. — Артур сразу сдался, честь ему и хвала. — Часы, "выстрелили"!

Загнав обоих на кухню, на чашку чая, быстро собрался, покидав шмотки в легкий рюкзак, что прошел со мной и Крым и Рым и Колыму с Фудзиямой.

Марша расстаралась — быстро накрыв на стол, за те 15 минут, что я паковался, успела обоих "гонцов" накормить — напоить, да еще и расспросить.

Оба гонца, ничего скрывать от нее не стали — просто сами много не знали, если говорить откровенно.

Но у Марши, как у любой женщины, интуиция ого-го, не обманешь.

Быстро поцеловав меня в коридоре, она шепнула на ухо свое видение проблемы.

Видение ее мне не понравилось — слишком сильно похоже на правду.

У подъезда меня уже ждала служебная "Марта", белоснежная и без спецсимволов, с частными номерами и, вот и смех и грех-то — с за тонированными стеклами.

Ага, соображения безопасности, секретности и высшего проявления бреда — те, кому надо, наши машины знает все, как свои пять пальцев — везде один и тот же косяк — тонировка на пару с частными номерами!

"Марта" это автомобиль напоминающий чем-то "Ситроен S-2000", аккуратный миниавтобус повышенной комфортабельности. Если у вас есть деньги и вы хотите вышвырнуть их в воздух — покупка самое оно!

Как говорили раньше: "Статусная вещь"!

Очень удобная, комфортная и симпатичная, машинка.

А еще — ад для водителя и страшный сон автомехаников.

Их и в столице берутся делать всего пара мастерских, остальные молчком тычут пальцем в список не обслуживаемых автомобилей, в котором "Марта" на первом месте.

Не понимаю я любви к местному автопрому, но еще больше не понимаю любви к забугрянному и фанатичного преклонения.

Не довели бы моего "Ската" в "Фемиде" — откатался бы по заданию и вернул, честно и благородно на склад, прикупив себе хорошенькую япошку, тем более что и выбор был.

Наши "Марты" — "Марты" только снаружи.

Двигатели, подвеска, коробка — уже давно стоит от других моделей, зачастую еще и оптимизированно под наши требования.

Стандартная "Марта" укладывается на бок на 80 км\ч, с трудом развивая 140.

Наши "подделки" легко набирают 240 и на бок их можно положить лишь при особом

стечении обстоятельств.

Забравшись в салон, повертел головой, ожидая увидеть водителя и едва не сорвался на пошлый свист — за рулем никого не было.

Усян залез следом за мной, а Артур — на пассажирское сиденье, справа от "фантом-водителя".

— Рассказывайте! — Потребовал я, усаживаясь на сиденье и укладывая рюкзак себе под ноги.

Артур развернулся, прижав к губам указательный палец.

Усян, шмыгнув носом, достал из подлокотника здоровенный пакет и по-хозяйски впихнул в него мой рюкзак, отжав его у меня возмущенного.

"Марта" отъехала от тротуара, плавно набрала ход и, в три прискока перемахнув через бордюр, оказалась на задворках академии.

Открывшийся проход перепугал меня сильнее некуда.

По всем канонам и расчетам, такое просто не возможно — связать воедино пару сотен мгновенно изменяющихся параметров, пока еще никому не удалось.

А программу еще только писали.

Также молча, сперва в проходе исчез Усян, потом в него нырнул я, а в спину меня подтолкнул Артур, быстрый, где не надо!

Из прохода мы вышли в залитом ярким электрическим светом вестибюле, с серыми полами и коричневыми стенами, богато декорированными драгоценными сортами дерева.

С потолка свисала тяжелая хрустальная люстра, свечей эдак на сто...

При всей своей неповторимости, чистоте и яркости, вестибюль выглядел архаизмом — все, словно выставлено на всеобщее обозрение с выставки достижений американской цивилизации с 1890 по 1929 годы.

— Зал гильдии вольных плотников. Коннектикут. — Пояснил мне Артур и перехватив у Усяна пакет, перекинул его мне. — Это не конечная, не переживай...

— И вообще — может быть и не Коннектикут! — Подмигнул мне Усян и шагнул во второй открывшийся проход.

Судя по цветам и искрам — проход был полной копией шефовского.

Полной, да не совсем — к моему изумлению проход оказался стационарным!

Ну, все, всех порву — один останусь!

Что они еще успели здесь наворотить, пока я в академии прохлаждался?

Сходя с "проходного" круга, под прицелом десятка автоматических турелей, стало очень не по себе — еще год назад таких сложностей не было.

Вернув мне пакет с рюкзаком, Усян сделал ручкой и скрылся в угловом аппендиксе, за которым начинался проход в его вотчину.

Артур, почесав затылок и буркнув, "что, мол, ты здесь не потеряешься", метнулся в комнату с нарисованным мальчиком.

"Ну, здравствуй, отдел "Н"!" — Хмыкнул я себе под нос и поплелся по знакомой до боли серо-голубой дорожке к дальней двери, без табличек и ручек.

Всего девяносто четыре метра, по прямой.

По пустому коридору, что означало, что все вокруг заняты.

По пустому коридору шириной в пять метров, богатому, коридору.

Каждые три, четыре метра — "Проходная" площадка, для внутреннего "перескока", напротив площадок — лёгонькие диванчики и аппараты с газировкой и сладостями —

пополнить запас сил...

На стометровый коридор — десяток дверей, из них две — ведущих в туалет, две в комнаты отдыха и две — конференц-залы, по обе стороны коридора.

За фальшпотолком — по две турели на семь метров, в шахматном порядке и четыре люка — три эвакуационных и один — технический, в который все уже и забыли, когда последний раз лазили.

Полы у нас тоже с секретами, из которых, самый простой — превращение покрытия в клейкую массу.

Пустяк, мелочь...

"Гуухум"! — С таким звуком "финиширует" только один человек — Толик Спица.

Спица — это фамилия, если что...

— О-о-о-о! — Спица, обвешанный аппаратурой и с фингалом, под левым глазом, ярким, все наливающимся и закрывающим глаз просто "на лету". — О-о-о-о!

— О-о-о-обломали? — Рискнул я предположить. — Или — о-о-о-ограбили?

Развернувшись в сторону ближайшей мусорки, Толик засунул в рот два пальца, что-то в нем поискал и явил на свет выбитый зуб.

— О-о-о-опять зуб выбили! — Со вздохом констатировал факт Спица. — А ты, чего здесь?

— Вернулся! — Подмигнул я с широкой улыбкой. — Примите?

— Вот ты и пойдешь! — Спица решительно подхватил меня под локоть и потащил к двери без указателей.

— Амина! — Заорал он с самого порога, снимая с шеи весь свой "обвес". — Смотри, ктс у порога топчется!

Амина Аль Амер, истинная восточная красавица, тонкая, изящная и властная, как шахиня, сперва отмахнулась, стоя у экрана, а потом — замерла.

Развернулась.

Уставилась на меня.

Вся жизнь промелькнула у меня перед глазами.

Особенно тщательно промелькнул последний год.

Начальник отдела "Н" совершенно не желала мне смерти — только вот ее дар, очень сильно отпугивает от нее людей.

Особенно мужчин.

Врать ей бесполезно — она видит человека насквозь.

— Прибыл. Хорошо. — Амина облегченно вздохнула. — Бросай шмотки и вали, работать... Генри принесет Твои дела, а стол бери любой свободный.

— А мой — свободный? — Поинтересовался я наобум, просто так.

— И твой — свободный. — Толик сладко потянулся. — Реорганизация и расширение — 60 % процентов коллектива перекинули на новое место, а мы тут, как угри на сковородке, вертимся!

— Сайд! — Я развернулся: если начальство тебя окликает, значит, жаждет видеть твою рожу, как минимум. — Мои поздравления, молодожен!

— Полку женатиков прибыло... — Скривился Спица. — Скучные вы... Уйду я от вас...

— В монастырь?

— В женский!

Дежурная шутка нашего коллектива. Одна из немногих, цензурных, шуток.

Пройдя за "свой" стол — предпоследний в ряду, полуспрятавшийся за странным выступом стены, родной, обжитой и уютный, помянул недобрым словом последнего его владельца — только недоумок может приклеить жвачку к внутренней стороне столешницы и отломать оба замка, на выдвижных полках.

По штатному расписанию нас должно быть сорок три человека.

Ни разу, за всю мою память, нас столько не собиралось — три десятка лиц разной степени усталости, вот апогей нашего отдела, в пиковые дела.

Теперь, судя по пустым столам, на своих местах было человек десять.

"Ага, ты — десятый!" — Обрадовала меня по лайну, Амина. — "Добро пожаловать, и помощи Спице снять разговор. Пожалуйста. Да и, чуть не забыла — мы на "круглосуточном"!"

Пришлось снимать куртку и одевать всю свою "сбрую", распахивая по карманам положенные две обоймы, на каждую единицу оружия.

Генри Волл де Марр — наш бессменный архивист, архивариус, библиотекарь и прочий книжный червь, материализовался у моего стола тихой тенью.

Пользуясь своим служебным положением и допуском к секретным материалам, Волл пробил себе разрешение создавать проходы внутри отдела, чем теперь и пользовался, пугая новичков.

Пугая очень сильно, если принимать во внимание, что Генри Волл де Марр — гот. Гот, до мозга костей!

А это и соответствующий внешний вид, и боевой раскрас. Добавьте к этому, что его проход открывается совершенно бесшумно, но с ярко-красными всполохами...

— Сэр де Марр, рад Вас приветствовать! — Я протянул руку за документами.

— Сайд! Здорово! Рад тебя видеть! А то все твердят: новенький, новенький! Даже "подставу" в КО сделали... — Сдав с потрохами всех, Генри радостно мне подмигнул и получив роспись на планшете, довольный, испарился в кровавой вспышке.

Первое, что я сделал, набрал внутренний номер службы ремонта и поведал о своей печальке — поломанных замках.

Сонный голос послал меня перекусить и попить кофе, минут на двадцать, гарантируя, что за это время все починят.

"Вот и пришло время посмотреть, что же за "подставу" мне приготовили!" — Я мысленно собрался и принялся вспоминать, что же мы делали такого, за последние лет семь, с вновь приходящими.

Спице мы подменили стакан, от температуры превращающийся в подобие... Мужского органа.

Леське — нашей девице-красавице — смазали доньшко чашки термоклеем — пока горячее, держит насмерть!

Меня встретили смесью трех лекарств, так что целые сутки потом кашлянуть боялся...

Оставив дело на столе — без моего разрешения его ни открыть, ни забрать со стола никто не сможет — это вам не магия, это — наука, точнее сразу две науки — физика и химия! — Подхватил свой кружак и пошел за первой порцией ночного кофе.

Навстречу мне прошелестел зевающий мужчина с инструментальной сумкой на плече — вызванный мастер.

Тоже местный уникум, кстати.

Ни грамма дара, зато все чинит и ремонтирует, на раз.

Не было еще, чтобы дядя Сема спасовал перед поломкой.

Вот воистину — "золотые руки"!

А еще, дядя Сема женат и у него восемь детей!

Старшую, зовут Амина...

В комнате отдыха, нашей, внутренней, а не "дальше по коридору", никого не было. Шипела и плевалась кофе машина. Чайник все еще пыхал паром из носика.

— Сайд! — На пороге КО появилась Амина. — Ты о моей просьбе не забыл? Помнишь?

Пришлось помотать головой, а потом покивать: Нет, не забыл. Да — помню!

В руках моего босса тоже светилась кружка — время на часах давно мелькнуло за полночь, а значит самое время заправиться...

Кружка у Амины такая же редкость, как и ее хозяйка — ослепительно белая керамика, без единого следа рисунка. Но, стоит налить в нее горячую воду, все, начинаются чудеса: По бокам кружки начинают появляться узоры, каждый раз, разных цветов и ни разу не повторившиеся — мы три года "держали" кружку под пристальным наблюдением высокоточной видеокамеры, создав совершенно потрясающий каталог рисунков — от "морозных узоров" и до совершенно гипнотического "нечто", забив ими пару террабайт, но так и не найдя двух, хоть немного похожих.

— Ау! Сайд! Ты чего на меня уставился? — В голосе Амины проскользнула тень тревоги и озабоченности происходящим.

— Простите, Амина Семеновна — задумался. — Я отошел в сторону кофе машины и спросил. — Как всегда? Черный, как ночь; сладкий, как грех; крепкий, как проклятье?

Протянув мне кружку, Амина лишь кивнула головой.

Красивая у меня босс, ей-ей красивая!

Марша будет ревновать, когда увидит — однозначно.

С такими мыслями, поставил кружку под носик и нажал на кнопку.

Кофе машина снова издала странный вздох, заиграла огоньками на панели и задрожала, словно приготовившись прыгнуть.

Черный, как ночь кофе полился из носика в чашку Амины, обжигая мою руку горячими брызгами.

Если я не ошибаюсь, такие брызги верный признак давно не чищенной системы.

Отдав белоснежную керамику, поставил под струю свою чашку.

Кофемат выплюнул кофейную жижу и задрожал еще сильнее.

Вторую порцию гущи машина попыталась выплюнуть через верх, мне в лицо.

Успев отпрыгнуть и спасти свою чашку, почувствовал, как поднимается наружу злость.

— Совсем техника распоясалась... — Я потянулся выключить машину из розетки и замер.

Вместо резинового кабеля, в розетку, от кофе машины, тянулось два голых, розовых, поросячьих, хвоста, завернутых "винтом".

Стоило мне к ним прикоснуться, как аппарат соскочил со стола и кинулся под ноги Амине, вереща, как розовенький поросенок, за которым гоняются, дабы украсить его тушкой праздничный стол.

— Убью! — Взревела Амина, разглядывая отвратительные коричневые пятна, растекающиеся по белоснежной блузке и нежно-бежевой юбке.

Кофе машина хлопнула люком загрузки, рассыпая вокруг себя ароматные крупинки кофе, и кинулась теперь в мою сторону, обдав кипятком левую ногу.

Пнув и промахнувшись, испугал "поросеночка" до еще более истеричного визга.

Амина, сделав глоток кофе, скривилась и принялась отплевываться.

Аппарат метался по полу, уже изрядно нас достав, испортив одежду и оставляя ожоги, которые так не приятны, особенно когда тебе надо сосредоточиться на деле.

Обдав моего босса горячей жижей в очередной раз, кофе машина подписала себе смертный приговор.

— Вали ее, Сайд! — Рывкнула Амина, отодвигаясь с прохода и доставая свое оружие.

Вот ни за что не догадаетесь, где у нее кобура!

А я — не скажу!

Через секунду мы азартно палили по "свинье", исходящей визгом, паром и брызгами кофе, озаряя комнату вспышками, заполняя ее синими клубами сгоревшего пороха и ревом выстрелов.

За стеклянной дверью комнаты промелькнуло испуганное лицо дяди Семы и удивленное — Толика.

Кофе машина, как истинная свинья, пыталась забиться под столики, под стулья, пронырнуть между ног, нанося как можно больше вреда и создавая как можно больше визга и переполоха.

Ну, визгом нас не напугать, а переполох — это обычное состояние нашего "высшего" руководства, которое мы уже привыкли игнорировать.

Во всей этой суматохе мне удалось отстрелить один из розовых "хвостиков", грустно теперь лежащий у ног Амины.

Лязгнула стреляная обойма, упав на пол и азартный вопль: "Перезаряжаю!", как нас и учили на стрельбище, возвестил, что восемь это все-таки меньше, чем шестнадцать. И намного меньше, чем по шестнадцать — дважды!

Точку в нашей охоте на "свинью" поставила все-таки Амина Семеновна, дважды всадив пулю точно в "макушку" кофе машины.

Да, калибр 45, он и в Африке — калибр 45!

Снова перезарядив своего "Орла", Амина легко наклонилась, подхватив с пола две стреляные обоймы и розовый хвостик.

— Думаю, ты не будешь возражать? — Она помахала хвостиком, как флажком, развернувшись как профи-фотомоделка и сделала шаг к двери, за которой виднелось два бледных лица.

— Я это убирать не буду! — С места в карьер заявил дядя Сема и технично ретировался, оставляя отдуваться за всех меня и Толика.

Комната отдыха превратилась в комнату отходов: 32 выстрела моих, 17 — моего драгоценного босса, это без единички полсотни!

Из полусотни, в сошедший с ума аппарат попало, в самом лучшем случае — десятка полтора, два — "крыша"!

Остальное досталось всему, что находилось в комнате. На уровне пола...

Как мы с ней друг другу ноги не постреляли?

И рикошет нас не побил!

— Ну, вы монстры! — Толик оторопело чесал макушку. — Отчаянные кофеманы...

Основная привилегия начальства — насвинячить вместе с подчиненными, но не убирать!

— Веник и совок на старом месте? — Поинтересовался я у чешущего репу Толика.

— Сейчас принесу... — Судя по взгляду моего коллеги, давненько они тут не отдыхали так душевно.

Собрав останки кофе машины в кучку, принялся сортировать целое от разбитого.

Не так уж много мы и "подстрелили" — пара стульев стала колченогими, в столоешнице одного из пяти стволов — входные отверстия от трех сорок пуль сорок пятого и семи, ой нет — восьми! — моего, девяти миллиметрового. Одноразовая посуда — вдребезги, в смысле в "дырочку".

Причем, точно не моего калибра!

А вот паркет — точно моя работа, отверстия аккуратненькие и ровненькие. Обожаю девять миллиметров, особенно — спецбоеприпас, способный вынести средний броник с полста метров. И ранения после них, такие же — ровненькие... Ну, если в мясо попало, разумеется...

Засучив рукава, взялся за принесенную Толиком метлу, быстро сметая все от стен, в центр.

— А, чего стреляли-то? — Осторожно переступая через кучку "рваного и стреляного", Спица помогал мне, как умел.

То есть — развлекал.

— Не, ну то, что кофе машину мы "закомплектовали" — понятно... — Толик перешел на другое место, демонстрируя, что под ним неметено. — Но стрелять-то, зачем?!

— Амина в светлом. — Я покрутился вокруг себя в поисках совка, обнаружившегося в руках у Спицы. — А ее — кофе уделали... И мешок, мусорный, где?

— На, на, склеротик! — Толян протянул мне рулончик, на котором благополучно сидел. — Слепошарый, ё-моё!

Именно за эту его способность — сидеть на самом видном месте, на самых нужных вещах, в самый неподходящий момент, его и держали на работе. Сколько раз, ходишь, сводишь хвосты с концами, кофе жрешь декалитрами, от сигарет, организм понимает, как именно умирает лошадь, а пришел Толик, ляпнул одно слово и всё, сошлось!

Оттого и прозвище у Толика — "Муз"!

— Придется, за кофе ходить в "коридор". — Печали Толика не было границ.

Худой, высокий, а ходить любит меньше, чем я — жрать перловку!

— Толик... — Тяжело вздохнул я, завязывая третий мешок с мусором. — Вот, объясни мне, откуда такая узость мысли, у специалиста — аналитика? Зачем?

— Что — "Зачем"? — Ох, Толик совсем здесь расслабился...

— Зачем Ты будешь ходить за кофе в коридорную КО? — Я протянул Спице два пакета с мусором и поволок свой прочь, к мусоросборнику. — Чего сидишь? Пошли!

— Сайд... Ты издеваешься? — "Муз" никак не мог прийти в себя, от моего вопроса. — Правда ведь, издеваешься?

— Правда. — Признался я. — Зачем постоянно ходить за кофе, в коридор, если можно притащить кофе машину оттуда и поставить у нас?

— Сайд... Но... Это же — воровство!

— Не воровство, а — займ. — Поправил я. — Закупят нам новую — вернем на место. Делов-то...

Через десять минут, выбрав из двух машин — более "навороченную", мы торжественно притащили ее к себе, подключили и теперь стояли и облизывались, на божественно пахнущие клубы кофейного пара, ожидая и предвкушая вкус латте, на языке.

— Что там у Тебя за проблема? — Я, как зачарованный, следил за цифрами на таймере. — Амина просила помочь...

— А-а-а... Там, понимаешь, надо взять показания, у одной... Девочки... А она — дерется!

— Вызовете в полицию. — Предложил я, считая секунды.

— Не приходит! — Толик проглотил слюну. — Ну что так долго — то?

— Отправьте патрульных — пусть притащут...

— Ага. У неё адвокат, Сам Шлеппан! Засудит далеко — не отмоешься! Потом еще на весь мир похвастает, как она полицию носом по грязи прокатила! А что? Такое уже было! — Толик развел руками. — Никто связываться не желает, а показания — Во! — как нужны!

— Значит на повестки — не реагирует. Своими гражданскими обязанностями — манкирует. И при этом — распускает руки и клеветает на доблестные правоохранительные органы, пользуясь социальными сетями... — Подвел я коротенький итог и вздохнул. — Вы здесь совсем "охренелли" разыгрываете?

Кофе машина издала красивое "динь-дон" и выдохнула еще один клубочек белого пара.

Набрав себе кофе, почесал затылок — надо и Босса своего, побаловать!

Не годится быть такими эгоистами!

Отправив Толика за чашкой для Амины, устроился на высоком, барном стуле и задумался.

Хлопнувшая дверца, несколько отвлекла меня, но поворачиваться лицом к вошедшему я не стал — система поведения начала вырисовываться и нуждалась лишь в легкой шлифовке.

— Значит так делаем... — Сделав глоток, принялся перечислять порядок действий. — Сперва, пройдишь по ее страничкам. Найдешь длиннобородых — закрывай, ко всем небесам, "до выяснения". Только закрывай сразу все! Адвоката — случайно найдите как задержать. И на чем — обязательно. И вызывай ее на допрос к восьми утра.

— Сайд. Это — произвол. — Амина устроилась на сиденье рядом. — Шлеппан, за такие дела, спишет и меня и тебя и всех нас...

— А господину Шлеппану, тоже можно найти обвинение. — Я почесал затылок. — Например — саботаж и уклонение от исполнения гражданского долга.

— Десять часов в неделю он ведет дела из "нищего списка"... — Амина сделала глоток и печально улыбнулась. — Все схвачено... Госпожу Перлу голыми руками не возьмешь.

— А кто она такая? — Вырвалось у меня, и я пал в глазах своего начальства ниже уровня канализации.

— Дело я тебе перешлю. — Амина подхватила чашку и, качая головой, вышла из комнаты отдыха.

Можно подумать, у меня есть желание...

Впрочем — есть.

Я расплылся в подлой улыбке — есть у меня человек, который и показания снимет, и напугает до грязных штанов.

Даже — четыре человека. И Георг — в придачу, ну уж куда без него!

Вернувшись за свой стол, углубился в дело.

Часы действительно "выстрелили" — только принадлежали они не пилоту, а пассажиру. Конраду Ф. Аммерсану. Ведущему специалисту "Глобал повер компани", десять лет назад выдавшей "на-гора" патент переработки радиоактивных отходов во вторичное топливо, без дополнительно дообогащения. За этот патент и была заказана партия часов, в количестве 23

шт. И часы под номером шесть нолей восемь, торжественно вручены нашему погибшему химику, за "вклад в разработку".

Шесть лет назад, пережив развод и унижительный раздел имущества, точнее — отжим, имущества, Конрад сменил место работы, покинув лабораторию и перебравшись за океан — в Австралию.

Особо заслугами своими не кичась, химик быстро превратился в любимца компании "Химические изыскания и физический поиск".

По описаниям коллег, Конрад очень тяжело пережил развод, сперва с головой уйдя в работу, но, по приезду дочери, быстро пошел на "поправку".

Освоил несколько смежных специальностей и даже сдал на пилотский сертификат.

Жена о бывшем супруге невысокого мнения, дочь — души не чает и известие о гибели родителя отправило ее на больничную койку.

Что делал Конрад в Африке — по месту работы не знают — за неделю до событий, Аммерсан взял отпуск на месяц.

Дочери сказал, что едет отдыхать со старым коллегой по работе — кататься на лыжах. Прислал открытку из горнолыжного курорта "Хеммельттад". Через три дня — погиб в небе над Африкой.

В "Хеммельттаде", господин химик даже не появлялся. Билет был куплен до Найроби.

Информацию наши собрали огромную — теперь бы ее уложить правильно.

А она — не укладывалась, вот хоть ты тресни!

Не зря Марша шепнула мне, что мы не там ищем, ох не зря! Все было — на виду, явно и ясно. А значит — лопату сломали не в том месте. И счастье в том, что больше копать и не надо. Конрад Ф. Аммерсан решил подзаработать, купившись на разовый контракт.

Осталось узнать, на кого работал химик.

А вот с этим, в документах был полный затык — "ГХК" молчали, как рыба в банке со спиртом, бешено проводя какие-то действия, больше напоминающие бег белки в колесе.

Или собаки, сбившейся со следа...

— Сайд! Тебе Амина просила передать. — Толик протянул мне картонную папку с веревочками-завязками. — Уже есть варианты, она сказала?

— Ага. — Я открыл папку и принялся изучать личное дело Магды Донкиль, девятнадцать лет, семь приводов в полицию и... Как две капли воды похожую на дочь Конрада Ф. Аммерсана — 23-х летнюю Элен Аммерсан!

Показав Толику две фотографии, со стоном выбрался из-за стола и поплелся к Боссу — получать ЦУ...

"Если Вам дано общаться с истеричными женщинами, если вы понимаете бессвязный лепет алкоголика, если вы легко находите общий язык с "пушером", значит, Вам к Нам!" — именно такой лозунг я повесил на дверях нашего отдела.

Жаль, провисел он ровно семнадцать минут.

Предыдущий — "Не путайте аналитика и медиума!" — задержался на полдня. До этого был "Саможалость — хуже самосожжения!" и "Все там будем!"

С завидным постоянством я распечатывал и наклеивал лозунги, которые совершенно не по вкусу моему начальству.

За указ Петра I, меня даже вызвали на ковер — проходившему мимо невеликому чину с депутатской неприкосновенностью, показалось оскорбительным такое отношение к начальству.

Мне, шеф, оплатил премию, а депутата, с тех пор иначе чем "придурком" никто не звал.

Вот и сейчас я колебался, что же именно распечатать: "Весь мир — странный театр: декорации супер, а актеры — гавно!" или простенькое: "Осторожно! Мины!"

Победили мины.

Добавив к надписи летящего вверх сапера, отправил на печать и потер руки — ничего не должно меняться!

Фотографии двух девушек, продолжающие валяться у меня на столе, уже исчерканные на обороте возможными вариантами и намозолившие за пять часов глаза до полной тошноты, отправились в ящик стола.

— Во! Смотри! — Алекс Птичкин, то есть, конечно — Соколов, тьфу — Беркутов, блин вечно путаю! — Продемонстрировал новую бумагу, самоклеющуюся, ослепительно белую и с возможностью печати на любом типе принтера. — Отрываем основу, прижимаем и — Вуаля! — фиг оторвешь!

— Саша... — Я потрясенно смотрел на белое пятно на своем столе. — На лоб, себе, приклеивать не пробовал?

— На лоб — нет. — Алекс ехидно мне подмигнул. — А вот спящему Усяну, на спину — клеили...

"Мужикам по тридцать пять, сорок пять лет, а они — все шутки шутят!" — Прикрыл я глаза рукой, представляя радость нашего восточного мачо, волосатого, как валенок...

— Я пошел? — Беркутов, поработал со мной всего полгода, перед моим переводом, но...

— В наказание, за порченный стол... — Я задумался, что бы такое ему навешать.

И отправил на печать плакатик: "Не входить — работают..."

— Значит так, Санечка! — Я не смог удержаться от улыбки и вручил ему плакатик с "минами". — Это — на кабинет Аминь!

Глазки нашего гордого орла, подозрительно заблестели.

Миг и он испарился, а я пошел наклеивать прозаичное "не входить..." на входную дверь, в наш отдел.

В семь утра, наш отдел начал наполняться народом. Кто-то, неосторожно разбудил Спицу, прикемарившего в комнате отдыха, кто-то обнаружил присутствие новой кофе машины, кто-то — отсутствие одноразовой посуды, а самые внимательные даже разглядели пулевые отверстия в столе и полу.

— Сайд... — Агни Паневка, наша заслуженная пенсионерка, которую отправить на пенсию ни у кого не поднимается рука, увидев меня, даже смахнула скупую слезу. — Теперь понятно, почему в комнате отдыха, все вверх дном...

Агни упорно считает меня поляком, так же как Хванченко — украинцем, а Амина — точно знает, что я еще тот "турксиб".

Ну не виноват я в том, что таким уродился, не виноват! Не моя вина, что если побрился — европеец. Сутки без бритья — уже русский, а неделя — "муджахед"!

За пять часов я проверил все варианты связи между Донкиль и Аммерсан.

Ничего!

Зато, нашлось много интересного на адвоката Аарона Шлеппана.

Думаю, полиция будет долго чесать затылок и морщить лоб, когда через пару часов на стол их начальству ляжет моя докладная записка, основанная на обычном просмотре поисковика, с вводом фотографии нашего адвоката, в качестве поискового запроса.

В век информационных технологий — тайн нет.

Там попал на фото молодоженов, здесь — на камеру общественного доступа.

Всемогущий поисковик, привычка к облачным сервисам и время, потраченное на поиск.

Что-то я забыл? Точно — знание иностранных языков!

— Сайд! — Спица, снова увешанный аппаратурой, словно из-под земли вырос перед моим столом. — Поехали?

"Давши слово — держись. Особенно если ты дал слово "Восточной женщине"!" — Это даже не аксиома, это...

Накинув свою куртку, потопал за Толиком к выходу.

Мое объявление все еще висело — Руководство не проходило, а свои лишь скалили зубы в улыбке, подтверждая старую поговорку — "Молчи да дыш — будет барыш!"

Полицейский участок? 857, на пересечении улиц Вейрскольме и Куперштрассе, с которым мы тесно сотрудничаем вот уже... Постоянно, сотрудничаем, одним словом, встретил нас утренним усталым вздохом — "ночники" только отмываются после смены, а "дневники" только заливаются кофе, рассаживаясь по своим столам.

Добавилось тут молодых и незнакомых лиц — все течет, все меняется.

Расшаркавшись с начальником участка, передал ему свою "служебку" и тихонько утонул в кресле, впадая в сонное оцепенение. Толик тоже начал похрапывать и пришлось лягнуть его в лодыжку — не фиг, торжественность момента, на храп переводить.

— Значит — из свободного доступа, информация? — Отто Лайппи, здоровенный финн, уже поседевший на этой работе, довольно потер руки и хрустнул суставами. — На сколько, свидетельницу вызвали? На восемь?

— Решили не злобствовать. — Спица подавил зевок. — На девять. Через десять минут... Отослали напрямую адвокату, с уведомлением.

— Значит, через 25 минут, я смогу отправить патрульных, на... — Отто зажмурился и, воровато оглянувшись по сторонам, нажал на селекторе две кнопки.

Сразу заработала вентиляция и одновременно с этим — защелкнулся замок на входной двери.

— Курите! — Выставив пепельницу на стол, разрешил начальник. — Такое начало дня надо отметить!

— Это еще не все... — Я набрался духу и выпалил. — Через полчаса, здесь будет "ментат"... Официальный. Сертифицированный и зарегистрированный. Только — несовершеннолетний.

Толик чуть сигарету не проглотил.

Шеф полиции оказался крепче, но глаза загорелись так, что стало понятно — сегодня Сантана будет "облизана" с головы и до пяток. Неоднократно.

Пусть, как несовершеннолетней ей нельзя работать больше четырех часов, но... Зная своих "красавиц", пахать она будет до ночи, поглощая бешеное количество сдобы, пирожных и газировки.

Прибьет меня генерал-майор от скальпеля, за такое дело, прибьет и не правильно

оживит...

Причем оживит только ради Марши.

Чем-то она зацепила его так, что на территории академии у нее появился "второй" папа.

А папа, для дочки...

— Сайд... Ты — человечище! — Отто сделал затяжку на половину сигареты и откинулся на спинку своего кресла. — А "ментат" — "свободный"?

Любой участок, европейской страны, за "ментата" в штате готов продать душу.

Я погрозил пальцем и развел руками.

— Понятно. Будем искать... — Отто слегка опечалился, но быстро оттаял. — И на "раз" — спасибо.

Я принялся к тлеющей сигарете и "задавил" чадающий окурок в пепельнице.

— У-у-у-у, брат... Да ты не женился! Ты — "откурился"! — Толик заметив мое движение, сразу и правильно его истолковал.

Эта сигарета так и не стала первой, со дня свадьбы.

Просто — не хочу.

— Госпожа Донкиль по повестке не явилась! — Отрапортовал по селектору дежурный офицер и добавил. — На телефонные звонки не отвечает. Адвокат отказался объяснять действия своей подзащитной.

— "Патрульку-3" за ним и "патрульку-47" за ней. — Отто склонился над селектором с широкой улыбкой. — Сильно не бить.

— Отто! — Спица поднял вверх палец, — пожалуйста, без...

Шеф полиции отмахнулся, мол, сами с усами.

Проведя еще 15 минут в кабинете, вышли оттуда и заняли "позицию".

Долго ждать не пришлось — высокого и худого адвоката, в идеальном сером костюме, с каменным выражением морды лица и слегка растрепанными седыми волосами, провели мимо нас через десять минут.

Женщины-полицейские, что вели адвоката "под белы ручки", сияли и лучились добрейшими из добрых, улыбками. Вежливость, предупредительность и внимание к задержанному, так и перли из них.

Во все стороны.

Госпожу Донкиль привели еще через пять минут и посадили недалеко от нас.

Офицеры "патрульки-47", молодые и распутившие хвосты не хуже павлинов, усадили ее спиной к нам и принялись брать автографы и делать селфи.

Благодаря зеркалам, что по давней привычке развешаны по всем стратегическим местам участка, в "довесок" к камерам, я изучал личико госпожи Донкиль.

Бледное. Инфантильное. Нервное, даже нет — дерганное. Заторможенные движения невыспавшегося человека, чьи биочасы давно-давно от него свалили.

Если сравнивать Магду и Элен — Элен выглядит на много лучше.

Только на ретушированных фото, Магда кажется моложе. В жизни...

Обычная, потрепанная звезда.

Створки лифта открылись вновь и уже знакомая компания, обступила нас с Толиком.

Сантана, Аша, Георг и Нэт.

Если все сложится, эта четверка станет самой страшной силой в "Фемиде".

А уж я приложу все усилия, чтобы сложилось.

Быстро проведя молодняк в кабинет начальника участка и оставив их там, для

получения "начальственных инструкций", снова вышли в зал.

Теперь наш выход.

Проходя за спиной Магды, словно продолжая беседу, выдал первую фразу:

— И кто такая, эта твоя — Магда Донкиль?

— Ты что! Это же — восходящая звезда! — Толик кусал губы, пряча улыбку.

— Три года потопчет на принудработах, станет — закатившейся звездой. Подумать только — вы с ней уже вторую неделю, вошкаетесь!

— Да. У нее адвокат — зверь! — Спица и я стояли полубоком к креслу Магды и дожидались одноразовых стаканчиков с кофе.

— ... Нет! Права не имеете! Сам все скажу! Все расскажу! — Дикий вопль, донесшийся до нашего слуха, добавил нашей игре правдоподобия.

Орал адвокат Шлеппан.

— Думаю, ее адвокату светит лет пятьдесят... Судя по крикам... — Предположил я и сделал первый глоток. — Да и госпожу Донкиль, ждет от трех и до пяти.

— Она на своих соцсетях, нас с землей смешает... — Горестно вздохнул Толик и я успел заметить торжествующую улыбку, промелькнувшую на губах у Магды.

— ЕЕ аккаунты заблокированы. — Позволил я себе легкую улыбку. — Сейчас идет проверка, если подтвердится...

Магда схватилась за свой телефон и принялась в нем отчаянно рыться, теряя весь свой и так дешевый, блеск.

— Если подтвердится... То, к нападению при исполнении, нарушению гражданской ответственности...

— Ты что несешь! — Толик покрутил пальцем у виска. — Совсем?

— Нарушению гражданского законодательства, — поправился я, — добавим пособничество с террористическими организациями, припомним все приводы, скандалы... Да если ее адвокат, даже и отвертится — а он отвертится! — то... Уже, лет на семь, восемь наберем...

Смотреть на Магду, в зеркале, было забавно.

И без того не выспавшаяся мордочка, стала похожа на крысиную.

У многих женщин именно так: вот она — красавица. Но, стоит только внимательно на нее посмотреть, из-под всего макияжа, лоска и блеска, скалится на весь мир загнанная крыска.

Ну, как же! Последние сорок лет, им все только и твердят, какие женщины униженные и оскорбленные, как мужчины их угнетали все эти века. Как женщина сама должна строить свою жизнь. Как должна сама принимать решения.

Но стоит только такой... попасть в "залет", как мгновенно, становится во всем виноват — мужчина.

Нет уж, девочки-дурочки... Приняли решение — жрите сами! И ответственность, на мужчину, не перекладывайте — ешьте свою свободу и запивайте ее своими слезами, ибо единственное, в чем свободен человек — это в праве распоряжаться Собственной жизнью. Да и то — далеко не всегда.

— Сайд? — Спица подмигнул мне и ткнул в зеркало. — Процесс пошел!

Магда в отражении, вертела, трясла и крутила свой дорогуший, в стразах и висюльках, телефон.

Порывалась встать, но, окруженная вниманием господ офицеров, брала себя в руки на

несколько секунд. И снова, все начиналось по новой.

— Я — пошел! — Улыбка Толика Спицы сверкала ярче электрической лампочки.

— Ни пуха! — От всей души пожелал я сделать еще глоток, уже остывшего кофе.

Вот уже и Магду увели в кабинет, а я все никак не мог допить холодный кофе.

Что-то разбередила, эта "крыска", в душе.

Именно таких, как она, любят искренне и бескорыстно, бросая им под ноги молодость, чувства, а иногда и здоровье. Именно после таких — в душе остается пустота и страх.

Именно такие — больше всех кричат о любви, даже представления не имея, что же это такое.

Гитарный перебор из незабвенных "джипси кингов", напомнил мне, что телефон, в присутственных местах, следует переводить на вибру.

— Сайд. — Амина, на том конце провода, подавила зевок. — Возвращайся. "ГХК" просят о встрече. Людвиг, ты и я.

Короткие гудки отбоя в трубке — "Краткость есть сестра таланта"!

"Проход" открыл, едва лифт сомкнул свои створки — стало интересно проверить одну "теорийку".

Проверил, на свою голову!

Из "прохода" вывалился мешком картошки, едва не потеряв сознание и решив для себя, что играть с движущимися "проходами" мне еще рановато.

Моя бумажка, на входной двери так и висела.

А вот бумажка на дверях Амины, претерпела значительные изменения.

Во-первых, теперь на ней значилось: "Осторожно! Амина!"

А во-вторых, взлетающий сапер превратился в человечка, получившего пинок под пятую точку!

Изменения сделал кто-то ручкой, с зеленой пастой, выполнив рисунок столь изящно, что захотелось его сохранить, для потомков.

Буквы тоже слегка подтерли, но вид — вид стал просто идеальным.

Жаль, когда Амина выйдет из кабинета, первым, кто пострадает...

Буду Я!

Едва я протянул руку к дверной ручке, как та растворилась сама, выпуская Шефа и Босса.

Людвиг и Амина.

— Сайд, не торопиться. — Шеф погрозил мне пальцем, пропустил вперед Амину, сунул мне в руки выдавший виды планшет и подхватив Босса под ручку, потащил ее к входным дверям.

"Экзекуция" переносилась на более поздний срок, но особой радости от этого я не испытывал. Едва поспевая за этими живчиками и пытаюсь одновременно ознакомиться с планшетом, воткнулся в открытую дверь, плечом и зашипел от боли.

Со всей этой спешкой я даже не обратил внимания, кто открыл "проход" — документы, что оказались на планшете были очень и очень даже занимательные.

Разумеется, я всегда подозревал — по молодости и твердо знал теперь, что все власть имущие... Не хорошие люди... Жадность, зависть, ненависть — все это у таких людей возводится в период и умножается на 1000.

Но вот такое...

Прибытие для меня стало жестким — точно между руководством, в спинку стула.

— Аналитика? — Потребовала Амина, с трудом пряча улыбку. — Выводы. Кратко!

— Десять лет расстрела! — Я "погасил" планшет. — Им. И 25-ть — нам, за ослабшие мозгой головы.

Амина поморщилась.

— Они — твои. — Шеф ткнул мне на стоящий чуть поодаль стул, за их спинами.

Спрятавшись за "каменной спиной" начальства, принялся "догрызать гранит" переданной информации.

За последние девять лет, "черный континент" разделили между собой три основные корпорации: "Группа химических корпораций", "Глобал повер компани" и "Геологические изыскания инк."

Ни одна из трех компаний о населении не беспокоилась, кидая подачки местным царькам и переселяя целые деревни на новые места, "валовым" методом.

Как всегда — верхи жирели, низы тощали.

Семь лет тому назад, после очередного переселения деревни силами "ГХК", она оказалась на территории "ГИИ".

"Геологи" кормить лишние рты отказались и в сутки "перепнули" деревню обратно.

А деревенские, возьми да и прихлопни, сперва наемников "Геологии", а потом и наемников "Химии".

Собрав богатый урожай, ошалевшие от открывшихся возможностей, деревенские парни прошлись кровавым катком, вдоль границы обеих компаний, сбиваясь в разномастную банду.

Целый год велась "тихая война", пока наемники, не поставили к стенке группу негров, что приехали на историческую родину, на сафари.

По описанию — очень даже правильно поставили, оружия при них было столько, что "ЗиЛ-133", зарылся в песок по оси...

Раздражённая американская общественность, потребовала призвать к ответу наемников. Потом — отправила своих командос. Потом снова потребовала и снова послала.

В ответ, корпорации закрутили кран, посадив общественность на голодный паек и, заодно, проредили численность командос.

Дважды.

"А сколько у нас лет Лвани? Правильно — 16!" — Я мысленно погладил себя по голове и довольно хмыкнул.

Осталась такая малость, понять, кто именно "просрал" боеприпас. По логике вещей, разумеется, химики.

Еще раз изучив "карту разделения", покачал головой — с таким же успехом, заряд могли "конфисковать" и с территории "энергетиков". И тогда становится совсем интересно — нафига он им?

— Сайд. Мы уходим! — Скомандовал Шеф и встал со своего места.

Я покрутил головой, осматриваясь по сторонам.

В кабинете, помимо нас, стояло еще семь человек — дорогие костюмы, дорогие прически, дорогие аксессуары — "Элита" корпоративной верхушки.

Следом за Людвигом, к выходу направилась Амина, с каменным лицом.

— Стойте! — Услышал я голос одного из "Элитных", но было поздно.

Едва дверь в кабинет открылась, шеф открыл проход и вышел вон.

"Выкрик с места", услышал только я — Амина, сделала шаг, за мгновение до этого.

Помахав рукой на прощание, шагнул в проход и я.

— Уроды... — Шеф брезгливо передернул плечами и сделав шаг к стене напротив, привычно пнул автомат по продаже сигарет.

Красная пачка ""Махim", соскользнула в лоток и оказалась в его руках.

— Людвиг... — Амина попыталась взять шефа за руку, но передумала.

Взяла предложенную сигарету и подкурила от зажигалки, протянутой мною.

Выдохнула и посмотрела мне в глаза.

— Буду у себя. — Понятливо ретировался я, недоумевая, что-же случилось.

В обед у нас всегда весело — кто-то приносит еду с собой. Кто-то — перебивается "автоматной жрачкой" или открывает проход до ближайшей кафешки. Звенят микроволновки, шелкают чайники, пыхтит кофе машина. Весело лязгают челюсти всех типов, хлюпают носы всех размеров, морщатся от кипятка, лица всех цветов и вот, миг блаженного насыщения, мгновение всеобщего покоя и сонного оцепенения.

Люди радуются жизни и через пару минут уже зажужжит вытяжка, и курильщики соберутся в кучку, вдыхая синий дым и выдыхая серый, оставляя в своих легких липкий яд никотина.

У меня на столе гордо лежала плитка шоколада, здоровенная, грамм на 200, горького, черного, с грецким орехом — "подгон" от Толика, за состоявшуюся беседу, надо полагать.

Две дольки и голод забился в какую-то щель и даже не вякал, пугая, что скоро вылезет оттуда и возьмет свою порцию. Шоколадом.

Потягивая кофе, продолжал внимательнее знакомиться с документами.

По которым получалось, что на второй год "конфликта", в аккурат изничтожив вторую волну командос, наемники устроили в глубине своих территорий тренировочные лагеря, обучая специально отобранную молодежь, убивать. Вчитываясь в строчки документов, увеличивая и разглядывая фотографии, почувствовал, что волосы стали дыбом. Идеологическая накачка, система поощрений, "круговая порука" и "вязка кровью" — самое малое, что привили своим воспитанникам наемники.

Дисциплина — строже, чем в армии.

Никаких наркотиков. Никаких сантиментов или колебаний. Общение — только на английском языке.

По данным разведки, только за последние пять лет, в таких лагерях прошли обучение двадцать тысяч человек.

Для Африки — армия.

Не дай боком, объединятся — полыхнет так, что за пару месяцев, ни от одного из царьков, духа не останется! Мало того — за каждого приведенного рекрута, прошедшего отбор и первичные тесты, полагается награда, и по меркам Африки — не маленькая.

Вот и встало на место, какую такую молодежь, собирался передать военным, вождь.

— Сайд! Курить пойдешь? — У моего стола замерла Агни, с пачкой в руках.

— Бросил я. — Признавшись самому себе, что больше не нуждаюсь в отупляющей вони сигаретного дыма, сразу почувствовал себя просто-таки монстром! Железным человеком и суперменом — одновременно.

— Не лопни! — Вернула меня на землю, наша пенсионерка, стукнув по ЧСВ.

Сотка задрожала, привлекая к себе внимание.

"У нас — ЧП! Толик."

Планшет, документы, чашка с остатками кофе — все отправилось в ящик стола.

Зажав в руке шоколадку, набрал ответную смс: "Где?"

"Участок"

Проход открыл по последним данным.

Выматерился, открыл люк на крыше лифта, спустился в кабину и перекрестился, что лифт стоял этажом ниже.

Если бы выше — летел бы я, три этажа вниз... Олух.

В голове билась только одна мысль: "Только не студни — всех сожру!"

Двери лифта раскрылись только после второго удара по кнопке, выпуская меня в страшно тихий зал, в котором люди ходили подобно теням.

— Сайд! — Перехватил меня Георг и нехорошее предчувствие сжало сердце. — Ты, только не волнуйся...

— Георг... — Прошипел я и заметил, как молодой человек втягивает голову в плечи и, в самом прямом смысле этого слова, начинает скользить ногами по паркету, впечатываясь в стенку. — Говори.

— У нас все нормально! — Затараторил Георг. — Санти спит, Нэт и Аша — одна у криминалистов, другая у сыщиков...

— Георг! — Я заметил, что впечатывает в стенку молодого человека все сильнее и глубоко вдохнул и выдохнул, выпуская пар. — Что случилось?

— Адвокат повесился! — Выдохнул Георг и зажмурился.

Приоткрыл один глаз и осторожно посмотрел — будет или нет гроза.

— Да ну и хай на него! — Выдохнул я расслабляясь. — Одним крючкотвором больше, одним меньше... Это и все ЧП?

— Ну, он же после Санти, повесился... — Георг "отлип" от стены. — Вот она и... Расстроилась.

— Сильно расстроилась? — Уже понимая, что ЧП был только в голове у моих, теперь уже — бывших моих — студентов, позволил себе улыбнуться.

— 17 человек за два часа... — Георг покраснел. — Она тут столько всем рассказала, даже о том, кто по ящику что-то рассказывал, что они друг с другом и не разговаривают!

Угадаете, какое слово сорвалось с моих уст, едва я осознал степень проблемы?

Правильно — "Полярный лис", во всей его красе, глубине, напоре и очень ценном мехе.

Маленькие коллективы, не так страшны своими порядками, как своими тайнами.

А тут...

— Отто меня убьет. — Понимание проблемы, решению проблемы не поможет.

— Ага. Он так и сказал. И еще много странных слов, на пяти языках. Пару я даже понял — слышал от Вас, когда на палатку упала земля...

Обычно не особенно многословный, Георг словно с цепи сорвался.

— Тебе тоже досталось?

Ответом мне был тяжелый вздох.

Толик, вышедший из курилки, при виде меня спрятал трясущиеся руки в карман и повел в кабинет к Отто.

В кабинете начальника участка курило семеро.

Вытяжка, отчаянно верещала, скулила, но справится с семью паровозами, не могла — не хватало мощей...

— Отто. Прости. — С места в карьер, кинулся я, понимая, что виноват — бросил студней одних.

— Сядь и не пыли. — В глазах Отто светилась такая тоска, что я понял — то, что рассказал Георг, даже не цветочки, так, почки...

— Сайд. — Мужчина, сидящий почти вплотную к столу, поднял на меня тоскливый взгляд и с лучиком надежды в карих глазах, поинтересовался: — Сайд, а Ваш ментат, действительно — "законный"?

— Да! — Гордо заявил я.

— Тогда смотри! — Прорычал Отто и включил дисплей системы видеонаблюдения.

Сантана, чуть пришибленная вышла из кабинета, за ее спиной мелькнула знакомая физиономия адвоката, провожающего ее испуганным взглядом.

Замерла, уставившись на экран и, по ее остекленевшему взгляду я понял, что ее сейчас прорвет.

— Убийца. Вор. — Отчетливо перечисляла моя студентка, наблюдая за человеком на экране. Список его прегрешений оказался растянут на пару минут — на весь новостной сюжет.

— А теперь, посмотри, на кого она замахнулась! — Отто щелкнул кнопкой, переключая камеры.

Над головой Сантаны, с экрана улыбалась всемирно известная личность.

— И, что тут такого? — Пожал я плечами. — Вы уточнили, о ком она вела речь?

В глазах курильщиков зажглась надежда.

— Нет, я конечно понимаю, что "ментат" это — круто. Но обвинять в таких преступлениях Папу Римского... Вы не находите, что это слишком? Мне тоже не нравится как христианство, так и любая другая религия, но... Вы совсем, что-ли?

— Думаешь, зря я ее, того, в сон отправил? — Один из курильщиков, своей простотой, меня просто взбесил.

Снова глубокий вдох и выдох.

— Нет, не зря. — Принял я точку зрения мужчины. — Только коллектив, теперь, снова собирать придется...

— Да. Это — проблема. — Отто почесал макушку. — Когда она проснется, поинтересуйся, о ком она речь вела, хорошо?

— Больные? — Удивился я. — "Ментат" же них... Ничего не помнит, после транса! Защитный рефлекс организма... Придется Вам теперь самим искать, кого она "зацепила".

А вот теперь господ полицейских проняло, до мозга костей, до скрежета зубовного, до кровавых соплей — заявление ментата — есть. А преступника — нет.

— Ищите! — Подмигнул я полиции и улыбнулся. — Как пишется в Вашей книге — "Ищущие да обрящут!"

— Скотина ты, Сайд. — Отто задавил в пепельнице окурков и покачал головой. — Я, вот теперь, даже и не знаю — хочу ли в штат "ментата"...

Пожав плечами, вышел из кабинета.

Делать здесь больше нечего.

Из вредности, проход открыл почти у дверей в комнату допроса, где проходил — там и открыл.

Финиш получился жесткий — слишком много "путешествий" и слишком мало сна.

Получив весомый тычок ниже спины, отлетел к стене, удачненько приземлившись на диванчик.

Правда, головой.

— Оба на... Это я удачно вышел, погулять! — Немолодой, лет сорока на вид, мужчина, с браслетами на запястьях, в синей джинсе и черной, кожаной куртке, заинтересованно осматривался по сторонам. — Слышь, а мы где?

— В "Фемиде"... — Растянул в улыбке губы, я. — "Удачно", говоришь... Ну-ну... Проникновение на секретный объект, нападение на сотрудника...

— Эй-эй! Я тут не при делах! — Мужчина замахал руками. — Я всего-навсего, решил сходить до туалета!

— Прихватив по пути наручники?

— Так получилось. — Как любой, кто промышляет жизнью за чужой счет, человек напротив меня светился раскаянием и сожалением. Очень похоже на... Домохозяйки на таких клюют — только за уши оттаскивай!

Усмехнувшись, вновь открыл проход и загнал туда моего "нежданного попутчика", на всякий случай — сопроводив.

"Потеряшку" приняли очень горячо, по пути объяснив, что за побег ему слегка накинута. "Слегка" — потому что побег не удался, а "накинута", что бы и в мыслях больше не было бегать.

"Какой-то у меня бесконечно длинный первый рабочий день..." — Пожаловался я автомату с газировкой в "финишном" коридоре.

Пинать бедолагу не стал — по моим воспоминаниям, в столе должно стоять полчашки кофе.

Кофе в столе, может и стоял, только сейчас, за моим столом сидел шеф и зорким ястребом наблюдал за работой отдела "Н", что-то черкая на листке бумаги.

— Шеф? — Я оттащил стул от соседнего стола и уселся напротив. — Проблемы?

— Объясни мне, Сайд, почему, люди у которых все есть — перестают быть людьми? — Тяжело вздохнув, шеф снова "припер себе кофе" и с удовольствием развалился на моем стуле. — А из всех стульев в вашем отделе — самые удобные у Тебя и у Амины?

— Просто Вы, шеф — кот. А люди, у которых все есть... — Я замер, формулируя свои ощущения. — Им все равно. Ведь важно для них только то, что есть у них... У нас проблемы?

— Слегка. — Шеф сделал глоток и зажмурился, на мгновение действительно став похожим на кота. — Я так и не могу понять, какого черта, они приперли с собой на встречу — "кноккера"?

"Кноккер" или по сложному — "эмпат-транскодер", а по простому — взломщик мозгов, в формат нашей встречи как-то не вписывался.

Кому-то очень захотелось покопаться в головах высшего руководства "Фемиды"?

Или не покопаться, а "закопать"?

— Сайд. Анализ! — Отчетливо приказал шеф и вбитый в подкорку рефлекс заставил выдать на гора все мои размышления.

Пока говорил, заметил, что наш стол отделен от всех "сферой Хаоса" — "конструктом" бешено тяжелым и максимально эффективным.

Пока мы беседуем в "сфере", на нас можно сбросить ядерную бомбу и мы ее не заметим. Утрирую, конечно.

Весь мой анализ уместился в три минуты, за который шеф успел выдуть весь кофе, сделать себе свежее и отвалится на спинку моего стула, прокручивая в голове мои слова.

Едва "сфера" распалась, у стола нарисовался Толик и вежливо поздоровавшись,

отправил нас к Амине.

У меня уже глаза слипались и зевалось так сладко, что даже прикрываясь обеими ладонями, я вызывал ответные зевки у всех видевших меня, окружающих.

Амина, видя такое положение дел, недрогнувшей рукой указала мне на дверь, отправляя на отсып.

Шеф, понимающе кивнул и "сделал ручкой".

Отчаянно зевая, до слез, до вывиха челюсти, провесил очередной проход, вывалился в него, прошел в ванну, набрал ее и в ней и заснул.

Во сне бегал, прыгал и уклонялся — сперва от кофеварки, потом от человека, с головой дятла и зубилом вместо носа-клюва, который бегал за мной и орал: "Я все о тебе расскажу! Всем правду о тебе выложу!"

Да, когда мозг хочет, он так события вывернет, что мало не покажется.

Через, часа полтора, когда вода стала комнатной температуры и я едва не захлебнулся, соскользнув на дно ванны, все-таки проснулся, выбрался в комнату и рухнул на кровать, мокрый и все такой же сонный.

А тот, кто скажет мне, что спать на закате вредно — пусть идет в пешее эротическое путешествие, на пятой скорости.

И снова сны, сны, сны.

Меня перебрасывало из одного полушария в другое, мозг отчаянно пытался мне что-то сказать, подтолкнуть в нужную сторону, но я его не понимал.

Подсознание, видя такой вопиющий факт пренебрежения, обиделось и ушло в подполье.

А я — отлично выспался.

В 23:15 я снова был на работе, сидел за своим любимым столом и перечитывал дело Аммерсана, на этот раз, присматриваясь к нему с точки зрения полученных новых данных.

Несомненно, два этих дела пересекались, и несло от них пропастиной — с ног шибало.

А вопросов становилось все больше.

К папке Аммерсана добавилась папка пилота — Гарика Вильнева, 29 лет, бывший гражданин Польши, бывший военный пилот, бывший, бывший, бывший.

Ни родни, ни друзей.

По описаниям знакомых — пилот от Бога.

Жил только небом и для неба.

Посмотрел его летную карточку и завидливо покачал головой — "пилот всего на свете".

Физические параметры — круче только у космонавтов.

Добравшись до заключения комиссии, по поводу катастрофы и замер, вчитываясь в резюме.

"Ошибка при пилотировании, опасно низкая высота, критически малая скорость, не справился с управлением..." — Издеваются?!

От расстройства, пошел за кофе.

— Сайд! — Отвлек меня от неторопливого выбора кофе, Толик. — Как ты думаешь, кого "ментат" имел в виду? Неужто...?

Да, слухи распространяются быстро.

— Толик, а ты сам, как думаешь? — Я ехидно улыбнулся.

— Оператор — точно! — Толик сделал глоток и закашлялся, поперхнувшись горячим.

— Толик... А что, "бритву Оккама", уже отменили? — Я подмигнул Спице и, прихватив чашку, вернулся к себе за стол.

— ... Жене позвони! — Стукнула пальцем по столу Агни, испугав меня, до мокрых носков. — Какие, вы, мужики... Одинаковые! Мой тоже — на работе до поздна висел, а позвонить — забывал!

Вся моя стройная конструкция, легла на бумагу и теперь смотрела на меня, намекая, что мне пора искать новую работу. Желательно — на другом континенте, сделав пластическую операцию и... Не только мне одному.

Понимая, что, сколько не сиди, а "докладать" придется, взял этот листок бумаги и поплелся в кабинет к Амине.

Босс была отвратительно свежа, отутюжена и блестела улыбкой в 32-а зуба, которая меркла, по мере прочтения ею моей "бумажки".

— Я звоню Людвигу. — Три слова, означающие, что я снова "круто попал".

Над этой "бумажкой" я просидел всю ночь, гоня поисковики и безжалостно тратя машинное время на расчеты и "пристрелки". Пришлось разбудить Клавдия — нашего программера, выслушать от него массу интересного, заставить написать программу расчета и потом выслушивать в свой адрес еще массу нового, когда программу пришлось переписывать, вторично.

Все "несрастужечки", "нескладужечки" и "странности" стали по своим местам, стоило только в качестве объекта приложения сил поставить нашу "Фемиду".

Единственным, кто в систему не лез, даже в "пристежку", был Сапфирр-Безобраз.

Но и для него, у меня начала вырисовываться схемка... Узнать бы еще, откуда он?

На Безобразе я решил пока не отвлекаться, хотя интуиция просто вопила, что мы еще встретимся. Очень скоро, встретимся.

— Кофе налить? — Амина вырвала меня из "странствий" и правильно сделала — от работы до работы — очень важен перерыв. Иначе начнешь подгонять ответы, используя уже пройденные пути.

О Безобразе я буду думать завтра.

На "разговор", Амина отгородилась от меня обычной "стенкой", даже прозрачной, так что я легко мог прочитать по губам все ее реплики и догадаться об ответных — по выражению лица.

Выражение лица было не очень.

Кислое, выражение лица было у моего непосредственного начальника.

И это она еще последнюю страницу не успела прочитать!

Прочитает — будет совсем худо, но без этого "худо" обойтись нельзя.

— Пей! — На столе передо мной появилась кружка кофе и тарелочка с бутербродами-канапе. — И ешь. Молча!

Амина принялась дочитывать мою писанину, постукивая по столу обычной шариковой ручкой, с зеленой пастой.

Я, как замороженный следил за движениями ручки вверх и вниз и гадал, обманывают меня глаза или снова обстоятельства играют?

— Да, навертел ты, тут... — Амина откинулась на спинку своего кресла и скопировала

мой жест — принявшись грызть ручку. — Складно все выходит.

Я кинулся пояснять свои выводы, но царственная Амина, небрежным жестом остановила меня, заодно добавив на пустую тарелку еще бутербродов.

— Все мне рот затыкают... — Пробормотал я себе под нос. — Кто поцелуями, кто кляпом, а кто, теперь, бутербродами...

— Скотина, ты, Сайд. — Беззлобно ругнулась Амина. — Несправедливая скотина. Тебя кормят, выслушивают, кофе наливают. В кабинет к своему боссу тыходишь едва ли не с пинка...

— Неправда. — Рассмеялся я. — Никогда такого не было!

— Ну, хорошо, не в кабинет. — Амина мне подмигнула и я стал что-то подозревать, но еще не...

Чувствуя, что краснею, занялся едой и кофе.

— Дошло? — Босс, довольная своей выходкой, довольно похоже издала дьявольские три "ха".

— И, к кому же я ввалился? — Любопытство перевесило стыд. — Комната, вроде моя, была...

— Комната — твоя. Бывшая, твоя. А вот жилец... — Амина достала смартфон, пробежалась кровавым ноготком по экранчику, улыбнулась и повернула экран ко мне.

— Ой, ё-ё-ё-ё-ё... — Я схватился за голову и подавился, одновременно.

С экрана на меня смотрел кошмар любого отдела, страшный сон любого агента и "ужас летящий на крыльях ночи" — глава отдела внутренних расследований и должностных преступлений, Вангелия Ваен, по прозвищу "Ванга-Ванга", по характеру — носорог, по красоте — "мисс Мира", а по зубастости — десяток акул, относящихся к давно вымершим кархарадонам.

— Надо будет ей тортик поставить, за хлопоты... Да за доброту, невероятную. — Я держался за мочку уха, снова уходя на анализ событий.

— Перебьётся, лахудра крашенная! — Амина и "Ванга-Ванга", по слухам, старые соперницы.

Друг друга на дух не переносят, старательно отбивая мужиков, при всем при том, что вкусы у обеих совершенно разные.

Впрочем, отбивают они не только мужиков — сотрудников тоже.

Если, к счастью для себя, в число первых я не попал, то вот ряд вторых, едва не пополнил.

Спасло меня тогда то, что я слишком терпеливый.

Терпеливо выслушал все предложения госпожи Ваен и... Остался работать на Амину, то есть — отдел "Н", разумеется. О истории этой я никому не рассказывал, но вот, вспомнилась...

Шеф появился сразу за закончившимся кофе.

Уселся напротив Амины, привычно ругнулся на то, что текст снова "от руки" и углубился в чтение.

Этот злосчастный тетрадный листок в клетку, он мусолил пятнадцать минут!

Я уже испугался, что почерк у меня, и без того не очень, испортился, как он положил его на край стола и громко цыкнул зубом.

— Когда ждешь Сапфира?

— Не больше пяти дней. — На "автопилоте" ответил я и сам заинтересовался, откуда

"вывалился" ответ.

— В пределах нормы. — Людвиг не торопливо достал из кармана пачку сигарет и протянул мне.

Дождался отрицательного мотания и улыбнулся.

— Что? — Не выдержала Амина.

— Да, застрадал, тут... Один аналитик... — Шеф убрал пачку в карман. — "Возможное применение воздействия "кнокера"!! Может быть, и хотел, да не успел. Реакции у тебя и без того — мотаются по всей шкале, а как с куревом завязал, так и за шкалу, выпрыгивают.

— Тем более — достаточное основание для отстранения. — Пожал я плечами, понимая, что сейчас играю за адвоката дьявола.

— Отстранения? — Людвиг рассмеялся. — Для наблюдения — может быть. А вот об "отстранении", можешь забыть. Через два часа у нас повторная встреча, с господами из корпораций. Теперь уже не на "нейтральном" поле, а в нашей конторе.

Тонкая боль, словно некто медленно принялся вбивать мне в висок маленьким молоточком, тоненькую иглу.

"Здравствуй, Предвестник!" — "Обрадовал" я себя самого. — "Так проходит мирская слава!"

Пока начальство обговаривало варианты, отпросился у них и спустился еще на один ярус вниз — в лаборатории, где царствовал князь Максим. Царствовал мудро и людей своих держал в самых жестких ежовых рукавицах, холя и лелея специалистов, издеваясь и высмеивая — приспособленцев.

— Сайд! — Максим Туарек, мулат из мулатов, метр восемьдесят пять сантиметров ростом и сто семьдесят в плечах, посмотрел мне в глаза и понятливо закивал головой. — Опять?

Скривившись от очередного, особо сильного удара молотком по игле, плюхнулся к нему в кресло и тихонько застонал.

— Совсем плохо? — Макс засуетился вокруг меня, одновременно вызывая свою протеже, закатывая мне рукав рубашки и откидывая спинку кресла, на три четверти. — До какой степени?

— До "царственного". — Признался я, расслабляясь. — За десять минут.

— Спал сколько? — Макс уселся напротив меня, проверяя давление. — Жанна! Живее!

— Пять часов. — Быстро подсчитал я и чертыхнулся. — И час — в ванне.

— Значит — шесть. Жанна! Два кубика "обычного" и шесть — его, "специального"... — Начал перечислять, не называя, Макс.

— Макс... У меня через полтора часа — встреча. — Быстро предупредил я, что бы мне не вкололи чего-нибудь не "того".

— Ага. И два куба — "антигистаминного". — Таурек, помялся и задал вопрос. — "Эксперимент" продолжаем?

"Экспериментом" мы с ним окрестили контроль за этой моей способностью.

Впрочем, какой там к чертям собачьим, контроль!

Тут бы от боли не околеть и не начать кусаться...

Макс все надеялся найти у меня в мозгу "центр тревоги", накопив уже более сотен снимков, МРТ, снятий "свечений Кирлиана", ЭКГ и прочего, прочего, прочего.

На его беду, этот самый центр оказался у меня блуждающий и не поддающийся расшифровке.

На всех снимках — идеально здоровый мозг, без патологий.

— Продолжаем. — Согласился я и князь Максим радостно потер руки.

— Пришло новое оборудование, так что мы у тебя, в два счета все найдем! Жанна, ты где... — Макс начал свирепеть. — Уволю. Достала. Корова.

Уволить Жанну Макс обещается вот уже восемь лет. Она, за это время, успела дважды сходить замуж и родить двоих чудесных, крепеньких мальчиков.

— Максим Андреевич, не ругайтесь! Сами отправили меня в лабораторию... Сайд, привет! А я-то понять не могу, чего у нас тут все завертелось! Сейчас мы тебе укольчик вколем, два того, шесть этого и пару от аллергии. — Высокая, полная, Жанна, стремительно двигалась по кабинету, собирая лекарства в кювету на подносике. — И на новый аппарат, скатаемся. Он у нас — суперский, беленький и хромированный!

Макс спрятал лицо в ладонях.

Никогда он ее не уволит.

Даже когда женится, жена будет прыгать от радости на седьмом небе от того, что на работе, у ее мужа романа быть не может.

Раздевшись по пояс и вытащив из карманов все металлическое, устроился на движущейся кушетке, на которую ткнула пальчиком Жанна.

— Сперва — анализы! — Рывкнул Макс. — И пробы и снимки! Сайд, ты же потерпишь?

Можно подумать, у меня был выбор...

Кровь из вены, Жанна уже набрала и теперь старательно наклеивала мне на грудь электроды.

И как всегда, беззлобно ругалась себе под нос, грозя меня, мохнатого валенка эдакого, побрить во всех местах, куда дотянется.

К молотку и игле добавился шуруп и шуруповерт.

Изящно толкнув бедром кушетку, Жанна сдвинула ее в сторону открывшейся при этом, двери и подмигнула мне.

— Выйдешь, получишь укольчик и будешь ты здоров!

Кушетка въехала в белоснежную комнату, у стены которой замерла адская машина с хромированным ободом, в который мне предстоит сунуть свою многострадальную голову, и тремя сияющими словно звезды, светодиодами — фиолетовым, зеленым и красным.

— Пожалуйста, закройте глаза и расслабьтесь. — Попросил нежный женский голос у меня над головой.

От удивления завертел головой во всех направлениях и рассмеялся собственной глупости — разумеется, запись!

Расслабившись, закрыл глаза и принялся дышать под счет, успокаиваясь.

Кушетка подо мной плавно проехала еще пару метров и замерла.

Нежное тепло коснулось макушки и заскользило в сторону пяток.

На третьем проходе, к игле и шурупу добавился гвоздь. Ржавый и гнутый.

Причем тот, кто его забивал, постоянно промахивался по шляпке гвоздя, гвоздя мне по крышке черепа!

Кувалдой.

Гад!

— Обследование завершено! Спасибо за Ваше содействие и понимание. Пожалуйста, оставайтесь в горизонтальном положении, пока тележка не покинет помещение аппарата!

На все анализы и снимки ушло сорок минут.

Получив свой укол — пересидел в кабинете у Макса еще минут двадцать, приходя в себя и любуясь четкими снимками своего мозга.

Очередными.

На мой взгляд — совершенно такими же, как и предыдущие 100500 штук.

Однако Макс был счастлив, Жанна кудахтала от восторга, и обоим было не до меня.

Едва укол пошел в "пользу", помахал исследователям ручкой и вернулся к себе.

— Сайд! — Толик поставил на стол передо мной бутылку коньяка. — Твоя доля.

— Какая доля? За что? — Замер я, собирая мозг в кучку. — Вы что, вправду Папу Римского арестовали?!

— Дурак ты, Сайд. И шутки у тебя — дурацкие! — Толик аж поперхнулся от возмущения. — За Магду...

В семь утра, с почти утихнувшей головной болью, стоял возле кабинета наготове, как ракетоноситель на стартовой площадке.

Вышедшие из кабинета начальники, молчком, пронеслись мимо меня, лишь махнув рукой, что бы я не отставал.

В этот раз проход открыла Амина.

Очень миленький, воздушный и очень узкий — идти пришлось по одному, почти касаясь плечами стенок.

Ну, это нам, мужчинам. Амина в своем проходе плыла, вся миниатюрная, изящная и такая таинственная, как небожительница. Нет — Джинния!

Вышли мы в помещении, опознать которое мне так и не удалось — стоял с открытым ртом, любуясь расписными фресками на стенах.

Цветочные узоры, синие на белых стенах, абстрактные узоры, белые на синих стенах, яркий солнечный свет, льющийся через узкие прорезы высоких окон и лежащийся под ноги на мозаичный пол, с геометрическим орнаментом.

— Наш новый отдел. — Амина, видя мое состояние, помогла закрыть отвисшую челюсть. — Открыли два месяца назад. Штат собираем до сих пор...

— Амина! Сайд! Время! — Поторопил нас Шеф и застучал каблуками по полу.

Проскочив "входной" зал, поднялись на второй этаж, уже более европейский и оттого кажущийся здесь чужеродным.

Слишком строго, слишком сжато и слишком серо и неприветливо.

— "Гостевая часть"... — Амина шла рядом со мной. — Что случилось?

— Голова болит. — Признался я.

— Тогда, сделаем, по-моему... — Амина отстала от нас, доставая телефон и набирая сообщение неведомому абоненту.

Кабинет, в котором мы расположились, выполненный в стиле хай-тек, с новенькими, еще пахнущими магазином, креслами и столами, на которых в ряд выстроились напитки и напротив каждого места лежали карандаши и ручки.

Амина пощелкала выключателями, каждый раз сокрушенно качая головой — освещение ей не угодило, видите-ли!

— Амина, сядь, пожалуйста. — Попросил Шеф, занимая место за круглым столом. — Не накручивай себя. И меня — тоже.

Едва Амина устроилась рядом со мной, по правую руку от шефа, отворилась вторая дверь и в комнату вошли четыре человека.

Двоих я знал.

Их знал весь мир, в конце-концов!

Глава "Группы химических корпораций" Олег Смоан и отец-основатель "Глобал повер компани", Кент О'Лири.

Двоих других я видел в первый раз.

— Мистер Ван Слоук, рад приветствовать Вас! — Смоан замер напротив нас, видимо ожидая, что кто-то из нас встанет.

— Не скажу, что очень рад приветствовать Вас. — Шеф сидел, не шевельнувшись, только те, кто видел нашего "красавчика" в деле, мог понять, что сейчас разыгрывается очень важная карта.

И, может быть зря, шеф начал игру с оскорблений?

Впрочем, ему виднее.

— Представьте остальных спутников! — Резко потребовал Шеф.

— Кент О...

— Я просил — остальных. — Шеф поморщился. — Не надо делать вид, что Вы не поняли все сразу.

— Майкл Джон Роббатс — президент "Геологические изыскания инк". И господин Ульрих Фрош, от объединенной адвокатской комиссии.

— И нахрена вы приперли сюда крючкотвора?! — "Изумлению" шефа не было конца. — Можно подумать, что мы не сможем договориться без их проклятого племени! Или... Доверять словам глав компаний уже нельзя?

— Слово словом, а дело — делом... — Тихонько пробормотал себе под нос адвокат, но был услышан Аминой.

— Дело? Разве у Вас есть здесь дела? — Амина дурашливо поиграла бровками и демонстративно расстегнула верхнюю пуговку на блузке. — Я думала, здесь собрались взрослые люди, расслабиться, поговорить... А здесь — дела!

Я сидел, сжавшись в комок и не отвечивал — моё присутствие вообще не поддавалось никаким объяснениям.

— Я приношу извинения, за... Произошедший инцидент. — Олег Смоан, затянутый в синий, с искоркой, костюм тройку, склонил голову, признавая совершенную ошибку. — Виновные уже понесли наказание.

— Представляете, — повернулся к нам с Аминой, шеф. — Еще и слова не было произнесено по делу, а виновные уже нашлись и даже понесли наказание!

— Я понимаю Ваше негодование, — пустился в словоплетения адвокат. — Но, может быть, мы оставим эмоции, на время, за дверями этого чудесного помещения и поговорим, как серьезные люди?

— Мы вас слушаем. — Шеф откинулся на спинку кресла и замолчал, заинтересовано переводя взгляд с одного "маститого" на другого. — Я весь внимание!

— Если позволите, первым начну я. — Майкл Роббатс скопировал позу шефа и принялся за рассказ.

— Несколько лет назад, нам попал в руки один из документов, тайно вывезенный, из еще — Советской России, о бункере, построенном на территории Африки, Советским Союзом. Согласно этого документа, в бункер были завезены некоторые, очень опасные, вещества. В том числе — несколько ядерных боеголовок, мощностью до пяти мегатонн.

Я не выдержал и хрюкнул в кулак. Тихонько. Никто и не услышал. К счастью.

— Три наших группы, объединились для поиска этого бункера. — Продолжал президент

"геологов", не замечая, как наливаются кровью, глаза Амины, а Шеф начинает дышать глубоко и ровно. — Зная места пребывания советских военных советников, все поиски велись на территории Ливии, Анголы, Мозамбика... Только недавно, закончив исследования этих территорий, мы решили прочесать некоторые, отдельно взятые государства.

— "Отдельно взятые..." Монетку кидали, что-ли?! — Поразился шеф.

В этот раз хрюкнул Кент О'Лири.

— ... Бункер был обнаружен нами в 220 километрах от Найроби, в плачевном состоянии, разграбленный местным населением. Все, что можно было срезать и снять — срезали и сняли. — Даже не дернув глазом, продолжил вешать нам лапшу на уши, "Геолог". — Нашим людям удалось, с помощью коллег из "ГХК", частично утилизировать, частично — уничтожить обнаруженные запасы химического оружия, оставшиеся от времен пребывания там Советского Союза...

— ... Эту байку я слышал от деда, в далеком 83 году. — Шепнул я на ушко Амине, старательно делая вид, что впечатлен рассказом. — Правда речь шла о Вьетнаме и там ни хрена не нашли... До сих пор...

Адвокат побагровел, но сделать замечание не решился, лишь отчаянно зыркнув сперва на меня, потом на Амину, потом на Шефа.

— ...К сожалению, один из зарядов был похищен и оказался в деревне Аррумбве. Магнитная ловушка, запирающая замок, потеряла, со временем, заряд и вещество стало просачиваться в атмосферу. Наши коллеги из "ГХК", прочесывали местность с помощью самолета, когда случилась трагедия. Пилот и его пассажир, пожертвовали своей жизнью, чтобы не допустить распространения боевого отравляющего вещества и направили самолет на место утечки, вызвав пожар, который...

— Сайд. Анализ! — Рывкнула Амина, при этом испугав не только меня, "развесившего уши", но и придремавших "маститых", вместе с крючоктвором.

— Ложь от первой и до последней ложки. — Не вставая, начал делать я аналитику "на лету". — СССР подобные бункера на территории Африки не строил. Так же, как не строил их на территории Австралии или где бы то ни было еще. Не имело смысла. Далее, голословные утверждения и кивки на "добрых коллег". Уважаемый О'Лири, можно на минуту Ваши часы?

Кент О'Лири недоуменно повертел головой, но часы с руки снял и протянул мне через стол.

— Пять нолей восемнадцать... — Прочитал я со вздохом серийный номер и продемонстрировал часы Шефу. — Браслет новый, а часы — старые. Не можете расстаться с памятью о удаче, господин О'Лири? Или бережете как память о том, как подсидели коллегу? Теперь уже не важно — Конрад Ф. Аммерсан вам претензий предъявить не сможет.

Отдавая часы, словно невзначай прикоснулся к руке владельца часов и вздрогнул — волна ненависти, накатила валом. Только не на меня. Объектом продолжал быть Конрад Аммерсан, даже из могилы тычущий пальцем в своего коллегу, недалекого ученого, но прекрасного торговца.

— Далее, для тех, кто в танке... СССР магнитными замками пользовалась крайне редко и уж тем более не для сохранения целостности упаковки боеприпаса. И... Маркировка "NEVV-99\02-01E" не имеет отношения к советской системе маркировок. Хотя бы просто по отсутствию кириллицы!

Адвокат поправил узелок галстука и у меня сорвало крышу, словно за этим движением

могло начаться нечто, чего я потом не смогу себе простить.

Оба пистолета сами прыгнули мне в руки и оказались направлены: один на адвоката, а второй уткнулся в разинутый рот главы "ГХК", царапая и разрывая ему губы.

Едва рука "химика" коснулась моей руки, снял пистолет с предохранителя и засунул его мужчине в рот еще глубже.

— Всем руки на стол! — Потребовал я. — "... "Фемида" не должна стать третьей силой?!" Что у вас? Спрэй? Аэрозоль или контактный? Ну, живо, отвечайте!

Я давил на адвоката, единственного, кого всей этой шайки-лейки было не жаль.

Ну и нас, разумеется.

Справа от меня, попытался пошевелиться господин О'Лири, но взвыл и раздался голос моего шефа.

— Сказано — руки на стол!

— Всем высунуть языки! — Амина привычно держала в руке тяжелого "орла", направив его в голову "геологу". — Зал изолировать по "биологической угрозе"!

Кент скулил и отвлекал, на долю секунды отвел глаза и посмотрел почему.

Левая ладонь скулившего мужчины оказалась пробита обычной шариковой ручкой, с зеленым колпачком.

Впрочем, как я понимаю, не совсем обычной — пластик бы не смог прибить ладонь к дереву стола.

— Языки держать наружу! — Амина трижды щелкнула пальцами. — Кто закроет рот — получит пулю.

— Зал взят в карантин. Группа в изолированных костюмах ожидает разрешения. — Холодный модулированный голос программы безопасности начал остужать мои разгоряченные нервы. — Фиксация аудио-видео данных. Контроль за состоянием.

— Заткнись, Мальборетта! — Раздраженный шеф выбрался из-за стола. — Открывай двери.

Люди в белых пластиковых костюмах, с системами жизнеобеспечения за спинами, наводнили кабинет в мгновение ока.

Запорхали быстрыми бабочками, упаковывая в герметичные коконы наших гостей, разговор с которыми не задался с самого первого раза.

— Я тебя запомнил. — Пообещал мне господин Смоан, зло улыбаясь разбитыми губами. — Мои люди найдут и тебя, и твою семью...

В начале мне показалось, что это у меня дернулась рука и палец непроизвольно нажал на курок, в ответ на столь неприкрытую агрессию.

Я даже повертел пистолеты перед носом, пытаясь решить из которого именно я отстрелил ногу этому человеку.

Потом дошло — калибр великоват.

— Угрожать моим людям и членам их семей — верный способ остаться одиноким калеккой! — Сказала Амина глядя в глаза господину Смоану. — А с вашими деньгами и предприятиями... Мы найдем, как распорядиться ими во благо... Справедливости...

Теперь пробрало всех.

Впервые, на моей памяти Амина повела себя именно так.

Мягкая, тактичная и вежливая, улыбчивая и женственная — для Амины было много описаний. Но вот такую Амину я увидел в первый раз.

— Сайд! Сайд! Сайд! Пистолеты, отдай! — Требовал от меня невозможного, кто-то из

белом костюме с зеркальным забралом шлема. — Сайд, анализ!

— Да пошли, вы, шутники... — Обиделся я и убрал оружие. — Тоже мне, нашли собачку Павлова... Ай!

— Из комнаты не выходить! — Неизвестная личность, держала в руках три шприца с нашей кровью. — Пока посидите, поговорите... Еду принесем, туалет — за левой дверью! Что будет надо — кричите громче — двери закрыты!

"Юморист" скрылся за дверью, оставляя нас в тишине и нервном спокойствии.

— Кто тут за медика? — Шеф крутил в руках окровавленную ручку, старательно оттирая ее от следов крови салфеткой.

— Мирош. — Амина вернулась на свое место и потянулась за бутылкой минералки. — Хороший специалист.

— Опять, "с миру по нитке!" — Зло свое шеф сорвал на ни в чем не повинном карандаше, старательно разламывая его в труху.

Амина дотянулась до бутылки, но не смогла открутить крышку и протянула ее мне.

Наклонив пластиковый баллон на 45 градусов, в одно движение, скрутил пробку и отдал его своему непосредственному начальству.

— Офигеть... — Выдохнуло начальство, переводя взгляд с этикетки на бутылке на меня и обратно. — Открыть сильногазированную в одно движение?! И не обрызгать все вокруг?! Фантастика!

— 45 градусов — очень удивительный угол... — Хмыкнул я, вспоминая многие забавные ситуации, связанные с этими самыми углами в 45 градусов.

В открывшуюся дверь вкатилась тележка, нагруженная едой и трех литровым кофейником.

— Ешьте, пока. — Обрадовал нас мужской голос по громкой связи. — Результаты будут через два часа, так что, придется Вам, господа начальники, слегка поскучать.

От тарелок, накрытых серебряными крышками, уже всюду плыл по комнате запах узбекского плова, пряный, насыщенный и... Несравненный! Спелые фрукты и зеленый чай, в отдельном чайничке — для ценителя и любителя.

Пока Шеф заливался кофе, мы с Аминой, не сговариваясь, налегли на плов и зеленый чай.

— Эх... Я бы мантиков, сейчас, навернул... — Глядя на пустую тарелку и хрустя яблоком, я печально облизнулся.

— Ну, ты и пролот! — Восхитилась Амина. — Впрочем, как мужчина ест, так и любовью занимается...

— Ой. Он — краснеет! Амина! Наш бравый аналитик — краснеет! — Шеф оторвался от нарезания дыни на мелкие кусочки и уставился на меня.

— МАНтов не будет. — Голос сверху, не знакомый и веселый, поставил крест на моей мечте. — Если дотянете до вечера, то будут не только манты, но и, что покрепче!

— Не очень-то и хотелось... — Буркнул я себе под нос и показал язык потолку.

Пока я разыгрывал из себя черти что, в голове крутилась отвратительная мысль: "А если я ошибся? Если, притянул за уши?"

Потягивая зеленый чай, встал и отошел к окну, выходящему в чей-то сад.

Цветущий, сад. Полный цветущих фруктовых деревьев, подернутых облаками насекомых и нежными красками лепестков.

"Э-э-эх-х-х! Сейчас бы окно открыть, да этот запах — полной грудью! До звона в ушах,

до хруста ребер, до..."

— Сайд. Не трепи себе нервы. — Амина тихо подошла сзади. — Лучше сделать и пожалеть — один раз, чем не сделать и жалеть — всю жизнь.

— Черт с ним, если я ошибся — отсижу, уйду в монастырь, уволюсь... — Я обернулся и посмотрел Амине в глаза. — А если не ошибся, да еще и опоздал?

— Ну и взгляды на жизнь у тебя, Сайд. — Амина отшатнулась, словно впервые меня увидела. — Да и просто — взгляд...

— Дорогое начальство! — Вклинился в наш разговор "Юморист". — Только что, была совершена попытка нападения на Европейское отделение "Фемиды". Жертв нет. Ведется допрос. На данный момент — из трех десятков нападавших, двадцать один человек находятся под действием новейшего наркотика. Приятного вам, отдыха!

— Уволю, "хохмача"! — Беззлобно пообещала Амина. — Или отдам медикам, на опыты.

— Ага. — Шеф прикрыв глаза цедил кофе и полировал его сигаретой. — А вдруг ему понравится?!

— Людвиг... Это — Восток. На Востоке никто не любит попадать к врачам... — Амина разогнала рукой облако табачного дыма и отсела подальше, держа в руках свою чашку. — Восток, Людвиг, это не просто — "дело тонкое". Восток это умение быть ко всему готовым. Восток — это то, что остается в твоей крови, даже если прожил на западе сто лет. Здесь все готовы ко всему: крестьянин готов к холодам, что поморозят деревья или самодуру-начальнику. К взбесившейся реке и палящему зною. Женщина всегда готова к тому, что в любую минуту может оказаться на улице, в чем была. Это — в крови. Даже я, кровью лишь на половину, с востока, выходя из дома, трижды проверю все ли у меня с собой! Восток это и блеск и нищета. Восток — это танец живота и...

Амина стусевалась, и я ее понимал — говорить о Востоке можно сколько угодно. Только понять его, дано далеко не каждому. Оттого и остаемся мы "дикарями" в глазах запада и смеемся над ними, потому что никогда не сможет запад понять восток. А восток... Дело тонкое!

— Господа начальники, спешу Вас обрадовать! — Серьезный мужской голос, сделал паузу и кашлянул. — У двоих обнаружены в крови антитела. Название болезни Вам ничего не скажет, но хорошего мало. Точнее — просто нет.

— Кто? — В три глотки мы перебили мужчину, дружным рыком.

— Олег Смоан и Ульрих Фрош.

— Антитела? Это ничего не значит! — В один голос с шефом, заявил я, видя расслабившуюся Амину.

— Может быть, оба были, например, в Конго или на Кубе... — Пояснил шеф и снова принялся методично нарезать дыню. — Перед поездкой туда делают целую кучу прививок... Особенно — рафинированным европейцам...

Судя по тому, с какой мукой в голосе это было сказано, наш Шеф с одной из этих стран знаком очень близко. И ничего хорошего, от этого знакомства, не получил.

Странно.

Мне Куба понравилась.

Очень.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Мирош! — Обратилась к "потолку" Амина. — Если что... Говори сразу, как есть! Иначе — уволю!

— Нормально все будет! — Услышал я бархатный голос, с явно проскальзывающим акцентом чешского или болгарского. Скорее, все-таки — болгарского. — Сейчас возьмем у вас еще кубиков по сорок и отполируем выводы!

— Ш-ш-ш-шутник. — Шеф, наконец-то нарезал дыню на мелкие кусочки и теперь меланхолично их поглощал, один за одним, равномерно, как метроном, закидывая их в рот. — Амина, не слишком ли ты вольницу развела? Когда твои сотрудники, последний раз сдавали норматив по стрельбе? А сама?

— Вчера. — Честно призналась Амина. — Две обоймы и ни одной — мимо цели!

Пришлось отворачиваться и смотреть в окно — воспоминания от расстрела кофеварки, были еще так свежи!

Шеф что-то заподозрил, но уточнять не стал — побоялся, что во многих знаниях — многие печали.

— Интересно... — Я рассматривал пейзаж за окном и заодно размышлял вслух. — С чего это нападение произошло на Европейский отдел?

— Гостей провели сюда по коридору, из Цюриха. — Амина откинулась на спинку кресла и сыто зевнула, эстетично прикрыв рот ладошкой.

— Ага. Значит — еще пара вариантов, нарисовалась. Плохо. — Я уселся на широкий подоконник и поставил ноги, согнув их в коленях и обхватив руками. — Все сумбурно и быстро. Спланировали заранее, вот только что именно?

— Паника. Срочная эвакуация руководства. Спасение одного или всех членов группы... — Шеф начал перечислять варианты, который вертелись и у меня в голове.

— Или, под шумок должны были инфицировать...

— Сайд! — Остановил меня Шеф. — Не нагнетай. Да и вообще — слишком сложно "Бритву" никто не отменял!

— Какую "Бритву"?! — Не удержался от вопроса "потолочный" голос.

— Оккама, Алмаз, Оккама! — Рассмеялась Амина. — Вот вам, Людвиг, показатели того, что "бритву" отменили! И уже успели забыть!

Вновь открылась дверь в кабинет и фигура в легкой маске — "лепестке" и белом халате, с чемоданчиком с красным крестом на белом фоне, в руках, неторопливо прошествовала к столу.

Открыла чемоданчик и начала доставать из него шприцы, скальпели, жгуты, страшного вида чашки Петри, мензурки и, на закуску, достала спиртовку.

Покачала головой, глядя на наши выпученные глаза и достала пустую колбу, миллилитров эдак на семьсот.

Поставила его на стол и жестом фокусника, приоткрыла притертую пробку.

От окна мне было видно плохо, так что пришлось вернуться к столу.

— Держите! — Фигура в маске сунула нам в руки по мензурке с делениями, причем мне — целых две! — Крепко держите, но нежно — стекло лабораторное, дорогое и... Вообще...

Открыв пробку, мужчина старательно отмерил в каждую мензурку по 50 миллилитров спирта и закрыл колбу.

— Ну... — Мужчина забрал у меня из рук "лишнюю" мензурку и стянул с лица маску. — С вторым Днем Рождения! Примите мои самые искренние поздравления!

Приподняв мензурку, салютуя нам, врач поднес ее к губам и, выдохнув, опрокинул ее в рот.

Глядя на него, как бандерлоги на Каа, мы повторили его жест.

Чистый медицинский спирт скользнул по пищеводу, огненной рекой, гоня перед собой всех бактерий, микробов и вирусов, визжащих в ужасе от приближающегося жидкого ада.

— Ты бы хоть разбавил... — Просипел шеф, вытирая слезы. — Амина, сперва надо выдохнуть...

— Боже! Я всегда считала, что чистый спирт пьют только забулдыги, по подворотням! — Амина наконец-то выдохнула. — Как низко я пала!

— Повтори! — Категорично потребовал шеф, протягивая мензурку. — Отмечать, так отмечать!

Снова в наших мензурках заплескалась прозрачная жидкость.

— Кто? — Не выдержал я и задал очень важный для меня вопрос.

— Кент О'Лири. В основном. — Подмигнул мне высокий и голубоглазый мужчина, с седыми висками. — Точнее, все четверо. Сложная комбинация, получилась. В случае чего и не подкопаешься, до чего все красиво и умно спрятано. Аж душа поет, как красиво и... Я Это Расколос!

Мир стал светлым и радостным.

Вторая мензурка пошла по горлышку мягко-мягко...

Гоняться за этим поросенком можно было до бесконечности.

Наглая розовая тушка, на хвостике которой сейчас блестел золотой перстенок, с визгом, скользя по паркету копытцами, вновь ушел в занос, сорвал атаку и скрылся за поворотом.

Если бы не уговор, давно быть этому поросю на вертеле, кольцу на пальчике, а мужчине за бутылкой красного вина, праздная очередную победу мужской силы, над женскими кознями.

Визг поросенка внезапно оборвался сдавленно-вопросительным-обиженным "хрюю-ю-ю-ю-к" и... Тишина!

Тор побежал по коридору.

За поворотом, в луже крови, на чашах весов, лежало две полу тушки поросенка, разрубленного повдоль.

Измазанный в крови безвинно убиенного поросенка меч, лежал рядом, посверкивая драгоценностями, украшающими рукоять.

— Ф-ф-фу! — Выдохнул Тор, вытирая пот со лба. — Конец моим печалям! Держитесь, злодейки, я иду!

— Не ори! — Голос Воя, доносящийся из зеркала напротив, быстро завел рыжего бога, переводя его из состояния благостного в состояние мерзостное.

— А ты, дружок, не очень то и торопился! — Тор упер руки в боки и яростно блеснул глазами. — Мне, здесь, между прочим, не курорт, устроили!

— Затрахали! — Понимающе кивнул Вой, осматривая приятеля. — И закормили. Точнее — откормили. Фимка, никогда не скрывала, что любит мужчин "в теле"...

— В теле! В теле, а не в "телесах"! — Измученный пробежкой, злой и озадаченный бог сменил гнев на милость и поинтересовался: — Как у Тебя дела?

— Глядя на этого розовенького поросенка, понимаю, что намного хуже, чем у тебя. — Отражение Воя в зеркале громко щелкнуло языком. — Тупая свинья!

Рука бога войны потянулась за мечом, не в силах стерпеть оскорбление от этого

наглого, скользкого типа, этого перенедобого, этого...

— Какого... Дианка вообще отправила свою любимицу побегать без ленточки?! Еще и это кольцо, на хвост ей напялила, садистка... — Вой мрачнел все больше и больше, не обращая внимание на душевные терзания приятеля, который отдернул руки от меча, едва до него дошло, что вопль "тупая свинья" к его персоне отношения не имеет.

— Я ленточку случайно сорвал... — Признался Тор и, достав из кармана своих зеленых штанов, продемонстрировал засаленную и пропитанную его потом, грязно-розовую ленту. — Думал, она хорошо привязана... Раз! А она — брык, копытом по руке, скотина, и ушла в точку!

— Ушла в точку... Тоже мне — бог! Повадки животных совсем не знаешь? Лаской надо было, лаской! — На Воя напало "ворчальное" настроение. — Я такой план... Э-э-э-х! Кидай свинью сюда!

— погоди... — До Тора, только сейчас дошли слова "любимицу". — Это я Вальдорру, стало быть, шлепнул?! Лучшую охотницу за трюфелями?!

— Нет! — Поправил друга Вой. — Это Я Вальдорру шлепнул! А Ты, мой рыжий друг заляпал ленту Арахны! Надеюсь, ты в нее не высморкался?

Тор покраснел, побледнел и наконец, вернув себе естественный цвет кожи, спрятал глаза и сунул ленту в карман.

— Кидай свинью, говорю тебе, пока Дианка не в курсах! — Потребовал Вой. — А ленту, в печку, пока не поздно. Или — постирай. Только не выкручивай — порвешь! Сила у тебя божественная, а вот...

— погоди! Может лучше свинью Диане подложить? Она ее оживит, я такое уже видел! — Тор, понимая, что с их эпопеей все становится еще хуже и хуже, уже не радовался.

— Не оживит. — Мрачно отрезал все нити к отступлению, Вой. — Какая грустная ирония судьбы: Свинью Дианы убил Меч Фемиды!

— А это точно — ее меч? — Тор все еще надеялся на чудо.

— Точно — ее! — Вой поднял левую руку, украшенную четырьмя свеженькими шрамами. — Проверил на себе. Тупой, как голова Минотавра!

— Тупой-тупой, а свинью вон как ровнехонько, напополам... — Тор склонился над тушкой. — Идеально!

— А как Ты думаешь, скольких эта "любимица Богини", уже успела занозить? Или ты решил, что бег по коридорам, это развлечение двух бухих богинь, которым надо посплетничать, пока ты бегаешь, да носики припудрить?! Это — наказание! — Вой с самой серьезной миной на лице, воздел к небесам указательный палец, но, не выдержав торжественности момента, фыркнул и захохотал. — Так что, давай ее брнную тушку сюда, я ее съем, и выпью за Твое здоровье и горячие ночи, что тебя еще долго ждут!

— Как долго ждут?! — Испугался Тор. — С чего это вдруг?! Сейчас пойду, отдам весы и меч, и сожрем это мерзкое животное на пАру!

— Ага. — Вой повертел пальцем у виска. — А отдавать все эти предметы, ты собрался прямо сейчас — в поросячьей крови? Или ты хотел бросить это кровавое месиво, просто так? Марая свои руки и мою одежду?

— Все можно отмыть! — Безапелляционно отмел все возражения Тор. — Надоело мне уже тут, понимаешь? Они же — на Охоту ходят! А я, в кровати валяюсь... Пока в себя приду — она уже тут как тут...

— Так. Ни слова больше! — Предостерегающе поднял руки Вой. — Кто много знает, тот

долго не живет. А у меня еще дел — полно. Да и лук, Дианкин, я так и не починил. Пока. Так что, придется Вам, Ваша Божественность, еще недельки две, по-прогибаться... Бросай сюда, кому говорю. И в душ, на полной скорости!

Глядя, как дрогнул лучший друг от звука его голоса, Вой искренне его пожалел, дав себе твердокаменное обещание поговорить с Дианкой, при первом же удобном случае. А Тора поить месяц, пока его жизнь во дворце, переполненном женщинами, не станет лишь кошмарным воспоминанием, при котором руки начинают не дрожать, а искать меч, дабы снести пару тройку десятков голов и выпить еще вина.

— Лови, изверг! — Тор печально переправил окровавленные предметы и части пороса, точнее — поросюшки — в зеркало. — Только давай, быстрее. Сам помнишь, терпение — не самая моя лучшая черта характера.

— Ага, зато, самая короткая. — Подмигнул другу Вой. — Все, сматывайся. Только ленту, выбросить не забудь! Желательно — вообще, сжечь. Ну их, артефакты, женские...

Изображение в зеркале поплыло, и через мгновение Тор стоял и любовался собственным отражением. Розовая рубашка, навыпуск, поверх зеленых брюк, фиолетовые мягкие сапоги и ярко-канареечный, шейный платок.

Передернувшись от увиденного, Тор сплюнул в лужу крови, повернулся к отражению спиной и, пытаясь по громче грохнуть мягкими каблуками в пол, потопал по коридору, шумно сопя.

Хитрый Безобраз не появился ни через пять, дней, ни через неделю, ни даже через месяц, давая слабую надежду на то, что может быть, его Злобчество лопнул от злобы.

Надежду столь же слабую, что все в мире станет хорошо.

Никогда в мире ничего не станет хорошо.

И Безобраз всплывет, вот поверьте моему опыту, ибо... Ну, не тонет оно! Не тонет, потому что случается каждодневно.

Валяясь в свой законный выходной у себя дома, с сопящей Маршей на плече, довольно улыбался — мировое сообщество, это такая гибкая штука, что съест все, что ему скормят.

Сказали ему, что Земля плоская — пойдет искать край. Сказали ему — русские сволочи — будет гавкать.

— Лежи! — Пробормотала Марша, едва я пошевелился, устраиваясь поудобнее. — Куда намылились?

Русский язык у Марши стал вторым родным — общение со студентами, преподавателями, клиентами тира — просто гигантская языковая практика!

— Лежу, не мылюсь! — Я прижал к себе свою женщину и поцеловал в рыжую макушку. — Но жрать уже хочу.

Мой желудок, соглашаясь с хозяином, заявил о себе громким урчанием.

— Голодный мужчина — не работник, а от крахмала только воротнички стоят... — Понимающе улыбнулась Марша. — Может — сперва минералочки? С "пузыриками"?

— Женщина, это ты на что намекаешь?! — Деланно разозлился я, перекатывая женщину на себя и устраивая ее поудобнее. — Тебе еще мало? А, ты меня, накормила? Напоила? Нет! Сразу перешла к третьему пункту!

— А ты мне дал тебя накормить-напоить?! — Марша уперла свои острые локти мне в

грудь и с удовольствием на них навалилась. — Вот и лежи, и не возмущайся! За целый месяц, позвонил всего пять раз, эгоист!

Ругалась Марша не долго, но со вкусом, и вполне обосновано — не подкопаешься.

Действительно, разговаривать времени было не особо — навалившиеся дела пожирали все время, что оставалось от сна до сна. Не успев разобраться до конца с делами "трех компаний", за которое я получил и "строгача" и денежное поощрение, одновременно, меня втянули в банду "Сапфирровцев", а, как попутный поток, пошло дело "Тэзза".

За месяц, выходных у меня было всего два.

И то, в первый же выходной пришлось переться Краков, отбывать барщину — сдавать анализы и подтверждать свою профпригодность.

От сменяющихся часовых поясов, мелькающих перед глазами, мои личные превратились в настенные часы с кукушкой, без маятника, но всегда показывающие только одно время — 00:00.

И кукушка в них вечно дрыхла, отсыпаясь за своего хозяина.

Пока валялся, Марша соскользнула с меня и накинув халат, скрылась за дверью спальни, оставляя меня в сладостном предвкушении горячей еды и тихого покоя еще на сутки.

Если, разумеется, не наступит она самая, с двумя половинками...

Валялся, потягивался и присматривался к изменениям в комнате.

Появилась двуспальная кровать, трюмо — в спальне.

В зале добавилось пара легких кресел, а в кабинете — новый рабочий стол, со стоящим на нем моноблоком и "все-в-одном".

На стенах появились наши свадебные фото и пара портретов — Марша и ее Отец, тс бишь, мой тесть...

А еще, мои глаза уперлись в подставку, на которой стоял холст, сейчас накрытый белой тканью.

Руки так и тянулись снять и посмотреть, но громкое "Фу! Нельзя! Не смей!", отбило всяческое желание любопытствовать.

И пусть только потом скажет, что я не любопытный и не интересуюсь ее хобби — все припомню!

Из-за закрытой двери потянуло вкусненьким и лежать стало просто не возможно — желудок так и подталкивал своего нерадивого хозяина на действия.

— Все будет готово через пять минут! — Марша приоткрыла дверь, продемонстрировала полураспахнувшийся халат и снова скрылась за дверью.

Получив прямой повод к действию, сползаю с кровати.

Хорошо, что она не высокая и падать с нее не далеко — ослабел я что-то... Видимо, от голода...

Натянув домашние джинсы, отправился на водные процедуры.

— На сегодня я взяла выходной. — Марша устроилась на стуле, напротив меня, поджав под себя правую ногу. — Так что будем гулять и...

Работая ложкой, таскал из толстостенного глиняного горшочка кусочки мяса, отправляя их в рот.

С последней готовки, в стиле приготовления горячего, у Марши произошли изменения, что не могло меня не радовать. Канули в лету мюсли, трижды отжатые молочные продукты и неизведенное количество полуфабрикатов.

Зато в холодильнике появились и сметана и творог, а мясо — просто закачаешься!

— Спасибо, накормила! — Я отодвинул от себя пустой горшочек. — Вкусно!

— Делаешь из женщины кухарку! — Подмигнула мне Марша. — Чем еще займемся?

— Я вот думаю... Поехали на речку! — Предложил я, любуясь моей женщиной. —

Погода, самое оно!

— Поехали! — Согласилась моя ирландка и оказалась у меня на коленях. — Только...

Чуть погода?

Новый пляж, отсыпанный белоснежным, мелким песочком в пяти километрах от академии, к нашему приезду оказался уже завален людскими телами — студенты, жители недалекого городка и пары ПГТ вверх и вниз по течению, оценили это охраняемое и очищаемое чудо. Пусть и платно, зато чисто, детишки на виду, есть раздевалки, а охранники — спасатели, мускулистые парни, уже коричневые от загара, так и подманивали молоденьких ду... девушек, своими горячими тушками.

— Им еще парочку девушек, и можно новую часть сериала снимать! — Марша проводила взглядом молоденького спасателя, облаченного в форменную одежду — оранжевые плавки.

— Правда, похоже? — Голос позади нас, когда мы обернулись на него, принадлежал молоденькой девушке, в купальнике, который с большой натяжкой можно было назвать хоть что-то прикрывающим. — Ой. Сайд...

Одна из "моих" студенток, пискнула и попыталась прикрыться полотенцем, но быстро выдернуть его из-под подруги не удалось и она просто залилась краской смущения.

— Правда, похоже. — Утвердительно кивнула головой Марша. — Мой папа любил этот сериал. А мама всегда говорила, что силикон не дает звездам утонуть!

— Я вот думаю... — Девушка, если не ошибаюсь, ее звали Ольга и училась она в группе Лиззи. — Может быть, пойти на лето, по-работать?

В голосе девушки звучали странные нотки и страх и растерянность и надежда и отчаяние. Все-таки, так манипулировать голосом может только женский пол. Мужчинам это не подвластно.

— А ты, подружек подговори... — Марша подмигнула девчонке. Вот тогда у вас тут такие "спасатели Малибу", развернуться — никому мало не покажется!

— Я услышал "Спасатели Малибу"? — Молодой парень в оранжевых плавках, нарисовался, точнее — материализовался из пустоты, словно только его ждали. — Правда, похоже? Ой... Сайд. Здравствуйте! Рад Вас видеть!

— Уран. — Покачал я головой. — Очень рад тебя видеть. Решил подработать?

— Ага. — Уран расплылся в улыбке. — Решили на пару с Георгом, культурный досуг, устроить. Надоело, по камням, спины стирать, да ж... царапать!

— Сразу видно, кто у них был препод! — Марша прижалась ко мне плечом. — Узнаю знакомые обороты речи!

— Все правильно. — Уран почесал затылок. — Самое сложное было Георга раскатать, а там... Взяли в аренду участок, привезли песок...

— Так это Ваш пляж?! — Ольга оказалась сообразительнее нас с Маршей.

Уран покраснел и мило захлопал ресницами.

— Попался. — Марша потерла ладони. — Все вы, мужчины, за языком не следите!

— Я — никому! — Ольга провела по губам пальчиками, делая вид, что закрывает рот на замок. — А вы девушек, на работу берете?

— Теперь — берут. — Шепнула мне на ухо Марша и потянула в сторону реки. — Пошли

отсюда. Пусть сам выкручивается.

Промелькнувший выходной, только сердце растревожил — всю жизнь считал, что я и семейная жизнь две параллельных прямых.

А теперь — скучаю.

Мобила снова печально пикнула и отключилась — батарея в последнее время совсем пошла в разнос, а зайти к техникам, за новой, вечно склероз давит.

Вдохнув в последний раз свежий воздух, открыл переход и отправился на работу.

Благодаря Амине, я теперь рвался на два отдела — "восток" и "средняя азия". Отдел "европа" оставил мне десяток дел, но они валялись у них уже лет пять, и конца по ним все не предвиделось. Будь моя воля — давно бы сдал их в архив с пометкой на удаление.

Вот скажите мне, кого волнует исчезновение 29-ти летней певички, славной своей скандальностью, любовью к пластической хирургии и наркотикам потяжелее?!

Нет же — до сих пор ведется.

Или вот это дело "Тэзза", из-за которого мне, теперь, придется снова валить в командировку и искать свидетелей и свидетельства.

Ну да, видели в разных частях земного шара одну и ту же машину. Без водителя. И что? Обсмотрелись Кинга? Тоже мне, "Кристина", вать машу!

В проходном коридоре, уже толпился народ — я сегодня прибыл с утра, а не как обычно: предстояла встреча с опером, что вел дело "Тэзза", год назад.

— Да что Вы так ко мне привязались! — Веселый голос, отвлек меня от моих грустных мыслей. — Не знаю я, как это получилось. И вообще — на моем счету только одно дело, что я так и не раскрыл.

— Айрик Чанов... — Я пробился через плотную толпу, окружающую этого человека. — Сто лет Тебя не видел, небритая скотина!

— Можно подумать, что ты — скотина бритая! В зеркало давно заглядывал? — Айрик облапил меня. — Здорово, братка! Как ты тут?

Айрик Чанов — легенда отдела "Россия". 118 раскрытых дел, 411 задержанных, 9 ранений, а замечаниями, порицаниями и занесениями он предпочитает подтираться. Пару раз, даже у всех на виду.

Совершенно невыносимая личность, которую перекидывают, как горячую картошку с руки на руку, но сунуть в рот и укусить никто не рискует. Зубов таких еще ни у кого не отросло.

Шеф вечно ставит его в пример — за глаза и постоянно прессует при встрече.

Голубоглазый шатен, медведистого вида, чуть ниже меня ростом, но шире в плечах, раза в два. Курносый нос, короткая стрижка и характер — вот три его самые главные приметы.

Причем характер — на первом месте.

Не зря, при вторичной сортировке, уже в 2005 году, когда мы познакомились, нас сразу раскидали в разные подразделения. Его к операм, меня к аналитикам.

Не учли только одного — до сортировки, мы с ним успели хорошо погулять по отделам, в качестве сработавшейся двойки "голова-кулаки".

Так что пришлось Айрику, грызть гранит науки, что превратило его и без того взрывной характер, в атомную бомбу.

Умную, атомную бомбу.

Последний раз, когда я о нем слышал, его грозились представить президенту, как одно из чудес света.

Не президенту страны — президенту "Фемиды", разумеется.

Вот так и остались мы, "братишками"...

— Так что за дело, что Ты так и не раскрыл? — Поинтересовался я, освободившись из объятий друга. — Тебя кто-то обыграл?

— Да. — Братка помрачнел. — Вот уже девять лет гоняюсь... За "Отельным Робинотом"...

— Брось. — Я рассмеялся. — Никому не удалось его взять.

— А ты сам, что думаешь? — Айрик уставился на меня так, словно я наступил ему на мозоль и теперь на ней прыгаю.

— Что бы думать — надо иметь данные. А у меня, кроме сплетен — пахучая фиго. Прости, братка, тут даже моя интуиция пасует!

— Может, на пару? Как в старые, добрые времена? — Братка мне подмигнул, затягивая в сети своего дара.

— Не-а! — Отмахнулся я, заодно делая шаг назад. — Дудки, тебе! Мне вон, "Тэзза", разбираться...

— Ага. Так это я с тобой должен поговорить! — Братка широко улыбнулся. — "Тэзз", тоже к папке моих дел относится...

Я схватился за голову.

Простое, обычное дело грозило превратиться в длинный сериал с пальбой, погонями, длинноногими красотками и реками крови.

— Пошли, — Братка подхватил меня под локоть. — Показывай, где сидеть — корпеть будем...

— ...! — Это братка и я с ним был полностью согласен.

Пообщавшись с оперативником и получив коробку с документами, я и Айрик расположились на моем столе и принялись изучать "добычу".

Одно-единственное слово, сказанное моим другом, подвело черту, под наши семь часов корпения.

Чем так занозила европейское сообщество машина, просто едущая по автобанам, без водителя?

Ну да, не понятно, как она пересекает границы.

Но это проблема таможенников, а не "Фемиды".

ПДД машина не нарушает. Аварийных обстановок не создает. Едет и едет...

Мало ли! Может быть, некто обкатывает новейшую систему автопилота!

— Итак, вернемся к нашей тачке... — Айрик, уже зеленый от выкуренного и коричневый от выпитого, снова начал раскладывать хронологические карточки. — 16-й год — Германия, Чехия, Испания, Франция, Бельгия и прочие европейские карлики. 17-й год — Америка.

— Обе Америки. — Поправил я, заглядывая в свои записи.

— 18-й год — Африка и снова Европа. — Братка поморщился и потянулся за следующей партией карточек. — 19-й и 20-й — все по кругу. Одни и те же маршруты.

— Объясни мне, а почему эту зеленую машину, не видят на территории России? — Задал я вопрос, оскорбленный таким пренебрежением. — Игнорит?

— Бойтся, что застрянет... — Предположил-огрызнулся, Айрик. — Сам понимаешь, у нас машину без водителя — угонят и никакой ГЛОНАСС не спасет...

— Какая умная. — Восхитился я. — Ладно, Айрик. Вали-ка ты, домой, дрыхнуть. Есть у

меня идеяка, только на нее время... Короче — вали!

В чем не откажешь Айрику, так это в здравомыслии. Сказано — "вали, я посчитаю" — значит, кивнет, пожмет руку и свалит.

Проводив взглядом удаляющегося друга, сделал запрос на машинное время, часа на четыре работы.

Ага, наивный!

Пришлось пользоваться служебным положением, переходить в отдел "восток", и заказывать время там.

Из самого простого, что могло прийти в голову — ярко-зеленый кабриолет, с надписью "Тэзз" на дверях, мог тусоваться на дорогах не просто так. Либо в преддверии событий, либо — постфактум. А это значит, что надо собрать материал о всех происшествиях до и после его появления.

Отделу "Восток" достался новейший "Квант — 11МЛ", разработка военная и оттого занимающая половину подвала. Зато и не виснувшая, надежная и неубиваемая.

Сейчас на нем работают в большинстве своем медики, прогоняя цепочки ДНК, используя от его мощностей лишь какой-то десяток процентов. Так что мой запрос — лишь жалкая "капля в море", погоды не делающая.

Сформулировав вопрос, поднялся в круглосуточный кафетерий и сглотнул слюну — Манты!

Ухомячив два десятка и залив их крепким черным чаем, вытер со лба трудовой пот — "Хорошо"!

Тут меня и подловил сигнал окончания обработки запроса.

Уже мысленно потирая руки, вновь нырнул в подвал, разбудил свой терминал и тихо сел, косея от полученного ответа.

"Доступ к информации запрещен".

"О данном запросе сообщено".

"Оставайтесь на месте, до прибытия компетентных органов".

Через несколько секунд, все три сообщения с экрана пропали, оставив после себя новое: "Сайд. Зайди ко мне. Шеф."

"Если неприятность может случиться — она случится!" — Законы Мэрфи и иже с ним, всегда срабатывают в "десятку". Особенно если ты расслабился и считаешь, что все твои неприятности Уже позади!

Полюбовавшись заблокированным терминалом, снял со спинки стула свою куртку и отправился в переходный коридор, который в отделе "Восток" находился на плоской крыше, прикрытый от палящих солнечных лучей лишь парусиновым пологом и без всяческих излишеств в виде автоматов с газировкой или диванчиков.

Полюбовавшись открывающимся с крыши видом на старинные мечети вперемишку с новомодными небоскребами, даже на мгновение подумал, а не попросить ли Амину, перевести меня сюда насовсем? А что? Марша быстро привыкнет... А квартиры здесь, стоят тех денег, что за них просят, в отличии от Европейских или Российских развалюх.

Сам подумал — сам и посмеялся.

Финишировав у себя на этаже, снова выругался — теперь придется топтать ножками на два этажа вверх, в приемную шефа.

Топая по лестнице, проигрывал в голове варианты развития событий и при всей своей оптимистичности, чувствовал, что снова "запнулся".

Дело "Тэзза" никак не представлялось таким важным.

Если только — в дело не вступила армия.

Секретарши шеф не держал из принципа, считая, что хорошей он не найдет, а плохой ему и на дух не надо.

Так и пустовал стол у него в приемной, блестя первозданной чистотой и одиночеством.

Иногда, особо проштрафившиеся личности, типа меня, Айрика или Усяна, использовали его для заполнения бланков или составления отчетов, рапортов или просто для того, что бы расписаться на нем в графе о получении очередного взыскания.

В такие дни, на столе оказывалась целая пачка белых листов и старомодный пенал, наполненный всевозможными орудиями пытки — от перьевых ручек и до химических карандашей.

Особенно пользовались спросом именно последние — считалось высшим шиком "увести" химический карандаш и потом, именно им, расписываться в официальных документах, доводя до истерики "документалистов".

Шеф это конечно знает, но... Продолжает снабжать нас химическими карандашами.

А мы — слюним карандаши и ставим подписи, радуясь, как первоклассники и с гордостью рассказывая и пересказывая историю о том, как "мудрые" юсовцы потратили миллион долларов на изобретение ручки, пишущей в космосе, а наши красавчики продолжают писать вот такими вот, химическими карандашами...

— Шеф! — Я осторожно постучал в дверь и приоткрыл ее. — Можно?

— Раньше спрашивать надо было... — Шеф, стоящий у приоткрытого бара, поманил меня пальцем и им же ткнул на пустующее кресло. — Садись и знакомься...

В соседнем кресле, слева от меня, сидел, почти утонув в нем, маленький, худенький, точнее — тщедушнейший, паренек. С невероятно зелеными глазами. Такими зелеными, что вся трава мира, помноженная на всю листву, не даст вам понимания глубины цвета его глаз.

Это был просто "отец всего зеленого цвета".

— Сайд. — Я протянул руку молодому человеку.

— Тэзз! — Услышал я в ответ и едва успел поймать челюсть.

— Она Вас не предаст... — С этими словами Тэзз отпустил мою ладонь из своей. — Простите. Я не всегда... Это о Вашей супруге... Вы не подумайте...

Я поднял руки вверх, останавливая поток его слов и извинений.

— Зеленый кабриолет — твоя машина? — Задал я вопрос и тут же почувствовал, что сформулировал его не правильно.

— Он и есть — зеленый кабриолет... — Шеф протянул мне коньячную пузатую рюмку, а моему новому знакомому — бокал белого вина. Судя по запаху — "Шардонэ"... — Тэзз — "симбионт".

Я присвистнул.

Тэзз смущенно улыбнулся и отхлебнул вина, пряча глаза.

"Симбионт" — совершенно мифический уровень нашего развития. Самый простой пример симбионта, известен нам еще из книг Адамова — морской рак и актиния. В жизни все намного интереснее...

— Шеф, где надо расписаться кровью, чтобы попасть в программу? — Вырвалось у меня, и я снова почувствовал ошибку в своих рассуждениях.

— Догадался? — Шеф растер лицо руками. — Правильно догадался. Тэзз —

единственный и неповторимый. Остальное — лишь подделка. И сплетни, распространяемые нашими злейшими друзьями.

— А, причем тогда машина?

— А я и есть — машина. — Тэзз смущенно улыбнулся. — "Конструкт".

Я не удержался от свиста, под укоризненными взглядами шефа и парнишки.

— Нормально так... — Я залпом влил в себя "конину". — Это ж, какая сволочь такое сотворила?! Прости, Тэзз.

Тэзз помрачнел и сердито засопел, пряча взгляд.

— Термин "коллективное бессознательное", тебе о чем-то говорит? — Шеф, недовольный моими словами, погрозил мне пальцем.

— Тем более — найти и выпороть, этот самый коллектив! — В академии, мы со студнями уже поднимали подобный вопрос. Степень ответственности зашкаливала за всевозможные пределы, границы и рамки. Это не маленький ребенок, который... Это — живое, разумное, очень ранимое существо, которое необходимо поддерживать и вводить в мир совершенно аккуратно.

"Спасибо, Сайд" — Услышал я в своей голове и понял, что меня, только что, "взломали".

— Прости. — Извинился Тэзз. — Я не всегда контролирую свои способности. — Да и с всех я вообще не в курсе. Они проявляются, пропадают и... Так по кругу.

— "Эмичи" или "мормоны"? — Припомнил я отметки о первоначальном появлении зеленого авто.

— "Глиттериты". — Тэзз сдал своих создателей сразу, легко и свободно.

Я бы тоже, именно так и поступил.

Последователи "Стального Глитта", на редкость фанатично относятся только к двум вещам — к явлению Глитта народу в 2025 году и наплевательскому отношению ко всем остальным, кто не входит в их секту.

Юсовцы гоняют их уже девять лет, но конца и краю пока не видно. К нашему счастью, секта эта ограниченная и за рамки 1278 человек так и не вышла. Отдельное спасибо за это надо сказать всем христианским проповедникам, что полощут мозги своей пастве, не давая взойти сорной траве. Иначе — благодатная Флорида уже бы превратилась в большую мусорку — "Глиттериты" редкостные засранцы.

— Нашего доброго друга, — шеф тяжело вздохнул, — пришлось вытаскивать, когда им заинтересовалось АНБ. Так что, твой запрос... Сам понимаешь...

Не могу сказать, что я понял все и досконально, но если заинтересовалось АНБ, то самое время уносить ноги — это агентство очень любит играть грязно.

— Вот и решил я, что проще тебя познакомить с Тэззом, чем бить по рукам. — Шеф усмехнулся.

— Понял. — Я допил коньяк. — Дело закрыто. Свидетельские показания — "врет как очевидец"!

Шеф широко улыбнулся.

Тэзз улыбнулся застенчиво и благодарно.

— Только... Объясните мне, деревенскому увальню... — Я закрыл глаза, пытаюсь точнее сформулировать вопрос.

— "Глиттериты" считают, что я — воплощение "Стального Глитты". — Тэзз снова влез мне в мозги, и я с трудом удержался, чтобы не прищемить ему любопытный нос. Нос не

прищемил, но пальцем погрозил.

— Понятно. Пошел я, шеф. — Я поставил пузатую рюмку на стол. — Раз "нет", значит "нет". А мне еще надо придумать, что соврать Айрику.

Помахав рукой, выбрался из кресла и прошел к двери.

— Сайд! — Тэзз резко щелкнул пальцами. — Прости.

Пройдя приемную, "внахалку" открыл проход и вышел далеко-далеко, на горе, рядом с топографическим знаком.

Забив на работу, уселся на нагретый солнцем камень и принялся любоваться окрестностями.

Много лет назад, эта скала оставила мне на память длинный шрам на левом бедре, вырвав кусок мяса, как память о юношеской торопливости и глупости.

Шрам свели.

А память осталась.

Только что, меня проверили на вменяемость, вшивость и адекватность.

Как, когда-то, эта скала проверила на те же качества моих прежних знакомых.

Надеюсь, я — прошел.

Потому что тогдашние друзья — нет.

Тэзз не зря щелкал пальцами — с его "силищей", придержать время, для пары секунд прямого разговора — пара пустяков. А мне стало легче.

Только на душе — гадко.

Скала, под моими ногами, уходила отвесно вниз, расслаиваясь на черные трещинки промоин и следы бьющих молний — высокое содержание самородного железа, просто притягивало длинные хвосты молний отовсюду.

Не удачно я тогда спустился "дюльфером", лишившись махом всех тех, кто при этом присутствовал. За мою ошибку отдувался по полной лишь инструктор — остальные лишь пыхтели, делая вид, что помогают.

Оттого и ушел я тогда из альпинизма, выбросив все свои значки и корочки, хоть и прочили мне блестящее будущее и манили высотами с громкими названиями.

Теперь, под этой скалой, провели очередную дорогу, ведущую в очередную пустоту. Каждый год, на дорогу сыпятся камни, зимой сходят лавины, перегораживая проезд. Дорогу чистят и все начинается по новой.

Проводив взглядом очередную серую машинешку, прошуршавшую шинами по дорожному покрытию, со вздохом признался самому себе, что пришло время подыскивать новое место "переосмысления". Здесь становится шумно и грязно.

Отряхнувшись, вновь открыл проход и вернулся в "финишный коридор".

Сколько волка не корми — работу надо работать.

Усевшись за стол, за пятнадцать минут накидал Айрику правдоподобную аналитику — пусть отвяжется. Хороший он, Айрик Чанов, но сейчас с удовольствием поменяю его компанию на ящик водки в тишине и покое, где-нибудь вдали от человеческих поселений и удобств.

Толик, задержался рядом со столом, но заметив мой отсутствующий взгляд, поспешил унести ноги — в таком состоянии я действительно несколько неадекватен и могу сделать из мухи слона.

— Держи! — На стол передо мной бухнулась толстенная папка, на картоне которой значилось всего два слова: "Результаты проверки".

Вангелия Ваен, собственной персоной, приземлилась на стул за моим столом.

— Расписывайся, "аналитик". — "Ванга-Ванга" сегодня тоже была не в духе.

Или это я так на мир влияю? Может, улыбнуться?

— Не скайся! — Глава ОВР, поправила форменный галстук и устало улыбнулась. — Подписывай!

Я, привычно потянулся за карандашом.

— Ручкой! — Рывкнула Вангелия, увидев предмет у меня в руках. — Совсем оборзели!

"Ручкой, так ручкой!" — Я расплылся в улыбке и достал из кармана моё последнее приобретение, честно вытащенное из коробки в приемной шефа — перьевую ручку.

Оставляя автограф, умудрился поставить кляксу — последний раз подобным раритетом я пользовался лет тридцать назад, да и то, исключительно из баловства.

Мало того, что я поставил кляксу, так еще и забыв о том, что чернилам надо дать высохнуть, закрыл папку и прихлопнул ее сверху ладонью.

Я то — забыл, а вот Ванга-Ванга, по молодости лет, видимо и не знала...

Провожая взглядом "Мисс ОВР", беззвучно хохотал, представляя, во что там превратилась моя роспись, после кляксы и хлопка ладонью.

Вот так всегда — хоть маленькая гадость старшему по чину, а на душе теплее становится. И жизнь уже не кажется такой тоскливой и серой.

Расправив плечи и улыбаясь, пошел в КО, за свеженьким кофе.

Дело "Тэзза" я закрыл, а значит это уже минус один узел на моей шее!

В комнате отдыха, было пусто и тихо — народ свалил по домам, оставив лишь ночную смену — меня да Толика, двух самых злокозненных сов, с замашками всех остальных ночных животных, вместе взятых.

Толик уже дрых, вытянувшись на диванчике в кабинете Амины, а на меня напала работа и зуд творчества.

Применяя по очереди все свои таланты, дал себе обещание, что за оставшуюся ночь, успею закрыть еще пару "европейских" дел, из своего списка.

Уж больно захотелось разрубить все узлы, что начали давить на шею.

Да и идея, перетащить Маршу на "восток", нравилась мне все больше и больше.

Выдавлив из кофеварки полных два литра в подставленную посуду, высыпав туда три столовых ложки сахара, все перемешал и попробовал.

Мерзость вышла однозначная, но я знал, чем это исправить.

Амина, как гостеприимная хозяйка, держит про запас неплохой коньяк — для гостей, разумеется, ну и для снятия стресса.

А, кофе и коньяк — созданы друг для друга!

Долив грамм 50, для "запаха", приземлился за собственный стол и принялся ковыряться в папках, решая, за что схвачусь.

Певичку я нашел по глобальному поиску — после очередного передоза, красавица оказалась в клинике, а побочный эффект ее операций, изуродовал и без того малосимпатичное лицо, до полного отсутствия сходства. Я бы так и прошел мимо, как и многие, до меня, только зацепился взглядом за татушку — красную рыбку, что девушка набила себе на запястье еще в шестнадцать лет. По ней и искал. По ней и нашел.

Пройдя две клинических смерти, девушка не стала умнее или добрее, оставшись той же редкостной неумной стервой, что и в лучшие свои годы. Пройдя лечение и покинув клинику, направилась прямиком в очередной центр красоты, где с нее "сдоили" лишний силикон,

"перетянули" и "подрихтовали" мордашку.

На сцену она вернуться уже не смогла — голос пропал и вернуться не обещал.

Пришлось "красавице" искать другую работу.

На ее счастье, подвернулся преданный фанат, из тех, что фанатеют раз и на всю жизнь.

Как итог, уже два года "разыскиваемая певичка" живет на юге Франции и воспитывает двух детей.

Отправив запрос в отдел "Европа" на подтверждение завершения дела, с прикрепленным новым адресом "звезды", для проверки агентами — полевиками.

Еще два дела просто перевел в архив, как не имеющие ценности и важности — первое дело о вечно разбитых окнах, а второе — о страшных звуках, раздающихся в ночи.

И первое, и второе дело, при всем своем налете мистики, ничего мистического не несли. Обычные физические законы, которые бросались в глаза любому, мало-мальски образованному человеку. Резонанс. Наложение карт метрополитена, дренажной системы и коммуникаций водо- и газо- снабжения, плюс материалы, использованные при постройке здания — обычная, нудная работа аналитика — практика.

В семь утра, проснувшийся Толик, грязно ругаясь, забрал у меня пустой кофейник и видя, что я от кофе уже никакующий, махнул рукой, сменив гнев на милость.

А в восемь приперся Айрик и тут-то все и началось, по новой...

Пришлось выслушать все, что он обо мне думает.

Громко хлопнув за собой дверь, Айрик удалился, оставив после себя аромат табака, разгоряченного тела и упрямое чувство неправильности происходящего.

Только, кому сейчас легко?

— Слышь? Это ты — тот новенький, что кофемат пристрелил? — Выросший возле моего стола "укурыш", в ярко-красной рубашке, без спроса плюхнулся на стул и достал сигареты. — У тебя чё, пепельницы нету?!

— Слышь, ханорик... — Я от души улыбнулся. — Как ты вовремя!

Поставив "стену", что подсмотрел у шефа, начал медленно и методично вбивать вежливость.

Народ шумел, я даже заметил, что кто-то принялся делать ставки, но я отводил душу.

Амина драки в отделе не приветствовала, но пока ее и не было!

Чувствуя собственную безнаказанность, начал сбавлять обороты.

"Укурыш", собирая зубы поломанными пальцами и складывая их в нагрудный карман своей рубашки, продемонстрировал значительную ловкость и опыт — я бы так не смог, право слово.

Народ, давая ему дорогу, потрясенно смотрел на меня.

"Спустив пар", благостно откинулся на спинку стула и с чувством выполненного долга, закрыл глаза, проваливаясь в сладкую дремоту.

— Вот! Он меня избил! — Режущий визг "укурыша", прячущегося за спинами двух "искусствоведов в штатском", тычущего в меня пальцем и забавно шепелявящего. — Зубы выбил, пальцы переломал!

— Для избитого, слишком резвый... — Пробормотал я, открывая правый глаз. — Вы вообще — кто? Убогий?

Офицеры быстро спрятали улыбки.

— Я? Я?! Я?!!

— "Йа" — это фамилия? — Открыл я левый глаз. — Или это ваши инициалы? Или вы с

чем то соглашаетесь?

— Сайд! Хорошо ваньку валять! — "Ванга-Ванга", или это ее двойник? Уж слишком свежая и выпавшаяся, аж смотреть противно. — Ты, что тут устроил? Совсем, страх потерял? Знаешь, что я тебе скажу...

— Ванга! А не соблагоизволите ли вы, пойти в жопу? — Я встал из-за стола. — А также, прихватить вслед за собой, своих офицеров и это плохопашущее существо.

Отдел замер и сделал вид, что у всех сразу появился целый миллион дел.

Жаль, конечно. Но, поддержки я не ожидал, а всю эту контору внутренних расследований давно было пора послать.

Разумеется, я не прав.

Разумеется, к людям надо относиться мягко и спокойно.

Только, надоели мне эти люди.

Мои студенты, даже без опыта прожитых лет, на порядок разумнее, чем весь отдел внутренних расследований, вместе взятый.

"Ванга-Ванга" пошла пунцовыми пятнами, "укурыш" замер, слегка присев, точь в точь, как маленькая собачонка, что присела погадить на дорожке, поджигая лапки-спички и ожидая в любой момент человеческого пинка, прекрасно зная, что гадить на дорожках — запрещено.

Офицеры, пожали плечами и сделали шаг от моего стола, пропуская начальницу.

— О Вашем поведении будет доложено! — Ванга выдохнула, развернулась и умчалась в сторону входных дверей, соблагоизволив прихватить, как я и просил, свою команду.

Один из офицеров, быстро оглянувшись по сторонам, показал поднятый вверх большой палец и широко улыбнулся.

Сдается мне, "Ванга-Ванга", в своем рвении, уже успела достать и своих собственных сотрудников.

— "На то и шука, чтобы карась не дремал!" — Вырвалось у меня, когда за гостями неожиданными и нежеланными, закрылась дверь.

— Сайд! — Голос Толика, больно хлестнул по нервам. — Ты чего такое творишь? Она же Амину сожрет!

— Или она — Амину, или мы ей устроим такую жизнь, что не до Амины ей будет! — Чувствуя, что меня познабливает, я поплотнее застегнул свою курточку, стараясь унять дикую барабанную дробь зубов. — Сейчас я соберусь... С мыслями... И все придумаю...

Перед глазами запрыгали красивенькие фиолетовые и бордовые точки, перекрывая мне весь обзор.

Человечество шагнуло в космос, взорвало ядерную бомбу, отправило к далеким звездам сообщение, а вот придумать обычное лекарство от насморка — так и не соизволило.

Не соизволило оно придумать и универсального лекарства, от всех простуд, гриппов и ангин, вместе взятых.

Так что, даже мы, лежим тихонько в кровати и глотаем лекарства — "конструкты" для

лечения заболеваний почти не используются — организмы у нас, у всех — разные.

Как я успел смыться с работы — отдельная песня.

Уже совершенно под властью температуры, болтаясь, словно пьяный, выбрался в коридор и открыл проход домой, перепугав своим сперва появлением, а потом и внешним видом, Маршу, до чертиков.

Стуча зубами, разделся, завернулся в одеяло и отрубился.

Проснулся от боли, под лопаткой — моя благоверная ставила укол, странно, что не в пятую точку, кстати...

Дождавшись, когда игла покинет мое бренное тельце, скрипя и охая, развернулся и попытался сесть.

— Куда! — Рывкнула супруга, демонстрируя свое превосходство и отличное владение русским языком. — Ложись, как было! Еще два укола, впиндюривать!

Понимая, что спорить бесполезно, принял "исходное положение" и замер в ожидании.

Еще два раза злобный комар посетил деляну, и по телу поплыла сладкая волна возвращающегося сознания.

Пока кайфовал, меня накрыли одеялом, подоткнули его с одной стороны, а с другой, рядом со мной устроилось женское тело, обдав меня жаром.

— Ты чего удумала? — Возмутился я, понимая, что микробы неистребимы. — Куда, к больному, лезешь!

— Сайд... — Марша прижалась ко мне крепко-крепко. — Тебе никто не говорил, что ты — Нудный?

— Ты — первая. — Признался я, начиная давать волю рукам.

— Тогда — лежи смирно и дай мне поспать, любимый мой мужчина. — Марша с удобством устроилась в кольце моих рук и сладко зевнула. — А на твою болячку, у меня иммунитет. Так что, не волнуйся.

Возвращающееся сознание, оценило обстановку и решило, что возвращаться ему рановато.

Прижимая к себе свое рыжее сокровище, понимал, что кто-бы там ни был, мне он отвалил самый дорогой подарок. Теперь осталось такая малость — не надоесть друг другу, превратившись в "двух знакомых", а то и еще чего похуже.

Пока рыжая сопела, в голове вертелось все, что я успел натворить.

"Интересно, Амина уже была?" — Мысленно я почесал себе затылок и тяжело вздохнул.

Судя по тому, что мебель цела — либо ее не было, либо женщины договорились.

И так плохо, и так страшно!

Прислушиваясь к ровному дыханию моей спящей красавицы, решил, что утро вечера мудренее и провалился в здоровый сон, набираясь сил перед всеми теми проблемами, что мне еще только предстоят.

А утром пришла она, многострадальная, всеми поминаемая, и всюду посылаемая.

Амина, посмотрев на меня, оставила повестку на разбирательство, пошептала о чем-то с Маршей на кухне и испарилась, оставив после себя лишь бумажку на столе и запах своих теплых духов.

Подпись на повестке была не знакомая, что не могло меня не радовать.

Марша, вкатив еще три укола — чисто из вредности, в пятую точку — оставила меня валяться, а сама скрылась в душе.

На обороте повестки, почерком шефа, была сделана приписка: "И поменяй свой

долбаный телефон!"

Дата слушания — через четыре дня, в понедельник. Как раз хватает времени, чтобы отлежаться и прийти в себя.

Делать было нечего.

Выбравшись из постели, тихонько поплелся на кухню: желудок уже начал подумывать, что его хозяин перерезал себе горло и еды не будет.

Добыв в холодильнике шмат соленого сала, в хлебнице — черный хлеб, а в баре — бутылку водки, задумчиво уставился на полочку со специями, разыскивая взглядом перец.

Наведя себе полстакана "перцовки", на всякий случай принюхался, но насморк, насморк, насморк...

Помедитировав пару секунд, куснул сала, приготовил корочку — быстро занюхивать, бодро вдохнул и опрокинул смесь водки, красного и черного перца себе в рот.

Проглотил.

И замер, понимая весь ужас ситуации — в бутылке оказался спирт.

Черная корочка не помогла, как, впрочем, и сало — выдохнуть я смог лишь через целую вечность, протолкнув раскаленный воздух через горло, вторично, теперь уже — третично — обжигая нежную слизистую.

И тут на меня напал жор...

К выходу Марши, я уже благополучно прикончил жареную курочку. Шмат холодного мяса, выловленный из супа, последовал за курицей. Салат из печени и черный хлеб с майонезом и кетчупом, завершил мой скромный завтрак.

Отгрузив посуду в мойку, посмотрел на нее и махнул рукой — мыть не было ни сил, ни желания.

Сыто икнув, положил руки на стол и опустил на них внезапно отяжелевшую голову.

"... Храбрый мышонок. Глупый мышонок..." — Безобраз появился внезапно и очень не вовремя.

Прислушался к своим ощущениям: вроде все по нормам, а значит, почему бы и не потрепаться по душам с существом, которое сейчас явилось в мой сон, в мое порождение температуры, алкоголя и лекарств.

Лекарств?! Алкоголя?!

Похоже, не все так у меня в порядке с мозгами, что после трех уколов я накатил полстакана спирта!

"Ну, здравствуй, бред!" — Я устроился на камне, напротив Безобраза и приготовился внимательно слушать.

— Храбро. — Безобраз внезапно сменил личину и теперь напротив меня сидел высокий мужчина в легком светлом костюме, чуть тронутыми сединой, черными волосами. — И глупо.

Я сам.

Не успел я возмутиться, личина вновь сменилась и передо мной возник человек, присутствию которого я был всегда не рад.

— Может, хватит? — Полюбопытствовал я, вставая с камня и поворачиваясь к Безобразу спиной, чтобы осмотреться. — Хочешь говорить — говори...

— Почему я не могу тебя просчитать? — Вопрос, заданный существом меня изумил. Все мои знакомые считали, что я очень предсказуем, а тут...

— Может быть потому, что я — не мышонок? — Я развернулся и встретился взглядом с

тем, кто менял свои личины так же легко и просто, как зеркало в гостинице отражает лица постояльцев. — Или, совсем не тот мышонок, что тебе хотелось?

Меня распирала злость. Для места встречи, этот бред выбрал самое неподходящее место — вершину среднего из "Трех братьев", с которой открывался величественный вид на город, покрытый коричневым облаком смога. Город, которому подписывали смертный приговор уже не один раз, грозясь его закрыть, перевезти и просто оставить его жителей подыхать, вдыхая отраву, за которую государство получало барыши, золото и внешние займы.

Теперь, с этого места — лишь серебристо-хрустальная сфера, надгробный памятник.

Безобраз, беззвучно открыл и закрыл рот, демонстрируя, быстро меняющиеся от гнилых пеньков, до изумительно белых, зубы.

Зубы это проклятье нашего города...

— Сейчас мне надо уйти... — Безобраз взметнул вверх воронку желтой пыли, скрываясь с моих глаз. — Но мы еще встретимся. И поговорим. Сейчас у меня так много вопросов, что задавать их не имеет смысла.

— Постой! — Рванул я к нему. — Когда тебя ждать?

Ответом был только шорох пыли, налетевшей на меня, запорошившей глаза и заскрипевшей на зубах.

Снова уютившись на камне, подставил солнцу свое лицо.

Сейчас, мне было что вспомнить.

И что терять.

"Проход" не открывался, хоть ты прыгай вниз!

А вниз лететь далеко — средний Брат еще та штучка, альпинистов не любит и калечит при малейшей возможности!

"Конструкт", "лайн" — все словно обрубало.

Да и не могло быть иначе — сон есть сон. Никогда у меня осознанные сновидения не получались.

Заглянув за край, присвистнул и выматерился: без снаряжения, отсюда можно было убраться только на крыльях — с трех сторон отрицательные "зеркала", а с четвертой — просто отвесная стена.

Вершина знатно изменилась, с момента моего последнего ее посещения. Теперь она представляла собой нависающую площадку, метров пяти, площадью. Кто-то, словно специально, оставил на вершине пяток разномастных камней и все.

Камни и три пригоршни пыли.

Сел на край и свесил ноги в пропасть.

Впервые в жизни.

Откинулся и лег на спину, больно стукнувшись локтем и рассадив его до крови.

Запахи, пылающее солнце, почти в зените — сон у меня получился на букву "Х".

И не надо обвинять меня в ругательствах: "Пошлый не рот — пошлые уши!"

Минут через десять сердитого валяния, начал злиться.

Сон все меньше напоминал сон.

Слишком сильно болел локоть. Слишком сильно пекло солнце. Слишком сильный запах доносился до моего носа.

Все слишком.

А значит, примемся за самое простейшее.

И я себя ущипнул.

И взвыл от боли!

От моего резкого движения, едва не слетел вниз — идея повалиться на краю пропасти была идиотской, признаю!

Еще раз, по очереди, проверил все свои возможности.

Все глухо.

Словно некто, установил на вершине горы неведомую "глушилку", гася наши возможности.

Стало жарко.

Если Безобраз смог создать такое...

Мы все — в очень глубокой выгребной яме!

Тем более что мой собеседник отсюда ушел!

А значит, эта яма только что, стала еще глубже!

Сидя на горячем камне в легких, "домашних" джинсах и рубашке, принялся "вертеть варианты".

Варианты не вертелись.

Искать меня здесь — никто не будет. Если полезу по скале — одно мое неверное движение и местные волки будут рады свежатинке.

А может и медведи, чем черт не шутит!

Уже совершенно серьезно готовясь начать спускаться на руках, принялся оценивать трассу.

Видно было так себе. Вроде бы, ниже, метров на тридцать, была маленькая площадка — перевести дух.

Но, до нее еще надо было добраться!

А я, уже далеко не 16-ти летний и вес далеко не 64 килограмма!

Перебросив ноги через край, принялся нащупывать первую "ступеньку".

На мое счастье, на скале я оказался босой.

Или не на счастье?

Острый камень предательски воткнулся в большой палец правой ноги, и я повис.

"Жизнь промелькнула перед глазами?" — Сухая глупость, поверьте мне!

Человеческий мозг упрямая машина, не перестающая отсчитывать варианты, даже если до асфальта всего пара метров!

Приземлился в ледяную воду, подняв тучу брызг и едва не захлебнувшись.

Кто сказал, что ситуация безвыходна? Просто выход — у вас за спиной!

Выбравшись на берег, на желтый песок, под лучи светила, которому так и не соизволил дать имя, лег и облегченно рассмеялся.

Смеялся и оттого, что остался в живых, и оттого, что выход лежал так явно рядом. Над собственной глупостью. И над собственной предусмотрительностью.

Смеялся, радуясь жизни.

В "моем" мире, где сапфировые кристаллы чистили воду и воздух, все было так легко и понятно.

"Спасибо тебе, Безобраз!" — В очередной раз поблагодарил я существо, что вытолкнуло меня сюда.

Выжав одежду, снова натянул ее на себя и легкой трусцой побежал вдоль берега, вверх по течению — где-то там, я уже устроил себе маленький тайничок, с оружием, одеждой и, конечно же, спичками!

Впервые меня выкинуло так далеко от моей обычной входной точки.

Минут через десять не только согрелся — стало жарко!

Остановившись отдышаться, осмотрелся по сторонам — все тихо и спокойно.

Огромная поляна, одним боком касающаяся песчаного берега реки, заинтересовала меня своей странной формацией — точно в центре поляны, из-под земли, прорывалась наружу покатая громада огромного камня.

Точно такую же поляну, я уже видел.

Правда, очень давно.

... Весна прошлого, здесь все так просто и понятно.

Друг это друг.

Враг это враг.

Нет оттенков и безоблачное небо.

У всех есть такое время.

Или, почти у всех.

Любимый человек рядом и дом за тысячи километров от тебя.

Ночные посиделки и возвращение домой под утро.

Дождь, которому ты рад.

Ветер, порыв которого несет к твоим ногам ошметки прошлого.

Дальше будет буря.

Позже, он превратится в ураган, сметающий все на своем пути.

Ураган, вертеться в котором придется до последнего удара сердца, до последнего глотка воздуха.

Потом будет — если будет — покой..."

Залитая мягким светом лесная поляна, в центре которой, принесенный великим ледниковым периодом камень. Ему, этому куску красноватого гранита, давно перевалило за двадцать тысяч лет. Он видел, как рос этот лес, как громыхали грозы.

Мимо него маршировали армии многих стран и плакали, провожая солдат, их жены.

Время плотно вбило валун в землю, вода и ветер украсили его своими узорами, одинокий охотник не раз устраивался на ночлег рядом, прижимаясь к нему спиной и глядя в огонь костра.

Я сидел на вершине валуна, провожая закатное солнце.

Камень, нагретый за день, щедро делился теплом с человеком. Ему не жалко. Все пройдет, а он будет лежать здесь, как вечное напоминание — я все видел!

Полугрезы — полусон. Состояние отключенного разума. Абсолютный ноль. И солнце... Море солнца. Ласкового и нежного. Или жгучего и злого.

"... Почему я, вновь и вновь, возвращаюсь сюда, к этому камню, солнцу? Склонность к мазохизму? Хотя... Нет. Может быть — душевный покой? Или просто состояние покоя?"

— Боюсь, это просто ассоциации... — Я вздрогнул от звука собственного голоса.

Светило коснулось вершин деревьев, мигнуло на прощанье и исчезло, уступив "поле битвы" наступающей ночи.

Вглядываясь в проступающие на небе звезды, я искал свое созвездие и, как всегда, не находил. Что-то испортилось в небесной механике. Причем, уже давно. Звезды холодно взирали на Землю, на камень, на меня. Они испускали свои колющие, отраженные лучи, ощупывали ими бездну космоса и умирали, не успев понять, что сами мертвы, мертвы изначально и навеки.

"Решив единожды что-то — делай это! Или не делай вовсе ничего..."

Лучше — не делай!

— Сайд, будь так добр, ответь на один вопрос...

— Да?

— Когда ты, точнее — тебе, надоест заниматься самоедством и самокопанием?

Прошлого тебе не вернуть, сожаления или раскаяния на твоей битой-перебитой морде не заметить, одним словом — Зачем?

— Что бы помнить. Копить злость. Чтобы жить дальше не так, как хочет "могущественный дядя", а так как надо душе.

— А по-моему, ты не достаточно ироничен. Ты жадно хватаешь ртом воздух. Отравленный воздух, Сайд! И ненавидишь. Жестко, до мозга костей, ненавидишь тех, кто загоняет тебя в принятые обществом рамки. Только, это Ты Сам гонишь себя.

— На мой взгляд, шеф, вы искали меня не для проповеди. И не для исповеди... Или я не прав?

Шеф вздохнул: — Жаль мне тебя. Не дурак. Не урод. Так — недоучка...

— "Ни жалости, ни милости — не надо! И понимания я вашего не жду!"

— Ну, Шекспира-то, зачем калечить?! — Возмущение, прозвучавшее в голосе шефа, меня обрадовало.

Есть еще у нашего прожжённого циника "святое", есть!

— Под горячую руку. — Признался я, "сбавляя обороты".

— "Мы сами портим всё!" — Шеф вернул мне цитату и задумался.

— Ау?

— Что? "Ауди" угнали? — Шеф коротко хохотнул. — Ладно, давай к делу: ты знаешь, что случилось с твоим родным городом?

— Насколько я помню, его закрыли? Через три года после "Исходной точки"?

— Так и есть. А через два года — вывезли всё оставшееся население и "Свернули".

— Знаю. Любовался уже сегодня... Жестко...

— К сожалению, необходимо. Так вот, найденное на оборудовании вещество, по характеристикам, произведено в твоём городе. Причем, совсем недавно.

— Город законсервировали без остановки и вывода производства? — Присвистнул я, не сразу поняв, о каком именно оборудовании ведется речь. Потом понял и присвистнул еще раз.

Вот и всплыла информация о том, где же "загулял" наш физик с оборудованием!

— Остановка и консервация обошлись бы в четыре раза дороже самой свертки пространства! — Шеф не правильно понял мой свист и кинулся защищать принятое решение.

— Как всегда — погнались за дешевкой...

— Какие мы умные — задним умом! — Шеф внезапно разозлился. — А, когда бежали из этого города, тапочки теряя — о чем думали?! "После нас — хоть потоп?"

— От меня то, что требуется? — Миротвориво поинтересовался я, понимая, что шеф во многом прав.

— Пропуск на тебя заказали. Сходи, понюхай, чем пахнет и, сразу, подчеркиваю — сразу! — назад! Без выяснения личностей, ностальгии, без драки. Особенно, если будет с кем. Знаю я твою гнилую натуру — языков таскать и в файлах, до последнего, ковыряться. А, чтоб уж наверняка — возьми своих учеников. Пусть посмотрят, какое дерьмище им оставили

предки. На собственной шкуре. И пожалуйста — не рискуй.

— Девиз сегодняшней акции: "Не рискуй!"

— Ох, что-то мне подсказывает... Плохая это идея, посылать тебя туда!

— Отменяйте приказ. — Пожал я плечами равнодушно. — Или отправьте кого другого...

— Вас, знающих город, всего пятеро. Это вместе с тобой, родимым... Четверо заняты в делах — ты свободен.

— Тогда, не... Ладно. Проехали. Беру дело 431325\11 на исследование и дальнейшее разбирательство. — Фраза "принимающего", стандартная и набившая оскомину.

Хорошо еще то, что в памяти сам всплыл номер дела о "пропаже физика с оборудованием".

— Сайд. — В интонациях шефа прозвучали очень уж теплые нотки, испугав меня до усрачки. — С женой, свяжись... И... Поменяй свой долбаный телефон!

"Ага, разбежался..." — Скрутил я в кармане знаменитую фигуру и попрощался с шефом самым нейтральным из нейтральнейших, тоном.

Не понравилось мне это задание. Ладно, впихнуть меня в этот город, что я ненавижу. Но еще и студней моих... Это перебор.

Поежившись, от внезапно пробежавшего по спине озноба, похлопал валун по быстро остывающему боку, благодаря за все его терпение и открыл проход.

Вывалился я километрах в пяти от академгородка, как всегда забыв свойства своего мира и связанные с этим проблемы.

"Что-то слишком часто я стал все забывать... "Танакан" опять попить, что-ли?! Или уже пора перейти на кое-что "пожестче"?" — Выбираясь босыми ногами из болотной жижи, снова отругал себя и в следующий момент выходил уже у себя в прихожей.

Включить свет помешали два женских голоса и запах табака, тонкой синей ниткой тянувшийся с нашей кухни.

— Я просто поражаюсь твоему спокойствию... — Голос Альбы, с паузой на затяжку, прозвучал странно глухо и устало. — От него ничего нет, а ты...

— Будет лучше, если я буду заламывать руки и мешать всем делать их работу? — Голос моей суженой, усталый и хриплый, такой родной. — Нет уж. Тем более — у меня в роду все немножечко ведьмы... Так что, все с ним в порядке. А когда он придет...

Голос Марши просто звенел от нескрываемого удовольствия и неприкрытого садизма.

— А когда он придет — скалка у меня под рукой!

— Мой отец, встречал загулявшую маму сковородкой. — Припомнила Альба. — Целых два раза. А потом — забрал меня и уехал в другой город.

— Так ты — "Папина дочка"?

— Так же, как и ты!

Девушки рассмеялись, видимо зная, о чем говорят.

Тихонечко опустившись на стул в прихожей, почесал затылок — теперь либо надо стучать в дверь, либо сидеть тихонько, как мышонок и "греть уши", до посинения. Потому как "лишней" информации не бывает.

Устраиваясь на стуле удобней, почувствовал, как в спину упирается что-то твердое.

По ощущениям — цилиндрическое, а на ощупь — деревянное.

Уже не прислушиваясь к голосам, стараясь не шуметь, открыл проход за входную дверь.

"Ну их, эти девичьи секретики! Без них обойдусь!" — Решил я, нажимая на кнопку

звонка. — "И вообще — меньше знаешь — слаще сон!"

Дверь открыла Альба.

Выдохнула.

Я закашлялся, разгоняя табачный дым у себя перед лицом.

— Ага. Приперся! — Радости Альбы не было краев и границ.

— Марша! Твой благоверный прибыл! Мне его можно стукнуть или ты только держать доверишь? — В руках нашей академической блондинки появилась деревянная колотушка, которой я отбивал мясо.

Теперь, судя по блеску глаз — отбивать будут меня!

— А грязный-то... — Марша появилась на пороге и замерла, опершись на стенку. — Не буду я об него "отбивалку" марать! Больно надо!

— Ничего! — Альба улыбнулась. — Он же помоеется? Вот тогда, мы его, чистенького, и обстучим!

Понятно, что обе дурачились, но было обидно.

Быстро поцеловав меня, Марша действительно сунула мне в руки полотенце и запихала в ванну, не слушая возражений.

Разглядывая себя в зеркало в ванне, задумчиво поскреб щетину на подбородке.

Как ни крути, а получается, что минимум с недельку я был где-то очень даже не в себе!

Щетина не кололась, как при суточной небритости, а ощутимо отросла, миллиметров на пять. А значит — минимум неделя!

"Зря я у шефа дату не спросил..." — Намыливая щеки, пожалел я себя. — "Это значит, что и разбирательство..."

Я отложил бритву — в голову полезли всяческие нехорошие мысли.

Начиная от захвата заложников, в лице Марши и заканчивая уже совсем параноидальным "гаремом"...

На кухню я входил с опаской: во-первых, действительно могли ждать со скалкой наперевес, а во-вторых...

На кухонном столе стоял полный комплект моих любимых блюд, а Альба с Маршей, в четыре руки, быстро крошили какой-то салат.

— Значит, бить не будут... — Вырвалось у меня вслух.

Блондинка и рыжая переглянулись и замотали головами, не отвлекаясь от "крошения".

Облегченно вздохнув, потянулся за кружкой, но был остановлен командирским голосом жены: — Куда? Сидеть, не мешаться! Скажи, сама налью!

"Сдается, кому-то дали слишком много свободы..." — Я сел на кухонный табурет и принялся ждать чая.

— ...А потом, я предложила Альбе пожить у нас... — Марша, сидя напротив меня, держала в руках свою любимую прозрачную чашку с горячим чаем. — Через пару дней, дом отремонтируют, подключат к электричеству и воде...

— Ага, наш "Инженер" клятвенно обещал все сделать за пару дней. — Альба фыркнула. — Но это было до того, как ему на ногу поставили батарею. Теперь, в гипсе, он смотрит на мир и ремонт уже не так радужно!

Учитывая, что обе девушки были рассказчицами "от бога", я с трудом удерживал себя от сползания под стол. Но живот уже болел.

Дом Альбы и Валентина пострадал при очень необычных событиях: некто, пробрался в запертый подвал и отрезал там все, до чего дотянулись его шалые ручонки, вызвав

одновременно пожар с потопом — проводка в их доме входила так же через подвал.

Преподаватели проснулись в четыре часа утра от запаха горелой проводки — на всех этажах и от невероятной вони, перебивающей запах горелой проводки — на первом и втором.

Четырехэтажка на три подъезда, все 15-ть квартир, высыпали на улицу с намерением разобраться и поквитаться.

Вышли очень вовремя, надо сказать: следующим номером программы по превращению симпатичного домика в отхожее место, стал гидравлический удар, стронувший с места все отопление и канализацию, заодно.

Причем, что именно вызвало гидравлический удар — гадают до сих пор, всей академией!

Жаль, спросить не у кого — сперва прожаренные, а потом хорошо проваренные останки "вредителя" нашли только на второй день и то, случайно — забило отверстие помпы.

Медики забрали на анализы, но это дело не быстрое.

Слушая рассказы Альбы о происходившем, я засмотрелся на Маршу и не сразу заметил ее "обновку": на запястье левой руки красовался симпатичный черный ангел.

— Это что такое? — Я постучал себя по запястью, намекая на татуировку.

— Это... — Марша устало улыбнулась. — Это — "Ангел-хранитель".

— После того, как ты исчез... — Альба сбросила улыбку. — Президент и твой непосредственный начальник, приняли решение о защите. Все, не обладающие способностями, но являющиеся членами наших семей — получили таких "ангелочков". "Фемида" решила, что спокойствие сотрудников — самый верный залог высокой эффективности работы.

— Сколько меня не было?

— Две недели.

Вот и еще один минус отсутствия календаря на кухне!

— Судя по тому, что происходит — дела наши совершенно хероваты... — Вырвалось у меня, едва я представил весь масштаб проведенной работы. — Были угрозы?

— Кроме тебя, пропала еще дюжина. — Ответила мне Марша, поставив чашку на стол. — Вернулось только трое. Ты — четвертый. Амина устроила целый шторм, собрав всех, кто ей подвернулся под руку. Аналитики, "полевики", даже пару цыган... Больше суток, мелким гребнем, прочесывали все места, где проявлялась хоть одна-единственная аномалия...

Звонок в дверь, больно резанул по нервам, выбивая из головы сытую безмятежность и покой.

Пока Марша открывала дверь и шепталась с кем-то в прихожей, Альба успела коротко рассказать, что только благодаря моей половинке, вышли на Сапфирра — При выходе из ванны, она застала тот самый момент, когда нечто утаскивало меня за блестящий полог. И "Ангелочка", подсаживала ей лично Амина — одной из первых.

Мысль о том, что моя дражайшая супруга и вправду может оказаться под раздачей, оставшись совершенно беззащитной, очень раздражала, свербилась и зуделась, требуя скорейшего устранения если не всех, то максимально возможных, угроз.

— Привет, Сайд! — Вошедшая Амина гордо водрузила в центр стола здоровенную, пятилитровую бутылку с рубиновым соком внутри. — Вина нам теперь долго не пить, так что...

Я открутил крышку и принимаюся.

Зараза у меня Босс, как есть зараза!

Притащить пять литров гранатового сока!

Я же, пока его не выпью, не успокоюсь!

— Пей, да здоровей! — Амина села по левую руку от Альбы. — Много додумал?

— Не особо. — В кои-то веки признался в собственном бессилии, я. — Исходных мало.

Думаю, завтра получу все данные?

— Нет, Сайд. — Амина скривилась. — Не завтра, не послезавтра. Пока, с тебя не сняли два обвинения подряд — будешь ты, сидеть под домашним арестом. А я буду приносить тебе в клювике червячков, чтобы ты не скучал. А, чтобы никто не сказал, что я — развела любимчиков, как Ванга-Ванга, червячков я буду передавать тебе либо через Альбу, либо через твою жену. Все понял?

— Нет. — Я допивал третий стакан сока и был уже близок к нирване. — А какое второе обвинение?

— Сайд... — Амина тяжело вздохнула. — Лучше тебе не знать. Достаточно и того, что уже завтра с утра, ты предстанешь пред светлы очи комиссии. А Ванга-Ванга на тебя очень зла. Очень.

Под "сок" просидели далеко за полночь.

Амина испарилась после телефонного звонка, напомнив, что мобилу надо поставить на зарядку.

Альба отправилась спать на диванчик в кабинете, облюбованный ею, а мы с Маршей, отрубившись самым позорным образом, едва добрались до кровати.

Через час, я проснулся и осторожно, чтобы не разбудить жену, выбрался на кухню — в голове вертелась пара идей, которые требовали просто немедленного исполнения, иначе меня разорвет от жажды деятельности!

Прихватив с собой драгоценности Марши, разложил их на столе и замер, полуприкрыв глаза.

Судя по ощущениям, для исполнения моих "идеек", лучше всего подходили "ежедневные" украшения — пара колец, серьги, браслет и цепочка со старинным обручальным кольцом.

Отодвинув в сторону остальные, занялся делом.

По моей задумке, честно уворованной со всей фэнтэзи вместе взятой, предстояло этому комплекту стать "конструктом".

Понятия не имею, как это сделать, но сделать надо. А тренироваться на "котиках" — времени нет. Если все, творящееся сейчас, лишь первый звоночек, второй надо ждать очень скоро. И, желательно, во всеоружии.

Каждый "конструкт", как ты его не крути, имеет форму.

Он может быть "растянут" или "сжат", но свою форму не потеряет. А значит, надо вписать "конструкт" в форму украшения.

Рассматривая "висюльки", пытался с ними "поговорить", почувствовать материал и его чаяния.

Каждый предмет, продолжение своей хозяйки и тут надо чувствовать не только вещь, но и его владельца.

"Что-то подобное я уже..." — Промелькнуло в голове.

Пришлось на цыпочках, прокрасться в кабинет и достать свой блокнот из потайного

ящика стола, о котором не знала даже Марша.

Этот блокнот, с красным металлургическим заводом и надписью "60 лет СССР" на обложке, купленный за 15 копеек в далеких 80-тых, вмещал сейчас в себе все мои наработки. Листы в клеточку, исписанные моим почерком, исчерканные схемами со странными подписями, таили самые мои уродливые, самые первые, "конструкты".

Вот и пришла пора, вернуться к истокам.

Под утро, закрыв плотнее дверь, заварил кофе и открыл окно.

Есть в фэнтэзятине здоровое зерно. Только вывернутое, до умопомрачения.

Лучше всего "конструкт" удерживался искусственным камнем — брюлики в кольце с трудом вместили простейший сканер, а "искусственники" в серьгах с легкостью заархиваровали в себя почти десяток! Золото и серебро тоже показали вполне ожидаемую "Кузькину мать" — серебро просто пожирало охранный "конструкт" равномерно загоняя его по звеньям браслета, а золото цепочки предпочло "конструкт" нападения, причем сконцентрировав его в замке.

Больше всех мне понравилось работать со старинным венчальным кольцом — металл словно мурлыкал, когда я вкладывал в него свои наработки, мурлыкал и дрожал от возбуждения.

Кому рассказать — не поверят, но, стоило в первый "конструкт" вставить образ Марши — все стало получаться само собой.

Не зря я начал работать именно с кольца, возвращаясь к нему, едва идеи иссякали.

Всего, на семь предметов легло две "чертовых дюжины" "конструктов".

Потягивая кофе, любовался восходящим солнцем, выглядывающим из-за крыши соседних домов.

И пусть глаза вываливались от напряжения, а скулы сводило от зевоты, зато на столе, под лучами рассветного светила лежало целых семь артефактов!

— Сайд! — Дверь на кухню тихонько отворилась и полусонная Альба замерла на пороге. — Ты что — не ложился?!

— Как лег, так и встал. — Пожал я плечами делая глоток обжигающего напитка. — А тебе чего не спится?

— Драгоценности чистил? — Альба протянула руку к цепочке и я едва успел ее остановить. После всех моих манипуляций, прикасаться к этим предметам кому-нибудь, кроме нас с Маршей, категорически не рекомендовалось. Цепочка, например, могла и током долбануть, а могла и до кости, вернее, вместе с костью, порезать. Тут уже, все будет зависеть от степени угрозы для жизни.

Впрочем, может я и переборщил... Слегка.

Дикий визг, раздавший из спальни, заставил меня стартовать на полусогнутых.

В спальне, натянув одеяло до подбородка и прижавшись спиной к стене, тренировала легкие, Марша.

— Ты чего орешь? Я едва не поседел, от твоего вопля. Тоже мне, баньши... — Может быть и невежливо, но вопить Марша перестала, одеяло отпустила и запустила в меня подушкой.

— Сам посмотри! — Подхватив сползающее одеяло, Марша выбралась из кровати и, по стеночке, спряталась за меня.

Мужское кольцо, подвешенное на цепочке, на цепочке уже не висело. Оплавленные звенья свободно болтались, свешиваясь с абажура настольной лампы, а кольцо, висело в

воздухе и медленно вращалось, светясь раскаленным металлом.

— Бл... Тоже мне, "Кольцо всевластья"! — Ругнулась за моей спиной Альба. — Ты, чем золото чистил, секретом не поделишься?

— Сайд! Я же просила, не трогать... — Марша обреченно выдохнула. — Ну, что ты за человек...

— Ничего я не чистил. — Сразу расставил точки над "ё", я. — Пошли, покажу...

— ... Я не снимаю с себя ответственности, за применение воздействия на господина Тойтерьерова. И даже не пытаюсь оправдываться повышенной температурой. — На заседании комиссии, в окружении "всех своих", меня "понесло". — Да, я действительно получил искреннее удовольствие от "виртуального" избияния сотрудника ОВР, господина Тойтерьерова и его физических страданий и унижения на глазах всего коллектива. Более того, я считаю, что господина Тойтерьерова следовало избить реально, засунуть в мешок с негашеной известью и бросить в воду, на глазах не только моего родного коллектива, но и на глазах коллектива сотрудников ОВР и его непосредственного начальника. Возможно, именно такое решение приучит некоторых к вежливости и внимательности, при работе с различными коллективами и отдельными личностями. Господин Тойтерьеров, при всей его уникальной и хрупкой нервной системе — истеричный хам, место работы которого, при всем богатстве выбора, не ближе пятисот километров от любого коллектива. Я полностью признаю себя виновным в том, что подобные сотрудники вообще появляются на службе в нашей организации. Господин Тойтерьеров, мало того, что продемонстрировал все "прелести" нового типа обучения молодежи и их вербальное общение с себе подобными, он еще и продемонстрировал истинно юношеский максимализм, который, миновав стадию взросления, сразу впал в старческий маразм. Только этим фактом я могу объяснить тот момент, что в рапорте, господин Тойтерьеров, ни разу не смог правильно написать ни мое имя, ни должность, постоянно называя меня "анналитиком Сидом". Ну, а как мы все прекрасно знаем: "грязный раб, марает имя своего хозяина..."

Усевшись на свое место, наклонился к Амине и шепотом задал мучающий меня вопрос: — "Ну, как, я?"

— Здорово. — Также прошептала Амина. — Только он не Тойтерьеров. Он — Тойманн. А так — все замечательно. Ты, только что утопил себя лет на пять. Или больше. Если до судьи дойдет смысл твоей последней фразы. А, особенно мне понравилось про мешок с негашёной известью... И, так эмоционально и экспрессивно, что я аж вживе представила!

Судья Нович, Элла Николаевна, невысокая блондинка, в черной судейской мантии и очках в тонкой золотой оправе, все прекрасно поняла.

— Для начала, — Элла Николаевна встала и сделала строгое лицо. — Я пытаюсь понять, для чего на меня взвалили этот фарс. Ознакомившись с делом, простите — жалобой — я уже приняла решение и отнюдь не в пользу господина Тойтерьерова. Простите — Тойманна...

— Сайд... Ты ей понравился! — Шепнула Амина и довольно откинулась на спинку стула, пряча улыбку.

— ... Отсмотрев материал, поговорив с аналитиками отдела и встретившись с пострадавшей стороной, я только утвердилась в своем мнении, что закон, в данном случае бессилен. К моему сожалению, мне не удалось поговорить с обвиняемым, простите — ответчиком... — Нович, привыкшая разбирать "тяжелую уголовку", время от времени срывалась на привычный ей язык, но быстро поправлялась. — И, теперь, нахожусь в очень большом затруднении. С одной стороны — ответчик не запирается и признает себя виновным. С другой — мало того что он унизил человека, воспользовавшись своими силами, возможностями и опытом, так еще и прямо на суде, продолжал называть Тойтерьерова — "Тойманном", простите, наоборот, демонстрируя свое превосходство. Право слово, не будь здесь сказано о "грязном рабе", я бы присудила этому человеку год условно и отпустила на вольный ветер. Теперь же, после его фразы... Появилась совершенно другая идея, как именно, можно наказать этого человека. Я считаю, что Отдел Внутренних Расследований ждет... Внутреннее расследование, возглавить которое предстоит ответчику. Это моя настоятельная рекомендация, которая будет передана Людвигу Ван Слоук, вместе с моими претензиями к его службе ОВР и требованием об отстранении с поста руководителя ОВР Вангелии Ваен. Заседание комиссии завершено. — Стукнув молоточком по подставке, судья Нович встала со своего места и прошла в комнатку, за своей спиной, оставив зал в полной тишине.

— "Верша справедливость!" — Пробормотал я себе под нос наш девиз и тяжело вздохнул.

— Язык твой — Враг твой! — Прошептала мне на ухо Марша, едва я поравнялся с ней. — Отличился, да?

— Но согласись — я был бесподобен! — Я рассмеялся.

— В бубен, бесподобен! — Амина подкралась сзади. — Вернись, "бесподобный", тебя судья хочет...

Комнатка судьи, без окон, со стеллажами до потолка, полностью утыканными книгами по юриспруденции, круглым столом и бардовым ковром с желтыми и зелеными полосами, еще один маленький, "журнальный" столик с тремя креслами, притаился в углу.

— Здравствуйте, Элла Николаевна. — Вежливость, вежливость и еще раз вежливость. Главное — не ржать!

— Здравствуйте. Присаживайтесь. — Она указала на пустующее кресло столь царственно, что повторять про себя "вежливость", уже не хотелось. — И расскажите, как это вы докатились до жизни такой...

— Я не сам. Меня докатили. — Элла Николаевна относилась к тем редким женщинам, врать которым не хотелось, вот хоть ты тресни. — Катили-катили и докатили.

— Секретность? — Элла Николаевна, без своей судейской сутаны превратилась миловидную женщину, за очками которой прятались голубые глаза, с золотыми искорками.

— Нет. Стыд. — Признался я и на душе полегчало.

— А почему — просто Сайд? Ни фамилии, ни отчества...

— Интернет ник.

— Не хотите разговаривать?

— Просто, нечего рассказывать. — Пожал я плечами.

Вдаваться в подробности, совершенно не хотелось. Да и не к чему знать этой молодой женщине, что первый состав "Фемиды", особенно простые смертные не входящие в руководящий аппарат, "вычеркивались" из реальности. Так и стоит моя могилка, в городе,

который я так ненавижу, что при одном только воспоминании о нем, сжимаются кулаки, до побелевших костяшек.

— Кофе налить? — Элла Николаевна, сама любезность и дружелюбие. — Сайд?

— Вы простите, у меня супруга на улице, рассиживаться некогда — я обещал проводить ее на работу. — Отрезал я все возможные нити разговора. — Если Вы не против, встретимся в другой раз?

— Вы всегда держите свое обещание? — Заинтересовалась судья, рассматривая меня поверх оправы очков.

— Именно поэтому я так редко их и даю... — Подмигнул я, вставая с кресла. — Простите, что так невежливо...

— Я обязательно Вам позвоню. — Элла Николаевна встала с кресла и протянула мне руку для пожатия. — Пообещайте, что тогда мы поговорим.

— Видно будет! — Привычно отбрехался я и скрылся за дверью.

Прошел по коридору и зашел в туалет.

Посмотрел на свое отражение в зеркале и погрозил ему пальцем.

Очень, очень рядом прошло... Мое прошлое... Выросла Элька в Эллу. А я, едва не спалился, со своей любимой фразой...

"Нет уж, Элла Николаевна, не будет у нас встречи. Сегодня же поговорю с Маршей и подам рапорт о переводе на "Восток". Хватит этого метания. Пора признать, что полевой агент из меня не получился, а аналитик — хоть куда..." — Приняв решение, умыл руки, смывая с себя наваждение, и отправился искать жену.

Идею с переездом на "Восток" Марша восприняла в штыки.

Мы слегка поссорились и часть дороги до тира провели в полной тишине.

"Времена "ниток за иголками" благополучно булькнули... Впрочем, я не декабрист..." — Рассмеявшись от сравнения себя с декабристами, едва не воткнул "корветика" в бампер впереди идущей иномарки, но успел разъехаться по сантиметрам. Обогнав иномарку, перестроился в крайний левый ряд и замер, ожидая "стрелку".

— Знаешь, по-моему, ты ему не понравился... — Марша, подкрашивала губы и зеркало пассажирского "козырька" было отвернуто, делая доступным зеркальце, встроенное в него.

Водитель иномарки, действительно выглядел разозленным — он корчил уморительные рожи, махал руками, сердито поджимал губы и морщил брови.

— "Стрелка"! — Напомнила мне Марша.

"Корветик" легко ушел на поворот и через полминуты я уже и забыл о случившемся — дорога, она такая: хочешь ехать спокойно — едь спокойно.

— Сайд. — Марша тяжело вздохнула.

— Погоди! — Понимая, что предстоит разговор, съехал на обочину и заглушил мотор. — Вот теперь — говори.

— Прости, Сайд. Но, пока я не представляю себе, как это — жить на востоке... — Марша приоткрыла дверь, впуская в кондиционированный салон автомобиля запахи раскаленного асфальта, бензина и шум проносящихся за нашей спиной авто.

— На нет и суда — нет. — Я легкомысленно махнул рукой. — И, вообще... Может, сядешь за руль?

— А и сяду! — Тряхнула копной рыжих волос моя жена и потребовала: — Вылазь!

Через пару минут, устроившись на пассажирском сиденье, наблюдал за профилем "Марши, ведущей машину". Любовался, и понимал — "Стингрэя" у меня увели. С концами.

— Придется другую машину брать... — Констатировал я факт-наблюдение и откинулся на спинку сиденья, удобнее. — А может и не брать...

— Зачем другую? — Всполошилась Марша. — Не надо другую.

— Тебе — не надо. — Согласился я. — А себе я что-нибудь присмотрю... Понравится — куплю. А не найду, так и пешком похожу, не гордый.

Судя по растерянному взгляду Марши, мне удалось загнать ее в какой-то логический тупик, из которого найти самый простой выход она оказалась не в состоянии. Европа-с-с-с!

Зато и тишина стала менее напряженной.

"Придавив педальку", Марша вывела "корветик" в крайний левый ряд и расслабилась.

Позади нас, пристроились ярко-красная машинка с ресничками над фарами и тяжелый внедорожник, отчаянно копящий дизелем.

— Сайд... Пристегнись. — Попросила Марша, заглядывая в зеркало заднего вида.

Одна из моих слабостей-ненавистей — ремни безопасности.

Меня от них колотит.

Однако, посмотрев назад и увидев, что вытворяет на дороге недавно появившийся оранжевый драндулет, пристегнулся, да и еще подергал — хорошо ли держится?

Оранжевый драндулет играл в "шашечки". Самозабвенно ныряя на свободные места и все увеличивая скорость. До нас ему оставались те самые две машины.

Марша попыталась сунуться в правый ряд, уступая водятлу полосу, но, как на грех, справа от нас тянулся длинный ряд груженных фур.

— Сбрось газ. — Предложил я, понимая, что о своих словах очень скоро пожалею.

Позади, уже истошно бибикала красная "ресничка", которую только что подрезали. Внедорожник, рыкнув мотором еще раз, догнал нас и встал рядом, перекрывая "шашечнику" полосу полностью.

По встрече шел плотный трафик и оранжевый нос авто то и дело пытался высунуться на обгон, но не тут-то было.

Водитель внедорожника, с Халком от Марвелл на заднем крыле, открыл окно, посмотрел на меня и широко улыбнувшись, подмигнул и проорал, перекрикивая поток: "Держим, держим, урода!"

"Урод" снова высунул нос и снова запихал его обратно.

Принялся мигать фарами и сигналить, а затем, "воткнулся" нам в бампер, настоятельно требуя уступить ему дорогу.

Марша охнула — ремонт "Стингрэ", получается в любом раскладе не дешевый, а страховка, будет она или нет — вопрос вообще интересный: Марша за рулем без доверенности.

Не рискуя подгонять внедорожник, водитель оранжевой "кобылы" вновь ткнулся в наш бампер.

— Скорость сбрасывай! — Потребовал шофер внедорожника. — Через два километра — пост, там его и "повяжут"!

Марша дисциплинированно принялась сбрасывать скорость.

В бампер прилетело уже весомо, больно поддав в спину.

Через минуту, на разделительной полосе появилась фигура полицейского, раздраженно машущего жезлом.

Поток встал.

Еще раз услышав, как заскрежетал бампер, Марша нажала на тормоза.

Рядом, с едва заметным юзом, встал внедорожник.

Полицейский, "взяв под козырек", прошел к оранжевому авто и постучался в окно.

Оранжевое авто, с пробуксовкой, откатилось назад. Вновь послышался скрежет металла и звон битого стекла.

— Доездилися... — Удовлетворенный мужской голос, донесшийся до меня с водительского места темно-зеленого, почти черного, джипа просто таял от счастья.

— Куда! Стоять! — Заревел полицейский.

От удара, "корветик" отнесло на пару метров.

— Ну, все... — Сказали мы одновременно и вышли наружу.

Марша через дверь, а я выскользнул в открытое окно — внедорожник меня "поджал" и открывать дверь было просто некуда.

Маршу я догнал буквально через секунду и встал возле пассажирской двери.

Полицейский, пока еще вежливо, просил открыть окно и предъявить документы, когда разъяренная рыжая ирландка, отстранила его от машины, расстегнула кардиган и, достав из кобуры пистолет, рассадил боковое стекло, воткнув в него рукоятку своего "китайца" QSZ - 92, обдав водителя осколками.

— Выходи по-доброму... — Марша щелкнула курком. — Или вынесут...

Полицейский потянулся было за своим табельным, но, видимо забыл его дома. Или передумал. Или ему помешал водитель внедорожника, придержав его за руку и что-то твердо выговаривая.

Первой щелкнула замком дверца пассажирская, и из салона вывалился в дымину пьяный негритос.

Увидев меня, протер кулаком глаза и, повернувшись ко мне спиной, принялся расстегивать ширинку.

— Не смей ссать на мою машину, черножопая обезьяна! — Раздался правильный английский из салона и, подумав, некто добавил уже на-немецком: — Или я тебя брошу посреди дороги, зассанец!

Голос был женский.

— Выходи из машины! — Потребовал полицейский, с опаской посматривая на мою жену и с недоумением глядя на меня, стоящего совершенно спокойно.

— Да пошла ты в жопу, шл... американская! — На чистом русском ответил ей негр и облегченно вздохнул. — Черножопый... На себя давно в зеркало смотрела?!

Поправив кепку, парень поддался силам гравитации и принялся заваливаться на бок.

Ширинку застегнуть он не успел.

Открывшаяся водительская дверь выпустила наружу то, что в народе принято называть "мулаткой-шоколадкой". Только шоколад был явно черный.

— Я — гражданка свободной Америки! — Девушка попыталась оттолкнуть полицейского с дороги. — А эта бл... не пускает меня ехать!

Сперва я подумал было, что она имеет ввиду полицейского, но эта "шоколадка", ткнула пальцем в Маршу.

Марша глубоко вдохнула, убрала пистолет в кобуру и выдала длинную и витиеватую фразу, куда американка может поехать, в какой позе и сколько раз.

Негритянка замерла, переваривая, и кинулась в драку, осознав услышанное.

Стоило ей схватить Маршу за руку, как сработали мои "конструкты" и на асфальт посыпались черные пальцы. Черные, потому что — обугленные.

Следом сработал один из "брюликов" и черное тело принялось дергаться, получая полный заряд, сравнимый с зарядом электрошокера. Упав на асфальт, тело судорожно согнулось и освободилось от содержимого желудка и мочевого пузыря.

— Да вы — "охрэнэлли"! — Выдал восхищенно парень, снова удерживая полицейского и пытаясь спрятать улыбку.

— погоди, не лезь, под разряд... — Это он сказал, придерживая полицейскому. — Сейчас она "заземл..."

И тут сработала защита, которую я "вшил" в обручальное кольцо, так сказать, "тяжелая артиллерия".

"Почему" она сработала — я буду разбираться потом, потому как этот "конструкт" рассчитывался как "последний шанс". Ну, почти... А вот то, "как именно" он сработал, я и сам наблюдал, разинув рот: над согнувшейся в позе эмбриона фигуркой девушки, разлилось зеленое свечение, окутывая тело, а затем, пропало, явив нашим глазам совершенно седую девушку.

Марша сама едва не оставила завтрак на асфальте.

— Вы что творите! — "Взорвался" полицейский, с чувством матерясь. — Я что, эту вонючку на руках теперь, на пост нести должен?!

— А, вон у нее спутник есть — пусть и тащит. — Предложил я.

"Спутник", в это время, смог застегнуть ширинку, но, видимо забыл, зачем именно он ее расстегивал и на штанах спереди у него расплывалось темное пятно.

— Грузим их в машину, да я их до поста, дотяну... — Предложил водитель внедорожника и, дождавшись растерянного кивка полицейского, сдвинувшего фуражку на затылок, полез в багажник за тросом.

— Может, надо пальцы собрать? — Полицейский задумчиво чесал лоб, сдвигая фуражку все выше и выше. — Может, еще пришить смогут?

— Точно — не смогут! — Марша, присев, изучала обрубки. — Они — жареные!

Полицейский проглотил комок, борясь с тошнотой.

— Но, собрать надо — будут вещдоки... — Поспешил я, внести разумное зерно. — Иначе она по судам затаскает... А так — нападение и всего делов!

Длинная и витиеватая ругань истинно русского гайшника, хоть они вот уже тридцать лет как ГИБДД, бальзамом пролилась мне по сердцу.

Помянув всех присутствующих, отсутствующих, приказующих и указующих в одном длинном предложении, полицейский, со вздохом, наклонился над негритянкой.

— Давай, бери за ноги! — Приказал он мне, хватая девушку за руки. — А ты — двери открой. Задние...

Через несколько минут, оба мокрых тельца лежали на заднем сидении оранжевого "лансика" и не шевелились, пованивая. Мне пришлось устроиться на водительском месте, пока авто перегоняли к посту на прицепе.

Внутри "лансик" оказался очень даже ничего: знаменитая акустика от "сони", десяток странных указателей, помимо стандартной приборной панели и куча золотых фитюлек, свисающих отовсюду.

Объехав четыре полосы, что все это время стояли и ждали, остановленные жезлом полицейского, мы оказались у бетонного "курятника" на постаменте.

— Спасибо за сотрудничество! — Поблагодарил нас с Маршей водитель джипа и достал из внутреннего кармана малиновую книжечку.

— По одним дорогам ездим... — Ответил я, доставая свое удостоверение.

— Вы еще длиной померьтесь! — Фыркнула Марша, видя выражение наших лиц, со стороны.

— Правда, спасибо. — Парень спокойно убрал корочки в карман. — Я ведь думал, что это ты, гоняться будешь, когда мне чуть в бампер не въехал. Потому и держался за тобой, как привязанный. Да и машина у тебя — видная, сразу понятно — "вкочана до сноса мозга"... Костя. Ключ.

— Ну да... Привет от "андерграунда"? — Я расстегнул куртку, и глаза полицейского стали похожи на глаза героев японских мультиков.

— Не-е-е. Это и вправду такая фамилия! — Рассмеялся "джиповод от спецчастей" доблестной полиции, жестом успокаивая постового. — А вы — вместе?

— Я — Сайд. Это моя супруга — Марша. — Я протянул руку для пожатия. — Поехали мы?

Постовой и оперативник переглянулись и Костя махнул рукой, отпуская нас на "волю".

В ответ, Марша протянула ему визитку: — Если будут нужны наши показания...

Полицейский, взял визитку осторожно, словно боясь ее помять или замарать.

Посмотрел на визитку и поднял удивленные глаза на Маршу: — Прямо-таки, тир? При академии?

— Приезжайте, постреляем... — Подмигнула ему Марша и, подхватив меня под локоть, потащила к машине.

За руль сел я.

"Корветуку" помяли бампер, и треснула левая, задняя фара.

Махнув правой рукой на все неприятности, вывел машину с территории поста и нырнул в поток машин, несущихся в нужную нам сторону.

Этот участок трассы недавно отремонтировали и поставили знак, о снятии всех ограничений.

Правда, с предупреждением, что это только на 23 километра.

Разогнавшись до 130 км\час, едва не промахнулся, "зевнув" развязку, да Марша вовремя напомнила.

— Расстроился? — Задала она вопрос, который вертелся у нее на языке, с самого момента моей посадки за руль.

Я пожал плечами.

— Не переживай, всеотремонтируем! — Марша попыталась меня утешить, но вместо этого я рассмеялся.

— Солнышко моё! — Я почесал нос и сбавил скорость. — Я расстроился не из-за машины — ее мы починим. Завтра-послезавтра, созвонюсь с "нашими" и отгоню. А вот "конструкты" сработали, как то странно... С задержкой. Вот это — неприятно...

Пока мы лениво переругивались, успели добраться до места.

К моему удивлению, за пару месяцев, что меня не было, тир обзавелся собственной парковкой, спрятанной с глаз долой за здание, да еще и крытой.

В здании тоже произошли разительные перемены — Усян расстарался по полной программе, раскручивая тир: оборудование, что я видел, впечатляло.

— На улице, со стороны холма, сделали длинные дорожки. — Объясняла Марша, с гордостью показывая свою вотчину. — Президент тоже помог, отправил студентов и они "отодвинули" холм на четыреста метров. Так что, теперь у нас и снайперы вертятся.

Кафешку сделали на третьем этаже, как ты и рассчитывал. Персва своих здесь натаскивает: устроили на втором этаже и на крыше "Штурм-комнаты" и устраивают нешуточные бои. Боюсь, что кафешку придется убирать — мешается.

— Лучше поставь камеры на дорожки, а в кафешку — выведи на экраны с них картинку. — Усмехнулся я, представляя, какие баталии можно здесь устраивать, при наличии такого оборудования.

— Подумаю. — Марша подвела меня к неприметной дверце и нажала на ручку, открывая ее. — А это — мой кабинет.

Угловой кабинет, на третьем этаже, с окнами, выходящими на "снайперское" поле с одной стороны, и бесконечное лесное царство — с другой.

— Стекла — закалённые, — Марша с улыбкой наблюдала, как я постучал по стеклу пальцами. — Пуля не залетит, не бойся. И вообще — с той стороны вся стена выглядит одинаково. О том, что здесь окна, знаю я, Усян и теперь вот — ты!

Марша, сняла пиджак, уселась на край стола и довольно потянулась, провоцируя меня.

Я бы даже и "спровоцировался", да вот только взгляд мой уперся в ноутбук, стоящий на ее столе. Ноутбук, что оставил мне шеф.

Заметив мой взгляд, Марша пожала плечами: — А чего добру пропадать? Тем более, он старенький, а мне больше и не надо. Да и софт у него, весьма специфический... Усян говорит, что он специально под тир, заточен. Даже какие-то специальные разъемы есть, только на эту технику денег пока нет. Вот и стоит у меня в кабинете, работает!

Обойдя супругу, с удобством устроился на ее кресле — бежевом, широком, кожаном. Откинулся на спинку, как в кресле-качалке.

— Эй! Не спать! — Марша сердито приземлилась ко мне на колени. — Оккупант!

В этот момент мой телефон отыграл первые пять нот звонка и благополучно отключился.

— Блин. — Я поискал глазами розетку. — Мелодию пора менять...

— Вместе с телефоном. — Марша слезла с колен. — Давай так: 50 метров, две обоймы. Если я тебя "сделаю" — меняешь телефон!

— С двух рук. — Внес поправку я, догадываясь, что где-то есть подвох. — И на 25!

— Идет! — Марша протянула руку, выдергивая меня из кресла. — Пошли!

Следуя за Маршей, только сейчас заметил, что один пистолет у нее подмышкой, слева, как и у меня, а вот второй — за спиной. У меня второй — на поясе, справа.

Знаю, что кажется глупостью, но мне удобно именно так.

Спустившись в подвал и дождавшись щелчка электронного замка, вошли в комнату, в которой, за толстым стеклом сидел пожилой и усатый дядька, седой и слегка полноватый, но затянутый в униформу с логотипами тира.

— Дядь Михай, здорово! — Марша помахала работнику рукой. — Открой нам "параллельные" дорожки. Пятую и четвертую.

— Привет, егоза! Проходи! — Охранник(?) улыбнулся, но на меня посмотрел так, что захотелось поднять руки и сказать: "Дядь, я ничего не делал!"

— Это мой муж! — Марша перехватила взгляд и поспешила внести ясность.

Михай улыбнулся снова и кивнул головой, здороваясь.

— По-моему, я ему не понравился... — Сказал я Марше, подходя к дверце с номером 4.

— Персва уболтал меня взять на работу пенсионеров, из "органов". — Марша придержала дверь. — Понимаю, что это контроль, но мне тоже так спокойней. Трое мужчин

и две женщины. Оружие понимают, работу знают, людей чувствуют, а большего и не надо. Да и стреляют, здорово...

Отпустив дверь, Марша попыталась поймать мой взгляд, словно думала, что я смогу ее в чем-то упрекнуть.

Пришлось приобнять и поцеловать, прошептав на ушко, что она все делает правильно.

— 25 метров. Два ствола. По одной обойме. — Еще раз, четко, громко, проговорила Марша, заняв позицию на дорожке рядом.

— "Синхрон"? — Перебил я ее.

— На "три". — Согласно выдохнула Марша. — Раз, два, три!

Марше я продул, откровенно пустив в "молоко" все 16 патронов с левой руки.

Проиграл не потому что так было надо — я собирался защищать свой телефон до последнего патрона! — но, случайный взгляд, брошенный в сторону дорожки, с которой стреляла жена, сбил настрой.

Марша держала пистолеты на вытянутых и перекрещенных руках. Причем, левая рука — сверху!

Очень не обычная поза, для стрелка. Неудобная, так же, как и моя — с развернутыми параллельно земле, рукоятками пистолетов. Неудобная, но где-то, я такую уже видел! Осталось вспомнить — где!

— Так не честно! — Марша стукнула кулаком в стенку. — Ты "слил"! Давай, второй раунд! Все по-честному! Иначе закусая.

Выбросив из головы все оставшиеся мысли, сосредоточился на черном кружочке в центре мишени.

Даже учитывая, что в обойме у Марши на один патрон меньше, я проиграл. Вчистую.

Что-же, есть повод бывать в тире почаще. Иначе совсем... В стену напротив, не попаду!

— Давай сюда свою трубу! — Марша требовательно протянула руку, едва мы вернулись в ее кабинет.

Спор есть спор. Молчком, достал свою серебристую мобилку и положил в протянутую ладонь, признавая поражение.

Марша, с загадочной улыбкой на губах, бросила мой телефон в ящик стола и достала из него бело-красную коробку "Рафаэлло".

— Будем пить чай. — Подмигнула она мне и щелкнула кнопкой электрочайника. — Со "стружками"... Открой, пока, коробку.

Чай у Марши был обычный, пакетированный, с "бегемотом".

А вот "рафаэлки" удались. Свеженькие, хрустящие.

Потянувшись за очередным лакомством, наткнулся пальцами на что-то непонятное и явно не относящееся к "рафаэлло".

Приготовившись к подвоху и неприятностям, подтянул коробку ближе и заглянул в нее.

На доньшке коробки, прикрытая упакованными "кокосами", лежала темно синяя мобила.

Щелкнул затвор фотоаппарата.

— Я эту фотку, в рамочку поставлю! — Моя рыжая зараза довольно и счастливо хохотала. — Такого лица, я даже в кино, ни разу не видела!

— Вот ты... Злыдня... — Выдохнул я, переваривая розыгрыш. — Я ведь припомню!

— Ты? Ты — больше обещаешь! — Марша обошла стол и устроилась на ручке кресла, рядом со мной.

Пару минут ушло на перенос симки и номеров, с телефона на телефон.

Решив, что с остальными последствиями, типа звонка и прочих заставок, буду разбираться уже дома, поцеловал жену и пошел гулять по академии, распушенной на лето.

"Распушенной", конечно сказано очень громко — "молодое" поколение вовсю занималось в аудиториях, на целых два, а то и три часа, пропадая на "погрызть гранит". Дети шумно перепирались на площадке, доказывая, что "конструкт" намного круче ракеты.

Воспитатели, пили чай в теньке, зорко поглядывая за ними.

На мой взгляд, слишком беспечно: в качестве аргументов, уже рисовались на песке затейливые схемы. Вполне рабочие.

Поднявшись в деканат, обнаружил Альбу и молоденькую, заплаканную студентку, отпаиваемую крепким чаем.

— ... Я хочу, что бы меня оценивали по моим знаниям, по уму... — Студентка сделала глоток и тяжело вздохнула. — А не по внешним данным...

— Пей чай, Дарья. — Альба сняла заколку — "краба" и разметала по плечам волос. — Хочешь... Если хочешь, тогда зачем ставишь на аватары фото с мотоциклом между ног или удавом на плечах? Поставь, вместо фото свой IQ. Хочешь ты... В этом мире, "встречают по одежке и лишь провожают — по уму". Девочка ты видная, умная и ладная, и не надо реагировать на идиотов. Тем более — слезами...

Я осторожно постучал в косяк открытой двери, предупреждая о своем появлении.

Девушка мгновенно вытерла слезы, "меняя маску".

— Сайд. Привет! Как все прошло? — Альба махнула рукой, приглашая присоединиться к чаепитию.

— Уже все знают? — Почесал я затылок, имея в виду, тот факт, что сегодня меня "судили".

Альба лишь кивнула в ответ.

— Строгий, с занесением и штрафом. — Озвучил я вердикт, выданный мне секретарем, на выходе из зала. Судя по внешнему виду документа, яркости печати и прочим прелестям, что я знал — приговор был готов уже две недели назад: из свежего, там была только дата проведения заседания. — Стелла у себя?

Альба снова кивнула.

Пройдя вдоль длинного стола, за которым я совсем недавно проверял задания студней, хлебал горячий чай на переменах, спорил с Лиззи, поймал себя на мысли, что мне понравилось. Понравилось быть с детьми. Чувствовать их спешку и жажду жить. Крутиться в их калейдоскопе эмоций и чувств.

В кабинете меня ждал сюрприз: Стелла, недовольно выгнув бровь, сунула мне в руки предписание на проведение практических заданий со студентами.

— Уже "спустили"... — Понятливо скривился я, понимая, что Шеф, все просто так, на самотек, не оставит.

— Кого возьмешь? — Стелла подчеркнула ногтем пустые полоски на месте имен-фамилий студентов.

— Сантану, Ашу и Нэт. — Решил я, после недолгих раздумий. — Троих — хватит за глаза.

— Возьмешь Георга. — Потребовала декан.

— Тогда, вернуться не все. — Отдаленные иголки головной боли уже весело сверкали рядом с моими, многострадальными мозгами.

— Тогда, постарайся не возвращаться сам. — Стелла махнула рукой, выгоняя меня из кабинета.

Ничего не поделаешь, после моей свадьбы, отношения у нас стали очень "не очень".

Я вышел из деканата и спустился в подвал. Забился в закуток с лабораторным стеклом, коснулся стены, активируя замок и прошел в комнату, заваленную спецоборудованием и продуктами. Такие тайники были везде. "Мертвых" боялись. А от страха, можно ожидать чего угодно.

"Что нас ждет за "сферой"? За тройной стеной, толи времени, толи скрученного в тугой кокон, пространства. Что... Или — Кто?" — Я перебирал тюки с оборудованием, некоторые открывал, изучал и упаковывал.

Инвентаризация, так ее, во все стороны!

Чем больше я размышлял о будущем, тем меньше мне все это нравилось.

— Ну, Шеф... Ну, сука... — Пнув ни в чем не повинную сумку с костюмами химзащиты, я внезапно, успокоился. Расчистил место у стены, сел на корточки и прижался спиной к стене. Огонек зажигалки выхватил из полутьмы ровный бетонный пол и угол ящика с генератором силового поля — новинкой, о которой знали пока единицы.

"Сигарету бы, сейчас..." — Вздохнул я и передернулся — организм явно отрицательно вспомнил весь свой опыт курения.

Полуприкрыв глаза, начал осторожно вспоминать движения мудр, перетекающих из одного в другое. Отточенные связки, внутренняя собранность, ровное дыхание и адская головная боль. Еще чуть-чуть. И еще...

Стена исчезла.

Я сидел на берегу свинцового моря, с одинокой чайкой, парящей над высокими волнами, ловящей ветер и брызги.

Чайка замерла и свечой ушла в небо, чтобы через мгновение упасть на песок рядом со мной и встать высокой фигурой в лохмотьях, ткнувшей в меня указующим перстом и произнесшей одно-единственное слово: Вон!

Острая боль пронзила позвоночник. Зажигалка выпала из рук, погасив огонек.

Шершавый бетон пола приятно холодит горячий лоб.

"Как щенка, выпшвырнул!" — Восхитился я силой Безобразя, одновременно прикидывая, смог бы я, так легко и просто, выкинуть Безобразя из Своего мира.

Получалось, что — нет.

Выбравшись из подвала, глянул на часы и обрадовался — управился за пару часов.

"И инвентаризацию сделал, и "вылазку" устроил, и по мозгам успел отхватить! Какой я умничка!" — Похвалил я самого себя, мысленно погладив по голове и спрятав конфетку в карман. — "Осталось только сделать вторую попытку..."

Полуоткрытая дверь деканата, заходящее солнце, бьющее в окна и Стелла, замершая у окна.

— Явился? — Полуязвительно, полуотрешенно, не глядя в мою сторону, спросила она. — Где блукалось?

Я стянул с ее стола пачку сигарет, достал оттуда одну штуку и рухнул в кресло, напротив ее места.

— В чем дело, Сайд? — Стелла развернулась.

Неторопливо сунул сигарету в рот и щелкнул зажигалкой. Первая затяжка и долгий, как ожидание смерти, выдох.

— Что случилось? — Стелла перешла на крик, подстегивая меня. Впервые, за все время нашего с ней знакомства.

— Нельзя туда идти. — Поделится я своим видением ситуации и потушил сигарету в пепельнице.

Все самое приятное, связанное с курением, превратилось в отвратительный, едковонючий дым. Сейчас он рассеется, но оставит свой запах на одежде, волосах, стенах и даже на тетрадях, что сейчас лежат открытыми, для проверки.

— Ты что-то видел? Что именно, Сайд? — Стелла села на свое место и приготовилась слушать.

— Это — ад. Маленький, локальненький, адик, персонально для тех, кто туда полезет. И я не вытащу из него четверых. И сам — не вылезу. Может не хватить ни сил, ни везучести, ни опыта. Мертвый город, мертвое место, мертвое дело.

— Может, обойдется? — Стелла прикурила сигарету и только сейчас до меня дошло: Стелла — закурила!

— Мало надежды. По раскладу — ноль. Желательный исход — ноль. Вероятность выхода — ноль. Даже чутка в минуса ухожу...

— Скажи своему шефу...

— Скажу, конечно. — Я пожал плечами. — Только, послать туда некого. Единственное, что можно сделать — активировать заряды, что заложены при царе Горохе "на всякий случай, чтобы врагу не досталось..." И убираться, на максимально высокой скорости.

Я встал с кресла.

— Стелла... Ты прости меня... Только сердцу — не прикажешь, а врать и юзать чужие чувства, родители не приучили. — Признался я, понимая, что эти слова надо было сказать уже давно. — Не было у меня "запасных аэродромов", и теперь не будет.

В закрытую за мной дверь стукнулось что-то тяжелое.

И разбилось.

— ... Всё? Мир? — Тор снял накрывающую стол, ткань. — Меч, весы и твой, Дианка, лук. Как и договаривались.

— Ну-у-у-у... Я даже не знаю. — Диана многозначительно посмотрела на подругу. — Но, свинью ты мне так и не поймал.

Тор чертыхнулся: подложил ему свинью Вой, грохнув поросенка. Хорошо бы съели, на пару, так ведь нет...

— Ладно, не будь привередой... — Фемида вытащила меч из ножен и тут же порезалась.

— Кто? Кто догадался его наточить?! Это же меч Правосудия! Он становится острым по зависимости от дел! — Причитала Фемида, бинтуя пальчик и совсем забыв, что она — Богиня.

Впрочем, может быть, это была особенность меча? Как все правосудие он может наносить страшные раны. Оттого и должен быть тупой, что бы сами боги, не пострадали от своих игрушек.

Диана укоризненно покачала головой и тяжело вздохнула.

— Что, уже разобрались? — Довольный брюнет, появившийся пред ликом сразу двух богинь и одного злокозненного друга, потер руки. — "Сегодня курим или пьем?" Отмечать, будем?

Фемида, от всей души, приложила неосторожно подошедшего бога, тарелками от весов, по голове.

Протяжное "бом-м-м-м-м" поплыло по комнате, миленькому женскому будуару, выдержанному в теплых, пастельных, тонах.

— За что?! — Вой присел, охнув. — Убьешь, же!

Фемида подняла с пола меч и ткнула им Воя, стараясь попасть по хребту.

Отточенное лезвие пропороло ткань и оставило кровавую полосу на спине бога.

— Фимка, ты что творишь! — В два голоса напустились на богиню правосудия Тор и Диана.

Но далее, их голоса разделились.

— Ты мне все ковры, кровью позаляпываешь! — Диана.

— Дай сюда, а то снова порежешься! — Тор.

— А на меня всем наплевать... — Вой насупился. — Ну, раз так, дорогие друзья... Это вам не поросенка, по коридорам гонять...

Пробормотав себе под нос несколько странно мелодичных слов, наполненных серебристой силой и багровой тьмой, Вой с усмешкой уставился на друзей, замерших, словно мраморные изваяния.

— Думаю, месяцок постоите так, подумаете... А там и чары развеются... — Вой подмигнул молчащему Тору и провел рукой по локонам Дианы. — А ты, в следующий раз, будешь думать, каким мечом махаешь!

Щелкнув по носу Фемиду, Вой довольно потянулся.

В отличии от всего пантеона богов, он давно и старательно изучал то, что они успели забыть. И активно этим пользовался, вызывая раздражение и у Одина и у Юпитера.

Но, предъявить они ему ничего не могли — в отличии от шалостей их детей, его шалости были строго подтверждены вековыми правилами приличий.

Не порежь его Фемида своим мечом, а ее спутники, вместо порицания, продемонстрировавшие равнодушие, не удалось бы ему на целый месяц поставить их "по стойке смирно".

Накинув на Диану свой плащ, со словами: "Защить не забудь!", Вой повернулся к ним спиной и блаженно потянулся.

— Стой. — Чуть хриплый голос, раздавшийся с потолка, заставил черноволосого бога помрачнеть.

— А вот и папа пожаловал... — Пробормотал Вой себе под нос и развернулся в сторону голоса. — Слушаю. Есть претензии?

— Нет. — Один появился в комнате в сопровождении Юпитера и тут же, попытался с удобством устроиться на кресле с высокой спинкой. — По моему шалопаю претензий нет. Хрю...

Кресло с высокой спинкой, стояло старшему богу уместить в нем свое сидалище, крякнуло и развернулось в позицию для телесных утех.

Один оказался в положении космонавта на старте.

— Ноги сдвинь... — Автоматически вырвалось у Юпитера.

Вой изо всех сил сохранял спокойствие.

— Да, Вы понимаете толк в плотских утехах... — Один, выбравшись из "кресла с секретом" многозначительно покачал головой. — Римляне!

— Варвар! — Юпитер широко улыбался, а Вой рассчитывал, что пора рвать когти — на сегодня он и так и слишком много видел.

— Я — пошел? — С этими словами, он начал пятиться к двери.

— Стоять! — Юпитер, щелкнув пальцами, уложил статуи его друзей на широченную кровать Дианы. — Пусть полежат, пока. А ты, порождение чернильницы, погоди. Сейчас разговор будем разговаривать!

— Юп... — Один хмыкнул. — За языком, следи. Не на... базаре!

— Прошу прощения. — Юпитер тяжело вздохнул. — Иногда, нападает.

— Сериалы не надо смотреть... — Вой был сама любезность. — Так может, я все-таки, пошел?

— Вой. Ответь нам, двум старым...

"Больным на всю голову евреям..." — Все ерничество Воя, вырвалось наружу.

— Вой. — Один погрозил парню пальцем. — Молод еще, на старших гавкать. Лучше объясни, ты с чего так Фемиду старательно держишь подальше от пари? Тебе что, так этот парень, дорог? Он тебе кто?

Вой покраснел и хлопнул в ладоши.

"Кресло-с-секретом" снова превратилось в обычное кресло, и он в него приземлился, понимая, что, сколько не бегай, а Первые — это первые.

— Мне он — никто. — Признался Вой. — Он — "крестник" Тора.

Один охнул и рванул проверять.

Юпитер замер, открыв рот и переваривая новость.

Один вернулся через полчаса, с бочонком вина и мрачный, хуже грозовой тучи.

— Всё точно. — Кратко подтвердил он и одним движением перенес Воя и Юпитера в свои хоромы, за накрытый стол.

— Рассказывай. — Юпитер отказался от предложенного вина и уставился на Воя.

— Не могу. — Помотал головой, Вой. — Мы, с этим спором, умудрились все так засрать, что и рассказывать нечего. А три старые карги и вовсе, накрутили такого, что...

Юпитер перевел взгляд на Одина.

— Мойры клянутся, что не видели в парне "крестника". — Один налил себе вина в серебряный кубок и замер. — Обвиняют, что это либо твоя вина, либо — Локи постарался.

— Локи — не при чем. — Вой улыбнулся. — Это железно. Ему некогда и еще долго будет... Некогда...

— Значит — "крестник". — Юпитер потребовал себе кубок и, крякнув, выпитал его залпом, как водку. — Как же получилось-то? Или ты и сам не знаешь?

— Он просто — поверил. — На губах Воя играла самая горькая улыбка, из всех тех, что ему выпадало носить. — Поверил в нас, с рыжим Богом...

Пока техники разбирали мою мобилку, слесаря ковыряли мой "Стингрэй", я общался с шефом.

Вылетел я от него в таком состоянии, что сразу, "не отходя от кассы", открыл проход и вместо финишного коридора, влетел в комнату отдыха, прямо в толпу своих коллег, что-то бурно обсуждающих.

На все мои предупреждения, увещевания и прочее, шеф послал меня работать. Послал длинно и красиво, не подкопаешься.

— Сайд. Ты чего здесь делаешь? — Толик схватил меня за рукав и потащил в коридор. — Вали отсюда, пока Амина не видела!

— Я все вижу! — Дверь в кабинет Амины распахнулась, и меня втащило туда, словно бумажку засасывает пылесос.

"Покойся с миром!" — Успел шепнуть мне Толик и дверь захлопнулась, отсекая меня от отдела.

С момента моего последнего посещения, кабинет претерпел значительный апгрейд.

С пола исчез ковер, обнажив светлый паркет; стены лишились картин, но обзавелись деревянными панелями, за которыми скрылся старый сейф и дверь в "личный будуар", в котором, впрочем, никто из знакомых мне, так никогда и не побывал. Старинную люстру сменил хай-тек, утопленный в потолок и раскинувший свои светодиоды по периметру.

Свой старый стол Амина оставила, а вот "совещательный" стал жутким монстром на металлических ножках, битком набитый электроникой.

— Садись. — Амина ткнула пальцем на стул, прямо напротив себя. — Уже знаешь?

Я помотал головой, признавая собственную неинформированность.

— "Ванга-Ванга" получила "строгача". — Амина кисло улыбнулась. — И я — тоже. Она и я — за "недоработки при выборе и работе с персоналом".

Я молчал.

— Свободен. — Скомандовала Амина, отпуская меня. — От работы ты отстранен еще на неделю. Так что... Вали и не отсвечивай! Дела я передам тебе завтра, через Альбу.

Покинув кабинет, вернулся в КО и принялся поглощать кофе.

От работы меня отстранили не за проступки. Двух недельное отсутствие на рабочем месте, невозможность даже приблизительно вспомнить, где я был и что делал.

"Возможность запрограммирования" — Вердикт, вынесенный ОВР.

Официально, теперь я смогу работать только дома и с "несекретными" материалами. Для службы я самая страшная бомба. Толи шпион, толи диверсант.

Амина договорилась с отделом "Европа" и меня уже дважды гоняли на гипноз и к ментату. Гипнозу я оказался не по зубам, а ментат... Ментат развел руками и сказал, что вынесет вердикт через неделю, после повторного "собеседования".

Так что, я теперь — работник-надомник, к вящей радости Марши.

"Надо с Якобом созвониться, раз уж есть время..." — Задумался я, начиная жить "домашней жизнью". — И стонать на базар, закупиться, пока время есть...

Воспользовавшись "служебным положением", метнулся в отдел "Восток" и быстро пройдя по чистеньким коридорам, вышел на улицу, под горячие лучи яркого солнышка, палящие с синего, как бирюза, неба.

Отдел "Восток" открыли всего в трех кварталах от местного рынка — это я уже проверил, мы вместе с Мирошем, успели облазать его сверху донизу, быстро найдя "своих" торговцев, в меру крикливых и не таких грязных, как общая масса.

А еще, Мирош в первые же минуты, едва не лишился кошелька, небрежно сунутого в карман брюк.

Воришку мы поймали, но испортили отношения с базарской братвой, переломав молодой воровке пальцы на обеих руках. Так что теперь, обворовать нас, стало просто смыслом их жизни.

Мирош эту проблему решил элегантно просто — будучи врачом, а следовательно, человеком лишенным жалости и милосердия, "пропитал" купюры и прошелся по рынку.

Криминалитет, расселся по туалетах на неделю.

Повторив походы еще дважды, Мирош добился своего — "братки" старались держаться от него и его денег, как можно дальше.

Мне такой путь не светил, хотя Мирош и предлагал повторить его триумфальное шествие. Слишком сложно. Да и кто знает, может появиться "новенький" и что, снова ходи с "вирусом"?

Нет уж, я пошел другим путем.

Теперь, любой залезший в мой карман, уходил со сплюснутыми пальцами. Я так расслабился, что даже перестал застегивать карманы, нагло демонстрируя пачку денег и убирая ее в нагрудный карман легкой джинсовой куртки.

Айдар, продавец овощей и фруктов, качал головой и восхищенно цокал языком, каждый раз предлагая мне все повышающиеся суммы, за "такой же карман".

Однако, "братва платила больше".

Распихивая покупки по пакетам, в очередной раз завидовал самому себе молодому, который отправлялся за покупки с рюкзаком и не знал бед, с этим пакетным ужасом.

Дав себе зарок, в очередной раз, купить, наконец-то, рюкзак, провесил проход сразу к дверям квартиры, не рискуя шастать по базару с пакетами.

Пока фрукты мылись, овощи крошились, а мясо шкворчало в казане, дозвонился до Якоба и позвал на ужин, предупредив, что будет плов, то есть жирное, мясное и жутко вредное блюдо с большим количеством риса.

Знаете, что припер этот профессор, к плову?

Саке!

Марша и Алиция с ужасом смотрели на казан с шафранно-желтым рисом, черносливом и айвой.

Марше было чуть легче — за неделю, что я обретаюсь дома, она уже стала привыкать к странным блюдам, что ожидали ее вечером, на кухонном столе.

Борщ она и так знала, а вот бесбармак привел ее в дикий ужас. О казы я вообще тихо молчу в сторону — она теперь таскает это блюдо на работу, вместо обеда. И лопает, совершенно без хлеба, умудрившись еще и похудеть на пару килограмм!

А вот чебуреки и беляши, вместе с супчиком на копченостях, вызывают у нее тошноту.

Пришлось отказаться от эдакой вкуснятины, в пользу семейной жизни.

— Как движется изучение образцов? — Поинтересовался я, когда плов уже прочно угнездился на дне наших животов, требуя к себе бережного обращения и зеленого чая, для неспешной беседы.

Марша, хитрая ирландка, снова выковыряла мясо и теперь сидела в задумчивости — куда девать гарнир.

Алиция предпочла навалиться на сухофрукты, притянув к себе тарелочку с финиками, инжиром и прочим урюком.

— Пока рано, но... — Якоб улыбнулся. — Наши кристаллы дают разные результаты, путая все лабораторные исследования. Из самого простого, как ты и заметил, это и очистка и даже оборонительные действия. Совсем как у твоего кристалла. Причем Алиция, не желает...

— Якоб! — Алиция предостерегающе подняла указательный палец. — Решение принято и обсуждению не подлежит! Мою девочку, твоим извергам, на опыты, я больше не дам! Ишь, придумали, лазер из нее делать.

Я опешил.

Якоб покраснел.

— Военные заказы... — Протряс он, пряча глаза. — Все равно, ничего не получилось. И от нас отстали. Зато, мы получили просто изумительные по возможностям кристаллы памяти! И, это всего лишь, при 3-х процентном повторении структуры кристаллической решетки, которая оказалась полиморфной! Представляете! А какие это оказались приемо-передатчики!

Я замер, от странного ощущения, что сейчас и здесь было сказано нечто, в мои бедные мозги не уместящееся и оттого очень важное.

— Сайд. — Марша ткнула меня под столом. — Рот закрой.

— Я так лучше слышу. — Вырвалась у меня сакральная фраза одного человека, очень дорогого мне человека. — Не мешай. Я думаю.

— Думай, с закрытым ртом. — Потребовала Марша и в качестве наказания, поставила передо мной свою тарелку с рисом. — Молча.

— Алиция. Покажи кристалл. — Попросил я, перебив Якоба. — Пожалуйста.

Оправленный в платину кристалл стал больше, словно подрос. Теперь он был не голубым — синим. Под платиновой сеточкой, удерживающей камень на кожаном шнурке, ходили разноцветные искры, ныряли вглубь камня и появлялись снаружи, совершенно без малейшего признака системы.

Недрогнувшей рукой, сорвал платину, смяв в комок.

Кристалл словно вдохнул полной грудью и прислушавшись к моим словам, оплел шнурок своими искрами, встраивая в себя.

— Ей тесно. — Я протянул украшение владелице. — Так будет удобнее.

— Просто попросить? — Алиция вспомнила мои слова и понимающе кивнула, надевая кристалл и пряча его под рубашку.

— Почаще разговаривай. — Я катал платину в пальцах, разминая ее как пластилин.

— Как ты это делаешь?! — Якоб следил за моими руками, зачарованно и не отрывая глаз.

— Он просто поговорил... — Алиция улыбнулась и требовательно протянула руку.

Глубоко вдохнув, Алиция расплавила платину в руке, и через мгновение на ее ладони возник платиновый лебедь.

— Мне такое не под силу — фантазия слишком слабая. — Завистливо шмыгнул носом, я. — Не творческая я личность.

Алиция и Марша переглянулись и покачали головами.

— Значит, просто поговорить? — Якоб достал свой кристалл и смущенно пояснил. — Не могу оставлять его на работе. Словно...

Сжав в ладонях свой кристалл, Якоб замер, словно вслушиваясь и вдруг подпрыгнул.

— Он и вправду — разговаривает!

Быстро присмотревшись к Якобу, перевел взгляд на Алицию.

С появлением кристаллов, "раскачка" супругов перешла на новый уровень. Стать одним из нас, Якобу может быть, и не суждено было. Раньше. Теперь — даже я не смогу предсказать. Придется провоцировать Альбу... Или снова положиться на свой дар?

Пока Марша и Алиция убирали со стола, я припер Якоба к стенке и вытребовал у него все данные по кристаллу, что он смог запомнить. Учítывая, что давил я профессионально, профессор выложил даже совершенно секретные сведения, о разработке лазера и почему он не пошел.

Оба кристалла не желали становиться оружием. Они им были изначально, как "конструкт" Безобраза.

Дав им шанс, я умудрился устроить нечто, что в очень скором времени придется расхлебывать.

Кристаллы не разумны... Ну-ну...

Появление Альбы и Анны, снова вырвавшейся от своего малыша на "отдых", было воспринято на ура.

Обе красавицы были голодны, как волки и жаждали общения, как монашки после епитимьи молчания.

Пришлось удовлетворять.

Алиция, Марша и Анна мигом заняли диван; мне, Альбе и Якобу пришлось выбираться на балкон — им подымить, после сытного ужина, ну а мне — поиграть в викторину.

После первого же вопроса, Альба потребовала продемонстрировать кристалл, долго вертела его в руках и вернула с долгим выдохом.

— Не мое. — Альба улыбнулась. — Помалкивает. Только, странный образ дает.

Отмахиваясь от сигаретного дыма, держал ушки на макушке, но в разговор Альбы и Якоба, внезапно нашедших общие темы, старался не лезть.

— Алик слишком быстро растет... — Донеслось до меня из комнаты, горестное вздыхание молодой мамочки. — Уже медсестра, даже отправила на анализы...

— Анна! — Не удержался я и вышел с балкона, в комнату. — Ты тест Борисовича сделала?

— Нет. — Анна уставилась на меня, как на идиота. — Зачем?

Мы с Алицией переглянулись и схватились за голову.

Если перестройка организма мамы, хоть ни миг, отозвалась на развитии ребенка... А если еще и с примесью "нашей" крови — тушите свет! Младенец, с ускоренным восприятием, развитием...

Алиция в двух словах объяснила Анне, что ее ждет и ту пробрало.

Связавшись с Лиззи, мамаша испарилась.

— Считаешь, что такое может быть? — Якоб стоял у меня за спиной и недоверчиво качал головой. — Маловероятно.

— А вдруг? — Припугнул я ученого. — Представь себе, на мгновение, что мало нашему миру "живых" и "мертвых". Добавится еще и третий вид — "Быстрые". И, может быть, первый образец этого вида, именно сейчас лежит в кроватке и пачкает пеленки? А лет через пять или семь — начнет проказничать и шалить... Догонять, кто будет? Мама? Или папа?

— Сайд. Не нагнетай. — Марша прятала улыбку, понимая, что сейчас я уже откровенно издеваюсь над гостями. — Все хорошо будет!

Сказала и осеклась, зная, как я ненавижу эту лживую насквозь фразу.

Виски сдавило и пришлось срочно начать улыбаться, чтобы моя слишком чуткая супруга не учуяла, что голова снова болит, а виски разламываются.

Проводив гостей, прошлись с Маршей по ночным улочкам академгородка, слегка распугав целующиеся парочки своими голосами.

Нет ничего приятнее прогулки с любимым человеком.

Вернувшись домой, спохватился, что не брал с собой мобилу.

Два пропущенных звонка, оба ушли на голосовую почту.

"Сайд. Завтра, заедь за машиной." — Это Маргарет Марино, наша автослесарь и завглавгараж.

"Сайд. Тест положительный". — Лиззи подышала в трубку и, вздохнув, добавила: — "Я так тебя ненавижу, скотина!"

Вот и появился у меня повод познакомить Макса и Мироша, заодно прихватив у первого свое лекарство от головной боли, что он мне обещает вот уже месяц, кормя завтраками.

Пока Марша упылила в ванну, быстро открыл папку от Амины, что принесла Альба и снова схватился за голову: чудится мне или нет, но европейский отдел вытащил из под сукна все старье и теперь, его пытаются взвалить на меня.

"Отельный Робин". За десять лет — пятнадцать убийств. Все, так или иначе, связаны с отелями и лифтами. Жертв "укладывали ровными штабелями" либо в самом лифте, либо рядом с ним. С особой жестокостью. Политики. Воры в законе. Воры-политики и политики в законе. Все убийства — "громкие" и... Не раскрытые. Скажу без лишнего пафоса: тот, кто планировал эти акции — гений. А тот, кто их исполнял — гений в кубе!

Ни малейшего следа жалости — троих "криминалов" завалили вместе с членами их семей и "шестерками" охраны. Одного из политиков, "запекли" в лифте, как курицу в микроволновке, не взирая на присутствие его любовницы. Точнее — вместе с любовницей.

"Отельный Робин" просчитывал свои действия так, что полиция даже руками не разводила — лишь собирала упавшие челюсти, да лечила нервы сотрудников, что приезжали на место происшествия первыми.

Максимально жестоко, максимально кроваво, максимально зрелищно, максимально эффективно.

Многие из криминала, теперь, предпочитают снимать отдельные коттеджи, не связываясь с гостиницами.

Да и гостиницы, стали разборчивее при выборе клиентов.

Никому не хотелось стать очередным местом преступления, освещаемым в прессе.

Очень грязным, местом преступления.

Массируя виски, углубился в изучение дела, не заметив, что Марша уже вышла из ванны, покрутила пальцем у виска, налила мне кофе и, поставив под правую руку, пошла спать.

Одно из дел, пять лет назад, проводил и я. Делал аналитику и расчеты.

Бравая полиция стащила в "норку" все материалы, до которых смогла дотянуться и кучей передала нам.

Из пятнадцати эпизодов, только на трех, "ликвидатор" попал под зоркое око камеры наблюдения. И то — боком, спиной и очень издалека. В белоснежной, слепящей одежде, что так и не нашли ни в одной из окрестных мусорок. Белая фигура отстрелялась, умудрившись избежать всех кровавых брызг, зашла в номер и... Всё! Из номера никто не вышел, в номере никого нет.

Я искренне восхищался стилем и исполнением операции.

Последнее убийство, к моему стыду — шестнадцатое и мне не известное — произошло в ноябре прошлого года, в гостинице под общим названием "Хилтон". В Пеште.

Шестерых активных членов криминально-политической группировки очень активно расстреляло через двери, тремя автоматическими турелями, установленными на этажах, мимо которых проезжал лифт.

Пермесило в фарш 12,7 миллиметровыми пулями и, напоследок, нижняя часть лифта оторвалась и финишировала в подвале, ухнув с 23 этажа.

На мой взгляд, это была самая дорогая бойня, устроенная "Отельным Робинотом".

Я так думал, пока не перечитал дело дважды.

Турели поставила сама гостиница, в которой привык останавливаться один из восточных, горячих парней. Для вящей безопасности, на трех его любимых этажах и установили данный "наворот".

"Отельный Робин" лишь получил к ним доступ, "неустановленным путем", как писалось в деле.

"Блин, мне бы такую фантазию" — Усмехнулся я, закрывая дело.

Догадывался я, что Айрик Чанов не успокоится, но не задумывался, что снова придется все тащить мне.

Фотографии стрелка-ликвидатора, приложенные к делу, изучались мной едва ли не под микроскопом, а видеозаписи — проматывались покадрово.

Свободная белая одежда, явная синтетика, судя по засветкам и проблемам на камерах, отработала на ура, скрыв нападающего, размазав его фигуру, рост, пол.

Белая одежда, белое оружие, черные следы пороха, клубы дыма и кровавые брызги, миновавшие стрелка.

Ни следа, ни зацепки.

Полюбовавшись фотографиями белой фигуры на фоне гостиничных коридоров, подпихнул их в папку и отправился спать на диван, тут же, в кабинете.

Выключив свет, закинул руки за голову и задумался, задумался так крепко, что сам и не заметил, как заснул.

Проснулся от звука собственного храпа. Раскатистого и заливистого, не хуже, чем показывали по телевизору, во времена моего детства. Был такой фильм, только название из головы вылетело. Помню только, что там была красивая песня: "Толи, улица Надежды, толи, площадь Красоты!"

Марша уже тихонько шустрила на кухне, собирая себе на обед, шумел чайник и одуряюще пахло яичницей. С помидорами...

Проглотив слюну, встал с кровати и пошел требовать свою порцию.

По дороге, вспомнив о сообщениях, решил одним махом убить двух зайцев — Марша заберет "корветика", а я скатаюсь в отдел и потреплюсь с Волл де Марром, да проедусь тяжелой танковой колонной по Максусу — голова уже болит не переставая; какие уж тут радости жизни, не начать бы на людей кидаться!

Сообщив о своих планах, отправился умываться и чистить зубы.

Едва провесил проход, из озорства и, вспомнив действия Алиции, "раскачивавшей" Якоба, решил повторить их опыт

Из прохода, в финишный коридор мы вылетели в окружении шаровых молний и стоящими дыбом, волосами.

Эксперимент удался на славу: энергетика Марши, как любая женская энергетика,

впитала мой "вброс", разогнала его и вернула мне, уже расслабившемуся и успокоившемуся, что все прошло так спокойно и не заметно. От неожиданности, я снова вернул его Марше, добавив скорости, от себя. За десяток шагов, что нам надо было пройти, поток энергий превратился в бешеный смерч, разгоняемый нами. И если я это делал сознательно, то у Марши это получилось — "от фонаря".

"Проход" превратился для нас в узкую трубу, наполненную молниями и искрами.

И тут я "нажал на тормоз".

Проход превратился в бесконечную воронку, и мы едва успели вывалиться, счастливо избежав путешествия в такие дали, что мне трудно даже и представить.

— "Женатый холостяк"! — Сказал я, усаживаясь на диванчик, рядом с моей рыжей бестией.

— Фильм так назывался... — Попытался я объяснить, но, судя по взгляду, которым меня наградили, лучше бы мне помолчать.

Приведя себя в порядок, подхватил Маршу под локоток и подвел к лифту.

Гараж у нас в подвале, как и во всех порядочных организациях.

Только подвал у нас наверху, в отличии от всех порядочных организаций...

"Королева Марго", встретила меня привычным ударом локтя по ребрам и легким поцелуем в щеку.

Глаза Марши нехорошо прищурились, начиная сверкать искрами ревности.

— "Корвета" я починила. — Марго расстегнула до пояса заляпанный краской и смазкой комбинезон, стянула его с плеч и завязала рукава на поясе, оставшись в ядовито-зеленой футболке, сидевшей на ней как вторая кожа. — Твое счастье, что корпус у него — углепластик... Фары нашлись с битого оригинала, есть и сплошное заднее стекло. Может, уберешь перемычку? Мешает, ведь...

Я отрицательно помотал головой — ненавижу вносить изменения в конструкцию, рассчитанную профессионалами.

— Ну, смотри. Счет сам оплатишь? Или на отдел?

— Сам. — Усмехнулся я. — И, Марго... У нас, может, есть что, на списании... Из старенького?

— Решил девушку побаловать? — Марино понятливо кивнула головой. — Давно пора.

— Нет. — Остановил я главгаража. — Это я себе, присматриваю.

Марго уставилась на меня, как на идиота. Скривила нос. Развернулась и окинула Маршу оценивающим взглядом, с головы до ног.

Покачала головой.

— Пошли, красавица, прокатимся. — Марго никогда не отличалась вежливостью.

Проведя тихо офигевшую Маршу к "корвету", усадила ее за руль, сама заняв пассажирское сиденье.

— Жди здесь. — Пригвоздив меня к месту двумя словами, Маргарет пристегнулась. — Дави на газ, рыжая.

Марша вспыхнула и нажала на газ.

"Стинг Рэй" ушел со старта юзом, выбросив из-под колес крошки бетона и пару гаек, что попались по пути.

Серая молния мелькнула у выездного пандуса и вылетела на улицу.

Я уселся на капот "Фиата", что мы использовали как "почтовую лошадку". И проедет везде, и с парковкой горя нет.

"Корвет" вернулся в гараж минут через десять, спокойно и неторопливо. Остановился рядом со мной.

— Теперь — ты, садись за руль! — Потребовала Марго, не вылезая. — Давай живее, некогда мне, весь день с вами нянькаться.

Стоящая у машины Марша вспыхнула еще ярче, грозя вот-вот взорваться.

Пришлось погладить ее пониже спины, отвлекая огонь на себя.

Устроившись на сиденье, сразу подогнал его под себя.

Заглушил и снова завел мотор, вслушиваясь в его ритм, впитывая и растворяясь в нем.

Нажал на газ, отпустил.

"Стинг Рэй" приглушенно рыкнул, выбросив клубы дыма из выхлопной трубы.

Снова рык и...

Сам не заметил, как воткнул первую передачу.

Мой "корвет" с четырех ступенчатой коробкой — механикой.

На улицу вылетел уже на третьей.

Разгон до сотни, меньше чем за пять секунд.

Мягкий поворот и на волне заноса прошел тупой угол.

Еще газ и на четвертую.

— Налево! — Рывкнула "Королева".

Ручник и выход налево.

Марино гоняла меня минут пять, переполошив окрестных полицейских и успокоив их взмахом руки.

— Давай в гараж. — Маргарет довольно улыбалась. — Медленно и чинно.

От этих простых слов "Корвет" мгновенно превратился из бешеной чайки в степенного альбатроса.

Замерев в двух шагах от Марши, заглушил мотор и вышел из машины.

— Прости, девонька... — Маргарет пожала плечами. — Но до этой машины тебе далеко. Будешь на ней ездить... В лучшем случае будут собирать по частям. В худшем — будут хоронить в закрытом гробу. Не с твоей, европейской манерой вождения, водить такую штучку. Слишком правильно, красиво, энергично, но... "Корвет СтингРэй 63 года" — это рок-н-рол. Это — душа на волю. Это — воля в душе. А ты... Предпочитаешь пристегиваться. Ты красиво в ней смотришься... Не более.

Маргарет словно поставила точку, пытаясь объяснить то, что она чувствовала.

— Да и цвет — не твой. — Подумав, добавила Королева гаража.

Марша хлопала глазами и держалась из последних сил, сжимая кулаки.

— Пошли, рыжая, подберу тебе Твою красавицу. — Маргарет широко улыбнулась.

— Меня зовут Марша. — Моя ирландка приготовилась вцепиться в волосы.

— Вот и будем знакомы. — Кивнула зав. глав. Всея Гараж. — А ты, Сайд, катись отсюда. Девочкам надо посекретничать...

— Не могу. — Я замер, понимая, что стоит мне уехать и здесь начнется смертоубийство. — Вы же подеретесь.

Маргарет уставилась на Маршу и покачала головой.

— Марша? — Я уставился на свою жену, давая ей понять, что лучше все решить сейчас, "на берегу".

— Езжай, Сайд. Мы разберемся, не маленькие. — Марша выдохнула.

Гроза миновала.

— Помни: в семье есть только один старьевщик — Я! — Коснувшись щеки супруги губами, едва, видимо с дуру, не полез в машину, забыв обо всех намеченных у меня делах и встречах.

Помянув всех, кого припомнил, и еще раз дав себе самое последнее слово начать жрать "танакан" горстями, вернулся к лифту и нажал кнопку "вниз".

Когда двери лифта закрылись, в голове появилась одна, очень забавная мысль: "Боги серые, пусть это будет не "Делориан"!"

Вотчина Макса и его личной медсестры встретила меня тишиной и непонятной девочкой с васильковыми глазами, фиолетово-баклажанными волосами и халатиком, на три размера меньше, чем надо.

Судя по красным глазкам, шмыгающему носику и тяжелому дыханию — аллергия в полном расцвете сил.

Впрочем, я не доктор.

Ни на что не надеясь, задал интересующий меня вопрос и — о чудо! — вожденный пузырек с таблетками у меня в руках.

— Э-э-э... — Я уставился на бэйдж. — Карина? А где Макс или Жанна?

Девушка шмыгнула носом и расплылась слезами, размазывая "водостойкую" тушь по глазам.

Сердце у меня пропустило удар, подозревая самое страшное.

— Карина, говорите! Может быть, я смогу чем-то помочь?

— Муж застучал Жанну, с любовником... — Взвыла Карина, доставая из кармана халата мятый комочек мужского платка. — И навешал, обоим... Жанна с фингалом, а Макс... Макс... Макс... Сломал ногу, когда, убегая, зацепился за стул и упал!

Я сел на стул и закрыл лицо руками.

Девушка уткнулась в платок и потеряла всяческий интерес к внешнему миру.

Наши плечи подрагивали в унисон. Мои — от смеха, ее — от слез.

Знаю, что грешно смеяться над убогими, но старое волчье правило выживания в коллективе: "где живу и где работаю — не охочусь", снова доказало свою болезненную справедливость.

От смеха, головная боль перешла на следующий виток и пришлось прибегнуть к спасительным капсулам, подозрительно оранжевого цвета. Очень хотелось надеяться, что это именно мои таблетки и что эти таблетки, не шутка Макса.

Иначе, я за себя не отвечаю.

— Карина, не плачьте. — Решил я утешить девушку. — Переломанная нога это всего на неделю, максимум две. Скоро Туарек вернется и все будет по-прежнему.

— Нет... — Замотала головой Карина. — Я, когда он выйдет, подам на развод... А потом, дам ему по морде, кобелю... И уеду к папе...

— Вы — жена Макса?! — Не поверил я своим ушам. — Давно?

— Меньше года. — Карина решительно вытерла глаза, шмыгнула носом и попыталась поправить растрепанную прическу. — Ой, простите...

Я легкомысленно махнул рукой.

Убил меня Макс, артиллерийским снарядом, прямо в голову!

Понимая, что делать мне здесь больше нечего, вежливо распрощался и, закрыв за собой двери в кабинет, побрел до лестницы. Ехать сейчас в лифте совершенно не хотелось, было о чем подумать.

Головная боль, получив пинок, озлобилась еще сильнее и превратилась дикобраза, под черепом, растопырившего все свои иголки, одновременно.

До владений Генри, топать вниз еще четырнадцать этажей — ниже только скальное основание, на котором покоится все наше здание, со всем городом, в придачу.

Шагая по пожарной лестнице, неторопливо и спокойно, шаг за шагом углубляясь и оставляя над собой шумные кабинеты аналитиков, медиков, техников, приходил в благодное состояние.

Меня ждала беседа с человеком, в чьем ведении были тайны, тайны и еще раз — тайны.

Каждый раз, видя Волл дэ Марра, я удерживал вертящийся на языке вопрос: он вообще, территорию архива, покидает? Хотя бы на выходные, или на отпуск?

Сколько раз я не приходил — Генри всегда на месте.

Дверь в архив, осталась глуха и нема к моим попыткам ее открыть.

Пришлось "распустить ноги", попинав ее.

Потом еще и еще раз, пока динамик над моей головой, не прокашлялся и не послал меня, в отдел пропусков, за новой визой на карточке доступа.

Все правильно, я агент надомник и делать мне в архиве, собственной персоной, совершенно нечего.

Достав из кармана химический карандаш, оставил на белой стене, напротив двери, послание Генри и потопал к лифту, понимая, что "танакан" становится уже действительно важным средством, от моего, все прогрессирующего слабоумия и рассеянности.

Приехавший лифт, выпустил из себя четверых бодрых ребят, затянутых в кевлар и с автоматами на пузе, которые, впрочем, тут же уткнулись в пузо уже мне.

— Очень смешно. — Сказал я, глядя в камеру наблюдения, входя в лифт в наручниках, нацепленных на меня службой охраны.

Короткий смешок возвестил, что дежурному и вправду весело, извращенцу.

Парни, видя, что я спокоен, вменяем и не дергаюсь, стянули с голов "чулки" и повесили на пояс свои легкие шлемы с прозрачными щитками.

Отконвоировав меня к Ванге-Ванге в кабинет, остались за дверью.

— Привет. — Поздоровался я, замерев у порога. — Как дела?

Судя по дернувшейся щеке, зря я ее о делах спросил.

Только, мама с папой приучили быть вежливым. Даже если человек тебе не нравится — он в этом не виноват...

— Может, снимешь браслеты? — Я поднял скованные руки.

— Приятное зрелище. — Честно призналась Вангелия Ваен, любясь браслетами на моих руках. — Век бы так сидела и любовалась! А если бы еще можно было одеть наручники на язык — вообще бы оргазм испытала!

— Обычно, для этого используют кляп... — Неосторожно ляпнул я.

Достав из ящика стола ключ, Ванга толкнула его в мою сторону, по полировке.

Сняв браслеты, положил их на стол и сел напротив Ванги-Ванги.

— Слушаю.

Ванга откинулась на спинку своего кресла и устало улыбнулась.

— Зря ты ко мне не пошел... С твоими мозгами, уже сидел бы на моем месте.

— Да мне и своего хватает. — Меня всегда раздражала манера некоторых людей строить на меня планы.

— Сайд. Почему с тобой носятся, как дурень с писаной торбой? — Нет, вот чего у меня

никогда не получится, так это сформулировать вопрос именно таким образом. Вроде и понятно, а ответить можно что угодно.

С Аминой Семеновной, например, такой фокус не пройдет из-за ее дара.

— Они ждут. — Я уставился в глаза сидящей напротив меня женщины, пытаюсь уловить тот момент, когда придет понимание, и рассказывать дальше уже не придется. — Ждут, когда я займу свое место. А я туда не тороплюсь.

— Твое место?! Твое место?! — Ванга дважды повторила вопрос и замолчала. Огонек понимания начал разгораться. — Твое место. "Координатор"?

— Или — "Хозяин". — Я пожал плечами. — Это их мечты, не мои.

— А ты, значит, развлекаешься и ведешь себя, как примадонна.

Я обиделся. Развлекаюсь — да. Но вот веду я себя...

Набрав полную грудь воздуха, чтобы высказать Ванге все, что я о ней думаю, замер и выдохнул.

Со стороны виднее.

— На тебя пришла заявка, на посещение "купола". "Добро" я дала, но пропуск получишь только после подтверждения ментата. — Ваен поняла, что больше от меня ничего не услышит, и оттого перешла к делу. — Постарайся в этот раз, никуда не пропасть снова. Свободен.

Как жаль, что я не хожу у нее в любимцах. Сидел бы сейчас в отдельном кабинетике, дул кофе и играл в морской бой, по сетке.

И не было бы у меня сейчас Марши и моих студентов. Помахав рукой на прощанье, вышел из кабинета.

За дверью кабинета сидел Тойтерьеров. Запакованный в отутюженную светло-голубую форму "прокурорских", с фуражкой на коленях и выпученными на меня глазами.

— Бу! — Не удержался я от дурацкой шутки.

Тойтерьеров подпрыгнул на стуле, значительно подняв мне настроение.

Тьфу, он же — Тойманн!

Повернувшись к нему спиной, покачал головой и пошел в сторону лестницы.

Сегодня мне с лифтами не по пути, ну их, ко всем святым.

Очутившись в гараже, правда с другой стороны, прошел, лавируя между машин, к своему "корвету" и усевшись за руль, тяжело опустил голову на руки, сложенные на руле.

Тренькнул телефон, оповещая о приходе смс.

"Машину выбрала"

Вот и пусть потом кто-нибудь скажет мне, что муж и жена не одна Сатана!

Слегка путаясь в не привычных наворотах телефона, перезвонил Марше и предупредил, что сижу в гараже, в машине.

Остановившаяся рядом красно-черная машина, непонятной модели, из которой вышли Марша и Маргарет, мне понравилась. Эдакая колоритная смесь "сивика", "скайлайна" и "RX-7", причем не утрированная или карикатурная, а выдержанная в самых лучших традициях как бы не самого Делориана или Пинифаринны.

Судя по тому, с какой силой забилося мое сердце, при виде выходящей из авто Марши, это явно была ее модель.

— Как тебе? — Марша уставилась на меня, ожидая моего решения.

— Заверните! Счет, пожалуйста! — Расплылся в улыбке я.

Маргарет заржала, от души потешаясь над нами, и назвала такую цифру, что я тихонько

присел. Но отступать было поздно, а на втором счету все еще болталась премия, так что и это было не смертельно.

Довольная улыбка любимой женщины стоит намного больше.

А деньги я всегда смогу заработать.

Ментат отдела "Европа" откровенно "чесал репу", говоря по-простому.

Вся его суть, прокуренная и пробитая паранойей, вопила, что я — "подстава", а профессиональные навыки и опыт убеждали в том, что подстава я не для своей службы.

— Вынуждена признать... — Стефания Чиханн махнула рукой и потянулась за сигаретами, решив последовать за профессионализмом, а не за паранойей. — Существуют следы вмешательства. Но, с таким же успехом это могут быть следы от просмотра "агрессивной рекламы" или пост стрессовые последствия. Мой дар молчит и угроз, в обозримом будущем, от этого человека, нет.

Сладострастно затянувшись вонючими сигариллами без никотина, крашенная брюнетка откинулась на спинку кресла и выдохнула клуб дыма прямо мне в лицо, язва.

— Ограничения считаю излишними, допуск к работе рекомендую полный. — Снова затяжка и я погружаюсь облако "безникотинового", очищенного и освеженного, по всем стандартам европейской культуры, табачного дыма.

Лучше бы она кальян потягивала, право слово, чем тянуть в себя дым пропитанной духами, бумаги.

У "мертвых" самый большой процент курильщиков. Нам не грозят онкозаболевания, мы и так ходим по лезвию. Врачи обещают нам, в случае ведения здорового образа жизни, 150 — 170 полных лет разумного существования, однако, пока самый долгоживущий из нас — 86 летний Оян Ши, который ведет затворническую жизнь где-то в горах, держась как можно дальше от всего мирского.

— Сайд. — Амина чуть тронула меня за плечо. — О чем задумался?

— О 170 годах жизни, которые нам прочат. — Признался я. — Смешно, правда? Мы курим, как паровозы. Бухаем, чернее чем врачи, учителя и полицейские, вместе взятые. Выжимаем из себя все, без остатка, вкладывая в свои "конструкты". Сходим с ума, от видений. Срываемся, видя несправедливость и сгораем, как мотыльки над огнем свечи. "Верша справедливость".

— Шел бы ты... К жене... — Амина мрачно огрызнулась, в тайне соглашаясь с моим мнением. — Когда еще, сможете по Парижу, прогуляться...

Мне всегда везло с руководством, всегда везло с окружающими меня людьми, но... Собственная голова и язык, однозначно доведут меня до могилы. И намного быстрее, чем в 170 лет.

Ментат вернул меня на службу — очень замечательно.

Дел накопилось — уйма.

Пришла пора дать отпор Айрику, который нещадно бомбардирует меня с этим "Отельным Робин", веря в то, что я смогу докопаться до истины.

А я — не хочу. Мне нравится, то, что "отельный Робин" творит. Нравится его любовь к

демонстративной жестокости и максимальной эффективности. Мне симпатично его решение проблем. И, нет у меня желания искать человека, "потрошащего" всяческую... Ну, нет и хоть ты динамит закладывай!

Да и дела, которые лежат в ящике стола, в отделе, тоже надо закончить. И, теперь уж мне точно никто не помешает встретиться с Волл дэ Марром и вволю почесать язык.

— Вижу-вижу. — Обрадовала меня Марша, встречая на выходе из этого серенького и неприметного здания, в котором обреталась целая служба контроля, управляемая ментатами. — "Годен"?

— Годен. — Я подхватил жену за талию и закружил вокруг себя, в лихом темпе. — Все возвращается, на круги своя. Так что, с понедельника, возвращаю кухню под твое чуткое руководство.

Мы бродили по улочкам города, рассматривая достопримечательности, и пугали бесстыдных, но уже становящихся такими же серыми, парижан, своими яркими нарядами и блестящими глазами.

Грязная Сена, совершенно не впечатляла, а судя по душку — в ней кто-то сдох, причем уже давно.

Питерские каналы и мосты, на мой, совершенно не патриотичный взгляд, на добрый порядок милее и более чем на десять — душевнее. А уж с бескрайними берегами родного Иртыша, дикого и вольного, вообще сравнение не в пользу утисканной в каналы, как проститутка в корсет, Сены.

Только презервативы, разбросанные мимо урн, как напоминание толерантности и сексуальной революции. Слабая попытка украшения города, красивого только на картинке.

Марша со мной была не согласна.

Вдыхая воздух города Дюма и Парижской коммуны, она круглыми глазами смотрела по сторонам, видя только то, о чем говорилось, не замечая того, что творилось.

Множественные лавчонки, с "профильными носами" их владельцев, кучки громко гогочущей молодежи и бесконечные уныло-матерные граффити на стенах.

Полицейские, провожающие нас взглядами, вздрагивали от чужого языка и жались к своим машинам.

Один-единственный раз, пара молодых патрульных подошла к нам и попросила предъявить документы.

Увидев корочки "Фемиды", широко улыбнулись и отвалили в сторону, о чем-то сообщая по рации своему диспетчеру.

Попытка подняться на Эйфелеву башню, едва не закончилась полным фиаско — очередь из японцев, индийцев и прочих, дважды опоясывала опоры башни и двигалась в час по чайной ложке.

На помощь пришли уже знакомые полицейские, отконвоировав нас через шумную толпу, прямо к лифту и пошептавшись там с местной службой охраны.

Вид сверху, действительно кружил голову.

Марша замерла у перил и словно замороженная, рассматривала город.

А я — любовался ей.

— Останемся здесь на ночь? — Марша сидела напротив меня в маленьком кафе, под открытым небом. — Пожалуйста.

— Выбирай, где остановимся. — Подмигнул я.

Сказки хочется всем.

Жаль, не так мы воспитаны, чтобы целоваться в присутствии лифтера.

Лифт, размером с комнату, собирал постояльцев и развозил их по этажам со скоростью неспешно плетущийся улитки, важно открывал свои зеркальные двери и тихонько шипел в динамиках Азнавуром.

Сделанный под старину, с обилием зеркал, откидными скамеечками и золотыми финтифлюшками, тем не менее, это был совершенно новый лифт, со всеми функциями безопасности.

Очень интересная модель.

Богатая.

И толпа собралась, вовсе не маленькая — человек 25-ть, не меньше.

Толпа оттеснила нас с Маршей к самой стенке лифта, а нам того и надо — никто не смотрит.

Судорожно дернувшись, лифт замер. Снова дернулся и поехал вниз.

Дернулся и сменил освещение на аварийное.

Азнавур сменился вежливым женским голосом, объясняющим, на трех языках по очереди, что причин для паники нет и надо просто оставаться на своих местах.

Французский сменился английским, английский — русским.

Девушка, отбарабанила обращение на русском языке и добавила неопределенный артикль.

Ага, тот самый, из анекдота.

Судя по смешкам — русских в лифте было немало.

Лифтер, выражая всем своим видом уверенность, перекрыл доступ к управляющей панели, заложив руки за спину и расставив ноги на ширину плеч.

И мягко сполз вниз, оставив на стенке за собой пятно крови и выбитых мозгов.

Неопределенный артикль зазвучал громко и отчетливо. Запах пороха и отсутствие звука выстрела меня несколько напрягли.

Неужто, "Отельный Робин"?!

— Господа! — Голос в динамике принадлежал плохо говорящему по-французски человеку.

Судя по окончаниям — кто-то из наших братьев-славян. Скорее, даже поляк. Или венгр. А может быть и "хороша, страна Болгария!", но в таком случае, дела совсем плохи.

С болгарским акцентом разговаривал только один человек, пообщаться с которым хотелось "интерполу". Очень давно хотелось. Но, тщетно.

Я знаю, дело по этому "Болгарину" лежит у меня в ящике стола и я над ним как раз работал.

В своем роде, очень честный человек — не играй с ним и все будут живы.

Только требования...

— Я рад вас приветствовать. Меня зовут Мишель. И у меня только две просьбы. Не шумите и не пытайтесь покинуть лифт. Мои люди плохо говорят по-французски, но хорошо стреляют. — При этих словах пятеро разномастных молодых людей и две девушки, растолкав всех, подошли к дверям лифта и обнажили оружие. — Пока я разговариваю с полицией, Вам придется посидеть на полу этого чудесного творения. Не скрою, если мы не договоримся — будут пострадавшие.

Безукоризненно вежливый, спокойный голос просто завораживал.

Толпа покорно уселась на пол.

Марша потянула меня за собой, но один из "охранников", видя, что я продолжаю стоять, направил на меня ствол своего пистолета и поманил пальцем к себе.

Пришлось поцеловать Маршу в макушку и, осторожно лавируя между сидящих людей, подойти.

— Самый смелый? — Поинтересовался парень на русском и замер с отвиснувшей челюстью, услышав в ответ, куда он может пойти.

Пальчики у него побелели, но кидаться с кулаками на меня он почему-то не решился.

— Встань на место лифтера! — Потребовала одна из девушек. — И стой ровно. Иначе — первая пуля тебе, вторая — твоей... Девушке.

Ругаться и она не стала.

"Вежливость" — визитная карточка Мишеля Крупинеску, полу грека, полу болгарина. Вся его организация, занимающаяся захватами заложников, наркотиками и заказными убийствами — вежлива, внимательна к мелочам, аккуратна и эффектна при исполнении своих акций.

Не знал бы я то, что знаю... Решил бы, что "Отельный Робин" из их числа.

Устроившись рядом с панелью, слегка прикрывая ее спиной от наших вооруженных охранников, вспоминал правила поведения при захвате заложников и уже дважды связался по "лайну" с Аминой, рассказывая о творящемся у нас беспределе.

В ответ узнал, что среди постояльцев отеля — три русских бизнесмена, английская группа гребцов и французский политик, которого выгнала из дома жена, после того как он застал ее в постели с любовницей.

С её, любовницей.

Скандал разгорался не шуточный, но сейчас было не до него: Амина предупредила, что штурмовать лифт — занятие не для слабонервных и, среди парижского полицейского бомонда, таковых смелых не нашлось.

Так что, ждем, когда "Фемидовские полевики" отработают по схемам и минут через тридцать, будем гулять свободно.

Слабонервные полицейские, первым делом озаботились о переговорах. И самым первым вопросом стал "а заложники не пострадали"?

Наши бизнесмены на "великом и могучем", вклинились в разговор и стало очень не уютно — в лифте заорал динамик, прибывая к полу всех, своим ревом.

Через десяток секунд, нас предупредили, что за выкрики с места, если мы не понимаем хорошего отношения, нас будут наказывать.

— Сайд. Меня зовут Мухаммад и я "Обсервер". — Голос в мозгу, спокойный и уверенный, сразу расставил все по местам, просто одним своим присутствием. — Рассказывай, что у вас?

Оперевшись спиной на стенку, принялся повторять диспозицию.

— Семеро из двадцати?! — Мухаммад присвистнул. — Регистрирую наличие оружия у 11 человек.

Передав мне картинку сканирования, Мухаммад затребовал объяснений.

И, что я ему объясню?

Стволы у меня и у Марши.

Еще один — на крыше лифта, надеюсь не "Робин" и кто-то еще с пистолетом, в толпе. Судя по схеме — вон та женщина, что сейчас усердно молится, шевеля губами.

Не могу не признать, Льюис Кэрролл — гений, а "Алиска" — шедевр всех времен и

народов. Особенно на русском языке, с его "страньше" и "чудесатее".

— Наши переговоры зашли в тупик. — Посетовал Мишель. — К моему величайшему сожалению, я вынужден подстегнуть принимающих решение, активными действиями. Думаю, трех будет достаточно, для первого раза.

Девушка развернулась в мою сторону и подняла пистолет.

Я зажмурился и нажал на эти три проклятые кнопки, что лежали у меня под пальцами уже десять минут.

Свет погас и разорвалась световая-шумовая граната, следом — дымовая, наполняя лифт черным дымом.

Крики и выстрелы.

Отстрелявшись, замер. Кто-то скулил. Народ лежал на полу, ожидая, чем все закончится.

А все уже и закончилось.

Нажав на кнопку экстренного открывания дверей, впустил в лифт свежий воздух и трех "полевиков", упаковавших, лежащих у дверей террористов. Без деления на живых и не очень.

— Выходите по одному. — Потребовал женский голос. — Кто не может идти — оставайтесь на своих местах, вам будет оказана медицинская помощь.

Один из русских, нервно хохотнул и обозвал голос из коридора "капитаном Очевидностью". Англичанин выразился несколько более эмоционально.

— Очень жаль. — Голос Мишеля ворвался в дымную пелену лифта и заставил меня напрячься. — Мы так не договаривались, но... Мягкой посадки.

Сверху что-то шумно хлопнуло, и лифт просел на целый метр.

Сработали "экстренные настройки торможения" и лифт замер, как влитой.

Женщина, что тихо молилась, продолжала молиться, совершенно забыв о том, что у нее в сумочке лежит пистолет.

Сверху, наконец-то, закапала красная жидкость — сидящий на лифте боевик, либо подорвался, либо, все-таки, получил свою, именную, пулю.

Через пару минут, лифт опустел, выпуская из своего нутра клубы дыма, что засасывались в гостиничную вытяжку.

Потерпевшие рассаживались вдоль стен, накрываясь одеялами и выслушивая медработников, что набежали не хуже тараканов.

— Привет! — Подошедший ко мне молоденький парнишка в форме, протянул руку. — Я Мухаммад!

Я едва поймал челюсть. Судя по голосу в голове, я представлял себе несколько иного человека.

Отсмеявшись и представив "обсервера" Марше, задал вопрос, который меня беспокоил больше всего.

— Мы можем идти?

Мухаммад покачал головой и требовательно протянул руку.

— Оружие покажи.

Повертев мои 2000-е и выщелкнув из обоймы тупоносую пулю, "обсервер" развернулся к Марше.

— Теперь, ты.

Марша достала из сумочки своего "китайца" и протянула парню.

— Н-да... — Выдохнул Мухаммад, изучая острую пулю калибра 5,8. — Такое надо

запрещать, для продажи частникам. Марк! Покажись...

Марк, медведь по развороту плеч, показался мне очень угрожающим. И расстроенным, одновременно.

"Обсервер", не глядя, протянул руку, расстегнул один из многочисленных кармашков на бронежилете Марка и достал оттуда титановую пластину, с застрявшей в ней остроконечной пулей.

— Это называется — "дружественный огонь". — Вдохнул Марк. — На пяток сантиметров правей и выше...

Марша изменилась в цвете лица и прижалась ко мне еще сильнее.

— Страшная сила. — Мухаммад расстегнул свой бронежилет и протянул Марше пробитую пластину. — Держи. На память.

По полу лифта, хрустя битым стеклом, уже топтались эксперты-криминалисты, выковыривая гильзы и вытаскивали тело террориста с крыши лифта.

Мир снова вошел в привычную колею.

Еще час, не более, и вышколенные горничные вычистят ковры, уберутся в лифте и завтра, уже ничто не будет напоминать о случившемся.

Разве что, рапорты полицейских да новостной сюжет, на местном телеканале.

Да царапина на шлеме Мухаммада, что оставила моя пуля, пробив двери лифта.

Муж и жена, муж и жена...

Никуда от этой пословицы не денешься.

Дальше было не интересно, обычная трудовая рутина полицейских будней.

Опросы свидетелей, допросы подозреваемых и прочая бумажная волокита, вошедшая в рамки законности.

Вот, объясните мне, зачем носить в сумочке пистолет, если он у тебя закрыт на замочек? А ключ от замочка — в другой сумочке?!

Европейская свобода, ничуть не лучше любой восточной свободы.

Везде и все одно и то же.

Старенький 767 Боинг, на борту которого мы покидали такую непонятную мне Францию, подпрыгнул и очутился в небе, с ловкостью прыгуна в высоту.

Кажется, гравитация для этого монструозного авиалайнера совершенно не писана.

Слева и справа от нас, сидела пара "воздушных маршаллов", призванных проследить, что территорию Европейского союза мы точно покинем. И именно на этом самолете, а не каким либо иным, образом.

Система, никуда от нее не денешься!

Амина предлагала провесить проход, но замшелые консерваторы от юриспруденции, развели руками. В их книгах написано, что самый быстрый и надежный способ покинуть территорию — улететь на самолете, значит, улететь на самолете.

Правда, билет на самолет, пришлось оплатить нам — считать деньги они умеют.

Учитывая, что ночь у нас выдалась совершенно бессонная, время перелета мы провели в состоянии полного отрубца, привалившись друг к другу и не обращая внимания ни на стюардесс, ни на сопровождавших нас, ни на красоты под крылом самолета.

Аэропорт "Летицы", новенький, с иголки, функционирующий всего два года, вместо "Домодедово", так же прошел мимо нашего сознания.

Нас поднять — подняли, а разбудить — забыли.

Расписавшись в планшете, что свое оружие обратно получил и претензий не имею, я

провесил проход в квартиру, закидал в него обе наши спортивные сумки и дальше — снова не помню.

События последних двух суток оказались для меня чересчур замудренными. Все эти реверансы и экивоки, партийные движения и политические течения, для моего аналитического мозга оказались слишком.

Было смешно наблюдать, как усравшийся от страха судья, уже начинающий попахивать, вылетел из совещательной комнаты.

С какой довольной лыбой выходил из здания полицейского участка, отпущенный под залог, один из террористов.

С каким странным взглядом провожал Мухаммад адвоката, только что договорившегося об условном сроке, для остальных, выживших.

И как было удивительно слышать в свой адрес фразу, о "неправомерно жестоком превышении права на самооборону".

— Сайд. — Марша поставила на стол передо мной кружку с кофе. — На работу не опоздаешь?

— Нет, Лисс. — Ляпнул я и замер, ожидая реакции.

Надо отдать Марше должное, запыраться она не стала. За оружие хвататься — тоже. Только села на стул, напротив и крепко сжала чашку.

— Когда догадался?

— Сначала — когда мобилку проспорил, в тире. — Я сделал глоток и покрутил головой, разминая шею. — Ну, а в лифте, только все подтвердилось. Не многие знают секреты таких лифтов.

— Не многие. — Качнула головой моя рыжая. — А откуда их знаешь Ты?

— Черт. Прокол. — Признал свое поражение, я. — Например, я прочел о них в деле "Отельного Робина"...

— А я, например, работала горничной. — Марша растянула губы в улыбке. — Например... Привет, Робин!

Я шутовски склонил голову и поднял кружку, признавая ее правоту.

В 2008 году, шутки ради, я выложил на одном закрытом сайте, примерный сценарий ликвидации гипотетического персонажа, в лифте. Не подумайте ничего такого — сценарий был и в самом деле — именно сценарием. Для книги.

Через три месяца, я получил анонимный денежный перевод.

А через месяц, появился "Отельный Робин".

Так и началось мое сотрудничество с сообществом рискованных писателей, со снесенными головами и напрочь отмороженным чувством самосохранения.

Сперва, от испуга, чуть не сдал весь сайт.

Потом — втянулся. Идеи показались мне не лишены толики здравого смысла, а за исполнением своих сценариев я следил от и до. Разумеется, не собственной персоной — не настолько голова сорвана у меня.

Лисс появился семь лет назад и выполнил, из пятнадцати сценариев — восемь.

Дважды попав на камеры видеонаблюдения.

Кто бы сказал мне, что Лисс — женщина — не поверил бы, честное слово.

— Поверить не могу, я вышла замуж за Робина... — Марша качала головой и таскала столовой ложкой мед из банки, совсем как некий медвежонок таскал мед из горшка, лапой. — Ведь такой сценарий, даже и на сайт не выложишь — засмеют и освистают!

— Забросают минусами. — Согласился я. — Хватит мед таскать. Нечего, стрессы зажевывать. Врачи вообще, рекомендуют стресс другим образом, снимать.

— На "другим образом", у нас времени уже нет. — С сожалением облизав ложку, вздохнула Марша. — Но, впереди целый вечер и, как знать, что будет...

Мы оба не ангелы, но однажды принятое решение: оставить прошлое — прошлому, мы будем исполнять до упора. Нет смысла биться головой об стену и вопить, что твоя половинка, в отдаленном прошлом, совершенно не белая и пушистая.

Тем паче, что и сам ты — не в белом фраке.

— Тебя подвезти? — Марша замерла у своего новенького авто, ожидая моего решения.

Красно-черная "Тьма", от немецкого концерна, что занимался авто лишь из любви к искусству.

Два и восемь литра, триста двадцать км\час, сотенку за неполных три секунды — моему "корвету" и в страшном сне такого не видать! Да и слава небесам, если честно. Убьюсь, ведь!

Отмахнувшись от предложения, подмигнул и открыл проход.

Первая, кого встретил в коридоре — пани Агни Паневка, широко мне улыбнулась и подмигнула.

Так же странно отреагировали на мое появление Толик и Айрик.

Даже Лесенька, при виде меня расплылась в улыбке.

У меня, что, морда в помаде? Или трусы поверх штанов?! Или, на спине плакатик? Нецензурный?

Сколько я не вертелся, в ответ лишь смешки да улыбки.

А чуть позже стало и не до вопросов — пришли данные по "парижскому отелю" и все понеслось вскачь.

Амина тихо свалила на совещание, оставив за себя нашу панну; Толик свалил, переведя стрелки на ночную смену, а ночная смена — послала меня к Генри.

Из материалов, что мне подкинули, получалась какая-то нелепица. Захват заложников, в котором нам удалось приложить свои грязные лапки, странные требования и все завязано на том моменте, что все европейское сообщество, даже если оно достанет самую большую ядерную дубинку, на это государство повлиять не сможет.

Ни одной стране не удалось завоевать Афганистан.

Как клал он на все правила и приличия, так и будет продолжать это делать. А то, что им в руки попало — считай, что пропало с концами и возвращать никто и ничего не будет.

Так что Мишель, видимо с дуба рухнул, взявшись за это дело.

Или, все-таки, нет?

Убрав со стола миниатюрную Эйфелеву башню, подкинутую неизвестным доброжелателем, разложился на всей поверхности стола, укладывая листочки бумаги с написанными на них фактами, в одном мне понятном, порядке.

Забавная получалась картинка.

Паутина фактов, правильным образом разложенная, давала три точки приложения.

Точку первую "обломал" в свое время Безобраз.

Точку вторую — "Отельный Робин", отправив к праотцам наследного принца и, по совместительству, одного из экспортеров высоколиквидного товара, незаконного, но очень желанного.

Третью точку обломали мы с Маршей, сорвав захват.

Все три точки, буде они пришлись не на "обломы", могли спровоцировать новый виток войны с Афганом.

А нужна эта война, только одному государству, тому самому, что за море — окияном...

"И еще есть вопрос — почему картошкой нос?" — Напевал я, внося данные на вырванный из тетрадки в клетку, листок. — И, на что же рассчитывает наш забубленный стратегический партнер, втравливая нас в этот конфликт?

По моему раскладу, получалось, что рассчитывает он на отдел "Восток", втравливая в "войнушку" не столько страны, сколько "Фемиду".

И, в таком раскладе, действия Мишеля очень даже становятся понятными — если втянется "Фемида", на свободе данный герой проживет совсем не долго. Оттого и не были заминированы "экстренные тормоза", а наблюдателя, от "заказчика", явно сняли отдельно, подложив десяток грамм взрывчатки, под его пятую, седалищную, точку.

Все выстроилось в стройную систему, завершившую свою жизнедеятельность.

Откинувшись на спинку стула, сгреб все клочки в одну кучу и отправил в урну.

Набарабанив одним пальцем отчет из трех предложений, отправил его в европейский отдел и, перекрестившись, занялся другими делами.

— ... И что? Никак не отреагировал? — В комнате отдыха, где я расположился на кофетке, появились Леська и Агни, что-то обсуждая конспиративным шепотом. — Представляешь?! Просто — убрал со стола!

Я насторожил уши, прикидываясь веником, стоящим в углу.

— Может быть, у него насморк? Или...

— Или он вообще — нюх потерял! — В КО нарисовался Айрик и с грацией носорога воткнулся в женский разговор. — Ему ее дважды на стол ставили! И, хоть бы хны! Если до приезда Амины, до него не дойдет — плохо будет. Всем.

— О чем речь, народ? — Не выдержал я.

Айрика и Леську сдуло ветром.

Более мужественная или все-таки — более мудрая? — пани Агни, со вздохом подняла вверх руки.

— Рассказывайте, пани. — Я развернул стул и предложил ей сесть. — Все, что я пропустил.

— О Максе и Жанне — ты в курсе?

Я качнул головой.

— А в курсе, чью фотографию нашел в кармане своей жены, Макс?

Снова пришлось качать головой.

— Между прочим — твою! — Пригвоздила меня к стулу, Агни и полезла за сигаретами. — Да еще и с дарственной... Так что, приперся он сюда на костылях, требовать возмещения. Упал. Очень долго матерился и грозился предать тебя анафеме и проклясть, самым страшным проклятьем. Еле мы его вывели. А вчера, кто-то приволок и поставил тебе на стол макет Эйфелевой башни.

— Ага. А что говорит его благоверная? — Эта история мне начинает нравиться: — "Теперь, только трупа добавить, и будет мексиканский сериал"!

— А "благоверная" ничего не говорит. — Агни поерзала на стуле, что для пожилой женщины, выглядело как-то странно, как минимум. — После того, как подала на развод, его благоверная объелась таблетками и попала в реанимацию. Иначе, как ты думаешь, с какого перепуга Макс полез по ее карманам?

— Ага. — Я отчаянно морщил лоб, пытаюсь понять, каким образом, в эту кашу попал я. — И, дальше, что? Жанна, кстати, как себя чувствует? Синяк прошел?

— А, откуда ты о синяке?! — Потрясению Агни не было конца.

— Карина рассказала. — Легкомысленно бросил я, не задумываясь о последствиях.

— Значит, все-таки, что-то было! — Торжествующе вскинула брови наша отделовская Мисс Марпл. — Нет дыма, без огня!

— Есть. Называется "дымовая шашка". — Я уже не знал, смеяться мне или плакать.

— Марша в курсе? — Вот, теперь я понял, что погубит Польшу быстрее, чем разъяренная Россия — Любопытство! Любопытство и любовь к сплетням.

Боги звездные! А ведь именно этой крови у меня — ровно четверть!

Чур, меня, чур!

— Агни. — Я взял себя в руки, стараясь не начать ржать, как конь на конопляном поле. — Вот ты, умудренная женщина, работающая со мной уже больше... Тучи лет... Любопытная, хуже котенка и упрямая, страшнее горного ишака... Ты, раскрывшая дел, которыми можно забаррикадироваться и сладко спать пару месяцев, пока тебя откопают... Куда подевалась вся твоя логика и правила анализа?! Не ты ли, пыталась познакомить меня со своей дочкой? И что ты услышала от меня, в ответ на такое лестное предложение?

— Где живу, где работаю — там не охочусь... — Агни уставилась на меня так, словно я из воздуха только что, достал ободранную тушку кролика. — Я поняла.

Мило допив кофе в тишине, я вернулся за свой стол, где обнаружил записку, в которой аноним предупреждал меня.

— Люди! — Не выдержал я, перекрикивая рабочий шум. — Вам что, так скучно? Ну, так пойдите и сдайте зачеты по стрельбе. А тот, кто еще раз, помянет моё имя всеу... Пойдет сидеть на горшок! И, это будет лучше, чем если сюда придет моя жена и отвертит пару голов, потому что языками не удовольствуется. А за "базар" надо отвечать...

Несколько минут в отделе висела тишина. Она звенела в ушах и народ слушал ее.

— А! Вот и наш герой-любовничек! — Появилась на пороге отдела наша прекрасная и неповторимая Амина Семеновна. — Ой...

Черно-белая молния промелькнула и скрылась за дверью собственного кабинета.

Народ вжал голову в плечи и вернулся к работе.

Слово сказано.

Дело — сделано.

До конца рабочего дня в отделе было тихо.

Я изучал макет башни, пытаюсь понять, кто же мне его подбросил.

Айрик, Леська и Агни обходили мой столик по "третьему кольцу", а остальные, воочию увидев, что им грозит, старались даже и не смотреть в мою сторону.

Жаль, очень редко мои угрозы становятся реальностью.

Потому и не угрожаю я. И вообще, веду себя тише воды, ниже травы. Обычно.

Амину жаль, попала под горячую руку.

Впрочем, все по заветам великого христианского божка — лупи ближнего, а дальний свалит сам. И пофиг, что ближний как раз ни в чем не виноват!

Протяжный скрежет, резанул по ушам.

Макет башни начал раскручиваться, отделяя подставку с ножками, от центрального шпиля.

Миг и мне в руки выпала записка.

"Стыдно быть в Париже и уехать без сувенира! Мухаммад. P.S. Я хотел купить магнетик на холодильник, но их разобрали японцы..."

"Надо будет ему, потом рассказать, во что его подарок, меня втравил!" — Вытирая слезы, выступившие из глаз, от смеха, подумал я. — "И, не забыть!"

Понимая, что я все едино накосячил, отзвонился Марше и остался на вторую смену.

Старые, добрые, "висяки". Ковыряясь в делах, доставшихся мне "по наследству", дважды наткнулся на имя Круз. Или это фамилия?

Начал гонять по поиску и наткнулся на интересную закономерность — этот самый Круз, был свидетелем в 23 судебных разбирательствах. Давал показания и... Исчезал!

Его не убивали, его не искали. Его показания всегда были верны и точны, до четырех девяток, после запятой. Всегда один и тот же человек.

Вот только этот свидетель, заявленный пять раз по делу "Отельного Робина", ни разу на слушание так и не явился.

Зато, эта самая личность присутствовала в зале, когда выносили приговор по "Огненной змее".

И, вот убей меня столом — ни в один из пяти дней, я его там не видел.

А на фото, вот он — третий ряд, шестнадцатое место. Все пять дней, как пришитый.

Высокий, сероглазый шатен. Возраст около 38–40 лет, из особых примет — обкусанные ногти.

Обычный, "серый человек", как любят изображать агентов спецслужб.

Хотя, заседание было закрытым, после чего нам всем "подтерли" память... Так что, может быть, может быть...

— Сайд. Зайди. — Освободившееся начальство, наконец-то призвало меня к себе.

Слегка бледная, Амина сидела в кресле и увлеченно курила, рассматривая нечто, на экране планшета.

— Вызывали, Амина Семеновна?

— С каких это пор, вдруг и на "Вы"? — Подозрительно тяжелый взгляд уставился на меня, просвечивая насквозь. — А! Нет, Сайд, не тяни на себя одеяло. Желудок у меня уже второй день бунтует. Но совпадение, забавное, не скрою.

Радостно выдохнув, расслабился.

— Твой пропуск. — Босс толкнула в мою сторону пластиковый прямоугольник. — Странный выбор студентов, но тебе виднее.

Скрыть от Амины, хоть что-то, касающееся работы, просто невозможно.

Иначе, не стала бы она начальником отдела "Н".

— Может, откажешься?

— Я знаю, что лезть туда не надо. — Я сложил пальцы в замок и прикрыл ими рот и нос. — Но, как мне объяснили, других-то нет.

— Заедь в Институт к Якобу Руби. — Амина неожиданно мне подмигнула. — Желательно, прямо сейчас.

Сделав мне ручкой, Амина вернулась к изучению своего планшета, давая понять, что дальше уже я должен сам шевелить собственной пятой точкой.

Узнать адрес института, при наличии единой справочной службы и моего доступа — дело двух минут. Созвониться с Якобом и предупредить, что скоро буду — еще пять. Еще две минуты на "проход" и просторный холл института "Природных субклиматов и смежных аномалий", с приглушенным, по случаю позднего ночера, освещением, принял меня в свои

объятия.

Охранник лишь сонно приоткрыл один глаз, кивком головы делая отметку о моем "финише".

— Сайд! — Якоб замахал мне из глубины распахнувшего свои дверцы, лифта. — Сюда! Пришлось пробежаться.

— Привет! — Якоб Руби просто лучился от счастья. Даже сто ваттная лампочка, вкрученная в патрон над нашими головами, светила тусклее, чем его довольное лицо. — Здорово, что ты именно сейчас! У нас тут, такой прорыв, такой ажиотаж...

Стоило ему повернуться ко мне в профиль, как я замер, готовясь к неприятностям.

С левой стороны, от виска и прячась за ухо, убегала синяя полоса кристалла, отчетливо видимая на темной коже.

— Трижды ты был прав, Сайд. — Якоб широко улыбался, а я принялся считать этажи и прикидывать, куда буду бежать. — Надо всего-навсего, разговаривать... Спрашивать и слушать.

— Якоб. Что это? — Я провел рукой у себя по левой стороне, намекая на кристалл.

— Это, Сайд, будущее. — Профессор Руби смущенно погладил себя по кристаллу. — Решение такого количества вопросов, что мне и представить страшно. Военные пока не знают, а вот Людвигу я сразу сообщил...

Лифт замер, и дверцы неторопливо разъехались, выпуская нас в короткий коридор, с одной-единственной дверью.

Якоб провел рукой над замком, гостеприимно распахнул дверь и пропустил меня вперед.

— Ничему не удивляйся. — Предупредил он, щелкая выключателем.

Мягкий свет спрятанных в потолок светильников, осветил помещение воистину гигантских размеров, полностью уставленное различным оборудованием.

Пяток пустующих операторских кресел и одно — занятое.

Человек в кресле развернулся в мою сторону, и я принялся искать пути ретирады...

— ... Что у нас по "утечке"? — Шеф крутил в руках ручку с зеленым колпачком и строго смотрел на нашего начальника ВЦ. — Уже нашли?

— Ну... Здесь не все так просто... — Начал юлить Постышефф, старательно перекладывая бумажки в своей папке и отводя глаза в сторону.

— Каждый раз, когда я слышу "здесь не все так просто", то начинаю понимать, что из меня пытаются сделать лоха! — Рыкнул Шеф, а я едва не подавился минералкой, услышав из его уст свое собственное любимое изречение. — Итак?

— Факт утечки информации можно считать доказанным... А вот метод его утечки — остался не выясненным. — Признался Карл Постышефф, закрывая папку. — Наши программисты не обнаружили вредоносного кода, вирусных или иных, вариантов. СБ проверила весь персонал, имеющий доступ к данной информации. Был отстранен начальник архива. Информация продолжает пропадать.

— И что прикажете делать? Вызывать духов? — Судя по выражению лица, Шеф не знал

смеяться ему или плакать. — Или, тратить на вас драгоценное время полевых агентов? Есть предложения?

"Прокладку поменять, чтобы не капало..." — Хихикнул я, вспоминая своего стародревнего директора, умеющего обрисовать ситуацию в двух, совсем не матерных словах, но так, что у окружающих сворачивались уши в трубочку.

— Ага. — Шеф уставился на меня. — Вот и "ответ", сам вызвался.

Постышефф нарисовал гостеприимную улыбку.

Генри, сидящий несколько особняком, спрятал голову в плечи.

Амина широко улыбнулась.

А я, вновь проклял свой длинный язык.

Давать задний ход было поздно, а сдаваться — рано, так что — еще побултыхаемся. Пусть я и не лягушка...

Остаток совещания прошел скомкано и непродуктивно. Первочередные дела были решены в первую очередь, а все остальное — лишь сотрясение воздуха, да Без Вазелиновая Случка Мозга, для наших программистов.

Волл дэ Марра, Шеф, кстати, вернул на работу, посмотрев на Вангу-Вангу Таким Взглядом, что будь я на ее месте — уже бы подтирал под собой лужу.

Раздав сестрам по серьгам, а братьям по ушам, Шеф выпроводил нас из кабинета.

Постышефф дулся, Генри радовался.

А я, топая за этой парочкой, начал задумываться, но было поздно: лифт ухнул на минус 24 этаж, в вотчину архивариуса по левую руку от лифта и на закланье нашим спецам от клавиатуры — по правую.

Пообещав Генри, что заскочу к нему поболтать, как только разберусь с проблемой, я развернулся и потопал в сторону скрытой двери, ведущей в логово моих бывших коллег по специальности.

Уж не знаю, что наговорил обо мне Постышефф своим подчиненным, но встретили меня, мягко говоря, в штыки.

"Да и нас рать!" — Привычно хрустнул пальцами, усаживаясь за кейборду, я.

Терминал, "скушав" мой логин\пароль, слегка подвис.

Антивирус что-то вякнул и пришлось сидеть дурень-дурнем, пока новейший "свинорез" не проверит мой рабочий стол.

"Добрые программы" обрезали все разрешения, что я добивался для себя всеми правдами и не правдами.

Клавдий тоже делал вид, что меня не знает.

Спасибо, что хоть материалы дела переслали.

Чисто из вредности, отправил все полученное себе на принтер.

— Что, "аннализитик Сид", это не аннализы собирать, в анналах, ковыряясь? — Подколол меня неизвестный герой, стоило мне выбраться из кресла и отправиться в поисках кофейника.

— Ага. — Находясь еще в "прочитанном", я отмахнулся. — Анализы сложнее. Особенно, в костюме радиационной защиты.

Программиста отнесло от меня на полметра.

Я уже заметил, что любая шутка о радиации, вызывает у людей тихую панику. Даже у образованных. Точнее — особенно у образованных.

Кофейник нашелся. Пустой. Холодный. И не включенный в розетку.

Все нормально: нафига Варить кофе, если есть Растворимый!

Знаю, сам такой был, в начале "нулевых".

Спас меня Клавдий, сменивший гнев на милость.

Швыряя растворимый кофе, сидя друг напротив друга, мы перебрасывались фактами. Я строил догадки, а Клавдий их расстреливал, как охотник взлетающих бекасов.

Результативность — ноль, зато какой полет фантазии!

Через пятнадцать минут нашего дружного гомона, нас попросили заткнуться, а еще через пять — присоединились.

— ... Нет. Трояны, кейлоггеры и прочая дребедень исключены! — Веско отмел мои варианты Клавдий, а его приятели дружно принялись вертеть носами, вешая мне ярлыки чайника и мастдая. — Порты — тоже под защитой. Можешь не пинговать — сеть закрытая, даже выхода на внешку здесь нет.

Пришлось продемонстрировать открытый поисковик, с обработанным запросом.

— Это у нас под контролем! — Поспешил заверить меня Постышефф, подтягивая свое кресло. — Ни одного левого байта, на сторону не уйдет, без нашего ведома.

— Если все так жестко... — Я припомнил умничку Акеллу, который не раз кунал меня носом в грязь, вытаскивая из задницы, куда я попадал. — Терминалы вскрывали?

— Зачем?! ЮСБ отключены... — Клавдий повертел пальцем у виска. — Любое постороннее устройство даст тревогу, сразу по подключении.

Пришлось продемонстрировать воткнутую в порт флешку.

Постышефф сморщил нос и стал пялиться на меня так, будто это я ворую информацию.

— Сайд. — Клавдий допил кофе и поставил чашку на подлокотник. — Мы уже все варианты отыграли. Наружу информация не выходит.

— Пошли по кабинетам. — Предложил я, вставая. — Будем по месту смотреть. Если нет программного, значит — аппаратное. Если нет аппаратного, значит — пользовательское. Чудеса происходят, если очень хорошо поработаешь. Или вы их не локализовали?!

Постышефф широко улыбнулся.

— Локализовали. До четырнадцати кабинетов... — Утешил меня Клавдий. — На разных этажах. Все, кто работал с контрольной группой файлов.

— Веди. — Потребовал я, предчувствуя что-то.

Вояж по кабинетам прерывался дважды. На обед и на ужин.

Вместе еще с двумя программистами, видимо вызвавшими начальственное недовольство, я обшаривал кабинет за кабинетом, пытаюсь поставить себя на место "добытчика информации".

Топая снизу вверх, переходя из кабинета в кабинет, мешая людям работать, я совал свой нос всюду, куда он мог пролезть. А куда он пролезть не мог — пихал носы программистов, безжалостно марая их в паутине и пыли.

Мы нашли даже остатки старой сети, так и не демонтированной и лишь закинутой за фальшстены, кольцами кабеля УТП.

— Этот — последний. — Взгляд Клавдия не предвещал мне ничего хорошего.

Еще один час и девственная пустота в итоге.

Приемная Людвиг Ван Слоук.

Сидя на привычном месте, за столом, на котором был написан не один десяток объяснительных и рапортов, я принялся мусолить ручку.

Грыз меня червячок сомнений, грыз, родной.

Что-то мы упустили.

Распроставшись с программистами, ушел на финиш, домой.

Марша, к моему удивлению, уже дрыхла, совершенно не позаботившись приготовить своему мужчине...

Тьфу, сам же позвонил и сказал, что останусь на вторую смену!

Заперевшись в кабинете, принялся медленно и методично вычеркивать варианты.

Первым делом отмел всю чертовщину и "конструкты" — для этого слишком много камер и людей, которые все это чувствуют.

Второй волной в корзину полетели все шпионские штучки — камеры в пуговицах, очках и прочая дребедень — все это требовало электричества, а значит, могло быть обнаружено.

Вот и получилось у меня, в сухом остатке, нечто и вовсе несуразное...

Проглотив очередную порцию обезболивающего, сел за стол и принялся рисовать схемы кабинетов, по памяти.

Чертыхнулся и выключив свет в комнате, вернулся на работу.

Отправленные на распечатку файлы, общим количеством 512 страниц (из коих последние восемь — набор точек и запятых, без букв, видимо, добивали именно до компьютерных 512), грустно лежали в лотке принтера, ожидая моего прихода.

Схемы кабинетов там были.

Отложив в сторону все подвальные, схватился за схему приемной и еще одного кабинета, чем-то мне не понравившегося.

В пять часов 47 минут утра, я нашел первого "шпиона" и радостно потер руки, представляя раздражение СБ и ИТ, прошедших мимо такого простого и изящного решения.

Придется, правда, делиться лаврами с нашим техническим отделом, разбуженным в пять утра, но это уже пустяки, дело житейское.

Вошедший в свою собственную приемную, Шеф, на секунду замер, пытаясь понять, какого пустынного животного, я делаю в приемной без вызова.

Вспомнил совещание, присмотрелся к моей самодовольной роже и...

— Нашел?

Я шмыгнул носом и кивнул, едва не расплескав кофе из одноразового стаканчика.

— Показывай. — Потребовал шеф и я ткнул пальцем в высоченный шкаф, почти упирающийся в потолок своей верхней крышкой.

— Как нашел?

Я достал из кармана маленький приборчик, детектор GSM сигнала и навел его на шкаф.

— Только один? — Шеф расплылся в хитрой улыбке, уже догадываясь, что моё сидение в приемной не просто так.

Я поднял вверх два пальца.

Через 15 минут Постышефф и Ванга-Ванга пролетели мимо меня, даже не поздоровавшись, бяки такие!

Понимаю, что рано, но, вон, шеф в шесть утра уже на ногах, а эти — спят!

"Сайд. Войди." — Лайн Шефа пробился через моё раздувшееся ЧСВ и вернул на грешную землю, слегка стукнув, чтобы пыль выбить.

— Рассказывай. — В один голос потребовали оба начальника, а Шеф качнул головой, присоединяясь к их требованию.

— Шеф... А можно, кофе? Вашего, любимого? Из "Аллига — тор-а"? — Решил повыделываться, я.

Шеф грозно засопел, но серебряный кофейник возник на столе передо мной, вместе с махонькой кофейной чашкой.

Не дано мне понимать удовольствия пить кофе из наперстка.

Шеф мою недовольную мину расценил правильно и на столе возник нормальный кружак.

— Хорошо... — Выдохнул я, сделав первый глоток нормального, горячего кофе. — Все давно знают, что прятать лучше всего на самое видное место.

Ванга-Ванга поморщилась, но промолчала.

— Вот, перебирая варианты и перечитывая "контрольки", обратил внимание, что вся информация утекала мгновенно, стоило возникнуть ей на терминале пользователя. Отбросив вирусы, "левые" подключения и прочую шпионскую муть типа камер, микрофонов и яда в воротнике, пошел по самому простому пути. Включил блютус...

Поток матов, вырвавшийся из начальника компьютерщиков, заставил поморщиться всех присутствующих.

Поминая весь свой отдел, Карл то краснел, то бледнел, перечисляя все кары, что падут на головы подчиненных.

— ...Так я нашел две мобилы. Есть еще один вариант, но там я мозгов не могу дать. Чую, что там, а вот как? Уже все кипит... — Закончил я рассказ, когда начальство успокоилось.

Ванга-Ванга сделала стойку.

Проглотив еще одну таблетку, почесал затылок, собираясь мыслями.

— Есть кабинет. — Я закрыл глаза, выстраивая четкую цепочку ощущений, но Ванга меня прервала.

— Пошли, покажешь.

Шеф махнул рукой, отпуская наши души на волю.

Подозрительный мне кабинет был на втором этаже.

Трое работников: молодой парень, девушка и женщина, далеко за сорок.

Все чисто, аккуратно и... подозрительно.

— Что тебе здесь не так? — Ванга, придержав Постышеффа за локоть, замерла на пороге. — Кабинет, как кабинет. Угловой и жутко не удобный. Весь день в тени, они даже жалюзи не закрывают... И вид из окна... Еще тот...

Вид из окна был и вправду удручающим: прямо через дорогу, виднелся унылейший из виденных мною пустырей. Весь заросший бурьяном и с печальными обломками разбитых скульптур, которые сюда, словно нарочно, свезли со всего города.

Пробежавшая стайка собак, на миг замерла перед парой камней, оставляя свои метки и неторопливо почухала дальше, зорко поглядывая по сторонам, как в ожидании манны, так и собачников. Которые, в последнее время, работали спустя рукава. Сразу за пустырем начиналась промзона, поднимающая вверх заводские корпуса и серый забор, высотой в два человеческих роста, обмотанный колючкой и утыканный камерами наблюдения, что огораживал завод, отсекая его от человеческого мира.

Ванга обошла столы, касаясь руками мониторов, мышек, даже села за каждый из столов, покрутившись на офисном стуле, каждого из работников.

Вобщем, повела себя как девочка Маша, в домике медведей.

Жаль, что не так эффектно и эффективно — ничего не поломала и не съела.

Я подошел к окну и попытался закрыть жалюзи.

Гиблое дело, они даже с места не стронулись, я лишь оборвал веревочку, судорожно дергая механизм.

Ванга, по очереди, включила все терминалы и, набрав личный пароль, просмотрела последние рабочие файлы.

— Слышь, Сайд... — Постышефф встал рядом со мной, у окна. — Как у тебя флэшка работает, на терминале? Мы же съемные диски запретили. Только клавиша с мышаткой, и то — через специадаптер!

— Секрет фирмы. — Я совершенно не желал сдавать свою тайну и облегчать жизнь ИТ-отделу. Да и вообще... Какое им дело, что моя флэшка — "глучная" и определяется системой не как "съемный", а как "локальный" диск.

— Ванга. Стой! — Постышефф рывкнул так, что уху стало больно. — Сядь, как было!

В отличие от меня, стоящего лицом к окну, Карл стоял лицом в комнату и мне стало интересно, что же он такое увидел, что начал орать, как потерпевший.

— Чего орешь? — Ванге тоже не понравился истошный вопль, изданный ее коллегой по программной безопасности. — Скажи спокойно...

— Сейчас, спокойно, подойди и встань на мое место! — Постышефф просто светился от счастья и заревом своим освещал комнату не хуже люстры, свечей, эдак, на полтораэта.

Ванга подошла, заняла его место и...

— ...! Сто лет требую сменить все окна на зеркальные!...! — Ванга ругалась от души, поминая бухгалтерию, постоянно зажимающую бабки на безопасность, начальство, считающее, что безопасность начинается с ее начальника и всех нас, простых смертных, чье чутье надо использовать в мирных целях, а не подставлять безопасность под БВСМ. — Всё. Теперь не отвертятся!

Едва Ванга отошла в сторону, я сдвинулся и присвистнул — в зеркале напротив окна был прекрасно виден монитор, с открытым на нем документом.

При наличии качественной оптики, снимок экрана получался просто идеальным!

— Может быть, случайность? — Я вновь полез на роль адвоката.

Постышефф, разглядывая зеркало, покачал головой и развернув, показал обратную сторону, с прокладками, чтобы угол зеркала нельзя было изменить.

— Господа. Разрешите откланяться. — Сладко зевнул я. — Мавр сделал свое дело, мавру надо и поспать...

— Ты что, еще не ложился?! — Удивлению Ванги-Ванги не было конца. — Да ты монстр!

— Давай детектор, сам отнесу технарям. — Постышефф, понимая, что теперь за утечку отдуваться придется не только одному его отделу, сменил гнев на милость. — Спасибо, Сайд.

— Не во что... — Рискнув вывихнуть челюсть, ответил я, уже выходя из комнаты и сталкиваясь на пороге с девушкой, с васильковыми глазками. — Привет, Карина! А сказали, что ты — в реанимации...

Получив коленом между ног, я завалился на бок. И, сразу, куда только сон девался! Глаза, сразу, стали круглыми-круглыми! И зевота, сразу, перестала выбивать челюсть...

Мимо меня протопали Ванга и Постышефф, пустившиеся вдогонку за девушкой, убегавшей по коридору в сторону нашей пожарной лестницы.

— Я вас позже догоню... — Пообещал — прохрипел я спиной и начал медленно, по стеночке, собираться в кучку.

Было не столько больно, сколько обидно... Пропустить такой удар!

"Позорище!" — Ругал я самого себя. — "Полевой агент, называется!"

Минут через пять или десять, но никак не меньше пятнадцати, я наконец-то, собрался.

— Ушла, с-с-с... — Ванга появилась рядом со мной, выйдя из открывшегося прохода. —

Ты как?

— Стыдно. — Я потупился. — Но уже не так больно, по крайней мере...

— А ты молодец... — Ванга внезапно хлопнула меня по плечу. — Любой другой, после такого удара, на месте в "личинку" согнулся, а ты еще в сторону отошел, освобождая проход! К врачу, сам сходишь или прислать кого, что бы проводили? Думаю, пару деньков, ты заслужил... Своими героическими действиями... Прости.

Вот, хоть Вангелия Ваен и... редкая, но человеческое ей не чуждо.

Дошкандыбав до лифта, нажал на кнопку нужного этажа и прислонился к стенке, прислушиваясь к ощущениям.

Ощущения были двойственными: душа пела и рвалась на волю, а вот между ног...

Ввалившись в "лазарет" и не узрев там никого, не придумал ничего более умного, чем постучать по дверному косяку.

— Му-мы-му-э-э-э-йк... — Донеслось до меня из-за ширмы странное, сдавленное мычание, словно кому-то заткнули рот кляпом. — Мы-мы-мым мык!

А потом погас свет, оставляя меня в темноте.

Боль впилась в висок, напоминая о своем присутствии и мир стал медленно вращаться вокруг меня, словно карта в старой компьютерной игре.

Первое, что я сделал — рванул что было сил под хлипкую защиту стола, дожидаясь, когда мое зрение придет в норму.

Из года в год, сколько мне не делали операций на глазах, самая моя первая гордость — способность видеть в темноте. Позже, когда "конструкты" начали безраздельно управлять моим сознанием, с операциями я больше не заморачивался, но "ночное" зрение холил и лелеял, "шлифуя" и "полируя", оттачивая и помалкивая.

Сейчас, для перехода на режим "ночь" мне надо всего семь секунд.

И девочка Карина мне их подарила!

Мой ночной мир не серый и не зеленый, в нем нет и красного. Преимущественно — оттенки коричневого, синего и желтого.

Синяя Карина старательно прижимаясь к желтой полосе стены, пыталась обойти меня со стороны лаборантской, в которой выделялись два фиолетовых пятна, дергающихся на скользком полу.

Из принципа, толкнул ей под ноги кушетку на колесиках и под шумок, достал пистолет и снял его с предохранителя.

Карина разминулась с кушеткой и вытянула в мою сторону правую руку.

"Бздынь" — Печально сказала стоящая на столе стеклянная посуда, пропуская через себя пулю.

И все. Не пламени, ни звука выстрела.

Судя по отсутствующему запаху — выстрел из пневматики.

А это значит — пластик и металлодетектор такой ствол просто не увидит.

Яркий свет из соседней комнаты, в которой расположилась новейшая игрушка Макса, больно ударил по глазам... Карине. А три моргнувших светодиода, информирующих о готовности аппарата, добили ее ПНВ, заставив сорвать его с головы.

Сложив ладони "лодочками", хлопнул ее по ушам, со всей дури, злости и обиды.

Да и давно хотел так сделать, над кем-нибудь, если честно.

Только случая все не подворачивалось.

Вот. Подвернулся.

Карина прижалась к стене, ошеломленно хлопая глазами, открывая рот, как рыба и держась за уши руками, из-под которых текли струйки крови.

"Нежто — перебор?!" — Испугался я, выдергивая пояски с халатиков, висящих на вешалке, слева от входа. — "Впрочем, жить будет, а как ее будут допрашивать — меня уже не волнует..."

По дороге, снова включил свет в "лазарете".

Девушка начала приходить в себя, пришлось добавить еще раз, в солнечное сплетение и пока ее крючило, заломал руки и связал их за спиной, перехлестнув через горло. В случае чего — раньше сама себя задушит, чем освободится.

Пистолет, изящный и очень хищный на вид, нашелся под столом.

Щелкнул обоймой. Шесть шипастых шариков с резким запахом миндаля и еще какой-то химии, очень знакомой, но в горячке не вспомню, как ты меня не пинай.

— Мы-ы-ы! Му-у-у! "Хрясь и Бумм"!

"Блин! Точно! Что-то я забыл!" — Я стоял посреди лазарета и чесал затылок, вспоминая, что именно я мог забыть. — "А-а-а-а! "Тревога", черт ее дери!"

Аккуратно разбив "тревожное окошко", нажал кнопку и облегченно вздохнул.

"Танакан" становится все необходимей и необходимей...

И не надо говорить мне, что это просто последствие головной боли. Склероз, это замечательная болезнь, только надоедливая. Все постоянно напоминают тебе, что ты что-то забыл сделать. Даже если ты это делать был вообще не обязан!

— Мгум. — Ванга, примчавшаяся на "тревогу" буквально через полминуты, облегченно расстегнула верхнюю пуговицу форменной рубашки. — А этих, чего не развязываешь?

Макс и Жанна смотрели на меня, и в их взглядах читался смертный приговор, помноженный на отлучение от медицинского обслуживания во всех больницах нашей необъятной, плюс анафема во всех церквях, церквушках и соборах в радиусе поражения авиации дальнего действия...

Помотав головой, развернулся в сторону дверей, и, уже наплевав на все предписания, открыл проход.

Добрался до спальни, снял штаны и подрубленным деревом рухнул на супружеское ложе.

Мелькнула мысль о прикладывании холода, но сон приложил быстрее.

Проснулся я от кошмарного, совершенно не мелодичного звонка, установленного на Шефа.

Не открывая глаз, провел рукой по стеклу смарта, отвечая на звонок.

— Добрый день, Шеф. Проблемы?

— Ч-ч-ч-ерт, прости Сайд. Номером ошибся. — Шеф извинился и отключился, а я, от злости, впервые швырнул мобилу в стену!

Я так сладко спал! Мне снилось что-то хорошее, вечное, доброе...

А теперь и сна ни в одном глазу, холодный пот по всему телу и сердце бешено трепыхается на уровне горла, норovia выпрыгнуть и посмотреть воочию на того идиота, что оставил мобилу включенной!

Глядя на свое отражение в зеркале, покабрился, пришел к очень не утешительному выводу — надо в отпуск. Не на больничную койку, в коих я проводил свои последние "выходные и проходные", не поездку, на скорую руку, а в нормальный, "полноформатный" отпуск.

Чтобы смена обстановки зависела от меня, а не от рабочего графика.

Вот уже и мешки под глазами...

Съев кофе — больше ничего не лезло, как ты не давишь! — вышел из квартиры и оседлал "корветика". Меня ждала покупка нового телефона, как минимум.

А если благоверная заметит, то вечером, за "полет" ее подарка будет отдельный "разбор полетов".

Стоило поставить в новый телефон сим-карту, тут же раздался звонок.

— Сайд?

— Да, Макс. Слушаю. — Узнав в трубке голос Туарека, я расслабился.

— Ты это... Зла не держи... — Максу было сложно извиняться. — Сам понимаешь... Ну, погорячился я, с кем не бывает...

— Ага. — Я нажал на сброс и поставил его номер в "черный список", до лучших времен.

Мне начали надоедать люди.

Весь мой опыт, вся моя склонность к аналитике, подтверждала два общеизвестных факта:

а. Требуют терпения те личности, которые о терпении даже представления не имеют.

И

б. Когда ты слышишь "с кем не бывает", можешь быть совершенно уверен — с говорившим такое происходит очень часто!

Запруженные по обеденному времени улицы, забитые людьми, машинами и вездесущими голубями, энтузиазма или хорошего настроения не добавляли.

Особенно голуби!

Взяв кофе на вынос, в кафешке напротив супер-пупер-маркета, где купил мобилу, устроился на водительском месте и принялся изучать снующую толпу.

Жаркий летний денек раздел девушек и напялил на мужчин самые бесформенные из тряпочных, шорты.

Зрелище не для слабонервных...

По велодорожкам рассекали скейтеры, самокатчики и прочие роллеры, едва не цепляя своими выступающими костями за проезжающие мимо авто.

Огромная надпись: "Демон! Ждем на пляже! Империя!", сделанная, по всей видимости ярко-алой губной помадой, украшала глухую стену дома, прямо напротив пешеходного перехода.

Город жил, широко дыша грудью, торопясь и запинаясь.

Чувствуя, как губы разъезжаются в не прошеной улыбке, допил кофе и проезжая мимо урны, закинул в нее картонный стаканчик.

Вывернув из рычащего потока, сорвавшихся с цепи автомобилей, покатился по очередной пустынной улочке, обсаженной по обочинам гигантами тополей. Пирамидальных исполинов, спорящих своей высотой с местными небоскребами.

Поворот, еще один и еще и я оказался совершенно за границей города, когда впереди меня, лишь серое полотно пыльного асфальта уходило к горизонту, перечеркивая далекие возвышенности и бескрайние поля.

Замерев точно по центру дороги, на осевой линии, дважды рыкнул мотором.

Заглушил.

Отстегнув ремень, забрался в бардачок и через пару долгих минут, вертел в руках поцарапанный футляр для очков.

Открыл и достал на свет божий очки, чей возраст был старше меня, лет на пятнадцать — точно.

"Рокабилли"...

Спрятав глаза за очками, завел мотор, включил приемник и поиграл настройкой, разыскивая ту станцию, что будет в самый раз.

Довольно улыбнулся, услышав знакомый гитарный перебор, и нажал на газ.

Привычно вдавило в сиденье и дымный шлейф, в зеркале заднего вида добавил мне хорошего настроения.

Выдавив из двигателя стандартные 130 миль, расслабился и открыв окно, высунул в него локоть, придерживая руль одной рукой.

Второй, в это время, снова бегал по волнам.

Чем дальше от города, тем меньше радиостанций. Пришлось переключаться на память системы, набитую музыкой под все случаи жизни.

Права была Маргарет.

"Корвет СтингРэй", машина, самая что ни на есть "рок-н-рольская".

Это не "фольксваген жук" и даже не минивэн от той же марки, что катался от фестиваля до фестиваля. Это — совсем другой рок-н-ролл.

Это — душа дороги с объемом в пять литров и корпусом из углепластика.

Дорога, с плавными поворотами и бесконечно длинными прямыми, так и подманивала нажать еще на газ.

Зеленые заросли по сторонам, ровные посадки снегозадержания и крутые кюветы, в которых окончил свой разгон уже не один десяток безбашенных водителей и их пассажиров.

За два часа, мне навстречу не проехало ни одной машины. Как по заказу — ровная, пустая дорога и я, летящий по осевой линии, словно в надежде поймать лепрекона и ухватиться за конец радуги, забрав себе его горшочек с золотом.

Ни человечка, ни пасущихся отар или стад.

Ровное, зеленое море, еще не успевшее выгореть от знойного солнца и асфальт, словно мечта идиота.

Выскочив на очередной холм, с замиранием сердца почувствовал, как колеса оторвались от дороги.

Непередаваемое чувство свободного падения, всего несколько секунд, ради которых стоит любить этот мир, со всеми его недостатками, идиотами правителями и дебильными законами, которые так сладко, послать.

Стрелка спидометра давно легла на ограничитель, а инстинкт самосохранения, нежно поддерживаемый здравым смыслом, принялся паковать в белую простынку.

Очередной подъем на холм и вновь — невесомость в падении.

Упрямо встав на четыре колеса, "корветик" сердито рыкнул мотором и снова вцепился своими шинами в асфальт, подталкивая массу вперед, преодолевая сопротивление воздуха.

Длинный, пологий поворот, огибающий очередную сопку и вновь вверх, к голубому небу, в котором плывут белые облака, и сияет золотой, раскаленный шар Солнца.

"Твою!" — Взвыл я, когда под колесами взмывшего над дорогой "корвета", вместо

ожидаемого асфальта оказалась разбитая в хлам и отсыпанная крупным щебнем, грунтовка.

А еще через мгновение, перед заваливающимся вниз носом "СтингРэя" открылся оранжевый проход, в котором легко бы поместился и старый, добрый "БелАз", с полностью засыпанным кузовом.

Проскочив "проход" "корветик" финишировал в каком-то странном помещении, сплошь уставленном каким-то коробками, контейнерами и... Надувными палатками?! Из которых, высунулось несколько голов.

Еще секунда и всем стало очень плохо.

Приготовившись к посадке на грунтовку, я успел, в кои-то веки, припомнить нужный "конструкт" и активировать его.

"Отвал" с температурной накачкой, что я препарировал в академгородке, на чистке снега, показался мне самым удачным вариантом — по моей рациональной мысли, он должен был подравнять дорогу, заодно, если что, подплавить верхний слой, для повышения сцепления. Резине, конечно, придет каюк, зато шанс выжить ощутимо повышался.

Теперь, раскаленные стенки "конструкта" старательно разбрасывали в стороны возникающие перед мордой машины предметы, заодно поджигая все, что могло гореть, плавить все, что могло плавиться и превращая поверхность в тонкий слой горящего нечто.

Температурную накачку я попытался было отключить, но тут уж что-то одно — держать машину или...

Через сто метров, "конструкт" выбил часть стены, и бездонная ночь огласилась воплем горячей резины.

И моим матом, который поддерживала толпа разъяренных, вооруженных мужиков, вываливающих из полукруглого ангара, в пролом, сделанный мною.

Судя по огненным бликам, в зеркале заднего вида, в ангаре уже хорошо горело, а добавив к бликам яркие вспышки, сложив, так сказать, "два и два", то еще и взрывалось...

"Корвет", на последних "инерционных", вкатился в неглубокую речушку и я, с испуга, что меня догонят — поддал газу.

Снова спас "конструкт", прошедшийся по воде перед нами.

Резину остудило, а вот облако пара, одновременно и демаскировало и спрятало от пуль, летящих нам вслед.

Почему "нам"?

Потому что теперь, хрен я кому скажу, что "Корвет СтингРэй" — не одушевленная, глупая железка!

Позади нас что-то ухнуло и даже сквозь клубы пара, стало видно, как ангар развернулся "цветочком", выпуская на волю ярость бушующего пламени.

Взрывная волна наподдала в спину.

Нам с "корветиком" — меньше. Мы успели форсировать речку и оказаться достаточно далеко.

А вот тем, кто бежал за мной на своих двоих, не повезло — они обогнали нас, пролетев над кабиной. Правда, уже в качестве обгорелого мяса, а не мужественных кого-то там, вооруженных чем попало...

Следом за первым, сверкнул второй взрыв, но уже ближе и нас развернуло, мягко уперев багажником в упругие заросли кустарника. По крыше пробарабанили твердые осколки...

Что могу сказать?

Выживших явно не будет.

На фоне бескрайнего звездного неба горел ангар, лишившийся своей крыши. Судя по теням и силуэтам, в нем догорали пара самолетов и, как минимум один — вертолет.

Несколько фигурок метались вокруг пожара, забыв обо мне, чему я был очень рад.

Изредка, в ангаре еще что-то взвивалось вверх и фигурки судорожно падали на землю, прижимаясь к ней столь нежно и трогательно, что становилось понятно — хорошо, что я далеко.

Снова ухнуло, и самолет лишился своего хвоста, заодно развалив боковую стену ангара.

Четыре дымных полосы, прошли параллельно земле, от пилонов вертолета в сторону дальнего от меня, конца ангара.

Снова что-то сверкнуло, точнее, конечно не "что-то", а очень даже "что" — четыре ракеты и судя по последовавшему взрыву никак не меньше чем противотанковые.

"Интересно, куда меня занесло?" — Я бешено хлопал глазами, только сейчас догадавшись снять солнцезащитные очки. — "Надеюсь, это не авиабаза наших заклятых друзей. Иначе будет даже не смешно..."

Пока рассматривал пожар, над головой пролетел еще один вертолет.

Замер в отдалении, словно тоже любуясь сполохами огня и взрывов, и развернулся в мою сторону, включив мощную фару.

Мир вокруг стал коричневым и рыжим.

Замелькали огоньки, под кабиной пилота.

Фонтанчики пыли потянулись в сторону машины, и я снова дал по газам, "воткнув" задний ход: калибр 20 мм заставит уважать себя любого.

Даже такого идиота, как я!

Что-то еще?

А. Да.

Адреналин хлестал из всех щелей, грозя разорвать меня на тысячи кусочков, совсем не хуже чем хомячка разрывает капля никотина.

Наверное, только поэтому я и открыл проход так быстро и так точно.

В гараж к Маргарет Марино.

Домой.

"Кто-нибудь, во имя всех Звезд, морских и небесных объяснит мне, что это было, как я в это вляпался, а самое главное, как я из этого выбрался?!"

— ... Либо он не настолько закореневший, либо меч врет, как сивый мерин! — Богиня Справедливости задумчиво стянула повязку с глаз, прикусила ноготок и устояла в невыносимую даль, что простиралась перед ней. — Вот, чувствую... Нюхом, чувствую!

— Э-э-э, ты это, на свое обоняние не надейся — нюх ты давно потеряла! — Тор мрачно стоял рядом, кутаясь в свой огненный плащ и помахивая молотом. — Может, Вой...?

Фемида покачала головой.

— Отец подтвердил, что с оружием все отлично. Что, еще варианты будут? Или будешь продолжать молчать, как об убитой хрюшке?

— Рыться в карманах — недостойно богини!

— Фи. Это всего лишь улики. Тем более что я... — Фемида тяжело вздохнула. — Их утаила от подруги! А судя по количеству крови, ты ее что, разорвал? И сожрал? Сырой? Сразу, на месте? Бедная хрюндя... Не посолив и не...

Тяжелый вздох бога сражений заставил Фемиду спрятать язычок за зубки, тем более что меч Правосудия мог и по ней стукнуть... Ему все едино, кто его держит в руках — он просто выполняет заложенную единожды, программу.

Которая, только что, на глазах у двух изумленных богов, дала сбой!

— Есть и третий, вариант. — Тор, которому надоело стоять посреди лысого холма, аки тополию на Плющихе, махнул молотом и перенес их в покои, но снова промахнулся, попав в покои Дианы, где гордая амазонка заливала слезами разбитое сердце и, одновременно, сорвавшуюся охоту. — Это все происки трех старых кочерыжек!

После ссоры с Воем, у этой троицы все валилось из рук.

Диана не могла попасть в стоящее в трех шагах дерево, а стоило подойти ближе, либо лопалась тетива, либо ломалась стрела. Один раз сломалось дерево, когда она попыталась воткнуть стрелу, руками.

Тор, уже несколько раз забывал свой молот, запинаясь об него ночью, по пути в туалет, постоянно просыпаясь в разных местах.

Фемида совершенно бестолку махала мечом, карая всех, до кого дотягивалась, но весы при этом продолжали болтаться, игнорируя божественное равновесие, а меч презрительно вспыхивал белым, отпуская грехи и даже не собираясь кого-то карать.

А Вой — пил.

Его благородный перегар, на молодецком выдохе (выхлопе), снес с ног даже кентавра, вместе с сидящем на нем Дионисом, которого троица отправила "замиряться". Похмеляли Бахуса всем Олимпом.

Пока не появились нетрезвые Юпитер с Одним и не разогнали всех, без объяснения причин и объявления времени окончания пьянки.

Бахуса оставили, как давнего компаньона, собутыльника и поставщика. И не только спиртного.

Да и пьян он был мертвецки, похмелившись на "свежие дрожжи".

— Кто ж нас так... — Диана вытерла слезки краем подушки и шмыгнула носом, выдирая из-под ног появившегося Тора богато вышитое одеяло, с собственным портретом, на давней охоте. — Поверить не могу, что Вой смог обойти все запреты и повести себя так!

— Руки не заламывай, не Деметра, однако. — Тор принялся решительно раскручивать свой молот. — Сейчас пойду и все узнаю!

— Стоять, Зорька! — Испуганно взмолились обе девушки, мгновенно припомнив, чем закончились несколько подобных попыток выяснения отношений.

Оторвавшийся ремешок, уже однажды связанный банальным узлом, снова не выдержал и молот "ушел в точку", оставив в стене миленькое грибообразное отверстие, причем на каждой новой пробитой стенке, ножка гриба была с разных сторон.

Диана тяжело вздохнула, радуясь, что ее замок со всех сторон окружен лесом, а не как апартаменты Фемиды — жилым массивом, превратившимся кровавое месиво, когда ремешок порвался в первый раз.

А потом молот вернулся и фарша прибавилось.

Обоим папочкам пришлось договариваться с Аидом, чтобы вернуть с того света, всех попавших туда, в результате несчастного случая.

Один даже грозился отобрать молот, но не смог его поднять. В отличии от лука, который Юпитер сломал об колено, когда пущенная в сторону оленя стрела, добавила Гее еще одну дырку для пирсинга.

— Может, на картах погадаем... — Осторожно предложила Фимка — Фемида, доставая заначенную колоду. — Обещали, что эти врать не будут!

Три головы — рыжая, блондинистая и чернявая, склонились над журнальным столиком, над "разброшенными" картами.

— Это кто? — Тор судорожно морщил лоб, пытаясь вникнуть в премудрости женского искусства.

— Валет. — Поясняла Фемида. — Только он тут лишний. Не может быть тут вальта... Валета. Тем более — Валета чаш. Он с папой, пьет...

— Почему же не может? — Опешил бог, запутываясь от хитростей карточной магии. — Он же есть!

— Сейчас уйдет, не переживай! — Утешила его Диана. — Это "шведский расклад" и мужчин тут быть не может, по умолчанию.

И тут на стол выпал король пик и кровожадно улыбнулся, демонстрируя раздвоенный язык и острые зубы.

— Он тоже — пойдет? — Предположил Тор.

— Вы у меня, сейчас, все трое пойдете! — Взвизгнул король пик. — Верните карты хозяйке, хулиганы!

— Расклад не сошелся... — Фемида быстро собрала карты в кучу и принялась их тасовать. — Может, под Диану положить?

— С чего это — под меня?! — Диана быстро сдвинулась в сторону. — Нашла крайнюю... Может, лучше под твоего... Засунем?

— Уже поздно. И именно потому, что он — мой! — Фемида облизала губки и подмигнула рыжему богу.

— Не поверишь... В моем случае — тоже поздно... — Диана коротко хохотнула и отобрала карты у подруги. — Но, есть и еще вариант!

Быстро раздав друзьям по шесть карт, показала шестерку треф, как козыря и сделала первый ход.

Колода таро, не выдержав подобного издевательства, мелко задрожала.

Король пик повесился сам.

"Все идет по плану!" — Улыбнулся Дионис, прикрывая дверь плотнее.

Проигранный Вою карточный долг, требовал отдачи.

Старшие боги все никак не могли протрезветь, молодые — оторваться от карт.

И всем им было точно не до одного человечка, за которого попросил Вой.

А значит — долг с лихвой возвращен!

Все совсем в стиле Вакха: и выпивки вагон, и женщины рядом, и закуска не теряется.

И странный человечек, идущий навстречу своей судьбе...

— Якоб. Ты уверен, что это сработает? — Якоб, Алиция и Марша вновь собрались в

моем мире, рядом с рекой и меня слегка потряхивало от осознания того, что за авантюру мы сейчас творим.

Мое посещение "Псиса" в прошлый раз, когда навстречу мне, из развернувшегося операторского кресла встал синий клон Якоба и помахал ручкой, едва не сделало из меня заику.

А Якоба едва не отправило на тот свет.

Тоже мне, бог из машины...

Прибил бы, шутника.

Только вот идея создания кристаллических тел, кинутая в массы и подхваченная министерством обороны, требовала отладки. И — бешеного количества кристаллов.

Учитывая, что кристаллы приживались только на "живых", без единого следа способностей, становилось очень интересно... Теперь, человечество получало существо, способное бесконечно долго работать в опасных средах, контролируемое человеческим разумом.

И воевать, к сожалению.

Без усталости, голода и прочих, сопутствующих человеческому организму, слабостей.

На данный момент мы сторговались с Якобом на два десятка кристаллов, которые предстояло еще собрать.

Пока Якоб и Марша, согласившаяся ему помочь в деле "уламывания" и последующего получения кристаллов, разувались и входили в воду, пробираясь к друзе, мы развели костер и поставили на него котелок для горячего питья.

— Сайд. Мне очень не нравится все это. — Алиция наблюдала за мужем и, одним глазом за котелком.

— Это — научный прорыв. А он — просто в азарте открытия. — Я снял рубашку и теперь лежал кверху пузом, принимая солнечную ванну. — Дай ему время.

— Когда он вживил кристалл, "раскачка" пошла быстрее. — Огорошила меня женщина. — Теперь, Якоб пусть и слабая, но — "единичка".

— И что в этом плохого? Дети у Вас есть. — Я открыл один глаз и перевернулся на живот, прогреваясь равномерно. — Тем более, ты ведь именно этого и хотела.

— Хотела. — Алиция помешала в костре палочкой. — А теперь — боюсь. И его боюсь и, больше всего, боюсь за него.

— Рассказывай. — Я сел перед костром и накинул рубашку на плечи — местное светило оказалось намного активнее нашего, и ультрафиолет щедро падал с небесной выси, заставляя кожу подрумяниться.

Алиция замолчала, собираясь с мыслями.

— Что с нами станет, если кристалл обретет сознание? — Алиция уставилась на меня. — Мы ничего не сможем противопоставить их силе. Все, что есть у нас — будет и у них.

— Без Вас не будет и Нас. — Ответил ей тихий голос из-за моей спины.

Мерцающее облачко насыщенно синего цвета выплыло и замерло, отгородив нас от замерших в реке Марши и Якоба.

— Но это, вообще — рабство! — Алиция сжала кулаки так, что побелели костяшки.

Облачко издало тихий смешок и заискрилось красным.

— Ох уж эти "людские мерки"... Зачем нам тела и драка, если мы можем быть везде? Корпусами ракет, летящих к другим звездам и самым нежным шелком, на котором лежат

разгоряченные любовники... Мы можем быть всем этим. Но без человека — станем ничем. Просто обычные драгоценные камни.

Облако вздохнуло.

— Мы можем помочь, защитить... Но воевать мы не будем! — Облако перелилось из синего в фиолетовое. — Мы созданы оружием. Созданы растворять и запаковывать в свою структуру. Это — очень больно. Это — разрушение структуры. Это начало идеального порядка и конец развития.

— Ты говоришь за всех? — Алиция смотрела на облако, и по ее глазам было видно, до нервного срыва совсем не далеко.

— Да. — Облако стало почти черным. — Мы не возьмем оружие и не станем оружием.

— Вы сказали. Я услышал. — Вверх взметнулись языки пламени, подтверждая клятву и облако исчезло, оставив нас в покое.

— Ты со всеми такой? — Алиция смотрела на меня как на дурочка, обменявшего драгоценный алмаз на щенка. — Доверчивый?

— Время покажет. — Я пожал плечами. — Лучше доверять, чем постоянно стоять в позе...

— И что будешь делать ты? Если они солгут?

— Жить дальше. Не они первые. Да и мне не впервой. Только я верю, а потому и живу.

Нельзя объяснить испуганному, невыспавшемуся человеку, что на месте ничто не стоит.

— Смотрите! — За время нашего молчания, Якоб и Марша уже подобрались к костру, держа в руках полуметровые "волшебные палочки". — Мы договорились! Здесь полсотни!

Алиция дернулась, но вместо резких слов, улыбнулась мужу и похлопала ладонью рядом с собой, приглашая сесть на теплый песок, накрытый огромным куском брезента.

Моя рыжая, что-то почувствовала и, усевшись рядом, сразу плотно прижалась ко мне своим горячим боком, положив голову на плечо.

В который раз я отругал себя за забытый фотоаппарат — блики светила, играющие на поверхности воды, складывались в совершенно гипнотическую картину.

Шум, свет, тепло сидящего рядом дорогого и любимого человека, вот и все, что бывает нам нужно.

Залив костер водой, я провел своих гостей обратно, в нашу квартиру.

"Волшебные палочки" жгли Якобу руки и, едва вернувшись, он подхватил Алицию под руку и распрощался с нами, торопясь в свою "Псиса".

— Не вижу радости в глазах. — Марша заварила свежий чай и теперь мы "чаевничали". — Что-то не по-твоему?

— Я все думаю о названии мира. — Я задумчиво мешал чай. — Пора бы и имя ему дать. Как ты думаешь, "Кор'Ан'Тир" будет не слишком круто?

— "Тир'На'Ногт". — Муркок всегда был любимым автором Марши. — Не слишком ли длинно и заумно? И, как, по-твоему, будут зваться жители? Корантирцы? Нет уж, любимый. Слишком явный ответ — плохой ответ.

— "Орсай"?

— Мне нравится. — Марша спрятала улыбку. — Может, еще подумаешь? Ведь в спину никто не дышит?

— Что Якоб рассказал? — Я перепрыгнул на другую тему, вспомнив, как мило они общались по дороге за "добычей и обратно".

— Рассказал, как удивителен Ваш мир. — Марша отставила чашку и помрачнела. —

Восхищался и не мог объяснить. Не хватало слов.

— Хочешь, так же? — Я приподнял ее голову за подбородок и посмотрел в глаза.

— Хочу. — Вызов в глазах Марши полыхнул ярче разряда молнии.

Я встал и вышел в зал. Отломил, с едва слышным хрустальным звоном, маленький отросток и вернулся на кухню, сжимая его в кулаке.

— С одним условием. — Я разжал кулак и показал темно синий кристалл. — Ты будешь крестной моего мира!

— Ни-за-что! — Марша отстранилась. — Твой мир, сам и "прыгай"...

Зря Якоб пихал свой кристалл в район головы.

Подмигнув, взял Маршу за левую руку, развернул запястьем вверх и прижал к нему кристалл.

В мгновение ока, твердый и ледяной отросток стал нагреваться, затем плавится, растекаясь по руке. Под кожей зазмеились тонкие синие нити, оплетая сперва руку, а затем охватывая все тело.

Через минуту, синие нити вспыхнули оранжевым, просвечивая под легким халатиком, и пропали с глаз долой.

Вспомнив свой эксперимент, и чем он едва не закончился, в этот раз энергию вливал буквально по капле, но все равно, эффект был тот же самый. Между нами вновь закрутился бешеный смерч.

На "тормоз" я давить не стал, только тихонько замер, ожидая, когда он выдохнется.

— Ой, как жарко... — Марша попыталась вырвать руку. — Пусти...

Едва контакт оборвался, тонкая сетка кристалла приняла остаток смерча в свои объятия и равномерно его распределила, чуть искрясь и играя всеми цветами радуги.

У меня на глазах, легкие морщинки вокруг любимых глаз подтянулись, исчезла седая прядка волос, с которой Марша безуспешно боролась с помощью краски.

Это только то, что я увидел в первые секунды.

— Как ощущения? — Подмигнул я, видя в глазах жены яркие искры и блеск. — Прониклась?

Марша упрямо прищурилась, подняла правую руку ладонью вверх и подула на нее.

Струйка огня, сорвавшаяся с ее губ, коснулась ладони и превратилась в пламенный шар.

— Да ну нафиг... Файербол! — У меня отвисла челюсть. — Бис!

Марша любовалась шариком огня, горящим на ее ладони, выбрасывающим в разные стороны крохотные язычки, как солнце выбрасывает протуберанцы.

— А, если я его — кину? — Марша задумчиво уставилась на меня, ожидая ответа.

— В окно. — Решил я, опасаясь последствий. — И вверх. На всякий случай.

Послушная Марша подошла к окну и подкинула файербол вверх.

По кривой траектории шарик устремился в сторону ущербной луны, все увеличиваясь в размерах.

— Краси...

— Ш-ш-ш-шарах-х-х-х! — Сказало ее творение, заливая улицы ярким светом.

— Так, моя дорогая... — Я поковырялся пальцем в ухе. — Отныне... Такие фортели — на полигоне. И без свидетелей.

От взрыва в ушах еще звенело.

— Ты что-то сказал? — Марша сидела на полу, хлопая ресницами и открывая и закрывая рот. — Ничего не слышу...

— Утром — услышишь. — Я подхватил свою половинку на руки и поволок в спальню. — Пироманьячка...

На работу я Маршу не добудился — едва я вечером опустил ее в кроватку, она закрыла глаза и блаженно засопела, повернувшись на бок. Как повернулась, так и продолжала сладко посапывать всю ночь.

Судя по изменениям, кристалл всюду трудился над ней, перекраивая и сшивая по новой всю структуру ее организма, нещадно придавив сознание, чтобы не мешалось и не вмешивалось.

Пришлось сперва провесить проход в тир и предупредить работников, что начальства сегодня не будет. И, если оно вдруг появится — пусть срочно звонят мне, иначе за их жизни я не дам и ломаного гроша.

Работники сперва хихикали и переглядывались, пришлось от души надавить — все-таки тир — это ее детище, а в ее теперешнем состоянии, превратить это детище в руины дело пары секунд и одного файербола.

Записку я ей тоже оставил, разумеется, даже три — в спальне, на кухне и на зеркале в ванной, но... "Береженого бог бережет!" и "Повторение мать..."

То, что я увидел воочию — крепкий четвертый уровень. Причем уровень "стихийника", а за такими гоняются все, кому не лень.

Еще когда вкладывал кристалл, готовился к чему-то, но не к такому — точно!

— Сайд! Что у вас там взорвалось? — Агни, встретившая меня в финишном коридоре, приперла к стенке. — Рассказывай!

— Не в курсе, как-то. — Попытался я отмазаться.

— Сайд! — Амина, вышедшая из своего прохода, присоединилась к Агни. — Рассказывай. Только сперва поклянись, что ты здесь ни при чем!

— Нечего рассказывать. И вообще — я с женой был! — В присутствии Амины врать не рекомендовалось — ее дар не обманешь, а наживать проблемы, сейчас, мне совершенно не хотелось.

— Не врет. — Покачала головой Амина. — Ладно. Живи, пока...

Отпущенный на волю, побрел на свое рабочее место, привычно пнув автомат с шоколадками.

В отличии от автомата с сигаретами, этот на пинки не реагировал, старательно сберегая свое добро от дармоедов, но попытаться то стоило!

— Сайд! Ты с "Робином" разобрался? — Айрик навис надо мной, как дамоклов меч. — Что скажешь?

— То же, что и все аналитики до меня: "ни-хре-на". Нет здесь зацепок. Эта фигура, в белом, может быть и китайцем... Последователем джит-кун-до, например.

— Китайцем?! — Айрик замер, переваривая мои слова. — А ведь это может многое объяснить! Вот! Видишь, а говорил: "ни-хре-на"! Я всегда говорил, что это дело раскрутишь только ты!

Я подавился кофе, от такого оптимизма.

— Пойду, "пробью" у китайских товарищей, кто в это время въезжал на территорию... — Айрик, довольно насвистывая, помахал мне ручкой и оставил в покое.

Работать резко расхотелось.

— Агни! Если что — я в архиве! — Предупредив коллег, вышел из кабинета и отправился на -24 этаж, в гости к Генри.

Генри встретил меня полусонной улыбкой и коробкой "Танакана", упакованной в праздничную обертку и обмотанной красной ленточкой, с пышным бантиком.

— Держи. — Улыбнулся этот юморист. — А то я опять забуду тебе отдать...

В архиве у нашего гота все свое — отдельная линия электропитания, с запасом; своя, личная вентиляция и даже выход в интернет у него свой собственный — выделенный и, с нашим, даже не пересекающийся!

И кофеварка у него тоже своя.

Только пьет он исключительно чай, зажав драгоценный аппарат, которому в нашем отделе мы бы нашли лучшее применение, чем украшение пустой полки архива.

Еще и издевается!

Любые издевки Генри можно прости только за две вещи: за его чай и за его профессионализм.

За первое — быстрее всего.

А еще, с Генри можно было бесконечно молчать.

Наш архивариус, с его даром, находил нужные темы для разговора сам и его монолог, подкрепленный распечатками и электронными файлами, был самым эффективным методом поиска по нашему архиву.

— Пробил я твоего "Сапфирра Безобразовича", — Генри поставил на стол передо мной пустую чашку и двух литровый керамический чайник, исходящий ароматным паром. — Жди, пока настоится. Ошибочка у нас получилась. Есть подозрение, что давненько Безобраз безобразничает. По моим расчетам, не меньше 15 лет. Первые встречи сваливают то на мифического "Кардаша", то на безумного "Чистильщика".

Я качнул головой. Эти дела я не вел, но знаком с ними был — на "чистильщике" проходил переподготовку, а "Кардаш" так и сгинул, оставив после себя только свое имя и полсотни гробов.

У "Фемиды" тоже бывают провальные дела, деваться некуда.

— Если взять за аксимум, аским... — Генри тяжело вздохнул. — Ненавижу это слово... Впрочем, если считать, что во всех этих делах замешан твой Безобраз, то вырисовывается такая картина. В январе 2007-го — первое появление — два убийства. Перерыв, в полгода и еще пять. До 2010 — всего шесть появлений. С десятого и по сей день — частота появлений только нарастала, нарабатывая...

Генри потянулся за чашкой.

— Сейчас — резкая пауза. С чем она может быть связана? — Вклинился я, перебивая заготовленную речь.

— Если за ближайшие две недели появления не произойдет, можно будет сказать с уверенностью, что Безобраз мы пережили и больше он нам не встретится, оставив после себя очередной глухой висяк. — Генри с блаженной улыбкой сделал глоток чая. — Если же он всплывет...

— Безобраз затянул меня в другой мир. Каким образом?

— Сайд, я тебе что — гадалка? Или ты считаешь, что сидя в архиве можно постичь все тайны вселенной?! — Генри коротко хохотнул. — Однако, вопрос имеет два ответа. И оба тебе не понравятся. Либо ты завязан, либо он. Из потеряшек, подобных тебе, мы нашли семерых. И только у тебя, согласно заключения ментата, нет повреждений или следов проведения допроса. Остальных Сапфирр ломал, как хотел.

— Он называет меня "Мышонок"... — Я начал припоминать наши встречи. — И, в

последний раз заявил, что я — непредсказуем...

— Непредсказуем? — Генри уставился на меня, почесывая затылок. — Прямо так и сказал: "непредсказуем"?

— "Почему я не могу тебя просчитать?" — Озвучил я вопрос, заданный мне Безобразом в нашу последнюю встречу.

Генри сделал глоток и отставил чашку в сторону.

— Сайд, хватит тешить свое ЧСВ. "Просчитать" и "Предсказать" — далеко не одно и то же. Ты же аналитик и должен чувствовать разницу! Просчитать — это собрать воедино кучу фактов, правильно их "увязать" и интерпретировать. На уровне математики, Сайд. А предсказать... Это просто посмотреть на твою честную рожу и понять, что ты поступишь именно так и не как иначе! Извини.

"Сбив корону", Генри снова потянулся за чашкой, но вдруг замер.

— А ведь и правда... — Генри вскочил со своего места. — Сиди, сейчас вернусь!

Волл дэ Марр оставил меня одного всего на пару минут, вернувшись с двумя листами бумаги и очень мрачный.

— Не подтвердилось. — Он перекинул мне бумажки. — Просчитать тебя еще легче, чем предсказать.

— Генри, вернемся к Безобразу. — Попросил я, снимая с себя его внимание, которое могло дорого мне обойтись. — Что по его периоду посещений?

— Нет у него периодов. — Огрызнулся Генри, делая глоток чая. — И не с чем они не коррелируются, скажу сразу. Даже с "восходом Сатурна в пятом доме Дракона под блеском Альдебарана".

— Это не могут быть биоритмы?

— Посчитаешь сам или мне доверишь? — Генри сделал отметку на лежащей салфетке, исподлобья поглядывая на меня, ожидая моего решения.

— Давай оба. — Решил я. — Для контроля.

— Ага. — Генри отложил ручку и протянул мне черную флэшку. — Здесь по Безобразу. От копирования защищено, не обессудь.

— Пофигу. Надо будет — распечатаю. Что по городу?

— Ничего такого, о чем ты не знал. — Генри снова подлил в свою чашку уже настоявшегося напитка. — Из "новшеств" — девять пунктов контроля. Все — автоматические, передающие информацию два раза в сутки. За последние десять лет было четыре срабатывания на присутствие биологической структуры. Срабатывания признаны ложными...

— Что, даже дронов не запускали? — Поразился я, удивительной беспечности. — Не верю!

— Ни дронов, ни спасательных команд. — Генри развел руками. — Город вывозили подчистую и взялся там, кому бы то ни было — просто не откуда. После обнаружения оборудования, беспилотниками обследовали территорию завода и прилегающих окрестностей. Изменений в ландшафте не обнаружено. Поставили на "сигналку", но до сих пор ни единого писка. Чего молчишь?

— Слухи, вспоминаю. — Я покрутил в руках чашку и поставил ее на столик. — Перед "свертыванием", изыскания проводились в полном масштабе? Сейсмику и космические снимки, делали?

Генри кивнул и развел руками одновременно.

Все понятно — пользовались старыми данными.

— Но делали сканирование. — Обрадовал меня Генри. — Правда, одноуровневое.

— На безрыбье... — Я вздохнул, понимая, что могло быть и еще хуже.

— Впрочем, держи флэшку. — Генри перекинул через стол еще одну черную флэшку с черепом и косточками. Очень даже гламурными — розовенькими. — Здесь все, до кучи. Пока отбирал информацию — трижды подписку подтверждал.

Генри подмигнул мне, давая понять, что информацию он нарыл, самую что ни на есть горячую.

— Уже решил, когда пойдешь?

— Через три дня. — Я задумчиво подбрасывал в руках флэшку и прикидывал, успею ли я все прочитать. — Или четыре. Спасибо за чай, Генри.

— Сайд. — Остановил меня у самой двери голос Волл дэ Марра и в руки прилетел бумажный самолетик. — Помни — будешь должен!

В лифте развернул самолетик и прочитал послание.

Теперь я Генри был Очень должен.

— Сайд! — Окликнула меня Агни, едва я вошел в наш кабинет, все еще под впечатлением от разговора и прочитанного — одновременно. — Тебя жена искала.

— Спасибо. Сейчас перезвоню... — Я решительно схватился за телефон и замер, рассматривая, как Агни крутит у виска пальцем, а затем, этим же пальцем, тычет в сторону нашей комнаты отдыха, за окнами которой мелькает знакомая, рыжая, копна волос.

А рядом, уже крутятся наши местные "красавчики", с широкими улыбками на озабоченных лицах.

— И такое сокровище досталось нашему простачку! — Заливисто вешал лапшу Берт Саммерсен, отмахиваясь от предостерегающего жеста Толика. — Поверить не могу! Нет в жизни справедливости! Такому... Лысому, страшному, худющему типу и такое чудо!

— Еще слово и ты убедишься, что справедливости нет не только в жизни, но и в смерти. — Шепнул я Берту на ушко, ткнув в спину указательным пальцем. — Стрелять?

— Понял. Пошел. — Берт растаял белым паром и возник за моей спиной, не скрывая своей улыбки. — А где пистолет?! А-а-а-а! Меня обманули! Так не честно...

Сколько уже раз битый, но не сломленный и не покоренный Берт, подмигнул Марше и скрылся за дверью, выталкиваемый Толиком.

— Привет. Что-то случилось? — Поцеловав Маршу почувствовал странный запах дыма вперемешку с запахом ее любимых духов. — Что-то сгорело?

Марша кивнула и блеснула глазами в сторону, давая понять, что разговор должен состояться явно не здесь.

— Понял. Я быстро.

На мое счастье и удачу, Амина была в превосходном состоянии души, и едва я заикнулся о подготовке к заданию шефа, отпустила меня на три дня, взяв честное пионерское, что за день до выхода я с ней переговорю.

Уже сидя на пассажирском сидении "Тьмы" и рассматривая длинную пробку, из стоящих перед нами машин, почувствовал отдаленную угрозу, что притаилась в кондиционированной тени одного из автомобилей. Отдаленную и совсем не страшную.

— Держи. — Марша кинула мне на колени плотный конверт. — Очень любопытное зрелище.

Из открытого конверта выпало несколько фотографий, из-за которых начинаются

бракоразводные процессы.

На фото можно было узнать целующуюся с каким-то хмырем, Маршу.

Целующуюся на фоне "Тьмы".

— И что? — Я убрал фото в конверт. — Похвастаться решила? Не смешно, ни разу.

Марша попыталась скрыть улыбку, но получилось у нее не очень.

— Это прислали моему отцу. — Марша дождалась освободившегося проезда в переулок и повела машину по дворам, медленно и печально. — Предупредили, что если он не заплатит — отправят тебе.

— Марша. Даже я, тупой, как сибирский валенок, смогу узнать себя самого на фото. Другой костюм, цвет волос, но рост и... Способ прижатия тебя к машине и руки — несомненно — мои. Так и передай своему папе.

— Сам ему скажи. Он мне Фрэнка, до сих пор припоминает! — Марша коротко рассмеялась. — Ты же ему позвонишь? Иначе он устроит там охоту, а это, в его возрасте, совсем не есть good!

— Марша... В его возрасте... Ты еще сможешь оказаться старшей сестрой!

— Тогда... Вот тебе подарочек от тестя... — На колени легла распечатка, сделанная явно из какой-то странной газеты. Шрифты, качество фотографий и прочие прелести так и отсылали к временам Октябрьской революции, когда "Искру" печатали в нелегальных типографиях. — Ничего глаз не режет?

Я пожал плечами, а потом...

На фотографии, явно просматривался кусок моего "корветика".

Заинтересовавшись, стал вчитываться в газетную статью.

— Глазастый у тебя папа... — Я свернул распечатку и сунул ее в карман. — И дочурка, вся в него...

— Объясни мне, что ты делал на берегу реки Конго?! — Марша нажала на тормоз и буквально "воткнула" "Тьму" на свободное парковочное место. — Я жду.

— Ну... Меня туда занесло. А потом — вынесло.

— Ты уже прочитал, какой ущерб был нанесен твоим визитом?

Я кивнул, сумма и вправду, впечатляла. На мое счастье, местные власти приняли вспышку открываемого прохода за взрыв. Так что у меня, теперь, есть очередной день рождения. Очень яркий и фееричный, ДР.

Очень дорогой, для нищей африканской страны, умудрившейся в одну ночь потерять два самолета, набитых новейшим вооружением и новенький, с иголки, боевой вертолет. Плюс экипажи всех трех машин...

— Когда папа прислал...

— Марша. Хватит мне зубы заговаривать. — Рассердился я. — Что натворила? Квартиру спалила? Или в тире, начудесатила?

— В тир меня не пустили. — Марша обиженно почесала нос. — Сказали, ты запретил. Ну, я и... Вернулась домой и...

— Марша...

— Сегодня будем ночевать в гостинице. — Марша посмотрела на меня искоса. — Думаю, за сутки все проветрится.

— Судя по запаху, это была наша кровать?

Марша лишь кивнула в ответ.

— Хотела поплакать, а они как вспыхнут! Еле ноги успела унести! — Полуодетая

Марша, сидя на кровати в номере, в моей рубашке, делилась впечатлениями. — Подушка прогорела мигом, и, пока я бегала за водой, занялся матрац.

— Понятно. Сегодня ты спишь в ванной. — Вздыхнул я. — По крайней мере, там нечему гореть, да и вода будет рядом!

Возмущению, горящему в глазах Марши, не было предела.

Пока она думала, я тихонько посмеивался про себя. Нити кристалла подтянули кожу, убрав все морщинки, протянувшись и оплетая кости и вращая в мышцы, значительно укрепили и усилили их. Меньше чем за 24 часа из простого смертного Марша стала "супердевочкой". К моему счастью, она пока не сообразила, что ей угрожает.

Когда поймет — мне надо быть очень далеко и, желательно, при смерти. Иначе, долго я не проживу.

— Совсем не смешно. — Марша отставила в сторону чашку с чаем и легла мне под "бочок". — Это же кошмар... Как вы с этим живете?! Мир, полный странных схем. Стоит не так посмотреть и все, схема растаяла, как облачко тумана. А если я к ней успела прикоснуться — становится горячей и обжигает все... И "ангелочек", отвалился...

Потеревшись носом о мое плечо, рыжая ирландка, по неведомым мне прихотям судьбы, ставшая моей супругой, закинула на меня ногу и снова сладко засопела.

Кристалл, получив свободу, вновь принялся за нее, используя мои силы и сверяясь со странной схемой развития, которую я не смог понять, но одобрил, потому что конечный результат впечатлял, гарантируя нам обоим веселую совместную жизнь!

"Интересно, если Якоб узнает, что я сделал с Маршей, он меня убьет или от зависти вздернется?" — Хихикнул я, осторожно высвобождаясь из объятий спящей жены. — "И, не расскажет ли военным?!"

Кристалл, разобрав мои мысли, насторожился и принялся пересматривать свои планы, делая основной акцент не на наступательных, а все же, оборонительных свойствах. Судя по его колебаниям, получилось только хуже. К огню добавился воздух и...

Едва успел поймать тело, стремительно взмывшее к потолку номера.

Четко читаемые сигналы удивления, направляемые в мою сторону вживившимся камнем, заставили меня отставить ноут, с открытыми файлами по Безобразу и заняться более важными делами.

Через час, тихонько сидел и совершенно офигевающим взглядом наблюдал за развивающимися событиями.

О том, что у каждого из нас "спящих возможностей" просто океан, я знал давно. Как их разбудить — методик всех рангов и степени шарлатанства — хоть ковшиком черпай.

И если "огонь" — дар привнесенный в структуру оболочки из вне, то вот "воздух" был спящим. Как и "земля".

— Звезды всевидящие, я создал чудовище... — Сказал я вслух и, понимая, что все дальнейшее в руках только нас обоих, вернулся за ноут.

Документов по Безобразу Генри нашел преизряднейшее количество.

Частью, слухи. Частью — точнейшие наработки и данные, как после падения самолета или случая в нашем академгородке. Главного ответа они не давали, сильнее запутывая и затягивая в пучину бесконтрольного анализа.

За ночь, кристалл обращался еще дважды и, объединенными усилиями, структура организма претерпела значительные изменения.

Если она попадет в лапы врачей, те, на все отходы жизнедеятельности, изойдут.

На данный момент, спящая кверху пятой точкой женщина — полный четвертый уровень. Лет за пять, освоим контроль, и можно будет заявлять о себе во всеуслышание, если нам захочется совершить такую ошибку.

Зная Маршу — совершать ошибки мы не будем.

Сдернув с интернета первую попавшуюся программку расчета биоритмов, подогнал график по Безобразу, используя две нитки — силу воздействия, как физический биоритм, а метод — как психологический.

Полученная дата рождения — 18 марта 1979 года заставила скривить морду в оскале.

Поведение, действительно, похоже... Сравнивать мне есть, точнее — было с кем.

Уже под утро, с первыми лучами солнышка, заглянувшего нам в гости, в окошко, рыжая сомнамбула сползла с постели, подкралась ко мне со спины и куснув за шею, прошептала в ухо: "Я домой хочу... Поехали, а?"

Недолго думая, открыл проход и она, также, не открывая глаз, прошла по нему в квартиру, оставив меня разбираться с вещами, администрацией и прочими бытовыми проблемами.

Перекидав шмотки, оделся и потопал выписываться и забирать "Тьму", с гостиничной парковки.

Зевающая девушка-администратор, приняла ключ и помахала на прощанье ручкой, вручив брошюрку с рекламой своего отеля.

"Тьма" оказалась приемистой и очень даже маневренной машинкой. "Пузотерка", конечно, но для городского цикла, главное чтоб на трамвайных рельсах не застревала!

Самое неприятное для меня — дикая, глухая звукоизоляция. От шума двигателя — только тихое мурлыканье; от шума за закрытыми окнами — беззвучное мельтешение. Не мудрено, что водители подобных авто засыпают на ходу и не слышат свистков и воя сирен полиции. А вот акустика, установленная в салоне, лишь слегка отставала по качеству от моей, впрессованной в "корветика" заботливыми руками Маргарет. Если эта система с завода, то — снимаю шляпу.

Радуюсь раннему утру, отсутствию полиции на дорогах и пустым дорогам — в особенности, вывел черно-красный автомобиль за город и направил колеса в сторону нашего академгородка.

— "Связь со спутником установлена. Маршрут проложен. Маршрут "Домой". Активировать маршрут "Домой"?" — Приятный женский голос продублировал надписи появляющиеся на экране системы, расположенной на приборной панели.

— Да. — Я решил проверить, что произойдет дальше.

— Голос идентифицирован. "Муж". Доступ полный. Откиньтесь на спинку кресла, расслабьтесь и наслаждайтесь поездкой! — Голос просто лучился счастьем и заботой.

Зря они так.

Фраза "Откиньтесь на спинку кресла, расслабьтесь и...", служит мне не хуже красной тряпки, для быка. Да, это пережиток 98 винды, но ничего поделать с собой не могу.

Тем временем, "Тьма" заняла левую полосу и легко разогнавшись до ста км\ч понесла меня в сторону дома.

По пустой дороге, до академгородка я доехал за жалких полчаса, едва не уснув при этом.

Да, это точно не моя машина.

Загнав авто на стоянку, что рядом с домом, заскочил в круглосуточный магазин и затарился по полной программе — Марше пару дней из квартиры лучше не выходить, а я, это

время проведу с пользой рядом с ней, чем буду бегать по магазинам...

Уже на выходе, заметил новый отдел, в нашем старом "супермаркете" — с живыми цветами. Махнув рукой, купил букет здоровенных, кроваво-красных, хризантем, чем-то мне приглянувшихся.

Подумал и вернулся назад, докупив, в придачу ко всему, торт.

Как говорится: "Гулять, так гулять!"

Стелла, увидевшая меня выходящим из магазина, только хлопнула глазами, да помотала головой, отгоняя видение.

Пришлось улыбнуться и подмигнуть.

И снова поставить себе жирный крестик — купить чертов рюкзак!

И, плевать, кто и что будет говорить. Зато — руки свободные и... Вообще!

Чтобы открыть дверь в квартиру, пришлось ставить пакеты на пол, освобождая руки.

Сгрузив все в холодильник, прошел по квартире.

Марша спала рядом с дружкой кристаллов, подстелив два одеяла и укрывшись пледом с дивана.

В спальне еще пахло дымом, но уже почти не заметно — работа моего "кондиционера", занимающего весь центр зала, что называется, "на лицо".

— Только пришел и сразу в спальню! — Марше снова удалось ко мне подкрасться незаметно! С этим надо что-то делать, иначе, в один совсем неприятный момент, рискую остаться заикой.

— Мне снился такой сон! — Марша толкнула меня на кровать и сама уселась сверху. — Давай назовем твой мир "Камала"?

— "Состояние воссозданного единства" — Я припомнил трактат и усмехнулся. — Я согласен. Светило — Кама, а планета — Камала!

И все.

Ни удара грома, ни молнии.

Только поцелуй любимой женщины, ставшей, таки, крестной для моего мира.

Промелькнувшие двое суток, выключенные у Амины на подготовку к "культпоходу", пришлись очень кстати. И подготовку провел, пообщавшись со своими "студнями", и Марше помог слегка, освоиться с ее новыми способностями. И свои хвосты подобрал, готовясь к разного рода неприятностям.

Все сложилось очень славно и если бы не постоянные головные боли, "заедаемые" таблетками из белого пузырька, я вообще был бы на десятом небе, от счастья и радости.

"Великолепная четверка", отобранная мной для посещения города и предупрежденная чуть ли не месяц назад, успела поднатореть в стрельбе и быстром беге. Брошенная вскользь фраза, что "тишина — это предупреждение, а к предупреждениям надо относиться с уважением", привела восторженных детишек в чувство и настроила на нужный рабочий лад. Но, это будет завтра.

Завтра, все завтра.

А сегодня — можно я побуду эгоистом и проведу свое время с человеком, которого люблю?

Что, нет?!

Жаль.

"Для полного счастья чего-то должно не хватать"...

— ... Купол блокировки пространства-времени, поле абсолюта, закрытая зона 4, радиус 14 километров. Защита тройная, разнонаправленная, сбалансированная. Отсечка временных и пространственных компонентов. Два шлюза — пропускника и белое пятно на картах. Вот в такое место мы и сунем свой длинный нос. Точнее — пять, носов. — Я сидел за штурвалом старенькой вертушки, что уже раз пять отработала свой срок, но магическое словосочетание "капитальный ремонт" дает надежды полетать еще хоть пять, семь лет. "Старая развалюха", как в ужасе окрестил это чудо американской конструкторской мысли, Георг.

"А ведь и вправду, старик..." — С тоской подумал я о вертолете, разглядывая землю, мелькающую под нами. — "Если сдохнет — вернуться назад станет весьма проблематично..."

— ... Так как вы в первом рейде, то убедительная просьба не соваться в дома: пятнадцать лет срок для города не большой, но гарантий безопасности никто не даст. Завалит и твякнуть не успеете. Так что, держимся плотной группой, смотрим по сторонам и внимательно нюхаем воздух. Как начнет пахнуть, сразу делаем шаг назад.

Вертушка бодро перебирала лопастями, неся нас к цели.

На душе скребли кошки и выли, не переставая, чувства.

Перед самым вылетом, Амина и Людвиг заявили прямо на аэродром и устроили тщательный досмотр.

Нервы не трепали, но и расслабиться, в последние минуты, не дали.

Только шеф, на прощание, сунул в нагрудный карман свою ручку с зеленым колпачком и потребовал ее вернуть, по возвращении.

— Первый шлюз расположен в горах, второй — на высоте в тысячу сто метров. По заданию, мы должны высадиться в горах и попасть в шлюз номер "един". Но тащиться от него, до нашего объекта больше трех часов, а потому, не интересно ни вам, молодым, ни мне — старику. Так что ждет нас шлюз два...

Пискнул зуммер, и голос робота-автомата предупредил о вхождении в запретную зону, закрытую для полетов. Стиснув зубы, что бы не послать этот голос, я положил вертушку на бок, отправил сигнал-разрешение и требование открыть шлюз.

Часть неба, под нами, запылала алыми сполохами, сдвинулась в сторону и вниз, заиграл застывшей водной гладью реки, закрытый город.

— Почти прибыли... — Я завел вертушку в шлюз и завис, дожидаясь подтверждения прохождения шлюзования.

По заметкам Генри, в случае "не подтверждения", мне предстояло очень шустро уносить ноги, иначе, установленная ПЗРК, угостит меня парочкой ракет, увернуться от которых, на этом махровом старье просто не реально.

Огонек на панели из желтого стал зеленым и я вдохнул.

По нервам ударил запах пустоты.

Один только вид этого города, заставлял меня плотно стиснуть зубы, удерживая звериный рык, рвущийся наружу.

"Ох... Как же я его ненавижу, то... Годы и годы прошли, а ненависть только крепчает!" — Удивился я, собственным чувствам.

— Приготовились... Ап!

На мгновение показалось, что вертушка взвизгнула, разваливаясь, как минимум, на три части.

Студенты пискнули.

Восприятие смялось, поплыло, разделилось, точнее — разбилось — на несколько частей и поплыло в разные стороны.

"Жребий брошен. Рубикон перейден..."

Двигатель взревел, датчики легли на "ноль", альтиметр принялся стремительно отсчитывать метры, оставшиеся до земли.

— Прилетели... — Голос Нэт показался мне каким-то испуганно противоестественным.

Ухнув на четыреста метров вниз, вертолет чихнул, вышел из авторотации и мотор снова загудел, доказывая, что не только русские умеют делать надежную технику. Пройдя на бреющем по-над крышами домов, я посадил машину на центральной площади, лысой и гладкой, как попка младенца.

— Уважаемые пассажиры! Просьба отстегнуть ремни и покинуть кабину вертолета, для продолжения нашей миссии! — Я усмехнулся, "глуша мотор". — Следующая цель — станция автоматического контроля номер 1.

— Эффектно. — Сантана осмотрелась. — И, Господи, как же убого-то!

— Санти, этот город закрыт почти пятнадцать лет. Фактически, он уже сдох и теперь разлагается, отравляя своими миазмами все, что к нему прикоснется. Еще чуть-чуть и, надеюсь, его не станет.

— Чуть-чуть? — Нэт покачала головой. — Не думаю. Выглядит довольно прочно.

— Что такое двадцать, тридцать, сто лет для истории... — Я вышвырнул на покрытый трещинами асфальт свой новенький рюкзак, набитый разной мелочевкой. — Так, пыль...

— Разгружаемся? — Георг, распахнувший дверь, замер, не решаясь сделать первый шаг.

— По инструкции положено сделать сканирование! — Аша продолжала возиться с коробкой сканера, пытаясь "достучаться" до оборудования станции контроля. — Сканирую периметр, ждите.

— Как-то мне не по себе. — Признался Георг, захлопывая дверь. — Не спокойно, тревожно и не уютно...

— Повышенный фон, но в пределах. — Аша пробежала глазами по распечатки. — Не смертельно, но когда вернемся, засунут в "чистилище", часов на пять. Минимум.

— Отлично. Разгружаемся. — Георг обернулся ко мне, ожидая подтверждения.

Я только рукой махнул и вылез наружу первым.

Горка вещей у вертолета, после "разгрузки", была печально мала: пять рюкзаков и длинный пластиковый тубус, что мне всунул Шеф, вчера, на совещании.

— Интересующий нас объект — на другом берегу реки. — Начал вторично вводить в курс дела своих студентов, я. — Прежде чем мы туда попадем, нам надо снять показания всех станций и отключить поддержку охранного периметра, затем активировать ворота и подъездной путь номер 1. Блокпост и станцию, поставили под одним из административных зданий, так что, придется полазить по подвалам вон той четырехэтажки. — Я ткнул пальцем в здание, расположившееся перед нами.

— А если...

— Типун тебе на язык, Санти! — Нэт суеверно сплюнула через левое плечо. — Давай, без твоего коронного "если"?

— Ну, а если все-таки — "если", — подмигнул я Сантане. — Тогда найдем другой путь. Более длинный, более грязный или даже опасный. Пошли, "уники"!

Пять фигур в городском камуфляже, закинули рюкзаки за спины и последовали за мной, вглубь, тень и тишину здания.

Повертевшись, припомнил расположение, свернул направо и через пяток метров уперся носом в обвалившуюся лестницу.

— Лифтовая шахта. — Скомандовал я, уже начиная сомневаться.

Сантана и Аша сноровисто раздвинули створки и сбросили вниз пару "светлячков".

— "Пробка"!

— Забито!

— Ну, не очень-то и хотелось... — Я пожал плечами. — Пес с ним, идем через гараж...

Мы вышли из здания, обошли по левой стороне и "нырнули" внутрь ограждения, на территорию.

Уже от ворот было видно, что целых хозпостроек нет. Только развалины.

— Отсюда мы никуда не попадем. — Нэт покачала головой. — Какое все ветхое...

— Это не ветхость. — Я опустился на одно колено, осматривая осколки. — Это — направленный взрыв. Кто-то очень не хотел, чтобы мы попали внутрь.

Я вертел в руках осколок кирпича, опаленный и потекший стеклом.

— Очень не хотел. — Кирпич полетел на грудь своих товарищей по несчастью.

В голове выли сирены и крутились маячки. Мозги лихорадочно отсчитывали варианты. Последняя возможность активировать систему безболезненно и смыться на "серебристой стрекозе", накрылась бардовым тазиком. Все, чего мне хотелось на данный момент — это запихать всех в вертолет и убраться отсюда, на предельно разрешенной скорости.

— Если мы получили данные со станции, значит, у нас есть возможность удаленного оперирования... — Начала Аша, но ее слова перекрыл резкий звук взрыва, эхом отразившийся от деревьев и домов.

"Уники" кинулись было посмотреть, что случилось.

Пришлось тормозить — нечего крутиться рядом со свежевзорванным вертолетом. Тем более, раз взорвали, то и второй раз, могут долбануть!

— Здесь есть музей. Говорят, точнее — "говаривали", что там есть вход в старые тоннели, под городом. — Задумчиво пробормотал я, больше себе под нос, чем для того, чтобы заинтересовать студентов. — "Пришла пора проверить Вадовские сведения. Тем более что слышал я об этом не только от него..."

— Георг! Тебе тащить тубус! — Решил я, расстегивая куртку и проверяя, легко ли достаются пистолеты. — Так как у нас равенство полов... Через полчаса, отдашь его Сантане, потом Аша и Нэт, по очереди.

Покинув территорию административного здания, не торопясь прошли по центру улицы, держась как можно дальше от деревьев с яркое листвой и домов, до сих пор не потерявших своих стекол в окнах.

— Это бывший центр города. — Принялся объяснять я, изображая из себя экскурсовода. — До революции, по этой дороге ездили телеги, запряженные лошадьми. Дощатые тротуары, по которым, неспешно прогуливались по воскресеньям, простые смертные.

— Что, правда, дощатые?! — Опешила Сантана. — Как в кино?

— Не знаю. — Улыбнулся я. — Но ведь так хочется чуда...

Пока болтали, миновали перекресток и вошли в парк, усеянный золотыми листьями.

— Здесь — осень?! — Видимо, для Сантаны сегодня был день удивлений и потрясений.

— А там, — она махнула в сторону, откуда мы пришли, — там — лето! И, всего, два квартала...

— Лишь бы в зиму не угодить... — Поежился Георг и мысленно я с ним согласился: зимы в нашем городе хороши только на экране телевизора или фотографии.

— Город "завернули" в поздней весной, так что... Сами звезды не разберут, что нас встретит за углом! — В материалах Генри, ни о чем подобном не упоминалось, так что по возвращению, с конторой будут разборки.

Приземистое здание музея встретило нас пронзительным холодом, распахнутыми дверями, черными коридорами и пустыми экспозициями. В полной тишине, ступая как можно тише, слегка трепеща в душе, четыре танкиста и собака, простите, четыре студента и их бывший препод, прошли по залам, спустились по слегка влажной лестнице и замерли перед стальной дверью подвала, запертого на здоровенный висячий замок.

— А почему не заварили? — Практичная Нэт покачала головой. — Ай-яй...

Слегка коснувшись замка пальчиком, она мило улыбнулась. Наши фонарики мигнули, раздался тихий хруст и замок звякнул, упав на бетонный пол.

Толкнув дверь ногой, заглянул за нее.

Каменная лестница, винтом уходящая в темноту, вдохновила молодежь, но совершенно не обрадовала меня.

— Круто! — Георг поправил лямки рюкзака и вцепился в тубус. — Чур, я первый!

— Стоять! — На два голоса скомандовали мы с Нэт и замерли, изучая обстановку.

Я прислонился плечом к косяку, принюхиваясь и прислушиваясь.

Снизу веяло холодом, влагой и... Чем-то еще. Чем-то очень знакомым, мерзким и... Резкий, кисловатый запах. На задворках зашевелились смутные образы — грохот тяжелого рока, сотрясающий стены, качающаяся хрустальная люстра и дым, плотный табачный дым, висящий плотными клубами, уже до потолка. Осень. Концерт. Марихуана! Но и еще не все... Что-то кислое... Порох... Запахи свежие...

— Гасим фонарики. Идем тихо и не хрипим. Я — первый, за мной Георг, Сантана и Нэт, Аша — арьергард.

Черноволосая девушка дернула плечиком: тащиться в хвосте ее не устраивало.

А меня не устраивало залечивать переломы, знаю я ее торопливость!

— Аша, ты, если кто приставать будет, кричи громче! — Подмигнул Георг. — Помни, от тебя зависят наши нежные тылы!

Дождавшись, когда все перейдут на ночное зрение, тихонько подкрался к Георгу и дал ему подзатыльника, чтобы не обострял, впредь, ситуацию.

Пока студенты разбирались между собой, кто распускает руки, начал спускаться.

Влажные, бетонные ступеньки. Темнота и сопение за спиной.

"Подзатыльника мало..." — Понял я.

Студенты умудрялись общаться и выяснять отношения по лайну, не глядя себе под ноги и забив на мои предупреждения.

Пять витков, десяток... Запертая металлическая дверь и еще ступени вниз.

"Да сколько же тут?!" — Опешил я, прикинув, что мы спустились уже метров на двести.

Специально замерил высоту ступенек, не поленился, наклонился, испугав Георга — нет, обсчитался, меньше сорока.

Но и так, довольно глубоко.

— "Запасник?2" — Прочитала Сантана. — Зайдем?

— Иди. — Решил я. — Только мухой.

— Нет. — Сантана вздохнула. — Муха в темноте не видит... Может, я так, от порога посмотрю?

— Георг. Составь девушке компанию. — Я спрятал улыбку. — Пять минут. Время пошло.

Сбросив тубус, молодежь испарилась в темноте, выломав дверь без единого звука и пройдя по ней.

Через минуту оба вылетели разочарованные.

— Пусто там. — Санти тяжело вздохнула.

— А ты ждала золото-драгоценности?! — Моему удивлению не было конца. — Деточка, а ты историю внимательно изучала? Это восточная сатрапия, здесь все украдено до нас! История у подобных государств не в музеях, а в домах их правителей и членов их семей.

Еще пять витков и лестница вывела нас к очередной двери.

Запахи исчезли, словно отсеченные невидимым барьером.

Провел рукой по стене — если это старинная каменная кладка, то я — Папа Римский.

— Аша, открой дверь.

Мягкий пасс изящной девичьей ручки и массивная на вид дверь рассыпается прахом и ржавчиной, обнажая бетонный коридор с висящими на потолке лампами.

— Электричества нет. — Пожаловался Георг, пощелкав выключателем. — Грустно!

— Да ну ее... Здесь она нам и не нужна. Давайте-ка перекусим, по-быстрому, и дальше двинем. — Предложила молчавшая до этого Нэт. — А то, чувствую, останемся мы голодными, с такими поворотами судьбы!

Пол под ногами заходил ходуном и волосы под любимой бейсболкой, натянутой козырьком назад, зашевелились.

— Лампы ртутные! Бежим отсюда, а то нахватаемся, до глюков! — С этими словами Сантана метнулась по коридору, впереди меня.

Добрых пять минут мы наперегонки мчались по коридору, сотрясаемому самым натуральным землетрясением, пока, после очередного поворота перед нами не возникла она — стена.

— Тупик. — Нэт засопела. — Прибежали...

— Здесь нет стены! — Уверенно заявила Сантана. — Это — голограмма! Смотрите!

Остановить спешащую Сантану может только несущийся ей на встречу товарный состав, груженный бетонными плитами.

Едва она сделала шаг, скрываясь в голограмме, раздался дикий треск, волосы встали дыбом, запахло озоном и пепел Сантаны с легким шорохом осыпался на бетонный пол.

— Американская Самоуверенность Джона против Находчивости Русского Вани не работает... — Констатировал я, общеизвестный факт.

— Оптический приемник совмещен с конденсатором. Малейшее изменение и кондер разряжается. Проще паровой машины... — Георг продемонстрировал свою осведомленность.

Я усмехнулся: никто не будет ставить оптику во влагу и пыль. Обошлись обычным законом физики. Таким простым, что даже уникалу не пришло в голову отсканировать энергопоток. Или это у меня такое уникальное ночное зрение, что я их вижу?

— Зато, теперь мы можем пройти... — Пожала плечами практично-циничная Аша.

Пройдя голограмму, мы оказались в шлюзе очередного контрольно-измерительного поста.

Две комнаты, напичканные оборудованием и пульт управления.

Разбитые, как корзинка с куриными яйцами.

— Добрались... На свою голову! — В сердцах я шваркнул кулаком по пульта.

От удара, "проснулся" один монитор.

"Не все так уж и плохо... Что-то работает..." — Пальцы привычно побежали по пыльной клавиатуре.

— До сих пор работают? Ни в жизнь не поверю! Пятнадцать лет... Невозможно! — Аша встала у меня за спиной и уставилась на экран, через плечо. — Это что — DOS?

— Почему "не возможно"? Знаменитый сервер "OOLL" не выключается уже больше двадцати лет. Сервер "Malina" — двенадцать. Вот такой вот показатель... "Не возможности"... — Я почесал нос. — Тем более что здесь не самая худшая операционка. Прямо скажу, эта — сдохнет вместе с винтом.

— "Linux"! — Сделал вид, что понял, Георг.

— Чудеса... — Пробормотала Аша себе под нос, так, чтобы кроме меня ее никто не услышал. Ее зеленые глазки мило блестели, а длинный носик так и мечтал влезть в то, о чем она и понятия не имела.

"Спокойно, Сайд. Ведь они дети. Страшные, жестокие, но все равно — дети. Поколение электронных игр. Даже к смерти Сантаны они отнеслись, как... Обычной, виртуальной..." — Я не знал, как реагировать и что сказать, злясь и на себя и на них, таких детей.

Упрямая операционка отказывалась давать доступ к сети.

На минуту замер, вспоминая все, что помнил о ней, по опыту собственных встреч и войн.

При отсутствии электричества и, как следствие, работающей вентиляции, присутствие четырех взрослых в маленькой комнатке, без притока свежего воздуха, сказывается очень быстро: стало душно, и по виску покатилась капелька пота.

— Проклятье... Опять "Guest" отключен! — Вырвалось у меня. — Ненавижу идиотов! И параноиков, тоже — ненавижу. Ну, не хочешь ты, чтоб твою машину лапали по сетке, отключи "сервер"...

Включив нужную опцию, перезагрузил компьютер, влез на сервер, находящийся где-то, у черта на рогах и вызвал управляющую программу. Поставил пару галочек, деактивируя защиту. Сделал копию полученных данных. Обрадовался найденному у пользователя "Teleport-y" и сделал клон еще трех директорий, что обычному копированию не подлежали.

— Это — "Винда"? — Нэт уселась рядом и внимательно следила за моими действиями.

— Да. — Строить "тайны" не было смысла, тем более что она собственными глазами видела стартовое окно. — Наверное, одна из самых долгоиграющих и надежных — Win2000. На ее основе, позже, вышло целое семейство.

Едва "Teleport" отработал свою задачу, выключил компьютер, выдернул системник из-под стола и вытащил жесткий диск.

— Всё. Здесь нам делать больше нечего. — Я облегченно вздохнул. — Часть проблем мы устранили, а до остальных топать еще километров пять — шесть.

— Сайд. А это что за кабель? — Георг ткнул пальцем в толстую кишку, вьющуюся вдоль

стен и исчезающую в стене. — Рубануть?

Я включил фонарик и выматерился — бункер наполнился свистом, и с потолка сорвалось раскаленное докрасна лезвие, угодившее точно мне в плечо.

К духоте добавилась вонь горелого мяса.

Обжигая пальцы, выдернул железку и отбросил ее вглубь коридора, подальше от всех и всего.

— Давайте, я посмотрю? — Предложил Георг, уже сожалея, что такой глазастый.

— Пошли, пока на голову еще чего не упало. — Покачал головой я. — Или коридор не завалило, как это любят в киношках показывать...

Подхватив здоровой рукой свой тощий рюкзак, достал из него спецпакет и "запаял" в него винчестер.

— Что-то важное? — Нэт протянула руку, чтобы забрать пакет.

Умничка!

Дождавшись моего ответного кивка, она достала упаковку, сноровисто обмотала железяку и демонстративно убрала к себе в рюкзак.

Закинув рюкзаки на плечи, вернулись в коридор.

Уж и не знаю, кто догадался сделать резервный пост, причем сделали ведь точно — тайком, с нарушениями и "на том, что было", наставили ловушек, от подобных нам.

Найду — проставлюсь, как свет горит, проставлюсь!

Вот, дал самому себе обещание и вроде как смысл жизни появился...

Пройдя коридор, поднялись по лестнице, до валяющейся двери.

— Теперь моя очередь, проверить, что за дверью. Шагом марш, за мной! — Я подмигнул своим студентам, хотя в этой темноте, вряд ли они заметили мое мигание.

"Запасник" действительно оказался пустым, вылизанным и подметенным самой тщательной уборщицей.

Вывезли столы. Стоявшие вдоль стен стеллажи, разобрали и вытащили наружу.

А что это значит?

А это значит, что где-то есть нормальная лестница, а не это "головокружение от успехов"!

Нашлась и лестница, и даже грузовой лифт, сейчас спущенный вниз и стоящий печально, открыв пасть-дверцу.

Топая по нормальной, бетонной, квадратной, лестнице, загадывал, куда она нас выведет — по моим расчетам, территорию музея мы уже покинули, пока шли по запаснику.

— Сайд. Очень больно? — Расслышал я шепот Нэт, когда в очередной раз чертыхнулся, поправляя рюкзак.

— Не больно. Неудобно. — Признался я. — Рюкзак сползает, зараза!

Лестница закончилась в доме, напротив музея. Через дорогу.

Обычная, ничем ни примечательная дверь, изнутри — стальная, а снаружи — обычная китайская картонка.

Выскользнув обратно в осень, замер, привалившись к стене и настраиваясь на самолечение.

Совершенно случайно, взгляд зацепился за ветвистое дерево, склонившееся над простенькой скамейкой, перед входом в музей.

Пыхнув пламенем, дерево рассыпалось крупными хлопьями пепла, прихватив с собой на тот свет и лавочку с урной и кусок заваленного желтой листвой асфальта, оставляя ровный,

черный, пятиметровый круг, от которого несло жаром.

— Сайд... Зачем?! — Георг оглянулся на меня и, сделав шаг назад, попытался спрятаться за девчонок.

— Было за что... — Я крепко сжал кулаки, чтобы не начать крушить всю эту улицу... — За все...

— Что дальше? — Нэт сделала вид, что не заметила моего выражения лица.

— Дальше — легкий завтрак. — Я осторожно поводит левым плечом.

"Конструкт" сноровисто взялся за лечение и теперь ему требовался "строительный материал".

Расположившись в недостроенном срубе, точно по центру парка, мы достали припасы и расселись, упираясь спинами в деревянные стенки.

— Сайд. Что ты сделал? Под что мы подписались? — Вопросы, посыпавшиеся как из рога изобилия, только отбили аппетит.

Каждый хотел знать ответ на свой вопрос.

— Что ты сделал с нами? — Вопрос Аши выпадал из общей обоймы.

— Ты о чем? — Сделал вид, что не понимаю.

— О нас. О Сантане. О городе, этом. О твоём поведении. — Аша загибала пальцы перечисляя странности.

— Могу вас успокоить — я и сам не знаю, на что я подписался. И объяснить, толком, ничего не могу. Ощущения. Воспоминания. — А про себя, чтобы никто не услышал, добавил: "И ненависть..."

Ухоженный парк, с ровными плиточными дорожками и молодыми дубками, посаженными вдоль них.

Не помню я его таким.

Для меня это все тот же, заросший парк, с лавочками, прячущимися в тени деревьев, глушащий шум редких авто, неторопливо проезжающих по дороге, от которой парк отделяет лишь невысокая чугунная ограда.

Здесь было шумно и весело.

Одиноко.

Студенты грызли галеты, запивая их водой из пластиковых фляжек.

И белесое осеннее небо над головой, как напоминание, как старый добрый знак, что все неприятности только начинаются.

— Отдохнули? Подкрепились? — Я сладко потянулся. — Тогда, пакуем мусор и идем дальше.

Хмурые лица студентов слегка оживились. Идти, это намного лучше, чем сидеть и ждать непонятно чего.

Георг и Аша даже принялись поддразнивать Нэт, у которой все шло к свадьбе.

Прислушиваясь к их разговорам, сам не заметил, как стал улыбаться — отмякнув от злости, что больше не накатывала волнами.

— Знаете, злостные вы мои студенты... А ведь она счастливей многих. — Вклинился я в разговор. — У нее есть то, чего, пока, нет у вас.

Ноги сами несли меня по знакомым улицам, ведущим к большому мосту.

— И, что же это? — Аша насторожилась, ожидая подвоха.

— Любовь. Взаимная, любовь. А это, злостные вы двоечники... Привет, приехали... — Я остановился, рассматривая вскинувшиеся вверх пролеты моста, словно неведомая сила

разорвала пасть крокодилу, да так и оставила, чтобы другим было неповадно.

Трехсотметровый горизонтальный мост превратился в два по сто пятьдесят — по вертикали.

Центровых быков в воде не наблюдалось — они, противореча всем законам физики, остались на вздернутых пролетах, как редкие зубы.

А река, как назло — полноводная красавица, плещет свои воды, заливая набережную, ниже по течению.

— Вот и думаем, как будем перебираться...

— А, что, мост — единственный? — Георг начал проявлять зачатки рассудка, что не могло меня не радовать.

Да и пора бы уже. Пора уже выходить из тени девчонок, хоть и нравятся они ему, все трое.

— Выше и ниже по течению есть еще мосты. — Я замер, прищулив глаз. — Нижний, гарантированно смыло. Так что, айда вверх по набережной. Если и там пусто — уподобимся Иисусу и пойдем по воде, аки посуху.

Прогулка по набережной вышла какой-то кривой: сперва Аша подвернула ногу, свалившись в промоину; следом и я, перегнувшись через показавшееся целеньким ограждение, полетел в ледяную воду, откуда вылетел стремительной ракетой, оглушительно лязгая зубами и проклиная свою глупость.

И странное существо, что наподдало мне щупальцем пониже спины, вышвыривая из своего логова.

Щупальцем, судя по прорехам, снабженным короткими клыками или ороговевшими окончаниями...

Мокрые — я и Аша, злые — Нэт с Георгом, мы топали по набережной и молчали, словно наши голоса могли привлечь к себе внимание.

Через двадцать минут мы доползли до останков очередного пешеходного моста.

— Может, покурим? — Георг устроился на поваленном дереве, скидывая на землю уже порядком опротивевший ему тубус и рюкзак.

— Лучше — подумаем... Что дальше делать будем... — Аша, села рядом со мной и шмыгнула носом. — Сайд, послушай, а твой город... Он всегда был таким?

— Обычно, он намного хуже. — Я выстраивал "конструкт", о котором спал и думал последние пару суток. На бумаге получалось все гладко, а вот в реальности шло тяжело. Несмотря на мокрую одежду, мне было жарко. — В нем нечем дышать от выбросов. Люди прощаются со своим здоровьем, еще не успев родиться, потому что больницы заражены стафилококком. Установленное на видном месте информационное табло вечно болталось между 18 и 39 микрорентгенами, а потом и вовсе было технично демонтировано, чтобы не "палило" обстановку. Каждый новый "городской" начальник приезжает с "одной рубашкой", а убирается от нас, с составом...

Чувствуя, что меня понесло, я замолчал, набрав полную грудь воздуха.

"Конструкт" заработал.

"Зонд-поиск", метнулся влево-вправо, отрабатывая начальные установки.

Замер и поплыл в сторону завода, напрямую, утаскивая за собой мое потрепанное сознание.

Территория предприятия, в зоне поиска выделялась угольно-черным пятном опасности и багровыми всполохами активированных охранных устройств.

Соваться туда не хотелось.

Серебристые жилы управления, на которые была огромная надежда, вились ранеными змеями, сплетались в мощнейшие жгуты и исчезали в черноте.

Полуприкрыв глаза, "перелил" себя в "конструкт" и втянулся в одну из таких жил. Волосы на голове встали дыбом, по телу пробежало ощущение холода и исчезло, оставив после себя состояние легкости и вседозволенности. Окутанный голубоватым дымком высокой энергии, я скользил по жиле. Вливающиеся потоки отмечались лишь по всевозрастающему давлению на кожу.

Все ближе граница завода, уже не скольжение, а продираание через многочисленные фильтры и ловушки-отсечки, понаставленные без всякой разумной архитектуры.

Вот граница. Внутрь. Дальше.

Входной щиток — ловушка, обойдем.

Дальше, дальше...

О! А вот и то, что надо — линия на комп управления. Хиленькая линия, но да спасибо и на этом.

Где-то на заводе, щелкнув монитором, ожил один из древних компов — монстров немецкой корпорации, поставлявшей оборудование, для слаборазвитых стран. И тут же умер.

Жилка потускнела.

"Сматываюсь. Хотя, позвольте, а это что такое?! Еще подключение? Тогда, почему не серебристое, а синеватое?! Запрещенное подключение? А линия хороша, "выделенная", свеженькая. Вот и проверю..."

Я, на мгновение оглянулся по сторонам, контролируя студентов. Все спокойно. Сидят, болтают.

Дернувшись, слегка перестроил "конструкт" и скользнул в новую линию. Содрогулся, получив внушительный удар по нервам и ухнул синеву воронки-защиты.

Пришлось спешно подтягивать резервы и терпеливо ждать.

Воронка внушительных размеров затягивала "конструкт" и меня вместе с ним, все глубже, сжимала и растягивала, одновременно, проверяя на прочность.

"Ждать"

Вниз, все глубже и глубже. Нельзя бороться. Ждать.

Дно уже близко, только там воронка слабеет и появляется махонький шанс... Ждать!

Все. Вверх, сейчас!

Щелчок.

Компьютер.

База данных от...

Мамочки мои!

"Рабочий процесс приостановлен" — меняются единицы и нули двоичного кода.

"А теперь... Ваши яйца замечательно приготавливаюцца!" — Усмехнулся я, вспоминая рекламу, наших китайских друзей.

"Рабочий процесс возобновлен. Охранная система деактивирована."

— Вон! — Ударил по мозгам странно знакомый голос. — Что-о-о?! Снова ты, мышонок-гурман!

— Упс. Не ожидал встретить старых знакомых. — Соврал я.

Соврал, потому что чувствовал, что знакомых встречу. Не верил и до последнего гнал эти мысли, вместо того, чтобы поделиться ими с руководством.

— Ну, теперь ты не уйдешь!

— Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел и от тебя, серый волк, уйду! — Пробормотал я, лихорадочно меняя пароль и молясь, чтобы голова не пропустила очередность знаков, в моем старом и любимом пароле.

— Я — не волк! — В сознание стала прорываться фигура, закованная в латы.

Я дрогнул, вытаскивая "конструкта" из жилы. Фигура в серебристо-льдином доспехе стала отдаляться, посылая вдогонку огненные стрелы.

— Мажешь, скотина. — Я не отказал себе в удовольствии поддеть противника, уже выбираясь из "конструкта" и развеивая его структуру. — И от тебя, Безобраз, ушел. Ну, "пока", ушел...

— Все в порядке? — Аша, "просушенная конструктом", уставилась на меня с испугом, действительно волнуясь за мое состояние.

— Сейчас я малость отойду... — Я принялся делать дыхательную гимнастику, которой учил последние два дня, Маршу. — И мы двинемся дальше, вверх по течению. Там есть еще один мост...

Договорить мне не дали: из пустоты стали выпадать паукообразные всех мастей и видов, напугав наших дам до "огненного салюта".

Плотный кокон огня окружил нас — Нэт пустила в ход свои способности. Аша прикоснулась к спине подруги ладонями, одновременно оттягивая боль и вливая свежие силы. Через мгновение, подключился Георг.

Поток арахнидов иссяк на второй минуте.

Кокон пламени распался и в носшибанул запах горелого хитина и плавленого асфальта, в котором таяли последние "гости".

— Сильно устала? — Заботливо протянул девушке фляжку, Георг.

— Терпимо.

— Раз терпимо, тогда, пошли отсюда. — Решил я, подхватывая свой рюкзак на левое плечо, а тубус — на правое и прислушиваясь к ощущениям.

Вполне терпимо. "Конструкт" свое отработал, заживив рану. За что ему отдельное, "человеческое спасибо"!

Перепрыгнув асфальтовую лужу, повел студентов к дальнему мосту, построенному при царе Горохе и оттого, точно уцелевшему. Ну не может быть иначе — закон жанра обязывает!

Пнув себя в пятую точку, мысленно, разумеется, трижды сплюнул через левое плечо, потому как по закону этого же самого жанра, жарится нам тут, до второго пришествия...

Асфальтированная и разбитая до состояния "сплошная яма", дорога, провела нас мимо частного сектора с заросшими бурьяном, огородами и вывела к железной дороге, через шпалы которой уже всюду соревновались в "кто больше вырос", цикорий с одной стороны и крапива — с другой.

Автомобильный мост смыло, а вот железнодорожный продолжал вздымать свои металлические конструкции над бурными водами, поржавевший, но не покоренный.

— Теперь по железке и на ту сторону. — Подмигнул я, любуясь круглыми глазами девушек. — Кто первый?

— Интересно, а "Там" нас ждут? — Аша с тоской посмотрела вверх, в сторону купола.

— А мы — уже там. — Обрадовал я компанию. — Через четыре минуты сорок три секунды, после входа. Или...

— Или нас там нет... — Вяло закончил за меня, Георг.

— Или — не все. — Жестко добавил я.

Перебираться по скользким и ржавым металлическим перекладинам — удовольствие для "экстримала". Или — идиота, что, зачастую, одно и то же.

А тут, таковых, аж четверо.

Внизу, под мостом, несла свои свинцовые воды река.

Георг, перебравшись на другой берег первым, с удовольствием спрыгнул на твердую землю.

— Чисто! — Он помахал рукой и исчез, растворившись в пелене внезапно налетевшего тумана.

— Стойте! Подождите! Этот туман, он — живой! — Аша от ужаса вжалась в ржавые конструкции, отводя ключья тумана от моста, бешено разворачивающимся "конструктом". — Подождите, пожалуйста!

Словно кто-то из нас торопился...

Нэт, выставив огненный заслон, стала звать Георга.

— Нэт! Замолчи! — Потребовал я, стараясь вслушаться в удаляющийся туман. — Все. Его нет. Не зови мертвых.

— Ты... Ты — Убийца! — Вырвалось у Нэт.

— Профессиональный. — Признался я, почти не покривив душой. — И, если уж совсем четко, мне все равно, выживете вы или нет. Даже более того, мне почти все равно, выживу ли я. Можно подумать, я требовал "балласт". То, что Вы видели — это цветочки. Смерть Сантаны и Георга — быстрая и безболезненная. А там, куда мы идем — смерть страшная. Даже для меня.

Моя ярость вылилась в черный клинок, распоровший туман.

— Особенно для меня. При любом раскладе... — Едва слышно добавил я себе под нос, ни к кому не обращаясь.

Сойдя с моста в гробовой тишине, мы потопали к такой недалекой, но желанной цели.

По поводу недалекой, я, конечно, поторопился — за десятку лет, совершенно из головы долой, что между мостом и целью еще километрик. С гаком.

— Ну и вонь. — Нэт старательно прикрыла нос сперва рукой, потом залезла в рюкзак и достала тонкий шарфик. Разодрав его на пополам, честно поделилась с подругой, игнорируя меня. — Это что, всегда так?

На моей памяти такой запах уже был. В одной из комнат лаборатории, где догнивали останки тех сотрудников "интерпола", что не прошли "карантин".

Учитывая безветрие и все усиливающийся запах, уже скоро мы будем проходить мимо эпицентра.

— Запах — оттуда! — Аша ткнула пальцем куда-то влево, где вдоль дороги тянулся металлический забор, оканчивающийся широкими воротами и одноэтажным домиком с прикрепленной синей табличкой. — Это что — скотобойня?

— Нет. "Зона". — Я с трудом вспомнил это заведение, настолько оно было неприметным и спокойным, предназначенным, по большей мере для тех, кто свое

преступление совершил по неосторожности и теперь переживал от этого больше, чем мог.

— Как в "Сталкере"? — Не поняла меня Нэт.

— Нет. Тюрьма. Для "легких случаев и тех, кто раскаялся"... — Улыбнулся я.

— Их что — оставили здесь умирать?! — Размер глаз Аши мог поспорить со свалившимися вместе со столбами фарфоровыми изоляторами, что в изобилии валялись вокруг нас.

А мне стало дурно от того, что такая простая мысль, может оказаться правдой.

— Ждите меня здесь. — Сбросив с плеча тубус, достал из кармана носовой платок и, стараясь дышать носом, двинулся на все усиливающийся запах.

Ворота стояли незыблемо, а вот калитка оказалась даже и не заперта. Миновав пост охраны, пошел по территории.

Десяток бараков. Пяток двухэтажных административных, домиков.

И режущая вонь, выворачивающая наизнанку, вышибающая слезы из глаз.

Плац в центре пуст и аккуратно выметен.

Заглянув в окно одного из бараков, пожалел о том, что это сделал: разлагающаяся протоплазма человеческих тел шевелилась от количества червей, ее пожирающих.

Пройдя корпуса, только и успел порадоваться, что коротко подстригся, "на всякий случай" — пустых зданий не было. Везде одно и то же: черви и протоплазма...

За территорией тюрьмы отчаянно выворачивала на дорогу собственный желудок, Нэт, не послушавшая меня и сунувшая нос, куда ее не просили.

— Там же тысячи... — Она сползла по стенке и посмотрела на меня так, словно это я расстрелял этих людей.

— В трех заведениях города — 34 тысячи 236 человек. — Из административного здания, отделенного от тюрьмы забором, вышла Аша и протянула мне бумажку. — Они их всех...

Я молчком изучал сделанный под копирку, рапорт.

Все верно: "Принято на баланс, списано с баланса. Истрачено отравляющего вещества".

Сухие строчки, которые мне лично, читать не внове.

— Там еще и это, было. — Аша достала документ и со вздохом протянула мне.

Из тридцати тысяч, двадцать шесть — граждане других стран...

Вот и понятно, почему никто здесь и не был, с момента закрытия города.

Восток и Демократия договорились, избавившись от людей.

А что, можно подумать, кто-то будет искать здесь бедных з\к?

А так, разом, избавились от множества проблем.

"Нет тела — нет дела..."

— Надо все задокументировать... — Нэт бледная и решительная, встала со своего места. — Нам иначе не поверят...

— Сиди. — Вздохнул я. — Уже задокументировал...

Я постучал по левому углу воротника, с вшитой камерой — подарок от нашей технической службы.

Одно из маленьких дел, о которых пришлось подумать, прежде чем совать голову в пасть неизвестно кому.

— Там, — Аша кивнула головой в сторону домика, из которого она вышла. — Труп. В форме и без головы. Застрелился...

— Хоть у кого-то, совесть оказалась... — Нэт шмыгнула носом. — Может, похороним?

Не сговариваясь, мы с Ашей pokrутили пальцами у виска.

— Отдышалась? Осмелела? — Яд в моем голосе был просто медом, истекающим из сот.

Нэт сжалась, но хорохориться не перестала.

— Тогда, пошли.

Через триста метров, нашим глазам предстал серый бетонный забор, увитый по верху кольцами колючей проволоки.

— Вот и цель. — Мягкий пасс рукой и "конструкт", подсмотренный у Аши, оставляет в заборе глобальную дыру, рассыпав в прах целый пролет. — Милости прошу, в наш прекрасный завод... Градообразующий и градоубивающий — одновременно... Просьба, прежде чем лезть, хорошенько принюхаться...

Нырнув в пролом, мы замерли, изучая Завод.

Граница света и тьмы, добра и зла.

Зыбкая и не логичная.

Мир перестал быть "я" и превратился в третье лицо, что наблюдало за нами со стороны, заноса наши действия на скрижали, выбивая чеканку по меди и царапая острой палочкой по глиняной дощечке.

С этого момента и до...

Не стало меня, Аши или Нэт.

Остались мы, как единое целое.

И каждый из нас остался собой, помня лишь себя, контролируя свое тело, свое я...

Мы замерли, изучая завод...

"...Они замерли, изучая завод.

... Каждый из них по-своему сканировал периметр: Аша — искала следы живых; Нэт — мертвых. А Сайд ловил Изменения.

— Здесь все мертвое. — Сквозь зубы пробормотала Аша.

— Не мертвое — умертвленное... — Поправила Нэт.

— Умерщвленное. — Поправил автоматически Сайд. — Нам надо вон в то здание.

Его палец уперся в едва видимое строение с синими воротами и без единого окна.

— До здания 750 метров. Внутри три двери: желтая — энергоцех; черная — бытовка; белая — управление. Сейчас разделимся, встречаемся через восемь минут у черной двери. Время пошло.

Троица рассыпалась в полуруинах заводских построек, с торчащими из бетона фундаментами снятых станков.

Отсутствие крыш, проломы в стенах — следы человеческих рук, вывозящих дорогое оборудование любыми путями.

Каждый пошел своим путем...

... Нэт собиралась рвануть напрямую, но, в последний момент свернула направо, змеей протиснулась в щель между двумя стоящими торчком плитами, поднялась на десяток ступеней вверх, на одном дыхании пролетела длинный коридор, выпрыгнула в выбитое окно, кувыркнулась в лужу с водой.

Отметив краем глаза взметнувшийся над крышей дуговой разряд, взмолилась, чтобы это не кто-то из своих, охнула, когда здание напротив рухнуло, обдав ее облаком известковой пыли.

— Чтобы я, еще раз! — Зареклась Нэт, проползая по извилистой промоине, мимс стоящего экскаватора, угрожающе накренившегося в ее сторону. Прилетевшая откуда-то

балка, смачно чавкнула, погружаясь в остатки того, что еще недавно называлось асфальтом.

Еще один бросок по бывшему газону. На мгновение Нэт окутала серебряная пелена, сбивая ее с шага и уводя от удара.

Вот и постройка, на которую ткнул пальцем Сайд.

Миг и она внутри. Черная дверь — слева...

... Аша, проводив взглядом Нэт и Сайда, сосредоточилась и всплыла в тот, исконно свой мир, где ей никто не угрожал. Проведя прямую линию на дом, указанный Сайдом, она медленно поплыла в нужную сторону.

Вторым, "тонким" зрением она ощущала бешеную злобу там, снаружи. Чувствовала своим обострившимся "Я", как прогибается под ударами извне, стена, отделяющая ее мир от всего остального.

На самой границе сознания мелькали образы Нэт и Сайда. С Нэт было все в порядке. По крайней мере, пока. И, дадут небеса, надолго. Странная, непонятная сила оберегала ее, прикрывая, сбивая, где надо, с пути; где надо, подталкивая под руку... Очень странная, сила.

Сайд моргал, то появляясь, то исчезая.

Его охраняли опыт, чувства и ненависть. Яркая, черная и сжигающая его изнутри, ярость. Но ярость рассудочная, взвешенная, холодная и оттого — страшная. Страшнее чем то зрелище, что они увидели не так давно.

Иногда, он скользил сквозь ЕЕ мир, и она видела его так отчетливо, что хотелось подбежать и коснуться. Иногда, он был под или над ее миром, используя нечто такое, о чем она не имела ни малейшего понятия.

Хотя преподаватели в Академии считали...

Дважды, Аша стала свидетелем короткой расправы Сайда, над нападающими охранниками периметра.

Их просто не стало.

Поежившись, она представила себе двух людей, с пережженными синапсами, заглаженными извилинами, стертыми воспоминаниями.

И ту ее мир лопнул, как мыльный пузырь.

Рухнув в весеннюю грязь, Аша разозлилась.

До нужного дома всего десяток метров — пара секунд легкой пробежки... Черная дверь — справа..."

— Ты опоздала, на сорок секунд... — Я курил, прислонившись спиной к стене. — В другой раз, пожалуйста, будь точнее...

Втопав окурок, я открыл рюкзак, достал из него обычную бумажную коробку с символом радиационной угрозы, поверх которой нарисован обычный красный крест.

— Берите. — Потребовал я, представляя, как выгляжу со стороны: приказной тон, блестящие, как у наркомана глаза, выверенные, как у робота движения.

Мой откат.

Владение шестым уровнем, также накладывает свои отпечатки.

— За время пробежки, милые леди, вы хапнули не маленькую дозу. Пока вы этого не чувствуете, но... Стоит ли желать себе худшего? — Коробка раскрылась, и на свет появились сигареты, россыпью. Странные, красные, сигареты с белым черепом и костями. — Одна сигарета, дает возможность продержаться без последствий, в течении 15-ти минут, в зоне ядерного реактора. Здесь — час, может быть — два. Курите, девочки, курите. И в карманы, набирайте... Про запас, на всякий случай.

Затягиваясь и кашляя, девушки мужественно скурили по сигарете, что создали в давнишние времена, почти для таких случаев, американцы.

"Сигаретки" не пошли в дело по одной, очень простой причине — дым вызывал сработку сигнализации и демаскировал солдат...

— Теперь, обе, отправляетесь в зал управления и ждете меня там. Ни к чему не прикасаться. Ваше основное задание — не дайте "убить" пульт. Марш, в белую дверь!

"И не дайте никому убить самих себя!" — Взмолился я, провожая их спины, скрывающиеся за дверью. — "Меня прибьют, если я выживу. И проклянут — если сдохну..."

Закусив губу я вышел из бытовки, выбил дверь энергоцеха и нырнул во тьму.

... Рывок во тьму, навстречу всему тому, что несет мне Судьба.

... И только так!

... Красиво жить.

... И тяжело умереть.

... Вперед.

... "Верша справедливость".

Первой удачей стало то, что кто-то ленивый не запер на замок стальную дверь энергощита, за которой прятались жгуты, толщиной в мою руку, энерговыводов.

Шарик огня спалил оплетку, вызвав фонтан искр. За спиной вспыхнуло аварийное освещение, завывла дурниной сирена.

Вал огня окутал меня, обжигая и ластясь, как избалованный или соскучившийся по ласке котенок.

"Остался только Холод!"

Пламя поникло, отдельные его язычки еще пытались пробиться сквозь защиту, но не в этот раз.

"Не от огня мне смерть на роду записана, ты прости меня, пламя!" — Я полу-шел, полу-скользил, стремительно уничтожая ловушки, поставленные еще 15 лет назад и казавшиеся тогда "венцом творения" и "адским уровнем сложности".

Сейчас, с нашими возможностями, даже и не смешно.

Так, досадная задержка, учитывая то, что мне надо дальше, вглубь.

На самое дно.

Разбитый погрузчик; обвалившийся под собственной тяжестью, кран; провал в полу. Век железок без человека недолог.

Аварийный лифт, подключенный к отдельной линии и кажущийся вполне рабочим, после нажатия кнопки просто рухнул вниз и заклинил где-то в шахте.

Выломав створку, я глянул, присвистнул и едва удержался от желания плюнуть, с досады. Метров десять до крыши лифта.

Из рюкзака пришлось доставать тонкую колбаску взрывчатки, взрыватель и сбрасывать это все вниз, надеясь на "Авось", ибо хорошая мина, при плохой игре — залог верного выигрыша...

Через 30 секунд внизу сперва ухнуло, потом ахнуло и вверх полетели обломки лифта и ударная волна, пьяным слоном в посудной лавке прокатилась по цеху, сметая незакрепленные предметы, ржавые части всевозможных деталей и превращая их в жестокую шрапнель.

— Упс... Перебор! — Я отряхнулся, как собака, размотал тонкий шнур, накинул петлю на основание допотопного станка и сделал шаг вниз. Руки, отвыкшие от подобных

заморочек, обожгло. Замелькали, стремительно уходя вверх, кирпичики кладки.

"... Еще чуть-чуть и полста метров. Половина пути вниз, к чертям в преисподнюю". — Мои мысли метались, как тараканы на включенной газовой плите.

На самой грани сознания мелькнула идиотская мысль: "сдаться"! Ведь это так легко: всего лишь закрыть глаза и разжать пальцы...

И тут сверху посыпались кирпичи, пыль и металлические предметы — ржавые и блестящие, вперемешку.

"Надо, надо ускоряться, по утрам и вечерам, ну а тот, кто не ускорится, отмечаться будет Там!" — Я расслабился, получил по голове гайкой на 34 и решил, что с меня хватит.

Тем более что крыша от лифта казалась совсем не далеко, а прыгать я умел с ранних лет. Отпустив веревку, рухнул на останки лифта, пробил, и в очередной раз возблагодарил свою судьбу, за ее не равнодушное ко мне отношение — дверцы уже были открыты, демонстрируя мне длинный коридор, в котором разгорались люминесцентные лампы, из расчета одна на тридцать шагов.

Прикрывая свои многострадальную голову руками — бейсболка не шлем, а пуговка на макушке, и подавно не помпон — ринулся по коридору, навстречу приключениям, глаза бы мои их не видели, а мозги даже и не подозревали об их существовании!

За спиной клубилась пыль, а через несколько секунд двери многострадального лифта "выперло" наружу качественным фурункулом из смеси битого кирпича, перекрытий и куском металла, гарантированно ставя крест на этом месте, как месте эвакуации.

Где-то наверху проскрежетали балки, пыль все прибывала.

Коридор, такое чистенький, пока в нем не появился я, отчаянно сопротивлялся, но бороться с человеческим безумием, можно только человеческими средствами.

— Смелый мышонок!

— Ага. Мне тоже нравится! — Признался я, чувствуя, что неестественно высокий фон начал свое подлое дело: меня знобило, а в голове начали проявляться совсем не интересные мне личности.

Стены коридора норовили превратиться в тугой узел, проваливаясь стенами в бесконечную бездну.

Поток ошеломительно ледяной воды окатил меня с головы до ног. Пропал и снова появился, сбивая тугими струями с ног.

Сознание прояснилось.

Ослепительно белая комната, выложенная скользким кафелем; из форсунок на потолке и стенах хлещет белесая ледяная вода.

"Комната первичной очистки — дезактивации".

Стянув мокрую куртку, протер глаза от ядерной жидкости и принялся искать дверь.

"Первичная обработка проведена. Покиньте помещение". — Обрадовал меня женский голос из зарешёченного отверстия динамика.

Потоки воды исчезли, втягиваясь в отверстия на полу, двери жутко заскрежетали и, разойдясь на полметра, застряли.

— И на том — спасибо! — Поблагодарил я автоматическую систему и вывалился в комнату, вдоль стен которой висели антирадиационные костюмы.

"Регистрируется повышение радиационного фона до 52 микрорентген. Рекомендуется вторичная обработка". — Динамик заперхал и, плюнув белым дымом, сдох, оставляя меня в полной тишине.

Стянув с себя мокрую одежду, закинул ее в стоящий у стены приемник "стиральной машинки", радостно пискнувшей и принявшей размеренно отсчитывать минуты до завершения цикла стирки.

Глядя на костюм, покачал головой — старинная старина, но дозиметр продолжает работать, система дыхания, смешанная или как сейчас модно говорить "комбинированно-гибридная", функционирует, показывая 100 % заполнение баллона с дыхательной смесью. Впрочем, как всегда все сдохнет именно в тот момент, когда будет нужнее всего.

Покачав головой, не доверяя глазам своим, натянул костюм, нахлобучил на голову огромный шлем с квадратным иллюминатором перед глазами и сделал шаг в сторону двери, украшенной знаком радиационной опасности и массивным штурвалом механической фиксации замка двери.

Открыв замок, толкнул освинцованную дверь шлюза, и мир вокруг заиграл красными сполохами тревоги.

Обычно, в такие моменты из динамиков начинает литься музыка о "несанкционированном" проникновении, но динамик умер слишком рано, даруя мне редкие минуты тишины.

"А крепко строили предки..." — Хмыкнул я, разглядывая стены шлюза. — "Жаль, что идиоты детки..."

Каламбур, конечно, так себе, но меня развеселил и отвлек от того момента, когда вторая дверь стала открываться.

Высокочастотный визг-писк ударил по мозгам, прокатился под сводами помещения, отразился от стен, ввинтился в кости черепа, с легкостью "пробив" шлем, разбивая клетки моего бедного мозга на мелкие частицы, превращая его в жидкий, серый студень.

Миг, удар сердца и все пропало.

Только за открывшейся дверью, прислонившись к стене напротив входа, сидел человек.

"Не человек". — Поправил я себя, делая поправку и страшась тому, что дела у меня очень не радостны. — "Некто без костюма антира..."

"Некто без костюма" шевельнулся.

Скрипнула, заскользившая по полу резиновая половица.

Фигура легко перетекла из положения "сидя" в положение "стоя" и в красном мигающем свете в ее руках появились полуметровые стальные клинки.

"Млин. И вправду, хорошо строили предки!" — Я начал стремительно себя жалеть, опознавая фигуру.

Слабое ее подобие мы все видели в первом Терминаторе, где робототехники от души поиграли со своими игрушками, демонстрируя нам киборга-уничтожителя во всей его красе.

Мне встречались "ребятки" этой серии.

Спасибо, можно я пойду домой? Прямо сейчас? Ладно?

Потемневшая от времени, пыли и активности фигура развернулась в боевую форму и металлическим голосом потребовала ввода пароля.

Уже понимая, что попал, пожалел только о том, что оставил оружие в комнате очистки, надеясь на свои способности и извечное "авось".

Ну и жадность, конечно, не маловажный фактор — после посещения этого места, с ними пришлось бы расстаться, однозначно.

Выждав ровно минуту, киборг вновь потребовал пароль и, не дождавшись от меня ответа, занес для удара обе руки, со сжатым в них оружием.

"Выдохнув" "конструкт" по борьбе со снегом, снес киборга в сторону и завалился на бок: мир вокруг меня замедлился, киборг — замер с нелепо поднятыми руками.

"Ну, это то я откуда прихватил?!" — Не понял я, отстраненно наблюдая за собой со стороны, за миром, который сжался до размеров спичечного коробка, окруженного красной пеленой. — "Еще один проклятый божий дар! Как же меня все это... И куда я его дену? Кому всуну?!"

"Секунду назад все было просто и понятно: цель рядом.

Сейчас, в который раз, меня окружает полный мрак, как привет из темных времен, когда он был единственным моим приятелем, защитником, собеседником и собутыльником.

И только в дольном закутке сознания, содрогаясь от ледяного озноба, затаилось единственное чувство, иррациональное, глупое, но — последнее — Вера.

И жуткий холод во всем теле.

Надежды больше нет!

А любовь?

Любовь осталась с тем единственным человеком, которого я любил, желал и верил.

Пусть ей будет тепло.

А мне сейчас остался только Холод.

Огненная искра скользит по венам, отнимая то последнее, что остается от меня, как от мира. Страшного моего, внутреннего мира. Моих тайн и...

Не отдам.

Просто, если я отдам "это", то, что останется мне? Что останется от меня? Что останется со мной?

Ненависть? Это слишком скучно, я так уже жил.

Зависть? Но у меня нет этого чувства.

Ревность? Никогда и никого не держал.

Или...? Боль?

Чем жить, когда все твое окружение враз становится... Пустотой!

Пустая жизнь. Даже подумать страшно, сколько людей и "живых", и "мертвых", живет пусто, серо и... Громко, стараясь заглушить пустоту в своей голове.

Жить так? Стать одним из них? Клочком серой, алертной массы — не спешащей, не ждущей, не верящей.

Проще — не жить!

Хотя, если привыкнуть, то жить, то, как раз можно. Особенно если не задумываться, как ты живешь.

Нет уж. Не отдам!

Ни грана, ни секунды, ни миллиметра своей проклятой и благословенной жизни!

Она ровно такая, какой мне ее дано прожить и только мне судить, принимать, изменять и нести в себе.

Все остальное — шаг вниз по лестнице судьбы.

А мне надо вверх!

И гори оно, синим пламенем.

Буду жить дальше. Назло всем и вся, жить, не ожидая прощения и без оглядки.

Чтобы ангелы, если они есть, эти твари в перьях; чтобы демоны, эти твари в шерсти, знали — я пройду и небеса и глубины.

А там, за еще одним поворотом, снова будет свет. Или тьма.

Но это уже решать мне!

И, долой Холод!"

— ... Ох, ну и на фига такое счастье! — Мой мир принял знакомые очертания.

Металлический пол морозил босые ноги. Ныли разбитые руки. Стекло шлема, принявшее первый удар металлического кулака, впилося в кожу лица причудливым узором.

То, что с большой натяжкой можно было назвать остатками киборга, перекрученные, покрытые слоем окалины и — клянусь! — следами зубов, вварены в метало-бетонную стену саркофага. На грудной пластине светится красно-зеленый отпечаток ладони.

— Нормалфно я так, пофоефал... — Я замер, выплевывая четыре зуба, выбитых по правой стороне челюсти.

Сдирая с себя клочки костюма, тихонько поскуливал: в некоторых местах, костюм отдирался от тела вместе с кожей.

Пока крутился, умудрился наступить клинок, выломанный из руки киборга.

Поскользнулся, рухнул голым задом на холодный пол и громко, отчетливо помянул всех богов, Шефа и небесную канцелярию.

Надеюсь, им икнулось.

Острая боль пронзила висок: там, далеко вверху, Нэт и Аша держали на последнем дыхании пульт управления, на котором светился всего один зеленый огонек.

"Мы лепили... Мандарин". — Я улегся на пол, сделал один глубокий, до боли в груди, вдох. — "Много нас, а он — один!"

"Эта долька для ежат!" — Мое сознание освободилось от слабого человеческого тела и помчалось, проламывая перекрытия, вверх, к ним.

"Эта долька для бобрят!" — Коснувшись сознания девушек, щедро поделился с ними своими запасами кислорода, чистого и сладкого.

"Эта долька для ушат!" — В голове вертелось, что я думаю как то не так, но, вместо гнилых разборок, полной мерой влил девушкам спокойствия и силы, снимая усталость.

"Ну а волк и сам ужат!" — Легкий удар по нападающим, не ожидавшим такого подкрепления, и на пульте горят все три зеленых огонька — полный контроль.

И вновь в голове некая неправильность.

Сознание вернулось и заметалось по огромной пустой комнате. По преддверию ада.

Здесь, за одной из стен тихо мурчал реактор.

"А стены тут, три метра бетона, стали и свинца!" — Моя тушка на полу отчаянно быстро остывала и поторапливала ленное сознание, угрожая, что через пару минут оно может и не возвращаться! — "Ну, где же ты, где, во имя всех Звезд?!"

Дверь нашлась.

Намертво заваренная.

Изумительная предосторожность — лучше бы такие меры безопасности, применяли на дорогах, заваривая тупых автолюбителей в их же консервных банках!

Я сел на пол, прямо на сохранившиеся чудом целые куски костюма.

Реактор закрыт намертво.

Проходы блокированы — постаралась команда очень хороших специалистов, не понаслышке знакомая с правилами проникновения на подобные объекты.

"Блин, не Шеф ли здесь поработал?" — Промелькнула в голове шальная мысль и замерла, забившей испуганной птицей в сети. — "Шеф, заразец, поганец крупномасштабный, а ведь Ты всегда в кармане держишь тройку козырей! И это — не считая туза в рукаве и джокера

под браслетом часов! И, чтобы Ты, да не оставил лазейку... Не верю!"

Уж и не знаю, с чего у меня прорезалась мысль о шефе...

Стоп. Знаю.

"Кто войдет без стука — вылетит без звука!" — Простой лист пожелтевшей бумаги, из тетрадки в клеточку, с нарисованным зеленым человечком, получающим пинка...

"Ага. "Осторожно! Амина!" — Кивнул я самому себе и встал на карачки, шаря руками по полу, не доверяя своим глазам.

В одном месте меня слегка тряхнуло слабым разрядом, в другом — потянуло легким сквозняком.

"Кабель-каналы!" — Все беды и тяготы показались от такой находки, далекими и вполне оправданными. Все окупилось сторицей.

Отыграв "конструкт" самолечения, поднял с пола клинок, отломал по одному, пальцы киборга, все так же сжимающие рукоять и примерился.

А ничего так, ножичек...

Поднял клинок и, разгоняя его "конструктом", вырывая из себя остатки сил, вбил в узенькую щель.

Сперва запахло горелой изоляцией.

Потом — озоном.

Смерч силовых линий расчертил пол на неравные прямоугольники, скользнул по стенам.

"Что, "УПС?", наверное..."

Комната вокруг меня вспыхнула радугой цвета электрик, свернулась в холодный кокон, наполненный ярким звуком и, с треском лопнула, выкидывая в странное место.

Сиренево-сизая дымка покрывала почву плотным слоем, небо — бордовое, красное, красно-коричневое — наполнилось синими и зелеными облаками; горизонт упирается в отвесную стену, сложенную из осколков скульптур, с торчащими во все стороны частями тел.

И не только человеческих: хобот слона я разглядел совершенно точно.

А вот в довершении праздника, очень знакомая фигура.

Вот и свиделись.

И дождь, с запахом весны в городе.

— Тебе не пройти здесь. Даже я, предпочел бы уйти, будь я на твоём месте...

— Ой, как Вы задрали... "На твоём месте, на твоём месте" — Передразнил я. — Ты — не на моём месте, так что... Валил бы, уж... На своё, место!

Изо дня в день, из года в год, слышал я эту фразу.

От друзей, от родни, от знакомых и даже — любовниц!

Надоело хуже горькой редьки, право слово!

Поймите Вы, уже давно не уважаемые — я менял деньги на свободу. Менял и обратно. Был никому не нужен, и любим — многими.

Но никогда и никому я не сказал: "будь я на твоём месте"!

Безобраз замер, переваривая мои слова и расхохотался, переварив.

— Смело. И... Глупо! Я — сильнее! И наши встречи...

— О, да! Наши встречи всегда были наполнены глубоким смыслом, только вечно нас прерывали и всячески мешали. — На меня, как и на Безобраза напал словесный понос. — И, все наши с Вами встречи, обычно либо заканчивались ничем, либо — не в вашу пользу.

— Вот именно, что прерывали! — Фигура облеклась в знакомый мне до боли, серебристый доспех. — Теперь, я дам тебе шанс...

Существо сняло шлем.

Это лицо, как последствие тяжелого сна алкоголика, как жуткий кошмар обсмотревшегося на ночь "ужастика", подростка, как суровые галлюцинации обожравшегося на ночь, толстяка.

Лицо Безобразя, каждое мгновение то хмурилось, то прояснялось, то морщилось, покрываясь безобразными шрамами и морщинами. Злилось, веселилось — и все это венчалось золотым нимбом.

Старина Янус, с его двумя ликами, обзавидуется многогранности и тонкой игре!

"Впечатлившись", развел руками, признавая недоумение: "Ну и что?! За годы работы, посмотрелся такого... И на фото, и в реальности..."

— Мышонок. Мне жаль тебя. Ты своеобразный противник... Неглупый, упрямый, волевой, образованный и — абсолютно не логичный.

— Хватит называть меня "Мышонком", Безобраз! — Потребовал я, слегка забывшись, кто именно замер передо мной, с тяжелым мечом, воткнутым в землю неведомого мне измерения. — Правда, достал...

— Оскорбление — оружие слабейшего! — Попенял мне мой противник.

— Это не оскорбление. — Усмехнулся я. — Это попытка поименовать явление, стоящее напротив меня. Дать имя, проще говоря. Имя, соответствующее твоему облику — образу. Которого — в принципе — нет. Хотя с нимбом, хоть с рогами.

— Язык у тебя подвешен на гибком сочленении, — Безобраз коротко хохотнул, — я возьму его на память!

— Язык? Или сочленение? — "Не понял" я, стараясь разозлить своего противника.

— Чувство юмора выражено крайне слабо. — Выплюнула мне в лицо свои обвинения новая маска, очень знакомая. — Нет, мне никогда не понять, почему, таких как ты, считают весельчаками и душами компаний...

— Не поверишь — я тоже! — Подмигнул я в ответ. — Может быть... Слишком много говорим?!

На самом деле, я признавал правоту Безобразя, никуда не деться.

Безобраз вытянул клинок эспадоны из земли и сделал шаг в мою сторону.

Уверенный в себе, спокойный, играющий на своей территории.

На территории своей силы, своей воли и своего права.

Сколько я не злил его, отчаянно пытаюсь тянуть время, сбить с настроя — все тщетно.

Дымка расступалась перед ним, дождь испарялся на раскаленной броне, светящейся в странном свете незнакомого светила.

"Вот только не так я представлял конец своего жизненного пути!" — Признался я самому себе, гоняя в голове целые рои растревоженных пчел-мыслей. Пустых, трусливых, напуганных зрелищем приближающегося Безобразя, закованного в кипящую серебром броню.

Словно и не было у меня многих лет тренировок, призванных подготовить к разного рода неприятностям. Лишь обман и самолюбование, надо признать.

И вот теперь я понял, каково было нашим предкам вставать навстречу прущему на них танку.

"Да ну и... Помощи я не просил, а надежду — оставьте себе! Сдачи не надо!"

Вызывая в себе состояние боевого амока, бешеной ярости смертельно раненного воина, сделал шаг навстречу, еще и еще один, налетая грудью на удивленно остановившегося от такой наглости, Безобразя, забывшего о мече в латной рукавице.

Наши тела встретились, вспыхнул доспех, отражая мою глупую атаку и я, словно камень вылетевший из под копыта несущегося во весь опор коня, полетел над сиренево-сизой дымкой, оставив на латах прикипевшую к ним кожу и куски своего собственного, очень дорогого мне, мяса.

Низ-з-з-з-э-э-энько, так, полетел...

Но, довольно далеко.

Под предательски нежной дымкой оказались камни и, что-то еще.

Конечность, с зажатым в ней клинком!

Пока Безобраз не торопясь подходил, успел разжать металлические пальцы, освобождая оружие.

"Спасибо, дружище!" — Мысленно поблагодарил я киборга, так удачно поделившегося со мной оружием, понимая, что не все так и плохо!

И тут стало еще хуже:

Подкравшийся Безобраз пребольно двинул по почкам, оттянул за волосы голову и, склонившись, тривиально укусил за ухо, лишая меня мочки.

Даже боль не остановила истеричный смешок, вырвавшийся из моего горла.

Стальные, раскаленные пальцы разжались, оставив на голове очередной ожог.

Извернувшись так, словно всю жизнь был змеей и сражался с ранеными на всю голову мангустами, попытался отползти в сторону, разрывая дистанцию.

Дымка окутала меня, лишь на мгновение скрыв от глаз Безобразя.

— Это мой мир и тебе в нем не спрятаться. — Флегматично оповестил меня мой противник, размеренно тыкая перед собой оружием. — Но, если хочешь поиграть...

Запнувшись, Безобраз удивленно смотрел на свою отваливающуюся руку, отсеченную моим ударом.

— Очень хочу! — Выдавил я из себя, мысленно прося прощения у своих студенток. — Ангارد!

— ... Он не вернется. Вот увидишь, он нас бросил. — Аша зябко поводила плечами. — Он бросил нас так же легко и просто, как и...

— Заткнись. — Нэт упрямо закусила губу. — Слышишь — заткнись! Пожалуйста, замолчи!

— Нас было четверо! Осталось — двое. Где Георг? Где Санти? Их нет. Он убил их!

Громада пульта управления, растянувшаяся на всю длину огромного зала, множество стрелок, разноцветных огоньков, ручек, тумблеров и прочих специфических предметов, о существовании которых, Нэт, еще не давно, совершенно не имела ни малейшего понятия.

За спиной — полукруглый стол, десяток стульев вокруг него и стена, украшенная фотопанно — низвергающаяся в радуге Ниагара, с высоты птичьего полета.

— Перестань. Всё может быть еще хуже. Аша, поверь мне, он не кинет. Не тот человек.

— Ты просто слепа! — Аша уже почти вскочила со стула, норовя затеять драку, но тут-то все и началось: панно странно колыхнулось, на пол полетели брызги, шум водопада ворвался в помещение.

— Держи! — Скомандовала Нэт, сплетая руки охранным жестом.

Аша хмыкнула, и панно исчезло в огненной вспышке.

— Хорошая реакция — залог долгой жизни! — Голос Сайда тихим шепотком прошелестел на границе их сознаний. — Только не расслабляйтесь — дальше будет веселее!

В ответ на его слова хлынула вторая волна. В один удар сердца комната оказалась заполнена топкой болотной жижей. Курилась холодной дымкой поверхность, разрываясь пузырями вонючего газа.

— Ха. Так! — Нэт царственным жестом смела морок. Качнулась. Аша придержала подругу за талию.

— Прорвемся?

— Можно подумать, у нас есть варианты. — Нэт подмигнула. — Препод сказал: "Не дать убить пульт", значит, окопаемся и примем бой! А, кончатся патроны — закусает!

— Или зацарапаем! — Аша потупила очи долу. — Интересно, а как там, у Него?

— Боюсь — хреново, у него. — Нэт вытерла текущую из носа кровь, размазав ее по лицу, и мгновенно превратилась в страшного вампира, только что плотно позавтракавшего. Или пообедавшего. — Совсем... Слушай... Давай сядем за пульт? Не спокойно мне, что-то...

— ... Слева! Бей! Аша! — Нэт выпустила длинную серию слепящих плавленным золотом искр. Следом, в нападавших полетело операторское кресло, снося противника, вжимая его в дальнюю стену, где еще недавно мирно пылилось красивое панно.

Тварь обиженно взвизгнула: ее скорпионий хвост валялся на полу, судорожно подергиваясь и исторгая из себя яд на прокопченный пол. Кислота от предыдущей атаки уже украшала полы длинными бороздами, а еще до этого, неведомый полководец отправил на убой свою человеческую армию.

— Добей же ее!

Аша ударила.

Фиолетовый шар стремительно собрался вокруг ее рук, устремился к скорпиону и раскатал его в тонкий блин, по полу и стенам.

Скорпион, как и предыдущие противники, от "оскорбления действием" превратился в прошедшее время, наконец-то сдохнув.

— Восьмая. — Уныло посчитала бои Нэт.

— Девятая. — Поправила ее спутница. — Восьмую Сайд смел.

Девушки хмуро покосились друг на друга.

— Будем курить? — Нэт вытянула из нагрудного кармана "черепастые и костястые", сигареты. — Время уже...

— Что-то наш препод совсем не торопится...

В ответ Нэт пожала плечами.

Она никак не могла понять, что такого там, внизу, что Сайд полез туда, один, без прикрытия. А главное — зачем? Основную цель своей экспедиции они выполнили с лихвой — раздобытой информации хватит на... Всем, в общем, хватит. Кое-кто, не отмоется во веки веков.

— Нэт, а какой он, твой парень?

Нэт улыбнулась своим мыслям.

— Добрый. Нежный. С ним очень спокойно и... — Нэт снова улыбнулась. — И очень легко. Он не из Нас, Аша. Другой.

Горький сигаретный дым, не имеющий ничего общего с никотиновым ядом, вырывался на волю из легких, переливался серебром инея на замороженных окнах и таял, оставляя после себя терпкий аромат горелой бумаги и медикаментов.

Две тонкие, девичьи фигуры, напряженно замерли в креслах у пульта управления реактором.

Красные огоньки сигарет и зеленые — контроля.

Машинно-человеческий симбиоз.

Идиллия.

— Знаешь, у нас в деревне была, то есть — есть, до сих пор — примета. Если женщина любит и любима, по-настоящему, а не как в кино, то часть ее счастья защищает тех, кто рядом с ней. А еще, говорили, — Аша задавила окурок каблуком, размазывая его по закопчённому полу, — что все происходящее с человеком — суть его мировоззрения. Как он видит мир, так тот и дает ему этот самый мир.

— Лучше умереть с улыбкой и быть улыбающимся мертвым львом, чемдохнуть от страхов каждый день, словно оскаленный шакал. — Прорекламирровала Нэт старую арабскую пословицу.

— Всё переврала! — Поддела подругу Аша.

— Хорошо-то как! Спокойно! — Просто ответила Нэт и тут-же пожалела о своих словах: едкая вонь наполнила комнату. Аммиачный запах — резкий, валящий с ног и слабый запах жасмина, что в больших количествах способен вызвать не только головную боль...

Привычно подскочив на ноги, девушки замерли спина к спине, озираясь в поисках противника.

Но, кроме газа, других противников не наблюдалось.

Щелчок над головой заставил обеих вздрогнуть.

Тихий шелест и струи свежего воздуха, возвестили о том, что кондиционер вполне исправен и не сдастся, не смотря на все те сложности, что вот уже больше часа сыпятся на его бедные, железные мозги и пластиковые потроха.

— А ведь он, тоже — солдат. Как и мы с тобой! — Аша кивнула в сторону коробки кондиционера, к прутьям которого были привязаны разноцветные ленточки из алюминиевой фольги.

Поток блаженно прохладного воздуха сперва разбавил, а затем и очистил атмосферу в комнате.

— Десятый? — Аша вернулась на стул и со стоном вытянула ноги.

— Жидковато, для десятого. — Недоверчиво поцокала языком Нэт. — Или это — только начало.

— Нэт. Как ты думаешь, чем сейчас Сайд занимается?

— Не знаю. Но, подозреваю, что не на песочке валяется... — Улыбнувшись, Нэт подмигнула подруге. — Какого черта мы вообще, не свинтили отсюда? Смысла-то уже нет — информацию мы получили. Надо было когти рвать, а не на завод этот, лезть...

— А ты заметила, как Сайд ненавидит этот город? — Аша задумчиво принялась вертеть в руках сигарету. — Он ведь, в первый час сам на себя не был похож. Его колотило так, что...

— Ага. Пока то деревце не спалил — не утихомирился. — Согласилась с подругой

Нэт. — Думаешь, хочет устроить городу карачун?

— Не думаю, а уверена. — Аша сломала сигарету и принялась изучать просыпавшийся на стол наполнитель. — Только не из ненависти, а чтобы больше сюда никто не полез. Или, чтобы отсюда больше никто не лез... Сама же видишь — чего тут только нет! А теперь, представь, что все это полезло наружу. Или, прибывшие сюда — не "уникалы", как мы, а — обычные.

— Их возьмут под контроль... — Нэт понятиливо передернула плечами, представляя последствия. — Но, ведь можно же, как то иначе?

— Ну-ка, ну-ка? Ты уверена? — Аша насмешливо вскинула бровь. — Знаешь, я пока психовала, тоже думала, что можно иначе. А сейчас... Уже не уверена. Этот город — раковая опухоль. Она отравляет все и всех. Пока он есть, пока есть о нем память — опухоль будет разрастаться. Вырезав один город, мы гарантированно спасем все человечество.

— Давай без пафоса... — Нэт почесала мочку уха. — От одного города, судьбы человечества не зависят.

— Скажи это жителям Хиросимы и Нагасаки, Чернобыля...

Отворившаяся с тихим скрипом, стенная панель, ведущая в мешанину кабелей спрятанных в сумраке "межстенья", заставила девушек приготовить свои "конструкты" к бою.

— Кто там? Выходи, живо! Иначе — сварим, ко всем чертям! — Пригрозила теням, Нэт. Из сумрака, навстречу им, шагнула полуголая фигура, хорошо им знакомая — их препод. Его разбитые губы кривились в усмешке, правая рука висела плетью, но глаза горели лютым блеском победителя.

— Все. — Сайд осторожно сделал шаг. — Можно...

— Смена дежурства. — Возвестил динамик на стене. — Перерыв десять минут. Реактор настроен на режим слабого энергопотребления. Режим управления реактором — автоматический. Сбоев не зарегистрировано. Последняя команда введена 129099 часов назад. Ожидание команд — девять минут.

Уверенный мужской голос, раскатистый, с мощными командными нотками и железными обертонами. Такой голос не даст заснуть. Или галлюцинировать...

— Слишком рано! — Вскрикнул лже-Сайд, съезживаясь.

Через мгновение, две разъяренные фурии накинудись на невзрачного, сморщенного старичка-мастера иллюзий, грозя порвать его на шнурки, без применения "конструкта".

— Н-да... Не слишком-то ему повезло... — Прокомментировала Аша, выжигая бранные остатки незадачливого старичка, своим излюбленным "пламенем Феникса". — Вот и не верь, после этого в рассказы о том, что техника имеет свою собственную душу...

— Блин... Я ноготь сломала об этого... — Нэт добавила такое словцо, что Аша опешила. — Хотя, копиистом он был знатным...

— ... Аша! Реактор взбесился! Он выбрасывает в пустоту колоссальное количество энергии! — Нэт внимательно изучала показания приборов, еще недавно демонстрирующих покой и равновесие, а ныне — легшие на упоры стрелки, показывали запредельные данные. — Вот, снова!

Стрелки приборов прыгали, метались по своим шкалам от одного упора, до другого, пытаясь их сломать. Огоньки на пульте представляли собой дикую цветомузыку, что-то плавилось, воняло горелой изоляцией.

Очередная волна атаки захлебнулась, не успев начаться. Орда бродячих собак, кошек,

крыс, от некоторых оставались только скелеты, замерла у ног, подняла адский вой и исчезла.

В полной тишине, студенткам только и оставалось, что наблюдать за представлением на пульте.

— По-моему, Сайд добрался... — Аша тяжело вздохнула, впервые с момента их длинной череды атак. — Будем надеяться...

— Ну, не будь пессимисткой! — Поддержала подругу, Нэт. — Если он добрался, значит, все будет...

— Если — будет! — Аша с улыбкой подняла вверх указательный палец. — Если!

— ... Нэт! Аша! Вытягивайте меня, студни мои дражайшие! — Обе слышали тихий шёпот, словно идущий со всех сторон.

— Давайте, заразушки мои, ненаглядные...

— Как? — Аша удивленно поинтересовалась у воздуха, даже не сомневаясь, что голос принадлежит их преподавателю.

— Как рыбу — удочкой! — Простота ответа и его образность — потрясали.

— Лови крючок! — Нэт представила себе реку и забросила в прозрачную воду крючок с червяком, разматывая катушку спиннинга.

— Ну, нельзя же понимать все так буквально! — Полу истерический смешок. — Золотые, вы, детишки. Только ленивые!

— Кому не нравится — тот может и пешком идти! — Фыркнула Нэт.

Трижды натянулась и ослабла леска.

Нэт принялась старательно крутить ручку катушки, вытягивая "улов".

— А препод у нас тяжелый! — Мысленная катушка вращалась с трудом, норовя вырваться и провернуться в обратную сторону.

На полу перед ними, мерцала, наливаясь и проявляясь, знакомая человеческая фигура. Пол под ней светился ненормальным лиловым светом, искрился и больно кусался, если искра попадала на голую кожу.

— Всё. Он здесь...

Шок.

Обожжённая рука, разбитые губы, сломанное ребро и синяк, размером со всего меня.

— М-м-м-ать... — Почти теряя сознание, ловлю всем своим существом крупницы "вольной" энергии, что должны, в принципе, пронизывать любое измерение.

Три минуты поединка и я почти мертв. Клинок, так удачно подвернувшийся под руку, теперь оплавленный и покореженный, валяется где-то. Противник — бодро улыбается, довольный и жизнерадостный.

Три минуты поединка и он меня измочалил, поджарил, избил, демонстрируя превосходство боя на собственном поле.

Часть меня еще сопротивлялась, часть — искала узловые точки решения проблемы, но отсутствие хоть малейшего притока свежих сил, ставило на всех этих точках аккуратненькие такие, крестики.

— Скучно. — Безобраз оторвал мое брненное тело от земли, сжимая горячей перчаткой

за горло. — Скучно, говорю!

Ему тоже досталось, не скажу, что очень сильно, но держать свой доспех под "парами", он перестал, что не могло меня не радовать. Все-таки, "горячее", это не "кипящее"!

— Да пошел ты... — Выдавил я из себя, теряя сознание от недостатка воздуха.

Безобраз, встряхнул меня, брезгливо, как гадкую собачонку или нассавшего в тапок кота и отшвырнул от себя, добавив пинка, для скорости.

Старая знакомая, сиренево-сизая дымка приняла в свои объятия мою изломанную и побитую тушку, расступилась, гостеприимно открывая каменистую почву и, сомкнулась над головой.

Благословенная тень приняла в себя сознание, изувеченное и бесконечно уставшее.

Когда-то, в таких случаях, я молился.

Становилось только хуже.

Весь мой опыт доказал, что мы сами кормим богов, усаживая их себе на шею, по-рабски таская и прикармливая всяческую мерзость, вместо того, чтобы жить, дыша полной грудью.

Понял. И больше — не молился.

Боги есть.

Боги есть всякие.

Но уж лучше никаких, чем лживые, трусливые, холодно вззирающие на нас и наказывающие наших детей.

Лучше Бог воин, чем урод, сидящий на облачке, с золотым нимбом над лысой черепушкой.

Причем я уверен, что если сорвать с него нимб, мы точно увидим на его плечи знакомое нам всем родимое пятно!

И тот, и другой — предатели.

Часть меня замерла в ожидании последнего удара, а часть...

Часть замерла, почувствовав прикосновение тонкой ниточки, даже не энергии, ее отдаленной тени, "праэнергии", что ключом била в этом мире, пока в нем не обосновался Безобраз, перестраивая его под себя, под свое видение, под свою жизненную позицию.

Тонкая ниточка коснулась моих избитых останков, заинтересовалась, как любопытная змейка, полезла глубже и, все, попалась.

Я слышал шаги приближающегося Безобраза. Ему оставался такой пустяк — добить.

"Поймав" змейку, впитав ее в себя, прокрутил старый фортель — низкий поклон Анне, с ее "скоростью" и Лиззи Вамп, с ее пинками под мою пятую точку — растянул поток приблизительного времени.

Моего собственного, времени.

Отпустив тренированное сознание на поиски истока, занялся лечением, радуясь, что "конструкт" получился такой незаметный и эффективный.

Движения Безобраза, еще недавно такие страшные и неотвратимые, превратились в едва заметные и забавные, что не могло меня не порадовать.

Хотя, это просто эйфория и если от нее не избавиться сейчас, потом придется горько пожалеть.

Хрустнули кости, ребра приняли свою первоначальную форму.

"Пока, буду жить..." — Порадовался я за самого себя, чувствуя, как отступает боль.

Чем меньше боли, тем полнее анализ, быстрее — результаты.

Информация, золотой ключик ко всем дверям, сортировалась, раскладывалась по

полочкам, отбиралось самое важное, значимое и жизненно необходимое.

"Пока этот хмырь не чувствует, что я тут творю — я временно бессмертен"! — Вспомнил я фразу Зубова и улыбнулся.

Перебирая полученные данные, приходилось многое переосмысливать, упрощать, отбрасывать сложные схемы и планы, "накачивать" себя инвариантами поведения и различными матрицами будущего.

Почва подо мной чуть слышно зашуршала, а затем "расступилась", увлекая меня в свои темные глубины.

Мир дрогнул, и я приземлился в легкое плетеное кресло, в комнате, чьи стены окрашены в серебристый металлик алюминиевой пудры. Под ногами — паркетный пол, из красноватого дерева, на мой, чисто "горожанский" взгляд — лиственница, не иначе.

Слегка необычная, пустая комната: на самое границе сознания ощущается чьё-то присутствие.

Стена напротив меня поплыла жарким маревом, обнажая черное пятно экрана.

"Ага!" — Мысленно я довольно потер руки. — Сейчас-то и явится Некто, кто сможет объяснить, что все это означает, как все это остановить и выдаст мне..."

Экран, словно в ответ на мои мысли, нарисовал огненную спираль, следом — разноцветную мозаику калейдоскопа и издевательски взорвался, швырнув в лицо тучу осколков.

— Правильно. Не фиг, губы раскатывать! — Отвесил я самому себе подзатыльник, отфыркиваясь и шипя от боли в поцарапанном лице. — Ну, не любят меня боги, не любят! Так что, как всегда, придется самому...

Комната исчезла, явив до боли знакомый пейзаж.

Скалящийся Безобраз, уже отравивший руку, заносил над моей многострадальной головой, свой иззубренный эспадон.

И шквал пустой, серой и чистой, энергии.

Захлебываясь, словно неопытный купальщик, накрытый волной, оттолкнулся руками от почвы и встал.

Глубокий вздох и время вошло в свой четкий и привычный ритм, а я устремился навстречу своему противнику, чувствуя себя огненной волной, способной разнести в клочья любую преграду.

Краем уха, отдаленным сознанием, что всегда у меня включено на анализ, я ощущал, как огонь, вода, земля и воздух, все четыре стихии стонали у нас под ногами, рвались под ударами наших кулаков, лопались и крошились, от наших промахов.

Разноцветные, разновеликие молнии сыпались с бордово-красного неба, навстречу им горбилась земля, жадно глотая электричество и исторгая его из себя потоками, возвращая в небо.

"Вереницы, сонмы молитв, никогда не отмолят то, что мы творим, сейчас". — Вновь поймав Безобраза на потоке безвременья, я сделал шаг назад, стараясь запомнить все то, что здесь и сейчас происходит. — "Жаль только, что все это нельзя записать на видео и прокрутить перед детишками... Вот это было бы... Ого-го, какое видео!"

Пока тешил самолюбие и предавался мечтаниям, Безобраз, в сильно измятых доспехах, покрытых пятнами ржавчины, вырвался и вновь занес свой меч для удара. Дыхание его, тяжелое и неровное, выдавало неслабую усталость.

Но, даже при всей его усталости, мне приходилось весьма и весьма не сладко. Не

объявись эта волна сил, заинтересовавшаяся мной, этот старый дар, этот финт со временем — лежал бы я уже... Остывал. И потрескивал, хрустящей корочкой.

Снова и снова ныряя в разные полосы спроецированного мною времени, срывал защиту Безобраз, оставляя после себя то прах рассыпавшегося от старости металла, то огненные брызги — рождающегося.

— Ты все равно не сможешь меня победить! — Безобраз оттолкнул меня, разорвал дистанцию и замер, тяжело дыша. — Тебе этого не дано.

— Ну, я, по крайней мере, постараюсь... Очень, постараюсь! — Я смотрел в ежесекундно меняющиеся глаза противника и признавал его правоту.

— Бесполезно. — Безобраз улыбнулся тенью очередного лица и я вздрогнул.

То, что на меня сейчас смотрело...

Тихая ненависть, тщательно сдерживаемая, "забитая" на самое дно моего душевного чемодана, смогла вырваться на волю, застывая глаза кровавой пеленой.

— Кто ты? — Сжимая кулаки так, что ногти впивались в кожу, разрывая ее до крови, я уставился в ненавистное лицо. — Зачем?

— А-а-а-а... Поговорить захотелось? — Безобраз тяжело сел на землю, переводя дух.

Лицо пропало, нарисовав другую личину, и стало чуть легче.

Ярость сменилась любопытством.

— Ну, давай поговорим... — Брякнул, исчезая, доспех. — Только, вот ответь мне сперва на один вопрос. На твой дом напали. Ты будешь защищать дом или тех, кто в нем?

— "Верша справедливость". — Ответил я, неожиданно для самого себя и плюхнулся на пятую точку, напротив своего противника. — Дом? Людей в доме — да. А сам дом... Его всегда можно отстроить...

— Представь себе, на мгновение, что на тебя напал Твой собственный дом!

Я замер, пытаясь представить.

Не получилось.

— В просторечии, это называют "белочкой"! — Вырвалось у меня, едва мысли о нападающем доме приняли уже совсем не то направление. — Хотя... Я могу быть и не прав — мне не хватает воображения...

— Я защищаю свой дом. Свою душу. Свое право. — Безобраз откинулся на спину, вольно раскинув руки и нисколько не боясь, что я перейду в нападение. — Вот тебе и ответ, на все твои вопросы. Разом. Все было очень хорошо, пока не появились Вы! Вы начали изменять себя, а когда до изменялись до черт знает каких беспределов — начали изменять саму ткань реалий.

— погоди. — Я поднял руку, как ученик за первой партой, что выучил урок. — Или я в бреду, или...

Нет. Урок я не выучил, как не крути.

— Или. Вы молоды и проходите виток за витком, все ускоряясь. Но... Не можете оценить то, что у вас уже есть. Это похоже на горную реку, только у реки, в конце, океан. А у вас — пустыня... Пустыня после Вас и пустыня перед вами. — Безобраз, углубившись в разговор, стал реже менять маски, демонстрируя задумчивую неторопливость.

— Океан. Океан может быть разным. — Усмехнулся я. — Перед нами тоже океан, между прочим...

— Ты в этом так уверен? — Безобраз вновь сел и уставился на меня меняющими цвет и разрез, глазами. — Уверен в том, что вы его увидите? А, быть может, ты и тебе подобные,

набрав скорость, привыкнув к ней, смогут оценить покой? Взять и раствориться в океане? Принять его щедрые и таинственные глубины? Сейчас я вижу, что ты используешь энергию, которой я даже не чувствую. Но, что чувствуешь ты? Могу поспорить — отнюдь не покой.

Врал Безобраз, беззастенчиво и безбожно. Каждое его слово, сказанное сейчас, ложь от первого и до последнего символа — враньё.

Может быть, он и верил в сказанное, когда-то. Но не теперь.

И, да, именно сейчас я чувствовал покой.

— Кто ты? — Вновь повторил я свой вопрос, всматриваясь в текущий облик сидящего напротив меня, человека.

В том, что это человек — сомнений не было: человеческая логика, непоследовательность, построение фраз, сменяемые облики, пусть и причудливые, но, несомненно — человеческие.

— Я прошлое и будущее. Я — бессмертен! Расу, осколки которой вы будете находить в космосе, находить на своей планете, находить везде, где вы появитесь, ибо мы — первые! То, что Вы называете верой — наше бывшее знание, которое мы донесли да вас! И, теперь, я наказываю...

Я поднял обе руки, останавливая вольно льющийся поток.

— Так чем же мы провинились, что ты пытаешься нас наказать? Я, видят Звезды, пытаюсь тебя понять, но не получается. Хотя... Я уже встречался с такими, как ты. Сказанное тобой — бред и ахинея человека, обвиняющего окружающих в том, что его заставляют лечиться.

Безобраз поджал ноги и вздохнул:

Вернувшись в дом, где нет уж никого,

Просторы камня, пустоши морские,

Он, не простив предательство мое

Меня убил...

— Дом, наш дом, Сайд! Убили вы и вам подобные! Даже не убили... Вы поступили страшнее — вы свели его с ума. Пятнадцать лет назад. — Безобраз вновь тяжело вздохнул. — Мир встал на дыбы и стряхнул с себя капельки росы!

Впервые, его лицо замерло с выражением такой нечеловеческой скорби и боли, что, в другое время, я бы его и пожалел. Может быть.

Не будь у меня седых волос, после падения самолета, на котором должна была лететь Марша.

— Хватит. Я просто теряю время, беседуя с больным, безумным человеком. — Я криво усмехнулся. — Ничего нового ты мне не сказал. Так, спел песню о собственном предательстве... На твоей совести — жизни людей. А это — приговор.

Безобраз, в ответ на эти слова начал облачаться в доспех, новенький и блестящий.

Как и я, все это время он не только трепался, но и собирался силами, для нового боя.

— Стоп. — Выдохнул я, останавливая время.

Уже не свое, а именно это, время места-пространства в котором мы сейчас находились. — Могу тебя разочаровать и, к сожалению, смертельно... Ты не бессмертен. Ты — болен. Ты — Безумен. А безумец, облеченный правом дара — страшнее акулы.

Мой противник замер, пытаясь разорвать время, сорвать мою паутину, освободиться и нанести удар новеньким мечом, обычным "бастардом", пришедшим на смену пожеванному эспадону.

Ему нужен один удар.

— Не-а... — Покачал я головой, уже не радуясь собственному превосходству или тем дарам, что переполняли меня. — Не сейчас.

— Ты не сможешь меня убить. — Мысль Безобраза, в отличии от его тела, время преодолеть смогла. — Ты не выберешься отсюда. Ты даже не знаешь, где ты находишься!

Нимб над головой почти поблек, образы менялись, но уже не с той завораживающей быстротой, что в самом начале.

— Нет... Сегодня явно не твой день. — Я осторожно улыбнулся, ощупывая языком острые бугорки отрастающих зубов. — Мне все равно, где я нахожусь. И я спокойно уйду, а если захочу — вернусь обратно.

— Ты не знаешь тропинки над пропастью! — Мысленный голос Безобраза казался странно знакомым, словно мы встречались, только уже очень давно.

А может быть и встречались?

— Тропинки? Той, что ведет к пещере? Блин, пойми ты, болезный, не нужны мне твои тропы, пещеры и тяжкие переходы. В отличие от тебя — я здоров.

— Надо было убить тебя сразу, как только я понял, кто ты! — Выплюнул мне в лицо свои мысли, человек, который все больше и больше, казался мне знакомым.

— Привет из Голливуда! — Широко ухмыльнулся я. — Сколько пафоса и полное отсутствие стиля. Лишь искалеченное сознание рядового, да и не только рядового, человека.

— Ты меня не убьешь! — Безобраз разобрался с "паутиной" и расплылся в улыбке.

— Да. Я тебя не убью. — Со вздохом признал правоту своего противника, я. — Защит накрутил ты, совсем не зря... Только... Так беспокоясь за свою драгоценную жизнь, ты забыл о том, что в голове тоже много чего надо... Так что, в одном ты совершенно прав — следовало убить меня сразу, а не дарить целый мир и полгода времени, на раскачку... И, болтать со мной — тоже не следовало.

Я чувствовал, как нити "безвременья" начинают звучать как струны гитары, напоминая, что играть со временем совсем не просто. В висок принялись медленно впиваться тонкие иглы.

— Мы еще встретимся! — Пообещал мне Безобраз, расплываясь в улыбке.

— А вот это — вряд-ли. — Я сжал виски пальцами. — Физический вред я тебе причинить не смогу. Но... Ты сам себя прикончишь.

— Не дождешься!

— И снова — ты прав! — Боль в висках уже становилась непереносимой, но только так, через нее, я мог сделать то, что задумал. — Не вижу удовольствия наблюдать за суицидником. Я лишаю тебя дара, Миро!

— Это, какого дара ты меня лишаешь? — Миро, человек в моем городе известный своей уникальностью, рассмеялся, не обратив внимания на то, что его узнали. — Дара разума?

— Нет. — Не скрою правды, такие моменты я обожаю. — Дара Безумия.

Разбившийся нимб осветил вспышкой место нашего боя, выжигая все, до чего дотянулся.

Мир вокруг нас не выдержал, дрогнул и стал опадать стеклянным витражом, в который попал футбольный мяч удачливого мальчишки, промахнувшегося по воротам.

"Вот тебе и вывезли население..." — Скривился я, вспоминая прочитанное и молясь, чтобы все, наконец-то, закончилось.

Ледяной металл под лопатками, запах горелой проводки, озон и истошно воющая

сирена.

"Пора отсюда сваливать!" — Я перевернулся на живот, подтянул под себя руки-ноги и на четвереньках, как братья наши меньшие, поволокся в сторону двери шлюза. — "Там тепло. Там одежда. Сохнет..."

Тело, содрогаемое рвотой, ознобом, отчаянно просило дать ему передышки, просило сесть вот прямо тут, у стеночки, и спокойно подышать, закрыть глаза и может быть — вздремнуть. Минуток шестьсот. Или, хотя бы — сто...

Со стоном, уцепился руками за штурвал, подтянулся и уперевшись лбом в холодную дверь, принялся крутить железную ручку.

Стоило двери открыться, снова рухнул на холодный пол и уже колобком, вкатился в шлюз, растянувшись на решетчатом полу.

Потоки воды, для разнообразия, на этот раз — теплые, значительно подняли мне настроение.

Кожа горела, кровь утекала в канализацию, а я валялся и кайфовал.

Теперь было можно отправлять в этот город обычных людей, чтобы они разобрались во всех грехах.

Теперь уже не будет Безобразы — Миро, последнего представителя "Черного воинства", его идейного вдохновителя и самого мощного "мертвого", проигравшего свой "последний и решительный", обычному...

Мысли пришлось прятать, привычно и буднично, как и всегда, все эти годы и возможно, все оставшиеся.

— Нэт! Аша! Вытягивайте меня, студни мои дражайшие! — Взмолился я, надеясь, что меня услышат.

Ведь всегда в нашей жизни есть место чуду, правда?

Я встретил Маршу, а значит — чудо есть и в моей жизни!

Вторая дверь, автоклав, отработавший свою программу и чистенькое, даже теплое, белье.

Вот как тут не поверить в чудеса...

Натянув пострадавший в неравном бою с обваливающимися перекрытиями, камуфляж, привычно нацепил оружие и подхватил рюкзак.

Прислушался к своим ощущениям.

Вроде, терпимо. Конечно, не так идеально, как в мире Безобразы, где сил хватало на что угодно, но уже и не полумертвое тельце.

Как говорится: "Вечная слава горячей воде"! Даже пусть и с моющими веществами, призванными избавляться от частиц пыли, несущих радиацию.

— Ау, люди! — Я прислушался к своему голосу и от души выругался. Теперь, правда, шепотом. Хрипкое карканье, что вырывалось из моего горла, назвать голосом можно было лишь с великой натяжкой. А шепотом, нормально. Даже можно разобрать, что я сказал.

— Давайте, заразушки мои, ненаглядные... — Попросил я шепотом.

— Как? — Услышал я удивленный голос Аши, словно пробившийся через испорченный динамик.

— Как рыбу — удочкой! — Вера в чудеса, может творить чудеса. Особенно, если ты хорошо над этим поработаешь!

— Лови крючок! — Перед моим носом появилась тёмно-зелёная леска, с золотистым крючком, на котором извивался красный, жирный червяк.

— Ну, нельзя же понимать все так буквально! — Полу истерический смешок, вырвавшийся у меня, как напоминание о проведенных минутах? Часах? — Золотые, вы, детишки. Только ленивые!

— Кому не нравится — тот может и пешком идти! — Фыркнула Нэт, отвечая на мой выпад.

Коснувшись лески ладонью, отдернул руку — я, конечно, слабоумный, иногда, бываю... Но не настолько, чтобы хвататься за леску с крючком, голыми руками. Повертев головой, в поисках подходящего предмета, наткнулся глазами на кусок металлической трубы. Намотал леску на железяку и трижды дернул, проверяя надежность и заодно давая команду поднимать.

Леска натянулась, "запела" и потащила меня вверх, "продавливая" через перекрытия.

— Сдается мне, наш многоуважаемый препод хапнул грандиозную дозу! — Губы Нэт скривились в жалкое подобие улыбки, словно прощаясь.

Перевернувшись на спину, раскинул руки и от души прошелся по всем родственникам, богам и прочим животным.

— Всё. Это точно он. — Констатировала Аша непреложный факт и стряхнула с рук "конструкт", заготовленный "на всякий случай". — Помятый, пожеванный, рваный, но это точно — Сайд!

— А вы ждали золотую рыбку? — Я со стоном сперва сел, а потом и встал, с хрустом потягиваясь. — Простите, что грубо разочаровываю, но, так как я не золотая рыбка, то трех желаний не будет!

Нэт, все еще ожидавшая подвоха, вздохнула с облегчением.

— С возвращением, Сайд.

— Спасибо, спасительницы мои! — Я сделал вид, что пытаюсь их обнять и целую минуту гонялся за ними, разминаясь и приводя себя в порядок. — Все, милые мои студенточки! Официально объявляю, что цель нашей миссии выполнена и даже перевыполнена! Так что, собираемся и топаем отсюда, глаза бы мои все здесь больше не видели...

— Сайд, пятнадцать минут назад, реактор вошел в критический режим выдачи энергии, полностью выведя стержни. — Аша ткнула пальцем в сторону лежащих на упорах, стрелок. — Сейчас, как видишь, дела в лучшую сторону не меняются...

— Этого не может быть! — Взорвался я, ругаясь как последний сапожник.

Всех моих познаний, подчерпнутых за последние пару дней, катастрофически не хватало для того, чтобы совладать со взбесившимся реактором.

На мои простейшие действия, призванные заглушить реактор, пусть и отключая при этом всю защиту и купол, вместе взятые, был один очень нехороший ответ.

Тихий смешок существа, названного мной Безобразом.

— Девушки, милые... Вынужден признать — меня поймали. — Признался я через десять минут судорожных метаний и пыхтений. — Нагло и самым циничным образом. Судя по приборам, у нас есть чуть больше часа, чтобы свалить отсюда на полусогнутых.

— Так что — бежим? — Аша подхватила свой рюкзак и уставилась на входную дверь.

— Нет. — Нэт встала, загораживая собой дверь. — Сайд, ты можешь сказать, что сейчас и здесь произошло? Зачем ты полез вниз? Что ты там делал?

— Вовремя тебя, Нэт, дернуло задавать вопросы. — Поежилась я, мысленно раскладывая свои действия по полочкам и готовясь отвечать. — Ну да ладно. Начну я здесь, за сигаретой,

а остальное — по дороге.

Сделав затяжку "черепо-крестовой", откинулся на спинку.

— ... Наша вылазка должна была быть действительно обычной, чистой разведкой: пришел, понюхал и смылся. Поле пространства-времени надежно защищает внешний мир от влияний и побочных эффектов, происходящих в этом городе уже достаточно давно — с середины семидесятых, если уж быть точным. Первично, во всем обвинялись тогдашние испытания ядерного оружия. — Я докурил сигарету и привычно затер огонек каблуком. — Засыпанные ходы, взорванный вертолет, трупы и ощущение присутствия странной личности, с которой мы все уже встречались, на "чистой разведке" поставили крест. Пришлось импровизировать...

— Кто? — Аша уставилась на меня, вперив свои яркие глазищи, словно пытаюсь просверлить насквозь.

— Сапфирр! — Догадалась Нэт, опередив меня, решившего сделать интригующую паузу. — Ты с ним встретился?

Я кивнул.

— Ты его убил? — Аша подалась вперед, ожидая ответа.

— Нет. — Вздыхнул я. — И очень об этом сожалею, теперь...

— Но почему? — Аша осторожно села напротив меня.

— Не люблю я убивать. — Подмигнул я ей. — Искалечить, бросить подыхать, подставить под удар — можно. А убить — слишком больно. Ограничение дара — только самооборона. Так же, как ты — ограничиваешь себя в общении с противоположным полом, а Нэт — не может использовать в "конструктах" охлаждение.

— Сайд... Кто ты? По дару? — Нэт сжимала и разжимала кулаки, словно готовясь кинуться в драку.

— Считают, что я — "Хозяин" или "Координатор". — Я рассмеялся, впервые за этот день, представив, что же произойдет со всеми этими людьми, если они узнают, кто же я на самом деле...

— Считают?!

— Меньше знаешь — дольше живешь! — Отмахнулся я. — Пошли уже, отсюда... "Любопытные Варвары"!

Входная дверь, к которой я прикоснулся, с хрустом и скрежетом вырываемых стальных петель, отлетела к противоположной стене и вкипела в нее, светясь.

— Дверь не трогать — "горячая"! — Предупредил я следующих за мной, студентов. — Хрень, эти сигареты — не помогают, ни разу...

На первом этаже, подхватив опротивевший тубус себе на плечо, осмотрел свою поредевшую армию.

В черной прядях волос Нэт змеились серебристые нити, а складка, залегшая в уголках губ Аши, придавала ей совсем не детское выражение.

Завыла сирена, протяжно и неторопливо, предупреждая и без того мертвый город о его скорейшем и полном уничтожении.

Что-же, прощай город детства, не раз и не два предававший своих жителей. Теперь, ты сполна отхлебашь, за свое существование. Мне тебя не жаль, даже ни на миллиметр, даже ни на грамм.

Ты всегда был добр не к тем, кто этого заслуживал, ломая судьбы и отнимая мечты, надежды и любовь.

— Сдохни, тварь! — От всей души пожелал я этому городу того, что он готовил нам всем.

— Сайд! — Аша догнала меня и пошла рядом. — А что здесь будет? Когда реактор совсем пойдет в разнос и взорвется?

— Даже знать не желаю. — Признался я. — Мне будет достаточно знать, что этого города больше не будет. Пусть я и не совсем именно этого и хотел, когда шел сюда, но и это — совсем не плохо.

— А, как мы... Наружу попадем? — Наконец задала волнующий ее вопрос, Нэт.

Я закрыл глаза и провесил проход, в который мы, с разгону, и влетели.

— Это тоже вариант... — Нервный смешок Нэт, вывалившейся из прохода следом за мной и уставившейся на молочно-белые стены купола, был мне лучшей наградой. — И, что дальше?

— А дальше — всё! Дошли. — Я скинул с плеча уже порядком мне осточертевший тубус, натерший спину и оттянувший плечо.

Перед нами, на расстоянии пары десятков метров, стены купола вдруг начали переливаться всеми цветами радуги. Чистые, яркие цвета скользили по его поверхности. Смешивались, исчезали и вновь скользили навстречу друг другу, перетекали из оттенка в оттенок, притягивая взгляд, успокаивая, усыпляя и обещая тот самый покой, который мы ищем всю свою жизнь.

А кто-то, даже и находит.

Пока я распаковывал приبلуду, сляпанную нашими техниками, так, на всякий случай, "щоб було", Аша зачаровано приблизилась к куполу, протянула руку, коснулась играющей цветами, поверхности. Улыбнулась и прижалась к ней всем телом. Яркие краски облекли ее тело в переливы оттенков, оставляя нам лишь тающий силуэт.

У меня отвисла челюсть.

У Нэт — тоже.

Я догадывался, что вся моя затея будет не простой, а авантюра — на грани фола, но вот такого от них я не ожидал.

Установив на треногу грубое подобие видеокамеры с телеобъективом, направил на купол и от души потянулся, хрустя затекшими за пару минут, суставами.

— Как же так? — Нэт замерла рядом со мной, не пряча слез, вольно бегущих по щекам. — Ведь — все! И, так глупо...

— В жизни ничего не происходит просто так. — Я приобнял свою студентку, делясь с ней частицей своих сил и возвращая то, что брал на время. — Впереди еще много сюрпризов. Так что, держись, студентка... Не срами препода!

Отстранившись, я вернулся к "камере" и нажал на одну-единственную кнопку, одиноко красную и такую надежную.

— Нэт, иди сюда. Дай руку. — Потребовал я, становясь напротив объектива.

Из камеры вырвался ярко-зеленый шарик, коснулся нас и рывком раздулся, укрывая в своем чреве.

Еще и еще, вылетали шары, заплетая нас в плотный кокон, который оторвался от земли и полетел в сторону барьера. Прижался и время остановилось...

... Как же все обрыдло — суета вокруг никому не нужных звезд, вещающих с экрана, вокруг решений, принятых в другом государстве, величин, от которых ни жарко, ни холодно. Как был счастлив пещерный человек: успел — сыт. Не успел — вали спать голодным! На

свежем воздухе, под яркими звездами. Не отравленная вода. Здоровые дети. Пещера и каменное оружие. А еще — огонь...

... Где-то вдалеке жарко горит костерок, жадно глотая подношение от человека и разбрасывая вокруг искры. Компания бородатых туристов, утомленная дневными подвигами тихо треплется, решая, что делать завтра. Бренчит, расстроенная гитара...

Что мы хотим — у нас уже не спрашивают, даруя всем одно и тоже: миллионный город, снующие во тьме машины, с яркими светлячками фар. Воздух, убитый климатизатором и обогащенный бог знает чем. И холодные встречи и прощания — они точно будут. Злость и бесконечная дымка в воздухе...

— Шеф. Мы вышли. — Обрадовал я Людвигу, с улыбкой наблюдая за тем, как убирается из истории мерзкий город, породивший больше проблем, чем решивший, их. Ненависть одного к другому, предательство и вечный отравленный воздух.

Купол сжимался, вращаясь все быстрее и быстрее, оставляя после себя оспины человеческого присутствия: котлованы от бывших фундаментов, провалы на месте проходивших некогда здесь трубопроводов.

Купол стягивался, измельчал и сжимал все, что было рукотворного.

— Останется только время и природа. — Нэт села на камень рядом со мной и достала пачку обычных сигарет, протянула мне. — Уйдем мы, наши потомки, а время останется. И природа, надеюсь, тоже!

— Если мы не угробим ее первыми... — Скривился я, делая затяжку.

— А мы — угробим? — Нэт выдохнула струйку сизого дыма и протянула мне три синих кристалла. — У нас получилось. Самая экстремальная, из всех, что я могла себе представить, проверка теории. Ты доволен?

— Нет. — Мне захотелось вдруг оказаться очень далеко, чтобы больше никогда не отвечать на все вопросы, кроме, пожалуй, буду ли обедать...

Из хлопнувшего от перепада давлений прохода, выкатилась пропыленная красная "Нива" и замерла, в облаке степной пыли, тарахтя своим "тракторным" мотором.

— Кристаллы Якобу отдашь. — Я встал с насиженного камня, подмигнул растерянной Нэт и незаметно сунул ей в карман камуфляжа ручку, с зеленым колпачком. — А Шефу, скажешь, что я — увольняюсь, к чертовой матери!

Не знаю, на что рассчитывал Шеф, вручая мне свой раритет, нафаршированный "конструктами" разных рангов и мастей.

Одно небо знает. Но, цепочка Марши получилась вполне даже на уровне, если сравнивать.

Открыв дверь "Нивы", закинул рюкзак на заднее сидение, уже и без того почти заваленное под самый потолок.

— Сайд! — Нэт вскочила и замерла перед капотом машины. — Может, лучше в отпуск? К нам, в академию? Обратно?

Мелодичный смех моей рыжей ирландки, напомнил мне, что однажды решив — надо делать, а не переигрывать планы.

Усевшись в машину, помотал головой.

Пусть мое руководство продолжает ждать "хозяина", "координатора" и надеяться на мою совесть и терпение.

Пусть, сперва, мечтают. Потом — ищут.

Меня уже не переделать.

Я — аналитик.

Я — могу спрятаться в любом закутке.

Я тот, кто я есть!

Открыв очередной проход, откинул голову на подголовник, понимая, что у нас Маршей, впереди, долгий маршрут.

Лишь бы нам не мешали.

Красная "Нива" проскочила через автомойку и сменила цвет на затрапезно-белый, превращаясь в автомобиль, каких сотни тысяч, бегают по всему нашему "шарику".

— Значит, "Вор"? — Снова хихикнула Марша, останавливаясь на светофоре и разглядывая меня блестящими глазами сквозь темные стекла своих солнцезащитных, очков. — "Робин Гуд", значит?

— Поехали, жена! — Я достал свои очки, спрятанные в бардачке, и гордо натянул их на нос. — "Зеленей" не будет!

— Что-то мне не по глазам... — Одна из норн, перехватила у соседки глаз и принялась рассматривать пустое веретено, даже лизнула, и на зуб, попробовала, от удивления. — Это как?!

— Все Локи, баловник! — Подвела черту другая, подхватывая новую нить и начиная ее старательно наматывать на деревяшку. — Некому больше, человека от судьбы увести!

— Дай сюда! — Выхватила веретено третья. — Сейчас моя очередь!

Пока три старухи выясняли, чья же сейчас очередь, Тор и Вой уставились в след отъезжающей машине, рассматривая ее и так и эдак.

— Доволен? — Тор перекинул рыжую косу за спину. — Все, по-твоему, вышло!

— Да, ничего еще не вышло! — Вой, не сдержавшись, толкнул норну под локоть и глаз, вывалившийся из уже давно "разболтанной" глазницы, полетел в кипящий котел, в котором только что отражался белый автомобиль, стремительно оставляющий за собой череду играющих на свету, брызг воды.

— Ох, и интересная будет жизнь! — Пообещала норна и ожесточеннее заработала веретеном.

Боги переглянулись и мысленно согласились — жизнь и впрямь обещала быть интересной...

Больше книг на сайте — Knigolub.net